Боспорские исследования

Вып. XXXVIII

BOSPOROS STUDIES

Vol. XXXVIII

Керчь Симферополь
Kerch Simferopol
2019

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32
Б85

Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
и Центром археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»

Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 2 от 29.01.2019 г.)

Редакция:
Зинько В.Н., д.и.н., ответственный редактор
Зинько А.В., к.и.н., ответственный секретарь

Редакционная коллегия:
Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Виноградов Ю.А., д.и.н., проф., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
Зинько В.Н., заместитель главного редактора, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Масленников А.А., д.и.н., проф., Институт археологии РАН (Москва)
Молев Е.А., д.и.н., проф., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)
Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Цукерман К., д.и.н., проф., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж)

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Протокол № 3 от 03.10.2018 г.)

Боспорские исследования. Вып. XXXVIII / Отв. ред. В.Н. Зинько. –
Б 85 Керчь: Керченская городская типография, 2019. – 336 с.
ISBN 978-5-6041418-2-3

В XXXVIII выпуске «Боспорских исследований» представлены статьи и публикации российских и зарубежных исследователей, значительная часть из которых была заслушана на Международной научной конференции «XIX Боспорские чтения «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации» в мае 2018 г.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется древней историей и археологией Северного Причерноморья.

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3 (0)32

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»
При поддержке Благотворительного фонда «Артемида»

ISSN 2413-1938
ISBN 978-5-6041418-2-3

© Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2019
© Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2019
© Авторы, текст, 2019

С Т А Т Ь И

Ю.А. ВИНОГРАДОВ
IU.A. VINOGRADOV

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ БОСПОРА ДОРИМСКОЙ ЭПОХИ[1]
TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE ARISTOCRATIC CULTURE OF THE BOSPORUS OF THE PRE-ROMAN EPOCH

В последние годы интерес к изучению элиты, её роли в экономическом, политическом и культурном развитии различных обществ на различных хронологических срезах заметно усилился. В полной мере это относится к древности, в том числе и классической. Культура элиты Боспорского государства даёт великолепный материал для исследований в этом направлении. Вполне закономерно, что в 2016 г. в С-Петербурге был проведён Международный «круглый стол» по теме «Элита Боспора и боспорская элитарная культура», а в 2017 г. увидела свет коллективная монография «Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени», вышедшая в 34-м выпуске «Боспорских исследований». Обозначенная тема, однако, столь широка, сложна и многогранна, что сделанное далеко не исчерпывает всей проблемы.

Специфика нашей археологии, как известно, такова, что важнейшие материалы, на которые могут опереться специалисты при изучении элитарной культуры, происходят из погребальных памятников – знаменитых курганов Боспора Киммерийского. Несмотря на хрестоматийную известность многих из них (Куль-Оба, курган у села Баксы, некрополь Юз-Оба, комплексы Васюринской горы и т.д.), все эти памятники изучены довольно поверхностно, поскольку полная публикация материалов, полученных при их раскопках, всё ещё остаётся задачей на будущее. Тем не менее, в изучении боспорских курганов достигнуты определённые успехи – постоянно уточняется хронология памятников, вырабатываются подходы к их социально-исторической и этнической интерпретации. Ориентируясь на эти успехи, можно наметить основные тенденции в развитии боспорской элитарной культуры в доримскую эпоху.

Всем известно, что изучение культуры боспорской аристократии традиционно сводится к выявлению греческих и негреческих (варварских) элементов, которые можно выделить в погребальном обряде и сопровождающем инвентаре курганных памятников [см.: Fless, Lorenz, 2005; Виноградов, 2010б]. На этом пути имеются

[1] Публикация подготовлена в рамках программы фундаментальных научных исследований Российской Академии наук по теме государственной работы № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

безусловные достижения, но новое время требует, с одной стороны, более углублённого анализа всех имеющихся материалов, а с другой – их изучения на широком историческом фоне, т.е. в сопоставлении с курганными традициями не только других греческих государств, но и с подобными традициями варварских народов.

В этом отношении следует сделать одну оговорку. Культура элиты любого общества является очень сложным и многогранным феноменом. Правящий слой состоит из различных группировок, отношения между которыми часто отличаются крайней враждебностью. Вместе с тем все они составляют чётко определённое культурное и социально-психологическое единство. «Чужаки», конечно, могли проникать в этот слой, но далеко не все и совсем не всегда [Виноградов, 2017б, с. 13-14]. Если в среду греческой в своей основе боспорской элиты включались выходцы из среды аристократии варварских племён (и только из неё, т.е. только из аристократии!), то для этого должны были иметься особые причины.

Современное состояние источниковой базы позволяет считать, что греки-колонисты не принесли на берега Боспора Киммерийского какого-либо типа монументальной гробницы, которая могла бы символизировать особое положение колониальной аристократии [Савостина, 2014, с. 18; 2015, с. 284 – 285; Вахтина, 2017, с. 30–34; Виноградов, 2017а, с. 69–70]. Сугубо теоретически, конечно, можно допустить, что здесь существовали особо почитаемые могилы ойкистов, которые изначально или со временем получили монументальное оформление, но такие памятники пока нигде не зафиксированы.

Ранние боспорские гробницы, как известно, чрезвычайно скромны. Таковыми являются захоронения в ранних курганах Пантикапея, обнаруженные А.А. Бобринским. Вообще же этот некрополь, как принято считать, начал формироваться только в первой половине V в. до н.э. [Цветаева, 1957, с. 232]. Наиболее любопытное погребение этого времени было открыто в 1891 г. [ОАК, 1891, с. 26–32; Виноградов, 2012а, с. 260–261; 2017а, с. 70; Вахтина, 2017, с. 66–68], его следует датировать в пределах второй половины V в. до н.э. [Вахтина, 2017, с. 67]. На общем, весьма скромном фоне богатым (элитарным) комплексом можно признать даже такую конструкцию, которую открыл под Керчью Поль Дюбрюкс [Бич, 1959, с. 304; Дюбрюкс, 2010а, с. 125; 2010б, с. 78, рис. 182; Вахтина, 2017, с. 70; Виноградов, 2017а, с. 71–73]. Центром конструкции была краснофигурная гидрия с остатками кремации, вокруг которой были установлены 13 остродонных амфор, повёрнутых вверх дном. Амфоры, вероятнее всего, относились к типу хиосских позднепухлогорлых, т.е. этот погребальный комплекс нельзя датировать ранее третьей четверти V в. до н.э. Все эти памятники, в общем, можно признать вполне греческими.

Любопытно, что в это же самое время, т.е. приблизительно к середине V в. до н.э. в некрополях боспорских городов появляются по-настоящему элитарные погребения, но в них проявляются черты совсем другой традиции. Имеются в виду некоторые из Нимфейских курганов [Силантьева, 1959; Артамонов, 1966, с. 34–35], Ак-Бурунская

гробница 1864 г. [Яковенко, 1970; 1974, с. 67; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 27–36] и др. Их чаще всего считают погребениями варварской знати, что имеет свой резон, поскольку эти погребальные комплексы содержат оружие, предметы, оформленные в скифском зверином стиле, имеются и захоронения коней. По существу же, эти погребальные памятники являются обычными грунтовыми могилами (пусть большими по размерам в сравнении с обычными), перекрытыми каменными плитами или деревянными плахами и содержащими сравнительно богатый набор инвентаря. Если даже придерживаться альтернативной точки зрения по вопросу об этнической принадлежности этих погребений, то приходится признать, что «образцом» для такого нововведения в немалой степени стали могилы вождей варварских племён Северного Причерноморья.

Однако в материалах ранних боспорских элитарных гробниц этого времени имеется ещё одна любопытная особенность – появляются немногочисленные предметы, несущие ахеменидскую символику. В этом отношении показателен перстень с печатью, найденный в одной из нимфейских гробниц [Силантьева, 1959, с. 56, рис. 24,*2*], которую можно датировать серединой V в. до н.э. [Силантьева, 1959, с. 71, 105]. На одной его стороне представлена корова с телёнком, а на оборотной изображён крылатый солнечный диск. На эту находку следует обратить особое внимание, поскольку в дальнейшем число подобных предметов в боспорских погребениях будет увеличиваться[2].

Новый этап в развитии элитарной культуры Боспора наступил с созданием государства Спартокидов, скорее всего, ведущих своё происхождение из Фракии. С рубежа V–IV вв. до н.э. на Боспоре получают распространение монументальные каменные склепы с уступчатым перекрытием. Их генетическая связь с фракийскими прототипами в высшей степени вероятна [Кауфман, 1947; Гайдукевич, 1949, с. 265–266; 1981, с. 50 сл.; Виноградов, 2017в, с. 127–128; Gajdukevič, 1971, S. 271, 282–283; Tsetskhladze, 1998, p. 55; см. также: Савостина, 1986].

Курганы боспорской аристократии IV в. до н.э. являются удивительным культурным феноменом. Происходящие из них материалы позволяют без труда понять, что главные векторы политических, экономических и культурных связей вели в это время, с одной стороны, в Аттику, а с другой – в Скифию. Богатство кургана, конечно, не является признаком того, что погребённый в нём человек происходил из варварской среды. Прекрасным подтверждением того является женское, вероятнее всего, жреческое погребение, открытое во Втором Павловском кургане [Артамонов, 1966, с. 67; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 19–32].

[2] В этом отношении огромное значение имеет обломок древнеперсидской надписи с упоминанием имени царя Дария, недавно обнаруженный в Фанагории [Кузнецов, Никитин, 2018]. Некоторые исследователи интерпретируют ее как свидетельство подчинения Боспора Персидской державе [Кузнецов, 2018; Tsetskhladze, 2018], чего, конечно, нельзя исключать, но возможны и иные объяснения этого факта [Балахванцев, 2018]. Имеющиеся материалы при этом позволяют считать, что контакты между Персией и Боспором осуществлялись на очень высоком уровне.

Варварские элементы имеются в других памятниках IV в. до н.э. – кургане у села Баксы [Виноградов, 2014в; 2014г; 2017в, с. 148–153], кургане на землях Мирзы Кекуватского [Виноградов, 2012б], разумеется, в знаменитой Куль-Обе [Ростовцев, 1925, с. 376–388; Артамонов, 1966, с. 62–66; Дюбрюкс, 2010, с. 167–222; Виноградов 2010а], а также некоторых других [Виноградов, 2017в, с. 160–176].

Выдающимся памятником времени расцвета Боспорского царства в IV в. до н.э. является курганный *некрополь Юз-Оба* [см.: Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012; Виноградов, 2013; 2016; Бутягин, Виноградов, 2014]. Все эти курганы в основном были раскопаны во второй половине XIX в. Полученные тогда материалы рельефно характеризуют своеобразие элитарной культуры Боспора этого «золотого» века. Особого внимания заслуживает *Острый (Десятый) курган* Юз-Обы, в котором, вероятнее всего, был погребён царь Левкон I [Виноградов, 2014б, с. 501–502; 2014г; 2017в, с. 153–156]. Несмотря на ограбление, этот памятник демонстрирует удивительное смешение культурных импульсов, исходивших из самых различных центров. Нет сомнения, что его возвели греческие архитекторы, но они не соорудили здесь обычного склепа с уступчатым перекрытием, а выбрали катакомбу скифского типа. Курганная насыпь была окружена восьмиугольной крепидой, в структуру которой, по всей видимости, с четырёх сторон (восточной, северной, западной и южной) были включены лестницы. Этот элемент погребальной архитектуры, возможно, пришёл на Боспор из Фракии. Обозначенные элементы, как представляется, очень наглядно демонстрируют культурные приоритеты боспорской элиты.

Наряду с этим имеются основания считать, что, по крайней мере, часть боспорской аристократии с большой симпатией относилась к Персии. Об этом прежде всего позволяют судить некоторые предметы из упомянутого выше кургана, раскопанного у *села Баксы*, который, возможно, принадлежал боспорскому царю Сатиру I [Виноградов, 2014г; 2017в, с. 148–153]. Большой саркофаг, обломки которого обнаружены в склепе, был украшен дощечкой с резным изображением крылатого солнечного диска, т.е. знака прочно вошедшего в политическую и идеологическую символику Персии [Виноградов, 2014в, с. 513]. В саркофаге были обнаружены меч с рукоятью, украшенной золотом, несколько золотых бляшек и два деревянных посоха. Рукояти этих посохов были оформлены зооморфными изображениями, на одной из которых можно видеть собаку.

В середине прошлого века, когда рядом с курганом были произведены археологические обследования, здесь были найдены любопытнейшие золотые бляшки. Часть из них была оформлена в виде розеток, а часть – в виде львиных голов. Последние, без сомнения, были оформлены в персидской традиции. В.И. Пругло посчитала, что они изготовлены персидским мастером, трудившимся на Боспоре [Пругло, 1963, с. 77–78], с чем в полной мере согласился В.Ф. Гайдукевич [Gajdukevič, 1971, S. 141, Abb. 25]. А вот М.Ю. Трейстер настаивает на персидском происхождении этих бляшек, относя их к произведениям «дворцового стиля», т.е. к продукции «одной из центральных мастерских Ахеменидского государства» [Трейстер, 2013, с. 350].

О симпатиях боспорской элиты к персидской культуре могут свидетельствовать также довольно многочисленные на Боспоре находки ахеменидских цилиндрических печатей [Трейстер, 2011, с. 119; 2013, с. 356; Виноградов, 2017б, с. 9; Treister, 2010, p. 251–256]. Ни в одном из других греческих государств Северного Причерноморья подобного явления не наблюдается. По заключению М.Ю. Трейстера, концентрация находок печатей на Боспоре подтверждает высокую интенсивность связей Персии с этим государством и вообще кочевым миром Евразии [Трейстер, 2017, с. 111].

Стоит обратить внимание на ещё один хорошо известный предмет, найденный в одном из боспорских курганов, – большой лекиф афинского мастера Ксенофанта, который датируется приблизительно 380 г. до н.э. [Передольская, 1945; Виноградов, 2006а; 2007]. На этом сосуде, как известно, изображена сцена некой фантастической охоты. Есть веские основания считать, что это сцена охоты героев (усопших и воскресших героев!) в загробном парадисе. Кто же эти герои? Имена некоторых из них обозначены на сосуде. Главный персонаж, мчащийся на колеснице, – персидский сатрап Аброком, скончавшийся, как можно полагать, как раз около 380 г. (время изготовления сосуда). Имеются здесь и два персидских царя – Кир (явно Кир Великий) и Дарий (он на коне). Если поставить вопрос, где два царя могли встретиться, то ответ может быть однозначным: конечно, только в загробном царстве. Представлены также два знатных перса (Атрам и Сейсам), погибшие в битве при Саламине в 480 г., о чём поведал Эсхил в трагедии «Персы» (Arsch. Pers. 318, 322). В композиции представлены два рогатых грифона – львино- и орлиноголовый. Таких часто называют боспорскими, поскольку их можно видеть на боспорских золотых монетах IV в. до н.э. [Зограф, 1951, с. 171 сл.; Шелов, 1956, с. 91 сл., Фролова, 2002], и, в общем, вряд ли могут быть сомнения в том, что сосуд был изготовлен для боспорского заказчика.

Есть ли на лекифе изображения эллинов? Есть, но они находятся на далёкой периферии орнаментальной композиции сосуда и изображены не в рельефной (прогрессивной!) технике, а в краснофигурной. Это два Аргонавта – Клитий и Эвриал [Виноградов, 2006а, с. 138–139, 152; 2007, с. 28, 44–45]. Стоит обратить внимание, что все названы парами – два царя, два героя-перса, два Аргонавта, только сатрап Аброком один, но иначе и быть не может, поскольку он только что вступил в сообщество героев.

Симпатии к державе Ахеменидов на Боспоре, как можно видеть, были весьма сильными, что не мешало боспорским правителям поддерживать дружеские связи с греческим миром и, в первую очередь, с демократическими Афинами. Обвинений в «персофильстве» здесь явно не боялись! Дж. Бордман напрасно считает, что персидское влияние на культуру греков сохранилось только в Македонии [Boardman, 2011, p. 199]. На мой взгляд, на Боспоре оно гораздо более очевидно.

Ахеменидские влияния, как не трудно предположить, должно было исчезнуть после падения Персидской державы под ударами войск Александра Великого. Но здесь имеются некоторые сложности, связанные скорей с «ностальгией» по

сошедшей с политической арены великой державе, о чём будет сказано чуть ниже. Сейчас же следует подчеркнуть, что начало эпохи эллинизма на Боспоре было ознаменовано чрезвычайно показательными новыми веяниями в культуре элиты. В последней трети IV в. до н.э., как показал датский исследователь Х.С. Робертс, так называемая греко-скифская торевтика Северного Причерноморья демонстрирует много общего с художественной традицией Македонии, в особенности в структуре орнаментальных фризов [Roberts, 2009]. Это сходство действительно существует, что даёт основание считать, что мастера-торевты из Македонии трудились на Боспоре [Roberts, 2009, p. 198; Бутягин, Виноградов, 2014, с. 78]. Вскоре, как известно, в элитарных гробницах Боспора появились монеты Александра Македонского [Зограф, 1945]. Авторитет этой фигуры, конечно, был очень высок во всём античном мире, да и у соседних с ним варваров.

Важнейшим событием в истории Северного Причерноморья стало падение Великой Скифии, которая, как считается, не пережила рубежа IV–III вв. до н.э. [см.: Виноградов, Марченко, Рогов, 1997; Алексеев, 2003, с. 251, 277]. Самым показательным памятником этого времени на Боспоре является погребение с золотым «шлемом», открытое на мысе Ак-Бурун в 1875 г. [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 53–110; Виноградов, 2015–2016, с. 91; 2017а, с. 88–90; 2017в, с. 176–182]. В нём нет предметов, которые можно было бы связать со скифской культурой, но имеются материалы, указывающие на связи похороненного здесь вождя с меото-сарматским миром Прикубанья. В дальнейшем именно эти связи будут доминировать в варварской составляющей боспорской элитарной культуры.

Начиная с кургана Ак-Бурун (1875 г.) в материалах аристократических погребений появляются золотые бляшки с изображением звезды, чрезвычайно близкой звезде Аргеадов, являвшейся главным символом власти царей Македонии [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 77–78, кат. 33]. Они встречаются на Боспоре вплоть до позднего эллинизма – в Зеленском кургане, в одном из комплексов Васюринской горы, кремации Анапского кургана 1881 г., Ахтанизовском кладе [Виноградов, 2017в, с. 181, прим. 27]. Эти звёзды обычно считаются ахеменидскими, что, как представляется, не даёт основания для их адекватного понимания в культурно-историческом контексте того времени.

В подтверждение именно такого понимания можно привести серебряный фалар, найденный в Керчи [Алексинский, 2013, с. 34, фото внизу]. На нём изображена типичная звезда Аргеадов. По этому поводу отмечу один факт, на который исследователи почти не обращают внимания. Ряд древних авторов сообщает, что Александр перед Индийским походом или даже ранее приказал своему войску посеребрить бляхи конской сбруи (Diod. XVII. 57; Curt. VIII. 9; Just. XII. 7.4). Не случайно, на мой взгляд, целая серия ранних сарматских фаларов изготовлена именно из серебра [Виноградов, 2006б, с. 208–209].

Ещё раз следует обратить внимание на то, что Ак-Бурунский комплекс (1875 г.) является самым поздним погребением представителя варварской аристократии на

Европейском Боспоре. После него курганы такого рода здесь больше вообще не насыпались. На азиатской стороне они, как это ни странно, хорошо известны. В подтверждение чего приведу хрестоматийно известные находки из Буеровой могилы [см.: Виноградов, 2017в, с. 214–215][3], Васюринских курганов [Ростовцев, 1913–14, с. 30–43; Власова, 2004а; 2004б; 2010, с. 234–245; Виноградов, 2017в, с. 213–214] и Мерджан [Виноградов, 1998; 2017в, с. 215]. Сарматский колорит этих комплексов, на мой взгляд, вполне очевиден.

Возвращаясь к македонским влияниям, следует особо подчеркнуть, что культура македонской элиты стала в это время мощным аттрактором для всего эллинского мира. Не удивительно, что культурные импульсы, исходящие из Македонии, как уже частично было сказано выше, очень быстро проявились на берегах Боспора Киммерийского, утвердившись здесь на долгое время.

Одним из проявлений этого влияния, как представляется, стало распространение склепов «македонского» типа, начавшееся в III в. до н.э. [Виноградов, 2014а; 2015–2016, с. 97; 2017а, с. 90–92; 2017в, с. 182–196]. Для них характерно деление погребальной камеры на две неравные части (встречаются и однокамерные склепы), а также арочное перекрытие. Стоит отметить, что лучшие образцы склепов этого типа сосредоточены на азиатской стороне Боспора: комплексы Васюринской горы, Артюховского кургана и др. [Виноградов, 2017а, с. 90–92; 2017в, с. 194–195].

На Боспоре, надо признать, конструкция «македонских» склепов была адаптирована к местным условиям. В отличие от гробниц Македонии, прежде всего знаменитой гробницы Филиппа в Вергине [Andronikos, 1984], здесь отсутствует нарядное оформление фасада, не получили распространения и двери. Вход в склеп по-прежнему закрывался каменной плитой. Боспорские архитекторы не отказались и от дромоса, превратившегося в лестницу, ведущую вниз к погребальной камере.

Выше было сказано, что самые яркие гробницы, оформленные в новом стиле, сосредоточены на азиатской стороне Боспора, и это любопытнейшее явление требует своего объяснения. Всё-таки трудно понять, почему некрополь Пантикапея, пышность которого в IV в. до н.э. феноменальна, в III–II вв. до н.э. выглядит весьма скромно, тогда как погребальные памятники элиты Азиатского Боспора (отнюдь не только склепы «македонского» типа) сохранили свою монументальность и богатство инвентаря. Наиболее показательный склеп «македонского» типа, расположенный поблизости от столицы государства, был открыт Ф.И. Гроссом в 1885 г. в окрестностях Мирмекия [Виноградов, 2014е; 2017в, с. 193–194]. По сохранившимся рисункам этой гробницы можно предполагать, что архитектор, строивший эту гробницу, сделал попытку украсить вход, сделать его более монументальным, более схожим с памятниками Македонии. Но это единственная и, конечно, не очень удачная попытка такого рода.

---

[3] Доследование Боюр-Горы (Буеровой могилы), произведённое в недавнее время, не дали особо ценных находок, но несколько расширили наши знания об этом погребальном комплексе [Ворошилов, Ворошилова, Жуковский, Кузнецов, 2016; Кузнецов, Ворошилов, Жуковский, 2016].

Несмотря на все эти особенности, вряд ли могут возникать сомнения, что идея склепа «македонского» типа пришла на Боспор из Македонии, возможно, через Фракию, где такие гробницы весьма многочисленны [Виноградов, 2017в, с. 185].

В III в. до н.э. на Боспоре фиксируется ещё одно любопытное явление – появление перстней «птолемеевского типа», которые в особенно большом количестве сконцентрированы именно на берегах Керченского пролива [Неверов, 1974; 1976, с. 167–176; Трейстер, 1982; 1985; Литвиненко, 1991, с. 14–16; Финогенова, 2001]. Эти артефакты могут свидетельствовать только об одном – особом значении для аристократии Боспора связей с Птолемеевским Египтом. Можно считать, что в этой среде перстни с такой символикой считались очень престижными и, как представляется, бережно хранились в семье, передаваясь по наследству [Виноградов, 2017б, с. 9]. В более позднее время так же, по всей видимости, оценивались перстни с изображением Митридата VI Евпатора [Неверов, 1976, с. 176–177].

В высшей степени любопытно, что перстни с персидской и близкой ей символикой продолжали существовать на Боспоре и в III в. до н.э. В частности, они происходят из гробниц, открытых около Карантинного шоссе под Керчью [см.: Дюбрюкс, 2010б, с. 284, рис. 678–679; 285, рис. 689; 299, рис. 727; 302, рис. 739]. Наличие таких вещей в сравнительно поздних комплексах, конечно, даёт простор для самых разнообразных интерпретаций, но вполне очевидно при этом, что перстни, связанные с давно ушедшей эпохой, оценивались боспорской элитой, по крайней мере её частью, как очень престижные. Демонстрация связи с той эпохой, с той культурой почему-то представлялась очень важной.

Обращаясь к более позднему времени, необходимо обратить внимание, что среди погребальных памятников боспорской элиты второй половины I в. до н.э. принципиально важным является погребение, открытое на мысе Ак-Бурун в 1874 г. [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 37–52; Виноградов, 2015–2016, с. 91, 93–94, рис. 12; 2017г, с. 281–286]. В составе драгоценных предметов этого комплекса имеется золотая фибула типа «Алезия» [Бутягин, Виноградов, 2014, с. 43–44, кат. 20], может быть, её надо считать «авциссой», но это дело специалистов. В любом случае она является великолепным показателем начала римского влияния на культуру элиты Боспора. По существу, этот памятник открывает новую эру в истории боспорской аристократии.

В заключение необходимо сказать, что культура элиты Боспора VI–I вв. до н.э. демонстрирует интереснейший путь развития. Она весьма специфична, и её отличие от культуры элиты других античных центров Северного Причерноморья вполне очевидно. Прежде всего, в ней нашли отражение культурные импульсы, исходящие из эллинских центров Средиземноморья, в IV в. до н.э. особенно сильным было влияние Аттики, позднее – Македонии и даже Птолемеевского Египта. Важное значение имели также элементы культурного влияния, проникавшие на Боспор со стороны варварских государств – Фракии и Персии. Наконец, необходимо сказать о влиянии аристократической культуры (правильнее сказать, культур) местных племён Северного Причерноморья – скифов, меотов, сарматов. Культура элиты Боспора, как

это следует из изложенного, имела свои устойчивые приоритеты, но при этом она была многослойной, открытой для внешних влияний, изменчивой. Всё это в конечном итоге можно обозначить как одно из выдающихся явлений в мировом культурном наследии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб, 2003. 416 с.

Алексинский Д.А. Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа. СПб, 2013. 119 с.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага – Ленинград, 1966. 120 с.

Балахванцев А.С. Боспор и Ахемениды // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб, 2018. С. 61–65.

Бич О.И. Первые раскопки некрополя Пантикапея // Некрополи боспорских городов. МИА. № 69. 1959. С. 296–321.

Бутягин А.М., Виноградов Ю.А. Курганы на мысе Ак-Бурун // Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Боспорские исследования. Suppl. 13. Симферополь – Керчь, 2014. 183 с.

Вахтина М.Ю. Боспорская элита до эпохи Спартокидов // Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. БИ. Вып. 34. 2017. С. 25–111.

Виноградов Ю.А. О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // Таманская старина. Вып. 1. СПб, 1998. С. 62–68.

Виноградов Ю.А. О смысле изображений на большом лекифе Ксенофанта // БИ. Вып. 13. 2006. С. 134–161.

Виноградов Ю.А. Ещё раз о дате Федуловского клада // In situ: К 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб, 2006. С. 207–227.

Виноградов Ю.А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб, 2007. 64 с.

Виноградов Ю.А. Курган Куль-Оба // Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. I. СПб, 2010. С. 420–425.

Виноградов Ю.А. Курганный некрополь Пантикапея доримского времени // Там же. С. 526–532.

Виноградов Ю.А. Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859 – 1917). БИ. Вып. 27. 2012. 364 с.

Виноградов Ю.А. Курган Мирзы Кекуватского // ДБ. Вып. 16. 2012. С. 39–50.

Виноградов Ю.А. Об изучении курганного некрополя Юз-Оба под Керчью // Фидития. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб, 2013. С. 39–51.

Виноградов Ю.А. О склепах «македонского» типа на Боспоре // БИ. Вып. 30. 2014. С. 171–189.

Виноградов Ю.А. 2014б. Цари Боспора и боспорские курганы // Там же. С. 497–509.

Виноградов Ю.А. 2014в. Курган у села Баксы в Восточном Крыму // Там же. С. 510–528.

Виноградов Ю.А. 2014г. Ещё раз о кургане у села Баксы в Восточном Крыму // Там же. С. 529–534.

Виноградов Ю.А. 2014д. Острый или Десятый курган некрополя Юз-Оба // Там же. С. 535–552.

Виноградов Ю.А. Об одной гробнице, открытой во время раскопок Ф.И. Гросса под Керчью в 1885 г. // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы «Круглого стола», посвящённого 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). СПб, 2014. С. 24–32.

Виноградов Ю.А. Юз-Оба – некрополь боспорской знати. Культура и хронология // Российский археологический ежегодник. № 5–6. 2015–2016. С. 79–99.

Виноградов Ю.А. Курганный некрополь Пантикапея // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. СПб, 2017. С. 67–110.

Виноградов Ю.А. Об элите Боспора и не только // Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. БИ. Вып. 34. 2017. С. 3–24.

Виноградов Ю.А. 2017в. Культура боспорской элиты при Спартокидах // Там же. С. 112–223.

Виноградов Ю.А. 2017г. Элита Боспора в митридатовское и постмитридатовское время // Там же. С. 261–287.

Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография. – Симферополь-Керчь, 2012. 286 с.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Сарматы и гибель Великой Скифии // ВДИ. 1997. № 3. С. 93–103.

Власова Е.В. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. К шестидесятилетию М.Б. Пиотровского. СПб, 2004. С. 158–174.

Власова Е.В. Курганы Васюринской горы // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. СПб, 2004. С. 275–287.

Власова Е.В. 2010. Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. Т. III. М., 2010. С. 199–262.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М., Жуковский М.О., Кузнецов В.Д. Курган Боюр-Гора (Буерова могила) – усыпальница элиты столицы Азиатского Боспора // Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы Международного «круглого стола». СПб, 2016. С. 147–164.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949. 622 с.

Гайдукевич В.Ф. Боспорские погребальные склепы V–IV вв. до н.э. с уступчатым перекрытием // Гайдукевич В.Ф. Боспорские города. Л., 1981. С. 6–54.

Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. I. Тексты. СПб, 2010. 726 с.

Дюбрюкс П. Собрание сочинений. Т. II. Иллюстрации. СПб, 2010. 310 с.

Зограф А.Н. Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок // ТОАМ. Т. I. 1945. С. 35–99.

Зограф А.Н. Античные монеты. МИА. № 16. 1951. 262 с.

Кауфман С.А. Об уступчатых склепах Боспора // Сообщения Института истории и теории архитектуры. Вып. 6. 1947. С. 1–32.

Кузнецов В.Д. Боспор Киммерийский в V в. до н.э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 6, вып. 3. М., 2018. С. 160–185.

Кузнецов В.Д., Ворошилов А.Н., Жуковский М.О. Курган Боюр-Гора (предварительные итоги) // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 4, вып. 2. М., 2016. С. 279–324.

Кузнецов В.Д., Никитин А.Б. Древнеперсидская надпись из Фанагории // Фанагории. Т. 6, вып. 3. М., 2018. С. 154–159.

Литвиненко Ю.Н. Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н.э. // ВДИ. 1991. № 1. С. 12–26.

Неверов О.Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. 1974. № 1. С. 106–115.

Неверов О.Я. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // ТГЭ. Т. XVII. 1976. С. 166–182.

Передольская А.А. Вазы Ксенофанта // ТОАМ. Т. I. 1945. С. 47–67.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб, 1913–14. 537 с.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. (Л.), 1925. 621 с.

Савостина Е.А. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. 1986. № 2. С. 84–99.

Савостина Е.А. О боспорской традиции возведения монументальных гробниц: развитие идей // Погребальная культура Боспорского царства. СПб, 2014. С. 18–23.

Савостина Е.А. Гробницы в историческом ландшафте Боспора: особенности архитектуры и расположения в пространстве // БЧ. XVI. Географическая среда и социум. Керчь, 2015. С. 284–290.

Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов. МИА. № 69. 1959. С. 5–107.

Трейстер М.Ю. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3. С. 67–76.

Трейстер М.Ю. Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 126–139.

Трейстер М.Ю. Ахеменидские «импорты» на Боспоре Киммерийском. Анализ и интерпретация // БФ: население, языки, контакты. СПб, 2011. С. 113–121.

Трейстер М.Ю. Золотые бляшки ахеменидского стиля из кургана Баксы в Восточном Крыму // ДБ. 17. 2013. С. 345–360.

Трейстер М.Ю. Ахеменидские «импорты» на территории к северу от границ Ахеменидской державы // IRANICA: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э. Казань, 2017. С. 103–126.

Финогенова С.И. Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина // ВДИ. 2001. № 2. С. 164–167.

Фролова Н.А. Каталог золотых статеров Пантикапея IV в. до н.э. // ДБ. Т. 5. 2002. С. 286–302.

Цветаева Г.А. Курганный некрополь Пантикапея // Пантикапей. МИА. № 56. 1957. С. 227–250.

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н.э. М., 1956. 222 с.

Яковенко Э.В. Уздечный набор V в. до н.э. из Восточного Крыма // КСИА. Вып. 124. 1970. С. 54–60.

Яковенко Э.В. Сікфи Східного Криму в V–III ст. до н.э. Київ, 1974. 148 с.

Andronicos M. Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City. Athens, 1984. 244 p.

Boardman J. Persia in Europe // The Black Sea, Greece, Anatolia and Europe in the First Millennium BC. Peeters, 2011. P. 195–201.

Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971. 604 S.

Roberts H.S. Macedonian craftsmanship in Crimean tombs from late IV century BC to early III century BC // Proceedings of the Danish Institute at Athens. VI. 2009. P. 189–200.

Treister M. "Achaemenid' and "Achaemenid –inspired" Goldware and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire Persia // Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers. PSS. 11. Aarhus, 2010. P. 223–279.

Tsetskhladze G.R. Who built the Scythian and Thracian royal and élite tombs // Oxford Journal of Archaeology. Vol. 17. No. 1. 1998. P. 55–92.

Tsetskhladze G. R. 'The most marvelous of all seas': the great king and the Cimmerian Bosporus // ΕΥΔΑΙΜΩΝ. Studies in honor of Jan Bouzek. Opera Facultatis philosophicae Carolinae Pragensis. Vol. XVIII. Prague, 2018. P. 475–483.

REFERENCES

Alekseev A.Iu. *Chronografiia Evropeiskoi Skifii VII–IV vv. do n.e.* St. Petersburg, 2003. 416 p.

Aleksinskii D.A. *Antichnoe vooruzhenie v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha.* St. Petersburg, 2013. 119 p.

Andronicos M. *Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City.* Athens, 1984. 244 p.

Artamonov M.I. Sokrovischa skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha. Praga – Leningrad, 1966.

Balakhvantsev A.S. Bospor i Akhemenidy. *Bosporskii fenomen. Obschee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve anticnogo mira.* St. Petersburg, 2018, pp. 61–65.

Bich O.I. Pervye raskopki nekropolia Pantikapeia. *Nekropoli bosporskikh gorodov. Materialy i isslrdobaniia po arkheologii SSSR,* 1969. T. 69, pp. 296–321.

Boardman J. Persia in Europe. *The Black Sea, Greece, Anatolia and Europe in the First Millennium BC.* Peeters, 2011, pp. 195–201.

Butiagin A.M., Vinogradov Iu.A. *Kurgany na myse Ak-Burun. Iuz-Oba. Kurgannyi nekropol' aristokratii Bospora.* Vol. II. Simferopol' – Kerch', 2014. 183 p. (Bosporskie issledovaniia. Suppl. 13).

Diubruks P. *Sobranie sochinenii.* T. I. Teksty. St. Petersburg, 2010, 726 p.

Diubruks P. *Sobranie sochinenii.* T. I. *Illiustratsii.* St. Petersburg, 2010, 310 p.

Finogenova S.I. Gruppa bronzovykh ellinisticheskikh perstnei iz sobraniia GMII im. A.S. Pushkina. *Vestnik drevnei istorii.* Moscow, 2001, no. 2, pp. 164 – 167.

Fless F., Lorenz A. Griechen, Scythen, Bosporaner? Zu den Problemen "ethnischer Etikettierungen" von Gräbern in den Nekropolen Pantikapaions // *Eurasia Antiqua*. Bd. 11. 2005. S. 57–77.

Frolova N.A. Katalog zolotykh staterov Pantikapeia IV v. do n.e. *Drevnosti Bospora.* Moscow, 2002, T. 5. C. 286–302.

Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo.* Moscow – Leningrad, 1949, 622 p.

Gaidukevich V.F. Bosporskie pogrebal'nye sklepy V–IV vv. do n.e. s ustupchatym perekryniem. *Gaidukevich V.F. Bosporskie goroda*. Leningrad, 1981, pp. 6–54.

Gajdukevič V.F. *Das Bosporanische Reich.* Berlin, 1971. 604 S.

Iakovenko E.V. Uzdech'nyi nabor V v. do n.e. iz Vostochnogo Kryma. *Kratkie soobscheniia Instituta arkheologii SSSR*. Moscow, 1970, T. 124, pp. 54–60.

Iakovenko E.V. *Skify Skhidnogo Krymu v V–III ct. do n.e*. Kyiv, 1974. 148 p.

Kaufman V.D. Ob ustupchatykh sklepakh Bospora. *Soobscheniia Instituta istorii i teorii arkhitektury.* Moscow, 1947, T. 6, pp. 1–32.

Kuznetsov V.D. Bospor Kimmeriiskii v 5 v. do n.e. (drevnepersidskaia nadpis' iz Fanagorii). *Fanagoriia. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii.* Moscow, 2018, T. 6, no. 3, pp. 160–185.

Kuznetsov V.D., Nikitin A.B. Drevnepersidskaia nadpis' iz Fanagorii. *Fanagoriia. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii.* Moscow, 2018, T. 6, no. 3, pp. 154–159.

Kuznetsov V.D., Voroshilov A.N., Zhukovskii M.O. Kurgan Boiur-Gora (predvaritel'nye itogi). *Fanagoriia. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii*. Moscow, 2016, T. 4, no. 2, pp. 279–324.

Litvinenko Iu.N. Ptolemeevskii Egipet i Severnoe Prichernomor'e v III v. do n.e. *Vestnik drevnei istorii.* Moscow. 1991, no. 1, pp. 12–26.

Neverov O.Ia. Gruppa ellinisticheskikh bronzovykh perstnei v sobranii Ermitazha (K voprosu o vremeni proniknoveniia egipetskikh kul'tov v Severnoe Prichernomor'e). *Vestnik drevnei istorii.* Moscow. 1974, no. 1, pp. 106–115.

Neverov O.Ia. Portretnye gemmy I perstni iz Severnogo Prichernomor'ia. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha,* Leningrad, 1976, T. 17, pp. 166–182.

Peredol'skaia A.A. Vazy Ksenofanta. *Trudy Otdela antichnogo mira Gosudarstvennogo Ermitazha.* Leningtad, 1945, T. 1, pp. 47–67.

Roberts H.S. Macedonian craftsmanship in Crimean tombs from late 4th century BC to early 3rd century BC. *Proceedings of the Danish Institute at Athens.* 2009, VI, pp. 189–200.

Rostovtsev M.I. *Antichnaia dekorativnaia zhivopis'na Uge Rossii.* St. Petersburg, 1914–13. 573 p.

Rostovtsev M.I. *Skifiia i Bospor.* (Leningrad), 1925. 621 p.

Savostina E.A. Tipologiia i periodizatsiia ustupchatykh sklepov Bospora. *Sovetskaia arkheologiia.* Moscow, 1986, no. 2, pp. 84–99.

Savostina E.A. O bosporskoi traditsii vozvedeniia monumental'nykh grobnits: razvitie idei. *Pogrebal'naia kul'tura Bosporskogo tsarstva. Materialy Kruglogo stola, posviaschennogo 100-letiiu so dnia rozhdeniia Mikhaila Moiseevicha Kublanova (1914–1998)*. St. Petersburg, 2014, pp. 18–23.

Savostina E.A. Grobnitsy v istoricheskom lanshafte Bospora: osobennisti arkhitektury i raspolozheniia v pristanstve. *Bosporskie Chteniia. T. 16. Geograficheskaia sreda i sotsium.* Kerch', 2016, pp. 284–290.

Shelov D.B. *Monetnoe delo Bospora v VI–II vv. do n.e.* Moscow, 1956. 222 p.

Silant'eva L.F. Nekropol' Nimfeia. *Nekropoli bosporskikh gorodov. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR.* Moscow, 1959, T. 69, pp. 5–107.

Treister M.Iu. Bronzovye perstni s izobrazheniiami na schitkakh iz Gorgippii i okrestnostei. *Vestnik drevnei istorii.* Moscow, 1982, no. 3, pp. 67–76.

Treister M.Iu. Bospor i Egipet v III v. do. n.e. *Vestnik drevnei istorii.* Moscow, 1985, no. 1, pp. 126–139.

Treister M. "Achaemenid' and "Achaemenid –inspired" Goldware and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire Persia. *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers.* PSS. 11. Aarhus, 2010. P. 223–279.

Treister M.Iu. Akhemenidskie "importy" na Bospore Kimmeriiskom. *Bosporskii fenomen: naselenie, iazyki, kontakty.* St. Petersbug, 2011, pp. 113–121.

Treister M.Iu. Zolotye bliashki akhemenidskogo stilia iz kurgana Baksy v Vostochnom Krymu. *Drevnosti Bospora.* Moscow, 2013, T. 17, pp. 345–360.

Treister M.Iu. Akhemenidskie "importy" na territorii k severu ot granits Akhemenidskoi derzhavy. *IRANICA: Iranskie imperii i greko-rimskii mir v VI v. do n.e. – VI v. n.e.* Kazan', 2017, pp. 103–126.

Tsvetaeva G.A. Kurgannyi nekropol' Pantukapeia. *Pantikapei. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR.* Moscow, 1957, T. 56, pp. 227–250.

Tsetskhladze G.R. Who built the Scythian and Thracian royal and élite tombs // *Oxford Journal of Archaeology,* 1998, Vol. 17, no. 1, pp. 55–92.

Tsetskhladze G. 'The most marvelous of all seas': the great king and the Cimmerian Bosporus // *ΕΥΔΑΙΜΩΝ. Studies in honor of Jan Bouzek. Prague, 2018. P. 475–483 (Opera Facultatis philosophicae Carolinae Pragensis.* Vol. XVIII).

Vakhtina M.Iu. Bosporskaia elita do epokhi Spartokidov. *Elita Bospora Kimmeriiskogo: traditsii i innovarsii v aristokraticheskaia kul'tura dorimskogo vremeni. Bosporskie issledovaniia.* Kerch', 2017. T. 34, pp. 25–111.

Vinogradov Iu.A. O datirovke kompleksa nakhodok u derevni Merdzhany. *Tamanskaia starina.* St. Petersburg, 1998. T. 1, pp. 62–66.

Vinogradov Iu.A. O smysle izobrazhenii na bol'shom lekife Ksenofanta. *Bosporskie issledovaniia*, 2016. T. 13, pp. 134–161.

Vinogradov Iu.A. Esche raz o date Feduloskogo klada. *In situ: K 85-letiiu professora A.D. Stoliara.* St. Petersburg, 2006, pp. 207–227.

Vinogradov Iu.A. *Bol'shoi lekif Ksenofanta.* St. Pehersburg, 2007. 64 p.

Vinogradov Iu.A. Kurgan Kul'-Oba. *Diubriuks P. Sobranie sochinenii.* T. 1. St. Petersburg, 2010, pp. 420–425.

Vinogradov Iu.A. Kurgannyi nekropol' Pantikapeia dorimskogo vremeni. *Op. cit.*, pp. 526–532.

Vinogradov Iu.A. *Stranitsy istorii bosporskoi arkheologii. Epokha Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (1859 – 1917). Bosporskie issledovaniia.* Kerch, 2012. T. 27. 364 p.

Vinogradov Iu.A. Kurgan Mirzy Kekubatskogo. *Drevnosti Bospora.* Moscow, 2012, pp. 39–50.

Vinogradov Iu.A. Ob izuchenii kurgannogo nekropolia Iuz-Oba pod Kerch'iu. Fiditiia. Pamiati Iuriia Viktorovicha Andreeva. St. Petersburg, 2013, pp. 39–51.

Vinogradov Iu.A. O sklepakh makedonskogo tipa na Bospore. *Bosporskie issledovaniia*. Kerch, 2014, T. 30, pp. 171–189.

Vinogradov Iu.A. Tsari Bospora i bosporskie kurgany. *Op. cit.*, pp. 497–509.

Vinogradov Iu.A. Kurgan u sela Baksy v Vostochnom Krymu. *Op. cit.,* pp. 510–528.

Vinogradov Iu.A. Esche raz o kurgane u sela Baksy v Vostochnom Krymu. Op. cit., pp. 529–534.

Vinogradov Iu.A. Ostryi ili Desiatyi kurgan nekropolia Iuz-Oba. Op. cit., pp. 535–552.

Vinogradov Iu.A. Ob odnoi grobnitse, otkrytoi vo vremia raskopok F.I. Grossa pod Kerch'iu v 1885 g. *Pogrebal'naia kul'tura Bosporskogo tsarstva. Materialy Kruglogo stola, posviaschennogo 100-letiiu so dnia rozhdeniia Mikhaila Moiseevicha Kublanova (1914–1998)*. St. Petersburg, 2014, pp. 24–32.

Vinogradov Iu.A. Iuz-Oba – nekropol' bosporskoi znati. Kul'tura i khronologiia. *Rossiiskii arkheologicheskii ezhegodnik.* St. Petersburg, 2015–2016, T. 5–6, pp. 79–99.

Vinogradov Iu.A. Kurgannyi nekropol' Pantikapeia. *Neizvestnye stranitsy arkheologii Kryma: ot neandertal'tsa do genueztsev*. St. Petersburg, 2017, pp. 67–110.

Vinogradov Iu.A. Ob elite Bospora i ne tol'ko. *Elita Bospora Kimmeriiskogo: traditsii i innovarsii v aristokraticheskaia kul'tura dorimskogo vremeni. Bosporskie issledovaniia.* Kerch, 2017. T. 34, pp. 3–24.

Vinogradov Iu.A. Kul'tura bosporskoi elity pri Spartokodakh. *Op. cit.*, pp. 112–123.

Vinogradov Iu.A. Elita Bospora v mitridatovskoe i postmitridatovskoe vremia. *Op. cit.*, pp. 261–287.

Vinogradov Iu.A., Marchenko K.K., Rogov E.Ia. Sarmaty I gibel' Velikoi Skifii. *Vestnik drevnei istorii.* Moscow. 1997, no. 3, pp. 93–103.

Vinogradov Iu.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N. Iuz-Oba. *Kurgannyi nekropol' aristokratii Bospora. T. I. Istoriia izucheniia i topografiia.* Simferopol – Kerch, 2012. 286 p.

Vlasova E.V. Kurgan Vasiurinskaia gora na Tamanskom poluostrove. *Ellinisticheskie shtudii v Ermitazhe. K shestidesiatiletiiu M.B. Piotrovskogo.* St. Pehersburg, 2004, pp. 158–174.

Vlasova E.V. Kurgany Vasiurinskoi gory. *Bosporskii fenomen: Problemy khronologii i datirovki pamiatnikov.* St. Petersburg, 2004, pp. 275–287.

Vlasova E.V. Drevnosti ellinskie i mestnye. *Antichnoe nasledie Kubani.* T. III. Moscow, 2010, pp. 199–262.

Voroshilov A.N., Voroshilova O.M., Zhukovskii M.O., Kuznetsov V.D. Kurgan Boiur-Gora (Buerova mogila) – usypal'nitsa elity Aziatskogo Bospora. *Elita Bospora I bosporskaia elitarnaia kul'tura. Mayerialy Mezhdunarodnogo kruglogo stola*. St. Petersburd, 2016, pp. 147–164.

Zograf A.N. Statery Aleksandra Makedonskogo iz kerchenskikh i tamanskikh grobnits. *Trudy Otdela antichnogo mira Gosudarstvennogo Ermitazha.* Leningtad, 1945, T. 1, pp. 35–99.

Zograf A.N. *Antichnye monety. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*. Moscow, 1959, T. 16. 262 p.

Резюме

Элитарная культура Боспора является наиболее яркой в сравнении с другими греческими государствами Северного Причерноморья. В ней нашли отражение культурные импульсы, исходящие из эллинских центров Средиземноморья, в IV в. до н.э. особенно сильным было влияние Аттики, позднее – Македонии и даже Птолемеевского Египта. Важное значение имели также элементы культурного влияния, проникавшие на Боспор со стороны варварских государств – Фракии и Персии. Постоянным фактором было влияние аристократической культуры (культур) местных племён Северного Причерноморья – скифов, меотов, сарматов. Культура элиты Боспора имела свои устойчивые приоритеты, но при этом она была многослойной, открытой для внешних влияний, изменчивой. Всё это в конечном итоге можно обозначить как одно из выдающихся явлений в мировом культурном наследии.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, элитарная культура, курганы, монументальные гробницы.

Summary

The elite culture of the Bosporus is the brightest in comparison with other Greek states of the Northern Black Sea region. It reflected the cultural impulses emanating from the Hellenic centers of the Mediterranean, in the IVth century BC. The influence of Attica was especially strong. Macedonia and even Ptolemaic Egypt influencedlater. The elements of cultural influence that penetrated the Bosporus from the barbarous states of Thrace and Persia were also important. The constant factor was the influence of the aristocratic culture (cultures) of the local tribes of the Northern Black Sea region - the Scythians, the Meotians,and the Sarmatians. The culture of the elite of the Bosporus had its sustainable priorities, but at the same time, it was multilayered, open to external influences and changeable. All this can ultimately be designated as one of the outstanding phenomena in the world cultural heritage.

Key words: Cimmerian Bosporus, elite culture, burial mounds, monumental tombs.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Виноградов Юрий Алексеевич, д.и.н.,
ведущий научный сотрудник Института
истории материальной культуры РАН
(С-Петербург)
(812) – 764-85-71
vincat2008@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Vinogradov Iurii Alekseevich,
doctor of the historical sciences,
leading scientific researcher of the Institute for
the History of Material Culture RAS (St. Petersburg)
(812) – 764-85-71
vincat2008@yandex.ru

А.В. ИВАНОВ
A.V. IVANOV

МЕОТЫ ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V–III ВВ. ДО Н.Э.[1]

THE MEOTIANS OF THE EASTERN AZOV SEA AREA IN THE SECOND HALF OF THE V-III CENTURIES BC

Эта территория, которая в литературе часто именуется как Восточное Приазовье, или просто Приазовье, представляет собой ярко выраженную ландшафтную зону. Её южная часть входит в Большую пойму Кубани и представляет собой сплошную полосу болотистых плавней, севернее которых расположены сухие степи, высокими обрывами выходящие к Азовскому морю [Шевченко, 2013, с. 405, рис. 1].

Данная довольно обширная зона была освоена меотами с той разницей, что с южной ее частью связаны памятники IV–III вв. до н.э., а с северной – крупная группировка городищ римского времени на реке Кирпили [Шевченко, 2013]. Одно время считалось, что две эти группы бытовали одновременно и, возможно, были тесно связаны. Однако раскопки, проведенные на кирпильском кластере, подобные предположения опровергли, доказав, что группы имеют не только различную хронологию, но и иной характер и структуру. Исходя из этого, Н.Ф. Шевченко считает, что они были основаны разными племенами, и более того ставит под сомнение их культурное родство [Шевченко, 2013а, с. 405]. И если в первой части тезиса противоречий нет, то со второй его частью тяжело согласиться. Кирпильская группа, как и группа приазовская, имеет все признаки Меотской археологической культуры, и говорить о разных культурах на данный момент оснований нет. Различия, на которые обратил внимание исследователь, вызваны скорее хронологическим разрывом между группировками, нежели культурными расхождениями.

Наибольший интерес, исходя из хронологических рамок данной работы, представляют памятники IV–III вв. до н.э. (рис. 1). Они территориально сосредоточены в границах современных Красноармейского и Славянского районов Краснодарского края. Географически местность эта составляет восточную часть Приазовской низменности. Основное количество памятников сосредоточено в междуречье Протоки – одного из рукавов Кубани и Ангелинского ерика. Западнее Протоки, на стыке материка и сплошных плавней, меотских памятников практически нет. В целом, это довольно обширная территория, на севере она начинается от плавней Кирпильского лимана, на востоке проходит по Ангелинскому ерику до Кубани [Каменецкий, 2000, с. 77]. Конечно,

[1] Работа выполнена в ИВИ РАН по проекту РНФ № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

надо понимать, что обозначенная восточная граница весьма условна. Меотские памятники данного региона имеют слабые отличия от памятников, расположенных восточнее обозначенной линии, то есть от Елизаветинско-Краснодарской группы. Подобная близость позволила И.Н. Анфимову включить в эту группу поселения у ст. Ивановской и ст. Марьянской [Анфимов И., 1987, с. 27]. Следуя этой логике, сюда можно было бы включить открытые и частично исследованные не так давно Прикубанский могильник, Чернолесский могильник, а также поселение и могильник у ст. Марьянской [Марченко, Лимберис, Бочковой, 2001; Кононов, 2014], что после детального их анализа вполне возможно[2]. Впрочем, как заметил И.С. Каменецкий, по отношению к Марьянскому поселению их территориальное положение делает спорным отнесение к рассматриваемой группе [Гей, Каменецкий, 1986, с. 42]. Это замечание как нельзя точно подчеркивает не только различное видение исследователями ситуации в этом регионе, оно поднимает более глубокую проблему, которая связана с выделением и оформлением локальных групп меотской культуры и определением границ между ними.

Основная проблема, с которой связан регион нижней правобережной Кубани, – сложность с обнаружением памятников. Как отмечал И.С. Каменецкий, малое количество выявленных объектов, вероятно, связано с погребением их во время какого-то очень сильного разлива Кубани, приводя в пример обнаруженную меотскую керамику под наносными слоями на глубине 1–1,5 м [Каменецкий, 2011, с. 204]. Подобные явления наблюдаются во многих землях, прилегающих к большой пойме реки Кубань. В Славянском и Абинском районах края неоднократно фиксировалось перекрытие поселений античного времени наносами ила и светлыми осадочными породами мощностью до 1 м.

В дополнение к этому необходимо отметить, что на описываемой территории в 50–80 гг. XX в. была сооружена мелиоративная система, а также система рисовых чеков, что в значительной степени перекроило древний ландшафт, нарушив в том числе и естественную водную сеть. Системами этими, несомненно, какая-то часть памятников была стерта либо разрушена настолько, что воссоздать их морфологический и хронологический облик вряд ли удастся.

Сведения о меотских памятниках данного региона мы получаем из довольно немногочисленных источников. В основном это разведки, отдельные наблюдения и случайные находки. Крупные раскопки, кроме, наверное, могильника Лебеди и ряда курганов, в этой плавневой зоне никогда не проводились по большей части ввиду перечисленных выше причин. Это обстоятельство дало повод И.С. Каменецкому при характеристике Приазовской группы говорить о том, что археологического материала на описываемой территории явно не достаточно для суждения о группировке

[2] Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко считают, что Прикубанский и, возможно, Чернолесский могильники по погребальному обряду и другим элементам сходны с захоронениями х. Водный и могильником Лебеди III [Лимберис, Марченко, 2016, с. 250].

[Каменецкий, 2011, с. 204]. Я вынужден не согласиться с этим мнением хотя бы даже по той причине, что исследователем было перечислено с десяток известных на тот момент памятников. Да, этого не много, и все же вполне достаточно для характеристики населения данного региона.

На обозначенной территории известны и поселения, и могильники. Поскольку территория заболочена и на многих ее участках представляет собой плавни, для поселений выбирались небольшие возвышенности, всхолмления, более высокие по отношению к прилегающей территории места. Могильники, как и другие занятые меотами территории, располагались рядом или по периметру поселений. Но здесь нужно оговориться: на учтенных поселениях местоположение могильников неизвестно – это, к сожалению, здесь распространенная практика. В свою очередь, и для известных могильников поселения, к которым они принадлежали, выявлены не были. Сами поселения, как правило, занимали мысовые части коренного берега и, возможно, были размыты реками. Подобная ситуация наблюдается во многих районах края. В частности, следует напомнить, что само поселение, с которым можно было бы связать Прикубанский могильник, так и не было обнаружено, и судя по всему, по той же причине [Лимберис, Марченко, 2016, с. 250].

На данный момент в нижнем течении реки Кубань, на ее правом берегу, на территории Красноармейского и Славянского районов края, известно семь меотских поселений IV–III вв. до н.э. Они расположены у ст-цы Красноармейской (современное название ст-ца Полтавская), хут. Беликов, в ст-це Старонижестеблиевской, в городе Славянске-на-Кубани, у ст-цы Ивановской и у хут. Свистельников.

Краткая характеристика этой категории памятников сводится к следующему. Все поселения однотипны с простейшей структурой. Они представляют собой неукрепленные селища, чаще тяготеющие к водным источникам. Иногда поселения довольно хорошо прослеживаются на окружающей поверхности и выделяются несколькими холмообразными возвышенностями, сложенными из культурного слоя. Большинство из них разрушено либо серьезно повреждено при строительстве рисовых чеков и каналов.

Культурный слой поселений не отличается выразительностью. Как и на большинстве поселений меотов Западной Кубани, он нестратифицированный, однородный, без архитектурных остатков, мощность его редко превышает 1 м. Между тем, слои поселений в значительной степени насыщены как фрагментами местных сосудов, так и античной керамикой, включая чернолаковую посуду и обильный, разнообразный амфорный материал [Шевченко, 2013а, с. 406].

Полноценному исследованию подверглось лишь одно поселение. В 1986 году экспедицией Краснодарского музея под руководством И.Н. Анфимова была раскопана сохранившаяся часть поселения, расположенного у ст-цы Старонижестеблиевской [Анфимов И., 1987а, 27; 1988, с. 107]. Само поселение представляло собой два небольших в плане холма высотой до 0,5 м от уровня прилегающей дневной

поверхности, состоящих полностью из культурного слоя. Вскрытая площадь в 300 м^2 оказалась вполне достаточной для выводов о памятнике в целом.

Поселение однослойное, мощность культурного слоя до 1,2 м, он слабо насыщен, без архитектурных остатков. Основным материалом, встреченным в культурном напластовании поселения, являются фрагменты керамики, кости животных, среди которых лошадь, корова, овца, свинья, были встречены и кости рыб. Местная керамика представлена фрагментами кружальной, сероглиняной и лепной кухонной посуды. Из импортной керамики преобладают фрагменты амфор, столовая посуда, среди которой фрагменты чернолаковых сосудов, кувшинов, мисок и лутериев. Из бытовых предметов отметим находку керамического пряслица, также были встречены и ткацкие грузики.

Первоначально И.Н. Анфимов датировал поселение широко, в пределах IV–III вв. до н.э. [Анфимов И., 1987б, с. 27], однако в работе, вышедшей годом позже, исследователь несколько сузил дату, предложив хронологическую позицию в рамках второй половины IV – начала III вв. до н.э. [Анфимов И., 1988, с. 107]. Недавно В.В. Улитиным и И.Н. Анфимовым с учетом современного состояния хронологии и с применением новейших классификаций были уточнены датировки клейм, найденных на поселении (рис. 2). По мнению исследователей, они позволяют уверенно говорить о существовании селища у ст-цы Старонижестеблиевской с начала IV в. до н.э. и, вероятно, до последней четверти IV – начала III вв. до н.э. [Улитин, Анфимов, 2015, с. 287].

На остальных поселениях раскопки не проводились, их хронология и культурная атрибуция определялись на основании подъемного материала, собранного в результате визуальных разведок. Все они с той или иной степенью уверенности датируются IV–III вв. до н.э. [Анфимов И., 1987б, с. 27; Каменецкий, 1989, с. 233; Шевченко, 2013а, с. 406]. Это основной хронологический диапазон поселений. Более ранний материал был встречен лишь на поселении у хут. Беликов и маркирован фрагментами пухлогорлых амфор Хиоса второй половины V в. до н.э. [Анфимов, 1981, с. 135]. На поселении у ст-цы Красноармейской (Полтавской) зафиксированы более 30 клейменых ручек амфор Синопы и Родоса, датируемых III–II вв. до н.э. [Анфимов, 1985, с. 60; Шевченко, 2013а, с. 406]. Схожий материал, в частности фрагменты родосских амфор III–II вв. до н.э., дает поселение Свистельниково, расположенное у одноименного хутора [Каменецкий, 2001, с. 5].

Опираясь на эти сведения, Н.Ф. Шевченко предположил, что временем бытования этих поселений является вторая половина V в. до н.э. – начало II в. до н.э., заметив, что во II в. до н.э. постоянного меотского населения в степной части Большой поймы Кубани и в Приазовье в целом нет [Шевченко, 2013а, с. 406–407]. Основной же массив известных на данный момент памятников на основании перечисленных данных приходится на IV–III вв. до н.э.

Из других, безусловно, значимых для нашей темы находок, связанных с этой территорией, отметим клады боспорских монет, скрытые рядом с поселениями

либо на их территории. В общей сложности в настоящее время известно о шести крупных кладах. Один из первых кладов был обнаружен в 1941 г. близ ст-цы Старонижестеблиевской и включал в себя 55 монет типа «голова сатира – голова льва, осетр, ΠΑΝ» с надчеканками в виде звезды и горита [Анфимов, 1949, с. 64-66]. В 1972 году у хут. Беликов Славянского района при проведении магистрального канала на территории поселения был найден крупный клад пантикапейской меди [Анфимов, 1981, с. 132–136]. В 1985 году на юго-восточной окраине г. Славянска-на-Кубани при рытье котлована был найден клад медных пантикапейских монет: 49 монет типа «голова сатира – голова льва, осетр, ΠΑΝ» с надчеканками в виде звезды и горита и одна монета типа «голова сатира – протома грифона» [Анфимов, 1988, с. 138–145]. В 1986 году при работах на строительстве рисовой системы в 3 км к западу от ст-цы Старонижестеблиевской был обнаружен невероятно крупный для этих мест клад из 1213 боспорских медных монет (весом 8 кг), сложенных в сероглиняный меотский кувшин [Анфимов И., 1991, с. 70]. Среди монет – 1209 экземпляров типа «голова сатира – голова льва, осетр, ΠΑΝ» с надчеканками в виде звезды и горита, «голова сатира влево – лук и стрела, ΠΑΝ» и 4 монеты типа «голова сатира – голова быка в ¾ оборота, ΠΑΝ» [Абромзон, Фролова, Горлов, 2000, с. 314–331; 2002, с. 38–71]. И.Н. Анфимов сообщает о еще двух кладах, найденных случайно при проведении земляных работ в разное время – у пос. Кубрисострой, западнее ст-цы Ивановской (4 монеты хранятся в Краснодарском музее), и в ст-це Староджерилиевской (имеются сведения об 11 монетах) [Анфимов И., 1991, с. 75; Анфимов, 1988, с. 139].

Все клады были скрыты в довольно короткий период – в конце IV – начале III вв. до н.э. Так, самым ранним из названных комплексов можно считать монетный клад последней четверти IV в. до н.э., происходящий из поселения у хут. Беликов [Анфимов, 1981, с. 132–136]. Старонижестеблиевские клады 1941, 1986 и 1985 годов из г. Славянска-на-Кубани, а также клад близ пос. Кубрисострой относятся к началу III в. до н.э. [Абромзон, Фролова, Куликов, 2002, с. 73–87]. Об этом уверенно свидетельствует наличие в них надчеканенных кризисных монет, причем в значительном количестве.

Теперь о могильниках. На данный момент их известно четыре.

В 1949 году Н.В. Анфимовым были проведены обследования Казачьего ерика (нынче Полтавский ерик) в районе хут. Зеленского [Анфимов, 1951, с. 2–9; 1952, с. 72]. Непосредственным поводом этого обследования послужило сообщение об обнаружении здесь четырех греческих амфор. В результате работ был выявлен меотский могильник, доследовано одно погребение, а также были собраны и переданы в Краснодарский музей уже упомянутые амфоры. Не менее важными оказались и сведения местных жителей, которые неоднократно при земляных работах наталкивались на захоронения. Так, по словам рабочих колхоза, погребения сопровождались различными предметами: разнообразными сосудами, оружием, различными украшениями, бусами; черепа костяков, как правило, находились в

миска [Анфимов, 1951, с. 3]. Картографирование мест находок указывает на то, что могильник занимает весьма внушительную площадь (рис. 3,*1*) и тянется вдоль изгиба ерика более чем на 1 км, что сопоставимо с протяженностью крупнейших меотских некрополей.

Захоронение же, которое было доследовано (рис. 3,*2*), было обнаружено случайно при обследовании котлована печи кирпичного завода. Погребение воинское, костяк лежал вытянуто на спине головой на ВЮВ. В головах находилась фрагментированная амфора, голова лежала в миске, от которой сохранились лишь фрагменты; копья, подток, нож и стрелы располагались слева, в ногах находились два кувшинчика, две вазочки, крупный лепной горшок, курильница и череп коровы. Справа от погребенного – челюсть свиньи и ребра коровы [Анфимов, 1951, с. 3–5]. Дату комплекса определяет амфора дорийского центра[3] второй морфологической группы, которая относится к середине – третьей четверти IV в. до н.э. [Монахов, Кузнецова, 2009, с. 159-160]. Этим же временем датируются две самосские амфоры рыжановского варианта III-A [Монахов, 2003, с. 28-29], переданные Н.В. Анфимову местными жителями [Анфимов, 1951, таб. IV, рис. 1–3; 1952, рис. 19, 1–3]. Две других амфоры относятся к продукции Книда. Одна из амфор (рис. 3,*3*) сопоставима с продукцией ранней серии пифоидного варианта (II-B-1) и датируется широко – последней третью IV в. – началом III в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 106, таб. 74,*3*]. Вторая – принадлежит афинскому варианту II-F [Монахов, 1999, с. 540]. Эти амфоры датируются серединой III в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 109, Улитин, 2006, с. 164-165] с небольшим заходом во вторую половину столетия[4].

Н.В. Анфимов датировал могильник концом IV – началом III вв. до н.э. [Анфимов, 1952, с. 74]. Теперь же амфорный материал вполне позволяет несколько расширить хронологические рамки могильника у хут. Зеленского и датировать его как минимум от середины IV в. до н.э. до середины III в. до н.э. Конечно, надо понимать, что ввиду ограниченности материалов это далеко не конечная датировка памятника.

В 12 км севернее хут. Зеленского, как сообщает Н.В. Анфимов, при строительстве Полтавского элеватора на юго-западной окраине ст-цы Красноармейской, на левом берегу все того же Казачьего ерика, рабочими был обнаружен еще один меотский некрополь, который в литературе известен как Красноармейский могильник

---

[3] Амфора, как сказано в отчете, была сильно разрушена котлованом, от нее сохранилась лишь нижняя часть. В дальнейшем амфора не реставрировалась. В отчете она представлена рисунком ножки (рис. 3, *2*). В описании указаны темно-красный цвет глины, примерная форма сосуда, а также то, что ножка эта аналогична ножкам амфор из кургана Карагадегуашх [Анфимов, 1951, с. 6, таб. V, рис. 4]. Это, как и цвет теста, очень важное замечание. Сейчас мы знаем, что в кургане Карагадегуашх были найдены именно амфоры неустановленного дорийского центра [Монахов, Кузнецова, 2009, с. 159], которые на данный момент довольно надежно соотносятся с амфорами Икоса [Монахов, Федосеев, 2013, с. 554–561].

[4] Сам тип амфоры назван по первой находке в одной из цистерн в Афинах (№ 12:4). Она традиционно датируется 40-ми годами III в. до н.э. [Монахов, 1999, с. 538, таб. 226; 2003, с. 109].

[Анфимов, 1951, с. 8-9; 1952, с. 74-75, Каменецкий, 1989, с. 233]. Исследования его не проводились, однако, по сведениям строителей, в обнаруженных нескольких погребениях были встречены амфоры, местная сероглиняная керамика. Черепа покойных всегда лежали в мисках. Н.В. Анфимов, видимо, был знаком с материалом, так как не только узко его датировал второй половиной IV–III вв. до н.э., но и отождествил его хронологически, обрядово и территориально с могильником у хут. Зеленского [Анфимов, 1952, с. 75].

Более полную картину дают материалы комплексов, открытых у хут. Водный. Здесь в 1978 году экспедицией под руководством О.П. Куликовой было исследовано несколько курганов [Куликова, 1978]. При раскопках одного из них (курган № 2) по периметру насыпи были обнаружены меотские захоронения (рис. 4,*1*). Сам курган ввиду высоких подпочвенных вод не был исследован до конца, и потому осталось неясным, впускались ли погребения непосредственно в курганную насыпь либо принадлежали грунтовому могильнику, расположенному в межкурганном пространстве. Отсутствие в центральной части насыпи меотских комплексов, вероятно, говорит в пользу второго.

Исследовано четырнадцать погребений (рис. 4,*2*; 5,*1,2*), все они совершены по одному обряду: судя по расположению предметов, совершались в подпрямоугольной яме, положение покойного – вытянуто на спине, руки вдоль тела, ноги ровно. Ориентировка неустойчивая: большинство покойных лежали головой на юго-восток, один на юг и по два на северо-запад и северо-восток. У большей части покойных головы лежали в мисках. Также стоит отметить один объект, где перевернутой вверх дном миской был накрыт фрагмент человеческого черепа.

Четыре погребения являлись воинскими, одно всадническое. Вооружение представлено меотскими мечами без перекрестия и с брусковидным навершием (в одном из погребений находилось сразу два меча), наконечниками копий, стрел, боевыми топорами. Последние – очень интересная деталь, встречаются в меотских некрополях крайне редко. Поэтому находка значительного количества топоров в рамках одного памятника делают могильник у хут. Водный в какой то степени уникальным.

Стоит отметить, что положение вооружения на площади погребения неустойчивое, мечи и копья располагались как слева, так и справа от погребенных. Мечи помещались вдоль тела либо вдоль ног, копья располагались у черепа (2–5 экз.). В одном случае (погребение № 1) отмечено положение наконечников копий в ногах, “зеркально” основному набору. Аналогичное помещение копий в ногах известно лишь на могильниках в Закубанье, таких как Фурожан, и в некрополе поселения Виноградный 1. Более-менее устойчивое расположение наблюдается только у топоров – они всегда фиксировались в ногах погребенных.

Керамика располагалась как в головах погребенных, так и в ногах, амфоры – в головах и вдоль тела погребенных. Набор посуды, в целом типичный для меотских некрополей, состоял из различных кружальных кувшинов, мисок, лепных горшков, в одном комплексе зафиксирована вазочка. Кружальная керамика большей частью

сероглиняная местного производства, один импортный шаровидный кувшин имел черепок красного цвета. Также в погребениях были встречены два боспорских лутерия, которые, видимо, выполняли функцию мисок и в комплексах располагались под головами покойных. Интересное расположение лепных курильниц – в головах, причем в одной из них находились гальки, а вторая имела ручки-выступы и горизонтальные налепы-валики по тулову. Этот сосуд относится к типу I подтипу IA, вариант 1б, по типологии Лимберис-Марченко, и датируется в диапазоне от второй четверти IV в. до н.э. до начала III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2006, с. 135, рис. 2,*2*]. Из других находок, встреченных в погребениях, отметим гешировые бусы и крупный железный серп с костяной ручкой, прикрепленной к полотну четырьмя заклепками.

Части жертвенного животного, в основном коровы и овцы, располагались в ногах погребенного. В погребении № 1, слева от костяка человека, лежали и скелеты лошади и овцы, в погребении № 8, справа от человека, лежала обезглавленная корова. Отметим также захоронение коня, одинокой амфоры и упомянутой миски, перевернутой вверх дном. Эти объекты по аналогии с подобной практикой на других могильниках следует расценивать как ритуально-поминальные комплексы.

Некрополь у хут. Водный относится к IV – началу III вв. до н.э. Датирующим материалом этого могильника выступают амфоры, найденные в количестве семи[5]. Выделяется амфора с грибовидным венцом, продукция Книда, Коса и Синопы.

И, наконец, один из самых известных и наиболее полно исследованных меотских могильников Восточного Приазовья – могильник Лебеди III. Широкомасштабные работы на нем проводились в течение нескольких сезонов в 1979–1981 гг. Северо-Кавказской экспедицией ИА АН СССР под руководством И.С. Каменецкого и А.Н. Гей. Некоторые результаты этих раскопок с подробной характеристикой некрополя были отражены, к сожалению, всего в одной сводной статье, посвященной деятельности экспедиции [Гей, Каменецкий, 1986, с. 36–51]. Это обстоятельство освобождает меня от подробного статистического описания могильника и позволяет сосредоточить внимание на его общих чертах и особенностях.

Итак, могильник находится около хут. Лебеди Калининского района, на реке Понура, располагается в низкой, заболоченной равнине, практически на краю большой Кубанской дельты. Как было отмечено И.С. Каменецким, до активных мелиоративных работ сам могильник находился на мысу, образованном руслом Понуры [Каменецкий, 2009, с. 161]. Внешний вид могильника – небольшие, кучно расположенные всхолмления [Каменецкий, 2009, с. 161]. Траншейными разведками и другими наблюдениями были установлены приблизительные границы некропо-

[5] Ревизия материалов этого памятника, проведенная в археологических запасниках Краснодарского музея, закончилась безрезультатно. Коллекция предметов, кроме вещей из комплекса сарматского времени, принятых в золотую кладовую, отсутствует полностью. Остается констатировать, что в этих обстоятельствах оперировать приходилось лишь отчетом, рисунки вещей в котором далеки от идеала, а изображение амфор, причем в отсутствие их фотографий после реставрации, с большим трудом сопоставимы с известными типами.

ля – 43,5 га, а подсчеты общего количества погребенных, исходя из этой площади, привели И.С. Каменецкого к весьма внушительным цифрам: 17000–29000 [Гей, Каменецкий, 1986, с. 42]. Но это теоретические предположения, на практике же за три сезона при раскопках широкими площадями (около 11000 м^2) было обнаружено 430 погребений[6].

Основные черты погребального обряда выглядят следующим образом. Погребальные ямы в основном не прослеживаются, но по предположению авторов раскопок, они были длинные и узкие (подпрямоугольные). Кроме одного скорченного, все погребенные положены вытянуто на спине, руки вдоль тела, ноги ровно, но встречались и перекрещенные в голенях. Ориентировка широтная, примерно в равной степени преобладают СВВ и ЮЗЗ ориентировки. Небольшой процент занимает южная ориентировка. Возможна родовая зональность – выделяются небольшие локальные группы погребений с одинаковой ориентировкой и близкими чертами погребального обряда. Широко практиковалось помещение в могилу туши жертвенного животного, но чаще клались голова и ноги. Они располагались в ногах покойного. Набор инвентаря характерен и типичен для меотских могильников западных областей Кубани, причем исследователями был подмечен определенный стандарт: обязательны амфора, кувшинчик, вазочка и лепной горшок, личные украшения и оружие. Качество и число этих компонентов определяло богатство комплекса [Гей, Каменецкий, 1986, с. 42-43]. Распространённая деталь обряда – миска, положенная под голову покойного, и помещение в могилу речной гальки и мела. Нередко воинские комплексы сопровождались лошадьми, часть из которых была взнуздана.

Импортная столовая керамика представлена мортарами, лутериями (12 экз.) и чернолаковой посудой (39 экз.), из которой наиболее многочисленны сосуды для питья – килики, канфары и скифосы, также встречены разнообразные солонки. Некоторым экземплярам лаковой посуды (рис. 6), найденной на могильнике Лебеди III, посвящена отдельная статья [Лимберис, Марченко, 2016а, с. 160–170]. Амфоры (143 экз.) были импортированы из таких центров, как Синопа, Гераклея, Фасос, Хиос и т.д. На основании этой категории инвентаря авторы предложили датировать могильник временем от второй четверти до конца IV в. до н.э. [Гей, Каменецкий, 1986, с. 42]. В одной из своих более поздних работ И.С. Каменецкий обозначил то, что могильник имеет узкую дату: по чернолаковой керамике он датировал некрополь в пределах 375–300 гг. до н.э., одновременно отмечая то, что, рассмотрев часть амфорного материала, В.В. Улитин счел возможным говорить о первой четверти IV в. до н.э., исключив как V, так и III вв. до н.э. [Каменецкий, 2009, с. 163]. Таким образом, могильник Лебеди III функционировал на протяжении всего IV в. до н.э., что в целом с опорой на общую схему погребального обряда и перечисленный инвентарь, видимо, отражает реальность.

[6] В указанной статье дана информация только о 191 исследованном погребении.

Помимо всхолмлений на грунтовом могильнике, на некрополе находилось несколько курганообразных возвышенностей, которые располагались на конце мыса. Одна из них была исследована. В теле возвышенности было исследовано 11 погребений, среди которых особенно выделяется крупный погребальный комплекс, сооруженный, по мнению автора раскопок, для знатного человека [Каменецкий, 2009, с. 162]. Погребение было совершено на площади размерами 5 х 4 м на небольшой глубине, без перекрытия, и потому И.С. Каменецкий предположил, что захоронение было осуществлено на дневной поверхности и затем засыпано. В этом, безусловно, богатом погребении были захоронены воин, его жена или наложница, слуга, восемь взнузданных лошадей и разнообразный инвентарь, куда, помимо бытового скарба, входили различные элементы вооружения, в частности пять мечей, фрагменты бронзового шлема и железного панциря, многочисленные украшения из благородных металлов, в том числе золотой браслет, гривна в полтора оборота, фрагменты золотой диадемы с изображением грифонов, а также набор бронзовой посуды [Каменецкий, 2009, с. 162]. Комплекс синхронен могильнику.

К общему перечню памятников этого региона необходимо добавить сведения еще о двух известных по архивам Управления охраны памятников Краснодарского края, но практически не обследованных объектах в Славянском районе, – это поселение, расположенное к северу от пос. Прикубанский, и грунтовой могильник Целинный, расположенный у одноименного поселка. Эти памятники по подъемному материалу датируются широко, в пределах IV–III вв. до н.э.

Таким образом, первые меотские поселенцы проникают на территорию правобережья нижней Кубани во второй половине V в. до н.э. Это вполне согласуется с импульсом, направленным на освоение меотскими племенами западных земель уже в раннемеотское время [Иванов, 2016а, с. 263]. Идентичность многих черт и элементов погребального обряда могильников Восточного Приазовья с меотскими некрополями IV в. до н.э. Марьянско-Елизаветинской группы, должно быть, указывает направление, откуда население перетекало. В IV в. до н.э. процесс расселения активизируется, возникает основная часть памятников. Причины, которые скрываются за этой активизацией, видимо, проистекают из той же логики освоения новых, не занятых земель, пригодных для производства товарного хлеба – основного экспортного продукта в торговле с Боспором. Расположенные здесь водные артерии, такие как Кубань и Протока, должны были всячески способствовать товарообороту.

Интересной и во многом определяющей для понимания ситуации в описываемом районе стала совсем недавняя находка вблизи Ханькова. Хутор расположен к западу от города Славянск-на-Кубани. Экспедицией под руководством Н.Ф. Шевченко[7] недалеко от реки Кубань широкой площадью исследовано ничем не примечательное с

[7] Благодарю Николая Федоровича за любезное позволение ознакомиться с материалами раскопок и за возможность упомянуть результаты его работ в этой статье.

виду поселение Восточноханьковское 1. В результате проведенных работ была открыта мощная оборонительная система, окружавшая поселение, а её основу составляли сырцовые стены. Сам по себе этот факт уже дает основание предполагать, что поселение отнюдь не варварское. Закрепляет данное положение и археологический материал. Его состав типичен для памятников Азиатского Боспора. Предварительно керамический комплекс памятника можно датировать в рамках V–IV вв. до н.э., но, скорее всего, хронология в дальнейшем может быть несколько скорректирована. Наверно, преждевременно до публикации итогов исследования делать какие-то далеко идущие выводы. Тем не менее, значение данного объекта слишком велико. Подобных памятников в Восточном Приазовье пока известно не было. Основание хорошо укрепленного греческого поселения, расположенного у русла реки, в относительной близости к варварам, можно рассматривать в нескольких аспектах. Однако представляются в равной степени возможными и наиболее приемлемыми лишь два из них – военная крепость либо фактория. Не исключен и вариант, объединяющий эти две функции в одном поселении. Между предположениями о характере памятника в целом очевидным остается одно – присутствие греков на этих землях. Тем важнее существование поселения в IV в. до н.э., когда помимо широкой контактной зоны в регионе формировалась во многом условная, но все же граница, между меотами и Боспором. Видимо, поселение у хут. Ханьков можно рассматривать в одном ряду с таким памятником, как Краснобатарейное городище, и видеть в нем один из форпостов Боспора в Прикубанье, что существенно корректирует наше представление о расстановке сил в Прикубанье.

Возвращаясь к памятникам меотов, следует обратить особое внимание на еще несколько деталей. Во-первых, все без исключения поселения этого региона были незащищенными и не имели даже простейшей фортификации. Их структура и размеры однозначно свидетельствуют о сельскохозяйственной направленности и поселковом характере, весьма далеком от крупных поселенческих образований нижней и средней Кубани, которые в IV в. до н.э. в массовом порядке обносятся рвами и валами, превращаясь в хорошо укрепленные городища. Складывается впечатление, что меотское население этого региона не ощущало какой-либо угрозы и потому не расходовало ресурсы на возведение обороны. С другой стороны, вполне возможно, при агрессии меоты перемещались в малопроходимые плавни и там пережидали опасность. Не стоит забывать и о том, что на относительное спокойствие территории могла сказываться близость Боспора, заинтересованного в непрерывном поступлении товарного хлеба. По мнению Н.Ф. Шевченко, появление и последующее существование меотских поселений в Восточном Приазовье были связаны с политикой Боспора, если не определялись ею [Шевченко, 2013а, с. 407]. Более того, существует уже устоявшаяся в научном мире позиция, согласно которой граница государства проходила по линии Старонижестеблиевская–Крымск–Раевская [Аптекарев, 1987, с. 29–30; 1989, с. 63–65], и в таком случае какая-то часть этой территории, включая и население, фактически находилась в юрисдикции Боспора [Аптекарев, 1987, с. 30].

Выводы эти строятся на основании монетных кладов, о которых было сказано выше. Я не сторонник этой теории[8] [Иванов, 2011, с. 280] и считаю сокрытие кладов в среде меотов не столько следствием подчинения данной территории Боспором, сколько отражением активной торговли и развития товарно-денежных отношений в регионе. Но если взглянуть на проблему в другом аспекте и сосредоточиться на хронологическом диапазоне сокрытия кладов, можно заметить, что этот период весьма непродолжительный и ограничен временными рамками конца IV в. – начала III в. до н.э. Скорее, монетные клады отражают нестабильную ситуацию, связанную с перипетиями в царском доме Боспора в 309/310 гг. и началом проникновения на Кубань сарматов. Впрочем, отмечу дискуссионный характер этого вопроса.

Жизнь на меотских памятниках в Восточном Приазовье продолжается на протяжении всего кризисного III в. до н.э. Однако со временем территория эта пустеет и к началу II в. до н.э. подавляющее большинство памятников прекращают функционировать. Конечно, версия о ведущей роли сарматов в вытеснении меотского населения со степных пространств во II в. до н.э. не только наиболее вероятна, но и, пожалуй, исходя из уровня нашего знания об истории региона этого времени, преимущественно предпочтительна. Экспансия кочевников хорошо прослеживается в археологическом материале, происходящем сразу из нескольких курганных могильников, исследованных на р. Понуре и Ангелинском ерике [Шевченко, 2013, с. 48].

Следующий этап, демонстрирующий смену эпох в меотской истории Приазовья, начинается с появлением городищ на р. Кирпили. Но эта часть истории меотов Кубани уже выходит за рамки нашего исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Второй клад медных пантикапейских монет III в. до н.э. из станицы Старонижнестеблиевской // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. М.; Магнитогорск. 2000.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клады античных монет на Юге России [по материалам Краснодарского края]. М. 2002.

Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В. Клад пантикапейских медных монет III в. до н.э. из Мирмекия [2002 г.] // РА. 1. М. 2008.

Анфимов И.Н. 1987а. Меотские поселения правобережья нижнего течения р. Кубань // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье [тезисы докладов к семинару]. Новочеркасск.

Анфимов И.Н. 1987б. Отчет о раскопках меотского поселения близ станицы Старонижнестеблиевской Красноармейского района [Краснодарский край] в 1986 г. по открытому листу № 667 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 11947.

Анфимов И.Н. Раскопки близ станицы Старонижнестеблиевская // АО 1986 года. М. 1988.

Анфимов И.Н. Клад пантикапейских монет начала III в. до н.э. из Восточного Приазовья [станица Старонижнестеблиевская] //ВДИ. № 1. 1991.

[8] Как бы ни было замкнуто денежное обращение внутри государства, в любом случае исключать проникновение монет в контактные зоны невозможно. Я считаю, что какая-то часть торговли между боспорянами и меотами на этих землях вполне могла быть монетизированной.

Анфимов Н.В. Клад пантикапейских монет из станицы Старонижнестеблиевской // КСИИМК. № XXIV. 1949.

Анфимов Н.В. Отчет об археологических разведках на Кубани, проведенных Краснодарским музеем в 1949 и 1950 гг. Архив ИА РАН Арх. Ком. 485. 1951.

Анфимов Н.В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. Вып. XLVI. 1952.

Анфимов Н.В. Клад пантикапейских монет IV в. до н.э. из Восточного Приазовья //Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе. 1981.

Анфимов Н.В. Клад пантикапейских монет из г. Славянска-на-Кубани // СА. № 4. 1988.

Аптекарев А.З. К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй пол. IV – пер. пол. III вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Новочеркасск. 1987.

Аптекарев А.З. К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй половине IV – первой половине III вв. до н.э. // Первая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. 1989.

Берлизов Н.Е. О периодизации меотской культуры Прикубанья // Региональные исследования по отечественной истории и культуре. Краснодар. 1999.

Гей А.Н., Каменецкий И.С. Северо-Кавказская экспедиция в 1979–1983 гг. // КСИИМК. Вып. 188. М. 1986.

Иванов А.В. О восточной границе Боспорского царства // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб. 2011.

Иванов А.В. О времени основания и культурной атрибуции Краснобатарейного городища // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь. 2016.

Иванов А.В. 2016а. Племена региона Анапы-Новороссийска и меоты. Сопоставление // Древности Боспора. Том. 20. М.

Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. [Археология СССР: в 20 т.]. 1989.

Каменецкий И.С. Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар. 2000.

Каменецкий И.С. У границ Азиатского Боспора // МИАК. Вып. 1. Краснодар. 2001.

Каменецкий И.С. Главное погребение могильника Лебеди III // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. 2009.

Каменецкий И.С. История изучения меотов. Москва. 2011.

Куликова О.П. Отчет о раскопках двух курганов у пос. Водный на землях рисосовхоза «Красноармейский» Красноармейского района Краснодарского края в 1978 году. Архив ИА РАН. Р-1. № 7254. 1978.

Кононов В.Ю. Марьянское 1 – новый памятник меотской археологической культуры в Прикубанье [предварительное сообщение] //Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы научной конференции. Москва. 2014.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // МИАК. Вып. 6. Краснодар. 2006.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские всадники на восточной границе Боспора // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы Международного «круглого стола». СПб. 2016.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2016а. О некоторых типах чернолаковой керамики из меотского могильника Лебеди III //Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник статей памяти И.С. Каменецкого. М.

Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В. Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар – Анапа. 2001.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII – II вв. до н.э. Саратов. 1999.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. М. Саратов. 2003.

Монахов С.Ю., Кузнецова. Е.В. Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на- Дону. 2009.

Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф. Амфоры Икоса //Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб. 2013.

Улитин В.В., Анфимов И.Н. Амфорные клейма из раскопок селища у станицы Старонижнестеблиевской // V Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции. Краснодар. 2015.

Шевченко Н.Ф. Племена Восточного Приазовья на рубеже эр. Ростов-на-Дону. 2013.

Шевченко Н.Ф. 2013а. Боспор и варвары Восточного Приазовья в IV в. до н.э. – I в. н.э. // БФ. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. Материалы международной научной конференции. СПб.

REFERENCES

Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Yu.V. The Second Treasure of Panticapaean Copper Coins, III. BC. from the village of Staronizneteblievskaya // Problems of history, philology, culture. Issue Viii. M.; Magnitogorsk. 2000.

Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Yu.V. Treasures of antique coins in the south of Russia (based on materials from the Krasnodar Territory). M. 2002.

Abramzon M.G., Frolova N.A., Kulikov A.V. Treasure Panticapaean copper coins III. BC. from Mirmekia (2002) // RA. 1M. 2008.

Anfimov I.N. 1987a Meotian settlements on the right bank of the lower reaches of the r. Kuban // Antique civilization and the barbaric world in the Don region – Priazovye (abstracts to the seminar). Novocherkassk.

Anfimov I.N. 1987b. Report on the excavation of the Meotian settlement near the stanitsa of Staronizhesteblievskaya Krasnoarmeysky district (Krasnodar territory) in 1986 according to the open list No. 667 // Archives of IA RAS. F. P-1. No. 11947.

Anfimov I.N. Excavations near the village of Staronizhesteblievskaya // JSC 1986. M. 1988.

Anfimov I.N. Treasure of Panticapaean coins of the beginning of the III. BC. from East Azov (Staroniznetеblievskaya village) // VDI. No. 1. 1991.

Anfimov N.V. Treasure of Panticapaean coins from the village of Staronizhnesteblievskaya // KIIMK. No. XXIV. 1949.

Anfimov N.V. Report on archaeological surveys in the Kuban region carried out by the Krasnodar Museum in 1949 and 1950. Archive of IA RAS Arch. Com 485. 1951.

Anfimov N.V. New materials on the metoo-sarmatian culture of Kuban // KIIMMK. Issue Xlvi. 1952.

Anfimov N.V. A treasure of Panticapaean coins IV. BC e. from Eastern Azov / / Antique states and the barbaric world. Ordzhonikidze. 1981.

Anfimov N.V. A hoard of Panticapaean coins from Slavyansk-on-Kuban / / SA. No. 4. 1988.

Aptekarev A.Z. On the question of the eastern border of the Kingdom of Bosporus in the second half. 4 – per. floor. 3 cc. BC. // Antique civilization and the barbaric world in the Don-Azov region. Novocherkassk. 1987.

Aptekarev A.Z. On the question of the eastern border of the Kingdom of Bosporus in the second half of the 4th - first half of the 3rd centuries. BC. // First Kuban Archaeological Conference. Krasnodar. 1989.

Berlizi N.E. On the periodization of the Meotian culture of Kuban // Regional studies on national history and culture. Krasnodar. 1999.

Gay A.N., Kamenetsky I.S. North Caucasus Expedition 1979-1983 // KIIMK. Issue 188. M. 1986.

Ivanov A.V. On the Eastern Border of the Bosporus Kingdom // Bospor Phenomenon: Population, Languages, Contacts: Materials of the International Scientific Conference. SPb. 2011.

Ivanov A.V. About the time of the foundation and cultural attribution of the Krasnobatareny site of ancient settlement // XVII Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the barbaric world in the period of antiquity and the Middle Ages. Researchers and research. Kerch. 2016.

Ivanov A.V. 2016a. Tribes of the region of Anapa-Novorossiysk and Meotians. Comparison // Antiquities of the Bosporus. Tom. 20. M.

Kamenetsky I.S. Meotians and other tribes of the North-Western Caucasus in the VII century. BC. – III century. ne // Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time. M. (Archeology of the USSR: 20 tons.). 1989.

Kamenetsky I.S. Archaeological sites of the Kuban Meotians. Krasnodar. 2000.

Kamenetsky I.S. At the borders of the Asian Bosporus // MIAK. Issue 1. Krasnodar. 2001.

Kamenetsky I.S. Main burial of Swans III burial ground // Fifth Kuban archaeological conference. Krasnodar. 2009.

Kamenetsky I.S. The history of the study of the Meotians. Moscow. 2011.

Kulikova O.P. Report on the excavation of two mounds near the village. Water in the lands of the farm «Krasnoarmeysky» Krasnoarmeysky district of Krasnodar Territory in 1978. Archive IA RAS. P-1. No. 7254. 1978.

Kononov V.Yu. Maryanskoe 1 – a new monument of the Meotian archaeological culture in Kuban (preliminary report) // EI. Krupnov and the development of the archeology of the North Caucasus. XXVIII Krupnovskie reading. Materials of a scientific conference. Moscow. 2014.

Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Typology and chronology of incense burners from the Kheubian Meotian burial grounds // MIAK. Issue 6. Krasnodar. 2006.

Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Meotian horsemen on the eastern border of the Bosporus // Elite Bosporus and Bospor elite culture. Materials of the International Round Table. SPb. 2016.

Limberis N.Yu., Marchenko I.I. 2016a. About some types of black-pot ceramics from the Meotian cemetery Swans III // Archaeological science: Practice, theory, history. Collection of articles in memory of I.S. Kamenetsky. M.

Marchenko I.I., Limberis N.Yu., Bochkova V.V. New Meotian burial ground at the Khut. Prikubansky // Third Kuban Archaeological Conference. Krasnodar - Anapa. 2001.

Monkhov C.Yu. Greek amphoras in the Black Sea. Complexes of ceramic packaging VII – II centuries. BC. Saratov. 1999.

Monkhov C.Yu. Greek amphoras in the Black Sea. Typology of amphoras of the leading centers-exporters of goods in ceramic containers: Guide-catalog. M. Saratov. 2003.

Monkhov S.Yu., Kuznetsova. E.V. About one series of amphorae of an unidentified Dorian center IV c. BC. // International relations in the Black Sea basin in the Scythian-antique and Khazar times. Rostov-on-Don. 2009.

Monakhov S.Yu., Fedoseev N.F. Ikos Amphoras // Bospor Phenomenon: Greeks and Barbarians at the Eurasian Crossroad. SPb.2013.

litin V.V., Anfimov I.N. Amphoracy marks from the excavations of a village near the village of Staronizhesteblievskaya // V «Anfimovskie readings» on the archeology of the Western Caucasus. Cultural Interactions of the Peoples of the Western Caucasus in Antiquity and the Middle Ages: Proceedings of the International Archaeological Conference. Krasnodar. 2015.

Shevchenko N.F. The tribes of Eastern Azov at the turn of er. Rostov-on-Don. 2013.

Shevchenko N.F. 2013a. Bosporus and barbarians of the Eastern Azov region in the IV. BC. - I c. ne // BF. Greeks and Barbarians at the Eurasian Crossroad: Proceedings of the International Scientific Conference. SPb.

Резюме

В представленной статье повествуется о меотских памятниках второй половины V–III вв. до н.э., расположенных в Восточном Приазовье. В рамках работы проводится анализ географического положения группировки, выдвигаются предположения о её генезисе, дается краткая характеристика памятников и их датировка. После того как был рассмотрен главный источник – данные археологии, их сумма в заключение вписывается в конкретно-историческую среду, позволяя наметить основные вехи истории меотского населения Восточного Приазовья.

Ключевые слова: Восточное Приазовье, меоты, поселения, клады боспорских монет, могильники.

Summary

The article presents the Meotian monuments of the second half of the Vth-IIIrd centuries BC, located in the Eastern Azov Sea area. As a part of the work, the analysis of the geographical position of the group is carried out, assumptions about its genesis are made, and a brief description of the monuments and their dating is given. After the main source the data of archeologyhas been considered, their sum, in conclusion, has been fitted into a specific historical environment, making it possible to outline the main milestones in the history of the Meotian population of the Eastern Azov Seaarea.

Key words: the Eastern Azov Sea area, Meotians, settlements, treasures of Bosporus coins, burial grounds.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Иванов Алексей Владимирович,
начальник археологической экспедиции,
Южный региональный центр археологических исследований,
Краснодар; сотрудник ИВИ РАН, Москва.
ivanov_arx@mail.ru,
8-918-345-70-65

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Ivanov Alexey Vladimirovich,
head of the Archaeological Expedition South Regional Center for
Archaeological Research, Krasnodar; researcher, IVI RAS, Moscow.
ivanov_arx@mail.ru,
8-918-345-70-65

Рис. 1. Карта памятников Восточного Приазовья:

1 – Прикубанский могильник. 2 – могильник хут. Зеленского. 3 – Красноармейский могильник. 4 – могильник у хут. Водный. 5 – могильник Лебеди III. 6 – могильник «Целинный». 7 – поселение у ст-цы Красноармейской (современное название ст-ца Полтавская). 8 – поселение хут. Беликов. 9 – поселение в ст-це Старонижнестеблиевской. 10 – поселение в городе Славянск-на-Кубани. 11 – поселение у ст-цы Ивановской. 12 – поселение у хут. Свистельников. 13 – поселение у пос. Прикубанский. 14 – поселение Восточноханьковское 1. 15 – клад 1941 года близ ст-цы Старонижнестеблиевской. 16 – клад 1972 года у хут. Беликов. 17 – клад 1985 года в г. Славянск-на-Кубани. 18 – клад 1986 года близ ст-цы Старонижнестеблиевской. 19 – клад у пос. Кубрисострой. 20 – клад в ст-це Староджерилиевской.

Рис. 2. Амфорные клейма из раскопок поселения у ст-цы Старонижнестеблиевской.

1 – Фасос, магистрат Дамаст I, фабрикант Эврианакт, 90 – сер. 80 гг. IV в. до н.э. 2 – Синопа, астином Макий I, фабрикант Посейдоний III, конец 20-х гг. IV – начало III вв. до н.э. 3 – Синопа, астином Гикесий I, фабрикант Сагария, конец 20-х гг. IV – начало III вв. до н.э. 4 – Синопа, астином Филон I, фабрикант Дионисий I, 50–40 гг. IV в. до н.э. Изображения и определения даны по В.В. Улитину и И.Н. Анфимову (Улитин, Анфимов, 2015, с. 284–286, рис. 1, 2).

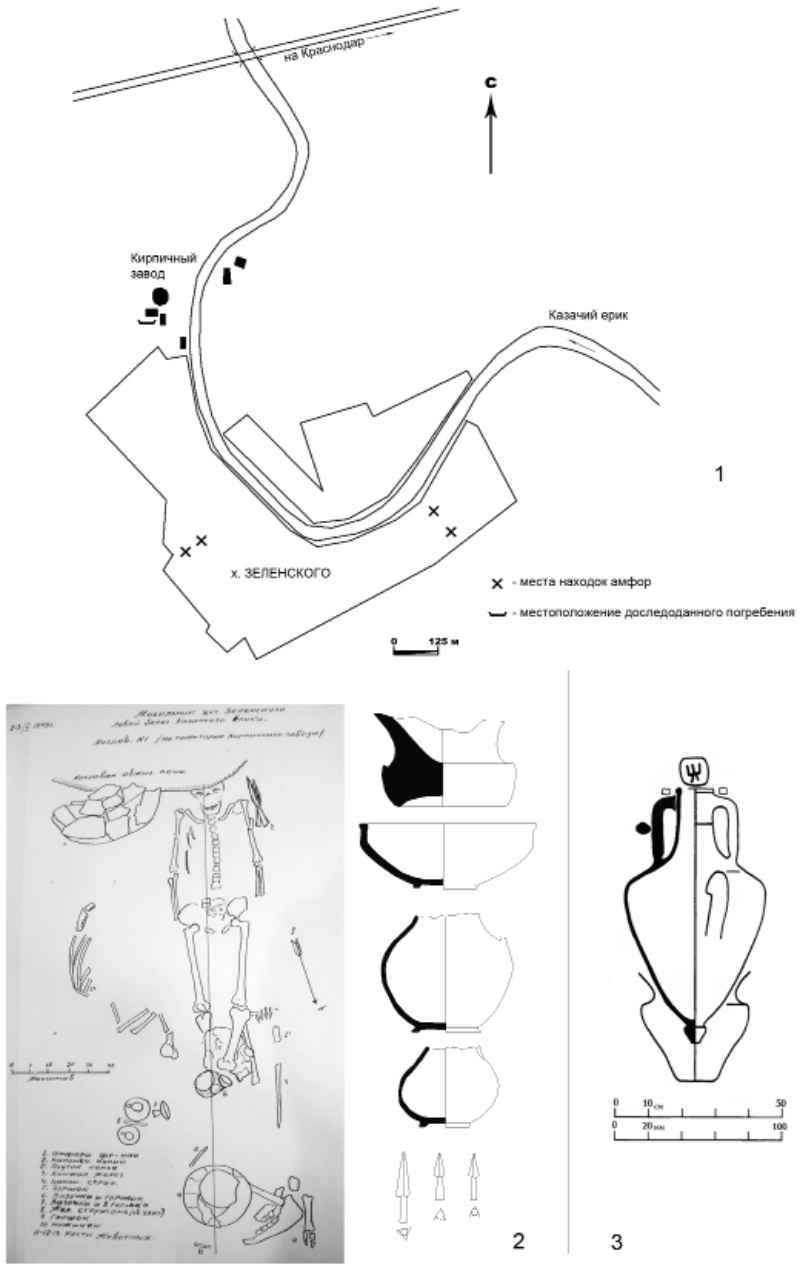

Рис. 3. Могильник хут. Зеленского:
1 – план мест находок доследованного погребения и амфор. 2 – план доследованного погребения и его инвентарь. 3 – амфора, переданная местными жителями. 1,2 – по отчету Н.В. Анфимова (Анфимов, 1951, таб. II, III, V). 3 – рисунок С.Ю. Монахова (Монахов, 2003, таб. 74, *3*).

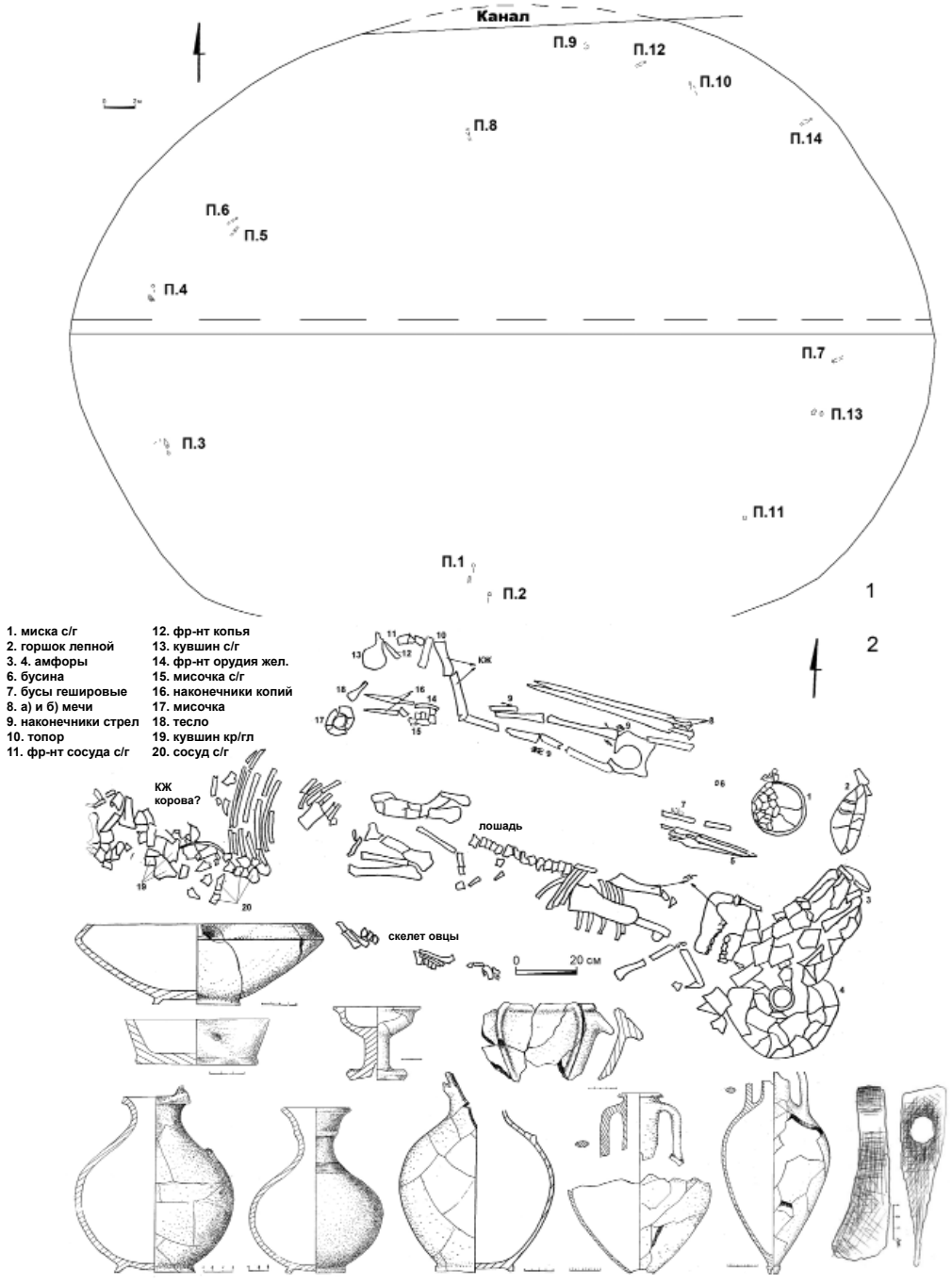

Рис. 4. Могильник у хут. Водный:

1 – общий план кургана, 2 – погребение № 1 и его инвентарь. Все по О.П. Куликовой (Куликова, 1978, рис. 17, 24-45).

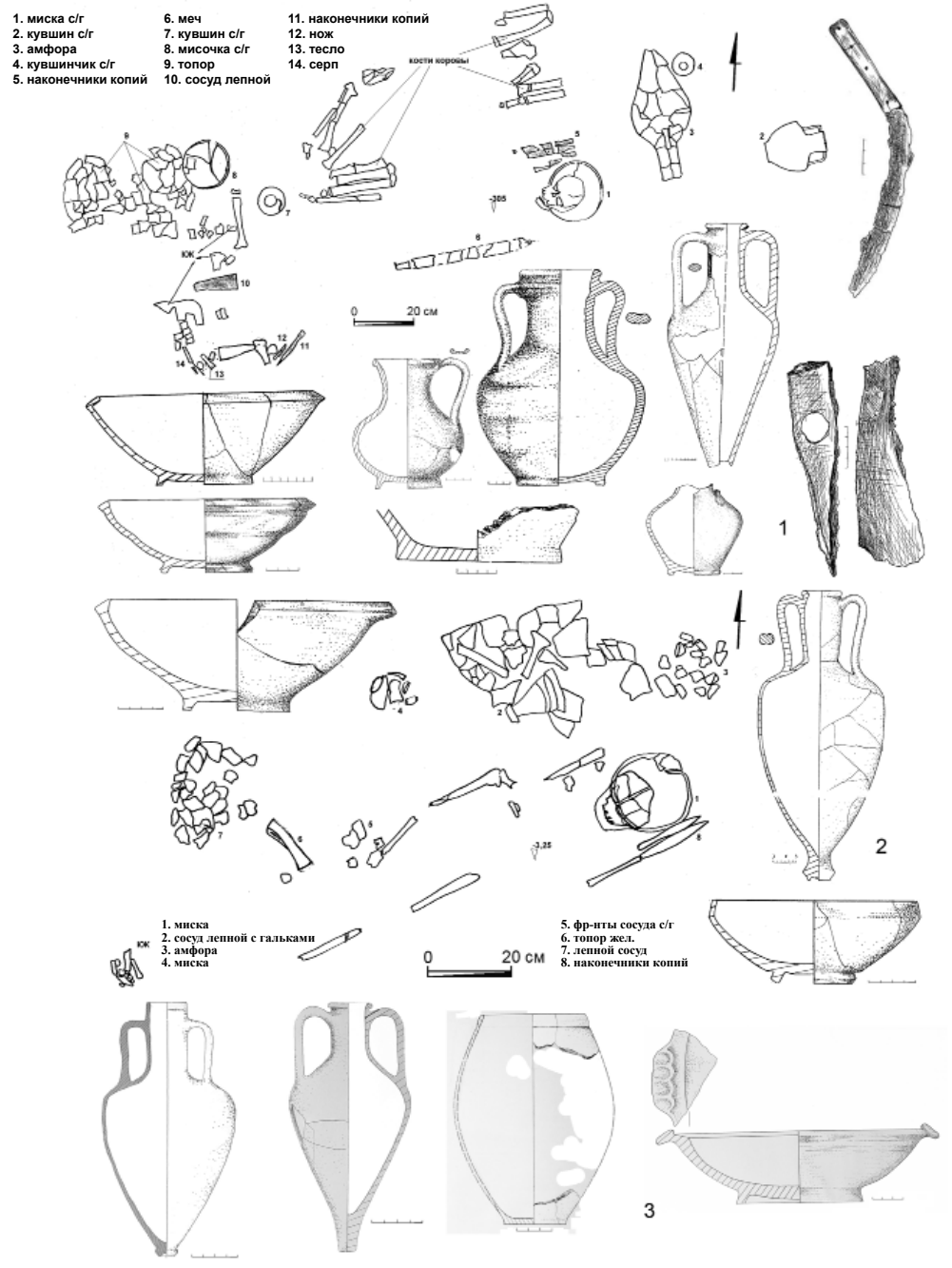

Рис. 5. Могильник у хут. Водный:

1 – погребение № 8 и его инвентарь. 2 – погребение № 10 и его инвентарь. 3 – амфоры, лепной горшок и лутерий из комплексов могильника. Все по О.П. Куликовой (Куликова, 1978, рис. 54, 86, 106–113, 121).

Рис. 6. Могильник Лебеди III. Чернолаковая посуда.
Рисунки даны по Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко (Лимберис, Марченко, 2016а, рис. 1-4).

Я.М. ПАРОМОВ
YA.M. PAROMOV

ОБРЯД ПАРНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ И ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ИДЕАЛА В МОГИЛАХ АРТЮХОВСКОГО КУРГАНА
THE RITUAL OF TWIN BURIAL ON THE TAMAN PENINSULA AND REFLECTION OF ITS IDEAL IN THE GRAVES OF ARTYUKHOVSKY KURGAN

Среди большого числа погребений античного времени и эпохи бронзы, открытых на Таманском полуострове за два века археологических исследований, парные погребения занимают особое место и заслуживают особого внимания. Следует отметить, что в данной статье понятие «парные погребения» охватывает только синхронные или близкие по времени совместные захоронения мужа и жены в одной специально построенной для этой цели гробнице. Эта форма обряда появляется в глубокой древности вместе с первыми свидетельствами погребальной практики и существует до настоящего времени [Андреева, 2005, с. 69]. Главная задача настоящей статьи – приблизиться к осмыслению феномена парных погребений Артюховского кургана, ставших вершиной развития данного обряда на территории Таманского полуострова.

Первые свидетельства, относящиеся к нашей теме, можно найти в области первобытного искусства. Наиболее ранние памятники антропоморфной скульптуры созданы, скорее всего, представителями земледельческих культур Северной Месопотамии. Вероятно, еще в эпоху раннего неолита в этом регионе появилась традиция изготовления каменных антропоморфных фигур. Две из них, относящиеся к VI тыс. до н.э., были обнаружены при раскопках храма в Айн-Гхасаль (рис. 1). В этих произведениях обращает на себя внимание парность скульптур, олицетворявшая магическую силу удвоения и приумножения всего живого [Молева, 2012, с. 16. Табл. I,*1а,б*]. Однако прежде всего в них ясно выражена идея двуединства, чрезвычайно близкая главной идее парного погребения.

Сложнее воспринимается и трактуется двуглавая мраморная фигура из Чатал-Хююка (рис. 2). По мнению исследователя неолитического искусства Анатолии В.А. Семенова, божественная семья в том древнем обществе представлялась в человеческом образе и ее четыре аспекта были подчеркнуты особо: мать, дочь, сын и отец. Вопрос состоит в том, воспринимали ли люди эпохи неолита эти воплощения четырех аспектов семьи как четырех богов или как двух – обобщенного образа женщины и образа мужчины. Что особенно заслуживало внимания в неолитической религии Анатолии и применимо к Чатал Хююку так же, как и к Хаджилару, – это полное отсутствие признаков пола у любой из фигур: будь то статуэтка, рельеф или стенная роспись. Репродуктивные органы никогда не подчеркивались [Семенов, 2008, с. 227, ил. 227]. Последнее, скорее всего, лишь усиливает идею двуединства,

выраженную в этой мраморной фигуре так же отчетливо, как в фигурках из храма Айн Гхасаль. Вероятно, то же можно сказать и о сдвоенной фигурке, найденной при раскопках телля Винча близ Белграда (рис. 3). Эта статуэтка принадлежит культуре эпохи позднего неолита – раннего энеолита, названной по теллю и датируемой последней третью VI – первой половиной V тыс. до н.э. [Молева, 2012, с. 60, рис. 4].

Среди сравнительно небольшого числа произведений пластического искусства, найденных на Ближнем Востоке, нашей теме близка небольшая каменная статуэтка, купленная известным французским ученым аббатом Брейлем (Анри Эдуар Проспер) у бедуинов (рис. 4). Она происходит, предположительно, из Айн-Сахри и представляет собой пару сидящих с поднятыми коленями обнимающихся людей. Подобный сюжет известен среди петроглифов Кильвы и, по мнению исследователя, относится к VII–IV тыс. до н.э., являясь наследием культуры ранних охотников [Семенов, 2008, с. 176, 177, ил. 172].

Особого внимания заслуживают каменные изваяния и надгробия эпохи бронзы и раннего железного века, найденные на Боспоре. На первом месте здесь стоят две антропоморфные плиты, обнаруженные в основании кладки крепостной стены Тиритаки, где они были использованы как строительный материал (рис. 5). Эти изваяния представляют собой грубо выполненные изображения человеческих фигур: одно – мужчины, другое – женщины, о чем свидетельствуют показанные на второй стеле груди. На обеих плитах, имеющих значительные размеры (высота 1,4 и 1,28 м, ширина 0,55 и 0,63 м), в высшей степени условно представлены плоским рельефом человеческие образы с особо подчеркнутым изображением рук, показанных от плеча до локтя горизонтально, вдоль верхнего края плиты. От локтя руки сгибаются под острым углом, немного сведены и направлены книзу. Ладони прижаты, причем на обоих рельефах в одинаковом стиле показаны вытянутые и чуть разведенные пальцы обеих кистей рук. Головы изваяний исполнены в виде небольшого выступа посредине плиты, лица лишь намечены. Антропоморфные плиты предназначались для установки в земле, о чем свидетельствует их неотделанная нижняя часть, отличающаяся по цвету [Книпович, Славин, 1941, с. 38, 39, рис. 50, 51; Гайдукевич, 1949, с. 31; Молева, 2012, с. 60]. Условия находки не позволяют говорить о месте установки этих стел, однако благодаря соразмерности и сходству, единству стиля и техники исполнения они представляют совершенно определенное единство и вполне могли стоять рядом, принадлежа парному погребению.

В пользу этого предположения говорит также надгробная плита из местного раковистого известняка с изображением двух стоящих в фас фигур – мужской и женской, найденная на горе Опук, вблизи Киммерика, и связанная, скорее всего, с одной из парных могил здешнего некрополя (рис. 6). По мнению А.П. Ивановой, занимавшейся исследованием скульптуры и живописи Боспора, боспорские антропоморфные надгробия восходят к догреческим художественным традициям, идущим от первобытного общества. В этом памятнике она выделяет строгую геометричность фигур, трактовку глаз и носа, а также плеч и рук женской фигуры, исполненных в

чуть более сильном рельефе, образующем как бы обрамляющую всю фигуру рамку (высота стелы 1,11 м, ширина 0,65 м). Сравнивая это надгробие с тиритакскими «менгирами», она относит плиту с примитивным изображением мужской и женской фигур к значительно более поздней эпохе [Иванова, 1950, с. 247, рис. 10].

Систематическим изучением боспорских антропоморфных изваяний уже более сорока лет занимается Н.В. Молева, исследуя эти памятники в контексте общего развития культуры древнего мира (Ближнего Востока, минойской и древнегреческой цивилизаций, а также Северного Причерноморья). Как и рассмотренные стелы из Тиритаки и Киммерика, с нашей темой непосредственно связаны опубликованные ею три парные надгробия эллинистического времени из Нимфея и Горгиппии. На первой стеле, найденной в Нимфее и датированной III в. до н.э., в рельефном прямоугольном обрамлении изображены в плоском низком рельефе две фигуры – мужская и женская, расположенные вплотную друг к другу (рис. 7). Обе фигуры очень похожи, однако мужская – уже и выше, женская – шире и ниже. По своим пропорциям они напоминают поколенные статуи-полуфигуры. Головы изваяний круглые, шеи сравнительно длинные, заметно расширяющиеся книзу; плечи резко подняты кверху и заострены; туловища прямоугольные (высота известнякового надгробия 0,75 м, ширина 0,55 м) [Молева, 1999, с. 324, 325. № 23; 2012, с. 101. № 25].

Вторая нимфейская стела, также датируемая III в. до н.э., представляет собой известняковую плиту (высота 0,72 м, ширина 0,44 м) с рельефным изображением двух поколенных антропоморфных фигур, помещенных в небольшое углубление, ограниченное со всех сторон выпуклой рамкой (рис. 8). Обе фигуры выполнены в плоском низком рельефе и расположены вплотную друг к другу. Они имеют круглые головы на удлиненных шеях, резко переходящих в поднятые под острым углом плечи, и вертикальные прямые туловища. В нижней части стела заканчивается большим выступом-шипом для крепления в постаменте [Молева, 1999, с. 325. № 24; 2012, с. 102. № 26].

Парное антропоморфное надгробие из Горгиппии представлено в виде двух расположенных вплотную друг к другу одинаковых по форме гермообразных фигур, высеченных на одном блоке белого плотного известняка (рис. 9). Обе фигуры имеют одинаковые круглые головы с подчеркнутым плоским овалом лица и короткие шеи, плавно переходящие в немного скошенные плечи. Прямоугольные туловища разделяет линия глубокой вертикальной врезки. На боковых гранях сохранилась розовато-бежевая штукатурка со следами красной краски (высота надгробия 0,73 м, ширина 0,46 м). Памятник датирован второй половиной IV – III вв. до н.э. [Молева, 2012, с. 153. № 112].

Последним в ряду боспорских парных надгробий является найденное в Фанагории известняковое надгробие мужчины и женщины (рис. 10). Оно выполнено в виде прямоугольной плиты, увенчанной низким рельефным фронтоном (высота надгробия 0,68 м, ширина 0,64 м). В углубленном поле плиты изображены полуфигуры мужчины (справа от зрителя) и женщины (слева), имеющей несколько меньшие

размеры. Обе фигуры по стилю и технике выполнения приближаются к круглым статуям-полуфигурам, характерным для надгробных памятников Азиатского Боспора. Надгробие датировано II–I вв. до н.э. [Коровина, 1968, с. 101, ил. 4; 1987а, с. 195. № 130].

Выше были рассмотрены парные антропоморфные изваяния и надгробия эпохи бронзы и античного времени, найденные на Боспоре (рис. 5–10). Следует отметить, что памятники этого типа представляют собой редкое явление. Вероятно, ранее они были установлены на могилах супругов, будучи необходимой и важной частью ритуальной церемонии обряда их совместного захоронения (единовременного или разделенного по времени). Техника и стиль исполнения этих скульптур, схематическое изображение человека на антропоморфных стелах привели хорошо знакомую с этими памятниками исследовательницу к заключению, что они были созданы в смешанной среде греко-меото-синдского населения [Кобылина, 1956, с. 44]. По авторитетному мнению Н.В. Молевой, боспорские парные антропоморфные изображения позволяют сделать вывод о сильном консерватизме и необыкновенной живучести древнейших погребальных традиций в античный период [Молева, 2012, с. 60].

В культуре античного мира главная идея парного погребения наиболее полно была выражена, скорее всего, в памятниках погребальной скульптуры этрусков. В конце VI в. до н.э. был создан терракотовый саркофаг из Черветери, на крышке которого изображена супружеская чета (рис. 11). Перед нами муж и жена, которые полулежат на мягкой подстилке, опираясь левыми локтями на подушки, подняв головы и одинаково повернувшись к зрителю. Правой рукой мужчина обнял за плечи женщину, прижавшуюся своим левым плечом к его груди. В своем анализе известный искусствовед отмечает настроение покоя и умиротворенности, а также чувство глубокого внутреннего согласия супругов, переданное скульптором (рис. 12). Особое внимание в своем анализе он уделяет обобщенно трактованным крупным чертам умерших, смотрящих в одну сторону, их миндалевидным глазам, приподнятым в улыбке уголкам губ и, главное, общей просветленности их ликов [Соколов, 1990, с. 138–142, ил. 82, 83]. К сказанному можно добавить лишь одно слово о ясно выраженных в обеих фигурах этого выдающегося памятника чувстве достоинства и сознании благородства.

С особой полнотой и проникновенностью главная идея обряда парных погребений представлена в рельефе на крышке каменного саркофага IV в. до н.э. из Вульчи (рис. 13). На ней изображены не традиционные опирающиеся на локоть полулежащие фигуры, а муж и жена, возлежащие рядом и обнимающие друг друга за плечи. В сравнении с предшествующим временем трактовка их фигур более гармонична. Они показаны лежащими в естественных и спокойных позах, под одним, обрисовывающим их тела покрывалом, головы немного наклонены и повернуты одна к другой. На краю крышки этого гроба написано, что в нем похоронена Ратма Висна, жена Арнта Тетна. На торце саркофага изображена сцена путешествия в загробное царство: колесница с широким зонтом, в которую запряжены две неторопливо ша-

гающие лошади. На продольной стороне помещены фигуры десяти мужчин и женщин, идущих с музыкальными инструментами и чашами в руках [Соколов, 1990, с. 234–236, ил. 134, 135]. В фигурах и особенно в лицах обоих супругов, изображенных на крышке саркофага из Вульчи, с удивительной простотой отразилась предельно сосредоточенная, молитвенная забота о любимом человеке, духовная близость и растворение друг в друге, то состояние, которое можно определить только как совокупность совершенства.

В эллинистическое время, наряду с саркофагами из камня и обожженной глины, в погребальной практике этрусков получили широкое распространение терракотовые и алебастровые урны. На крышках двух урн из Перуджи и Вольтерры (рис. 14) показаны муж и жена в традиционных позах, встречающихся еще в века расцвета этрусского искусства. Размеры этих урн вынуждали скульпторов настолько искажать пропорции фигур, что они представляются неестественно короткими. Однако, допуская искажения в трактовке тел, в лицах мастера стремились к детальному воспроизведению внешности оригиналов, с предельным реализмом изображая их характерные черты и настроение. Хотя эти портреты чаще всего были меньше натуральной величины, в них звучали глубокие и разнообразные чувства: возвышенные или скорбные, иногда будничные, резкие и кажущиеся грубоватыми за счет своей простоты. Особенно заметно это в лицах умерших, называемых «супруги», изображенных возлежащими на крышке терракотовой урны III–II вв. до н.э. из музея Вольтерры, в которых вместе с целой гаммой чувств выражены, прежде всего, непреходящая любовь и абсолютная преданность друг другу [Соколов, 1990, с. 289–293, ил. 165].

Выше были рассмотрены каменные изваяния и надгробия Боспора, а также памятники погребальной скульптуры этрусков, в которых наиболее полно отразилась главная идея парного погребения (рис. 5–14). Круг этих памятников невелик. В противоположность ему практически невозможно учесть многочисленные надгробия, рельефы, стелы, терракоты, росписи гробниц и другие памятники, в которых изображены такие сюжеты, как «загробная трапеза», «погребальный пир», «сцена прощания», «священный брак», и другие действия, связанные с погребальными обрядами. В редких случаях они представляют собой изображения двух супругов. В подавляющем большинстве это многофигурные композиции, в которых более крупно выделены главные действующие лица – муж и жена, находящиеся в окружении двух-трех или нескольких родственников, детей, адорантов, где показаны виночерпии, слуги, музыканты, жертвенные животные и т.д. Эти памятники, исполненные иногда с высоким мастерством, подробно фиксируют погребальную церемонию, состав и порядок ритуальных действий во время похорон, однако главная идея или сущность этих обрядовых действий как бы постепенно растворяется, отходит на второй план и почти исчезает.

Одним из таких памятников является известняковое надгробие второй четверти – середины V в. до н.э. с изображением «загробной трапезы», происходящее с острова Кипр (рис. 15). Оно оформлено в виде эдикулы, на которой сверху помещена

фигура оберегающего могилу льва с обращенной к зрителю оскаленной мордой и закрученным хвостом. В прямоугольном (почти квадратном) пространстве эдикулы представлена погребальная трапеза с двумя традиционными для этой темы фигурами – полулежащего на левом боку мужчины и сидящей рядом с ним женщины, причем его босые ноги видны за ней в левом углу эдикулы. Оба супруга одеты в хитоны с короткими рукавами. Голова мужа увенчана венком, лицо широкое и округлое, обрамленное небольшой вьющейся бородкой. На лицах обоих супругов «архаическая» улыбка. Лицо жены, как и у мужа, округлое и полное, с такими же большими глазами. В правой руке мужчина держит фиалу, в левой, согнутой в локте и облокотившейся на подушки, – круглый плод. На ложе перед ним у ног женщины – еще два плода. Жена изображена в покрывале, ниспадающем с головы на плечи. На рельефе местами сохранились остатки красной краски (на фоне, на губах женщины и ее одежде). Особенно следует отметить высокое качество исполнения надгробия [Савельев, 1987, с. 38, 39. № 6].

Близкий в сюжетном плане, однако значительно отличающийся по композиции мраморный рельеф IV в. до н.э. с изображением «загробной трапезы» находится в ГМИИ им. А.С. Пушкина (рис. 16). Левая часть плиты утеряна. Верх рельефа оформлен в виде крыши с антефиксами, опирающейся на пилястры. На сохранившейся части рельефа представлена фигура полуобнаженного мужчины, возлежащего на левом боку и опирающегося согнутой левой рукой на изголовье ложа. В правой руке он держит фиалу. У его ног сидит женщина в хитоне и гиматии, накинутом на голову. Перед ложем столик с яствами. Справа от столика маленькая фигурка обнаженного виночерпия, переливающего вино из меха в кратер. Символами хтонического характера сцены являются змея, извивающаяся справа от стола, и голова лошади в правом верхнем углу рельефа. Аналогичные по теме и сохранившиеся полностью памятники того же времени из Фив, а также мраморный рельеф, найденный в Анапе, удачно дополняют утраченную левую часть рельефа из ГМИИ. Согласно иконографии «загробного пира», в левой части рельефа изображались фигуры родственников и слуг, обращенных к возлежащему – героизированному умершему [Акимова, 1987, с. 43. № 9]. Позднее, в эллинистическое время, этот тип рельефов получил распространение в Западном, а затем и в Северном Причерноморье [Кругликова, 1962, с. 284–289]. В настоящее время мнение о принадлежности подобных рельефов культу героев и героизированных предков считается общепринятым, однако это мнение, с которым трудно не согласиться, представляется несколько обобщенно-упрощенным. Вместе с героизированным умершим перед зрителем предстают и оказавшиеся в трагической ситуации его близкие, прежде всего – жена.

В этом отношении заслуживают внимания две фрески конца IV – начала III вв. до н.э. гробницы Щитов из Тарквиний, на которых представлены похожие сцены «заупокойной трапезы». Композиция обеих росписей традиционна. На каждой справа от зрителя перед невысоким столиком с яствами возлежит этруск, рядом с ним слева сидит его жена. На одной фреске слева от ложа стоят два музыканта: кифаред и флей-

тист, на другой – слуга с опахалом. Первая роспись более живописна, вторая – более графична. Фреска с музыкантами представляет заупокойную трапезу супругов Велтур Велха и Ларт Велха, имена которых написаны рядом с изображениями (рис. 17). Опираясь левым локтем на подушку, Велтур положил правую руку на плечо сидящей рядом супруги. Лицо его задумчиво и печально. В широко раскрытых темных глазах Ларт отразились скорбь и ужас, глубокая обреченность и покорность, страх перед тайной смерти. По мнению Г.И. Соколова, такой конкретности в передаче внутреннего трепета и тревоги человека, расстающегося с близким, не знали древнегреческие мастера. В сравнении с лицом Ларт лицо женщины на другой фреске кажется менее эмоциональным. В росписи с музыкантами, где женщина охвачена страхом, мужчина кажется спокойнее; на другой фреске более встревоженным кажется мужчина, но чувства его, даже если предположить, что именно он усопший, выражены далеко не с такой силой, с какой выражены они у Ларт. Вполне возможно, что в обеих росписях рядом с умершим показан живой человек, как на греческих белофонных лекифах [Соколов, 1990, с. 277–280, ил. 158; Чубова, 1972, ил. 91].

Многое в нашей теме могут прояснить надгробные памятники Древней Греции, с удивительной силой отразившие жизнь и культуру античного мира. Одним из ранних изображений супружеской пары является стела из Хрисафы (540–530 гг. до н.э.). Будучи примером «восточного» подхода в изображении умерших, она показывает их восседающими на троне в образе двух богов. Мужчина изображен как бы «снаружи» рельефа, ближе к зрителю, женщина – «в глубине», на втором плане. Оба держат атрибуты: он – канфар с вином в поднятых и протянутых вперед руках, она – гранатовое яблоко в ладонях, опущенных на колени. Фронтальный лик мужчины с «архаической» улыбкой, обращенный к зрителю, говорит, что он является главным или ведущим героем ритуала. Женщина изображена в профиль. Положение ее на троне рядом с мужчиной как бы свидетельствует об уравнивании супругов перед лицом смерти. Обожествление умерших подчеркнуто их огромными размерами по сравнению с микроскопическими адорантами, стоящими с приношениями у их ног [Акимова, 2007а, с. 322, 323, ил. 274]. Следует отметить, что изображение на этой стеле по смыслу и символике далеко от нашей темы.

С завершением работ над скульптурным декором Парфенона в 430-е гг. до н.э. в Афинах возрождается изготовление мемориальных стел, прервавшееся в конце VI в. до н.э. Поначалу неровный художественный уровень их исполнения с приходом больших мастеров поднимается до высокого искусства. До наших дней сохранилось более четырех тысяч классических надгробных рельефов, найденных в Афинах и Аттике. Среди них, по мнению Л.И. Акимовой, нет ни одного, который не тронул бы сердце зрителя. По ее словам, аттическое надгробие – уникальный феномен в мировом погребальном искусстве. В IV в. до н.э., одновременно с падением гражданского пафоса и утратой идеалов, в надгробных стелах исчезают изображения героизированных предков и сюжетов, связанных с воинской славой. Главное место в мемориальной скульптуре поздних Афин занимают семейные сцены. Среди них

доминируют супружеские, в которых муж и жена, соединив руки, смотрят друг на друга безмолвным, всепонимающим взглядом. Иногда один из супругов сидит (чаще ушедший из жизни), другой стоит рядом и пристально смотрит на сидящего с любовью, грустью, надеждой на встречу и состраданием. На некоторых надгробиях имеется надпись ΧΑΙΡΕ, что означает и «здравствуй», и «прощай». «Порвалась связь времен», зритель явственно ощущает, что круг жизни размыкается, пространство распадается на мириады хаотически перемещающихся атомов [Акимова, 2007б, с. 248, 364].

В эпоху поздней классики семья являлась для греков самым священным понятием. Кроме жены и мужа, на погребальных рельефах появляются братья и сестры, дяди и тети, бабушки и дедушки, другие члены семьи, старые няни и воспитатели, домашние птицы, коты и собаки. Все выходят на прощальную встречу с умершим, все окружают его своим вниманием. Такая семейная сцена показана на мраморной стеле Дамасистраты из Афин, датируемой третьей четвертью IV в. до н.э. (рис. 18). Изображение дано на фоне увенчанного фронтоном строения, напоминающего святилище. На эпистоле фронтона обозначены имена умерших. Центральной фигурой композиции является величественная Дамасистрата, сидящая на троне. Подняв голову, она пристально вглядывается в лицо стоящего перед ней немолодого супруга. Стригиль в его опущенной левой руке говорит, что именно он тот персонаж, по смерти которого поставлена стела. Их взгляды направлены друг на друга, а руки соединились в пожатии. Время как бы остановилось. Между мужем и женой изображена женская фигура с тем же жестом скорби, что и у Дамасистраты. За спинкой ее трона стоит девушка, очевидно, дочь, которая смотрит на своего отца из-за спины матери. Судя по композиции стелы, умершим является мужчина, судя по надписи на фронтоне – женщина. Но скорее, это общая стела всей семьи, члены которой будут со временем похоронены на том же участке. Следует отметить, что на ряде поздних надгробий исчезает и символическая связь рук, и связь взглядов. Умершие и живые не вступают в контакт друг с другом – не потому, что пребывают в разных сферах, просто умершие отворачиваются от живых и как бы принципиально не смотрят на родных. При этом зритель словно заглядывает в реальный дом и становится участником потустороннего семейного совета – свидетелем загадочной встречи душ и очевидной невозможности их соединения [Акимова, 2007б, с. 364, 365, ил. 318].

Сюжет близкий или, во всяком случае, имеющий отношение к теме данной статьи, нашел отображение в искусстве малых форм. В одном из женских погребений кургана Большая Близница на Таманском полуострове (захоронение жрицы из склепа № 4) был найден набор из 28 (сохранилось 27) «карикатурных» терракот. Одна из статуэток этого комплекса, датируемая второй четвертью IV в. до н.э., изображает супругов, возлежащих на ложе (рис. 19). По мнению А.А. Передольской, рассматриваемая парная терракота больше всего напоминает традиционные группы супругов на крышках этрусских саркофагов и урн [Передольская, 1950, с. 261]. В ее толковании всего комплекса статуэток, основанном на интерпретации так называемого

Гомеровского гимна Деметре, группа супругов на ложе определена как «священный брак». Своеобразные особенности в характеристике обеих фигур – тучное немолодое женское тело, пожилой возраст мужчины, его головной убор в виде толстой жреческой повязки, венка и лент, а также атрибут в виде гранатового плода – побудили А.А. Передольскую сделать вывод, что в этой группе была выражена идея «священного брака», корнями своими уходившая еще в догреческий мир, в догреческую религию. Терракотовая группа супругов из Большой Близницы, по ее убеждению, должна воспроизводить один из древнейших обрядов какого-то земледельческого культа, возникшего в недрах еще родового общества [Передольская, 1950, с. 261–263; 1962, с. 68–70, рис. 25]. Следует отметить, что эта интерпретация не является единственной. Разделяя мнение А.А. Передольской, необходимо сказать, что ее истолкование комплекса статуэток из Большой Близницы, основанное на схеме, пусть даже такой прекрасной, как Гомеровский гимн Деметре, не может и не обязано быть исчерпывающим. Последний сюжет возвращает нас на Таманскую землю.

Парные погребения в курганах и могильниках Таманского полуострова были выявлены еще в XIX в., однако привлекли к себе внимание лишь в последнее время прежде всего благодаря масштабным исследованиям и выдающимся открытиям в могильниках Артющенко 2 и Волна 1. Оба памятника находятся в юго-западной части полуострова и относятся к наиболее ранним грунтовым могильникам на его территории. Некрополь Артющенко 2 исследуется Таманским отрядом Бугазской экспедиции ИИМК РАН под руководством С.В. Кашаева с 2003 г. Грунтовой могильник Волна 1 исследуется экспедицией ООО «Ирида» под руководством И.В. Цокур с 2015 г. и Сочинской экспедицией ИА РАН под руководством Р.А. Мимохода и П.С. Успенского с 2016 г. Хочу выразить благодарность своим коллегам за возможность ознакомиться с материалами исследований и использовать их в данной работе.

Первая публикация, посвященная парным погребениям Таманского полуострова, появилась в 2006 г. и была основана на материалах некрополя Артющенко 2 [Кашаев, 2006]. Она была вызвана интересом автора к захоронениям двух человек – мужчины и женщины, предположительно семейной пары. В небольшой статье было приведено описание пяти погребений (№ 7, 10, 21, 24, 25) и дан краткий анализ конструкции погребальных сооружений, инвентаря и деления его по принадлежности погребенным людям, наличия в керамическом комплексе лепных сосудов и довольно необычного признака – присутствия в погребениях скелета змеи и его связи с женским захоронением. В последовавших публикациях по могильнику Артющенко 2 был значительно расширен круг нараставшего по мере раскопок материала, а также подробно рассмотрены отдельные категории инвентаря: клинковое оружие, расписные сосуды и т.д. [Кашаев, 2009; 2010; 2011; Ворошилов, Кашаев, 2010].

В 2013 г. вышли две работы, посвященные парным погребениям античного времени в могильниках Таманского полуострова [Паромов, 2013а; 2013б]. Первая носила обзорный характер и имела своей целью собрать и представить читателю

почти не известные в силу крайней ограниченности опубликованных источников памятники; вторая – полнее раскрыть характерные особенности обряда парных погребений. В первой работе приведены описания 30 парных погребений из восьми могильников: некрополя Артющенко 2 (5 погребений), могильника у поселения Волна 4 (1); некрополя Гермонассы (2); некрополя Кеп (7); могильника у хутора Кротенко (3); некрополя Тирамбы (3); Тузлинского некрополя (6) и некрополя Фанагории (3). Время этих погребений охватывает почти всю античную эпоху (от конца VI – V вв. до н.э. до I–III вв. н.э.). Их ближайшее рассмотрение говорит о равном положении умерших при жизни и одинаковом почете, оказываемом им после смерти [Максимова, 1979, с. 15]. Второй особенностью, выделяющей парные погребения во всех могильниках, является их богатство. Почти три четверти погребений было совершено в специально устроенных могилах: сырцовых склепах или гробницах, ямах, перекрытых деревом, засыпанным сверху песком, ракушкой или слоем камки (морских водорослей), в земляных склепах, подбое, а также в каменных ящиках, гробницах и сводчатом склепе. Четверть погребений была совершена в простых грунтовых ямах. Необходимо отметить, что разнообразие погребальных сооружений никак не влияло на сам обряд: поза погребенных, их ориентировка, инвентарь захоронений в общем оставались теми же, с одним уточнением, что погребальный инвентарь, оставаясь «стандартным» по характеру, по количеству и ценности вещей зависел от благосостояния семьи умерших и положения ее в обществе.

Среди инвентаря, помещавшегося в могилу, в упомянутых работах выделено несколько категорий, соответствовавших конкретным потребностям и отвечавших определенным целям: 1) сосуды для воды и вина и с ними – столовая посуда; 2) сосуды для питья; 3) сосуды для умащения; 4) вещи, принадлежавшие мужчинам; 5) вещи, принадлежавшие женщинам; 6) амулеты, обереги и другие предметы, имевшие символическое значение. В последней категории особого внимания заслуживают нигде, кроме Боспора, не встречающиеся золотые и железные перстни со вставками из необработанного куска железа, найденные в Артюховском кургане и интерпретируемые как талисманы [Максимова, 1979, с. 21, 36, 66]. С такой же железной вставкой был найден серебряный перстень на левой руке мужчины одного из парных погребений некрополя Фанагории [Коровина, 1987б, с. 97, 98].

Вопрос о роли, которую играла в сложении боспорской культуры местная этническая среда, глубоко интересовал многих исследователей. В своих работах они вполне обоснованно относили к местному влиянию такие явления, как само богатство и роскошь многих (прежде всего курганных) погребений, наличие в могилах оружия исключительно скифского и синдо-меотского типа, находки в погребениях элементов узды, а также сопроводительные конские захоронения. С местным влиянием они связывали присутствие в могилах лепных сосудов, заупокойной пищи, амфор с вином и киафов, сырцовые гробницы ранних погребений и т.д. [Гайдукевич и Капошина, 1951, с. 163–168; Цветаева, 1951, с. 67, 68; Сокольский, 1954, с. 126; Кастанаян, 1959, с. 269, 270, 294; Коровина, 1957, с. 187]. Все отмеченные выше

явления были в полной мере присущи парным погребениям, составляя характерные особенности этого обряда в могильниках и курганах Таманского полуострова с самого раннего времени [Паромов, 2013а, с. 157–159; 2013б, с. 330, 331].

Краткий анализ сведений о парных погребениях некрополя Артющенко 2, основанный на данных раскопок 2003–2015 гг., был опубликован в 2016 г. [Кашаев, 2016]. Всего на тот момент в могильнике было обнаружено 170 погребений. Выборка наиболее типичных, по словам автора, совместных захоронений мужчины и женщины или двух взрослых и с ними ребенка (3 случая) содержит 11 погребений, что составляет 6,5% от общего числа исследованных могил. Все погребения относятся к ранним и датируются V в. до н.э. (9) или концом V – началом IV вв. до н.э. (2). Все погребения ориентированы головой на восток или с небольшим отклонением к северу. В этих захоронениях чаще всего мужчина по возрасту немного старше женщины. Какой-то закономерности или закрепления места в могиле за мужчиной или женщиной зафиксировано не было. У каждого погребенного различается свой «основной» набор инвентаря (сосуды для еды, вина и питья). Наличие в могилах лепной керамики истолковано как косвенное указание на местное происхождение женщин; оружие у мужчин – как дополнение к «основному» набору инвентаря (с чем трудно согласиться в силу большого значения самого оружия, а также по причине распространенности положения оружия в могилу – 8 случаев из 11). У женщин в виде дополнения к «основному» набору названы зеркало и различные украшения (7 случаев из 11). Находки туалетных сосудов отмечены как при мужских, так и при женских захоронениях. В заключение вновь прозвучали главные моменты: о принадлежности этих погребений семейным парам, о богатстве инвентаря и греческом происхождении практически всех обнаруженных предметов, за исключением оружия и лепных сосудов [Кашаев, 2016, с. 173–175, 180].

Новые перспективы в изучении общей погребальной практики раннеантичного времени на Таманском полуострове открылись благодаря последним исследованиям грунтового могильника Волна 1. Начиная с 2015 г. на этом некрополе было раскопано не менее 1100 погребений, что выдвигает его в число наиболее представительных памятников всего Северного Причерноморья. В силу огромного количества находок и массы другой информации первые публикации по памятнику носят предварительный характер, отражая наиболее общие черты погребального обряда, наиболее яркие категории находок и уникальные артефакты [Цокур, 2016; Цокур, Селивантьев, Горболь, 2016; Цокур, Селивантьев, Шереметьева, 2016; Мимоход, Успенский, 2017; Мимоход, Сударев, Успенский, 2018].

В могильнике Волна 1 все захоронения были совершены по обряду ингумации. Наиболее многочисленны погребения в простых грунтовых ямах прямоугольной или овальной формы. Вторую группу составляли захоронения в сырцовых гробницах. В абсолютном большинстве могил скелеты лежали в вытянутой позе, на спине, черепом к востоку, иногда с небольшим отклонением к северу или югу, с вытянутыми руками и ногами; в некоторых случаях – на спине с подогнутыми

в коленях и разведенными в стороны ногами (так называемая поза всадника); еще реже – скорченно на правом или левом боку. В парных захоронениях скелеты лежали в вытянутом положении на спине рядом друг с другом. Инвентарь, иногда насчитывавший более 20 различных предметов, размещался преимущественно слева от погребенных. Сосуды устанавливались в одну линию вдоль южной стенки могилы, реже – в ногах или у головы умершего. Найденный инвентарь относился к разным категориям. Более 35% погребений содержали предметы наступательного вооружения: железные мечи и наконечники копий, бронзовые и железные наконечники стрел, железные ножи. Мечи, относящиеся к различным типам акинаков, в большинстве случаев находились в районе пояса, реже лежали у тела или у левой ноги погребенного; копья – вдоль северной стенки могильной ямы или сырцовой гробницы, острием к голове (к востоку). Найденные наконечники стрел делятся на несколько типов: бронзовые – трехгранные с выделенной втулкой или без нее; железные – трехгранные с выделенной втулкой, бронебойные и костяные пулевидные. Среди женских украшений встречены бронзовые и серебряные спиралевидные подвески с четырехгранными пирамидками-наконечниками, бронзовые серьги, несколько фигурных подвесок из желтого металла, бронзовые и железные перстни с щитком, бронзовые кольца, стеклянные и пастовые бусы [Цокур, 2016, с. 493–497; Мимоход, Успенский, 2017, с. 120–122].

Широкий интерес к исследованиям некрополя Волна 1 вызвало проведение в Институте археологии РАН 14 декабря 2018 г. специального семинара, посвященного результатам археологических работ 2015–2018 гг., а также научно-естественным исследованиям на памятнике (антропологическим, почвоведческим, микробиологическим, трассологическим и другим). Вполне естественно, что многие находки из могильника находятся на реставрации и в процессе научной обработки. Время фундаментальных публикаций материалов и исследований некрополя Волна 1 пока не наступило. Парные погребения из этого могильника еще не опубликованы и не стали предметом обсуждения. Тем не менее, некоторые сведения о них были любезно предоставлены авторами раскопок И.В. Цокур и Р.А. Мимоходом специально для этой статьи, за что приношу им особую благодарность. По сведениям И.В. Цокур, в 2015–2017 гг. в грунтовом могильнике Волна 1 ею было исследовано 396 погребений. Выборка парных погребений, к которым отнесены только совместные захоронения мужчины и женщины, насчитывает 26 могил, что составляет 6,6% от общего количества исследованных погребений. Большинство парных погребений относится к V в. до н.э. (из 13 погребений, исследованных в 2015–2016 гг., одно предварительно датировано VI в. до н.э., восемь – V в. до н.э. и четыре – IV в. до н.э.). В большинстве случаев (21 из 26) могильным сооружением являлась простая прямоугольная яма, в двух случаях – овальная яма и в трех – форма ямы не поддавалась определению. Все погребенные находились в вытянутой позе на спине и были ориентированы головой к востоку. Погребальный инвентарь (сосуды, оружие и другие предметы) по своему составу и размещению в могильной яме соответствовал приведенному выше обобщенному описанию погребального обряда могильника.

По сведениям Р.А. Мимохода, число парных погребений на участках некрополя Волна 1, исследованных под его руководством в 2017–2018 гг., достигло 32, что по отношению ко всем выявленным им погребениям составило около 8,8%. Большинство погребений (17) было совершено в сырцовых гробницах или так называемых склепах из грунтовых блоков, а также в простых грунтовых ямах: прямоугольных (6) и овальных (3). В нескольких случаях яма не прослеживалась (4), исключение составили два погребения: подкурганное и размещенное в катакомбе. Погребальные сооружения и сами погребенные были ориентированы преимущественно в восточном направлении (20), а также с незначительным отклонением к северу (6) или югу (2). Исключение составили три случая: северо-западная ориентация обоих погребенных; головой к юго-западу – одного и юго-востоку – другого, а также противоположная (головой к северу и головой к югу) их ориентация. В одном случае положение обоих погребенных не поддавалось определению.

В 19 парных погребениях мужчины были захоронены с оружием, что составляет около 60% от общего их числа. Этот высокий показатель поневоле обращает на себя внимание. Касаясь подобного явления в Тузлинском могильнике, М.И. Ростовцев писал: «Отличительной особенностью мужских погребений в Тузлинских некрополях является оружие, столько же мечи и копья, сколько типично скифские стрелы. Население, очевидно, сплошь вооружено, то есть живет все время начеку» [Ростовцев, 1925, с. 284]. Сейчас подобное предположение представляется слишком общим, однако и другое, более позднее высказывание по этому поводу, суммирующее общепринятое мнение, также достаточно неопределенно: «Историческая обстановка, сложившаяся в Синдике в конце VI – IV вв. до н.э., требовала вооружения если не поголовного, то значительного количества населения. Это, вероятно, способствовало тому, что обряд погребения с оружием получил в Тузлинском некрополе широкое распространение: 29% – на рубеже VI–V вв. до н.э. и 32% – в V–IV вв. до н.э.» [Сорокина, 1957, с. 21, 22]. Следует отметить, что оружие в могилах ранних некрополей, а также характерные черты погребального обряда этих захоронений на территории Азиатского Боспора сравнительно недавно стали предметом отдельного рассмотрения [Завойкин, Сударев, 2006; Паромов, 2011; 2013в]. В этих публикациях сведены данные о 84 погребениях, встреченных в восьми могильниках Азиатского Боспора (Артющенко 2, Тузла, Тирамба, Кротенко, Гермонасса, Кепы, Фанагория, Патрей). Их размещение свидетельствует о широком (практически повсеместном) распространении данного обряда в рассматриваемом регионе. Главной целью третьей из указанных выше публикаций являлось сравнение характерных особенностей обряда ранних погребений некрополей Тирамбы и Кеп, а также сопоставление их с синхронными меотскими могильниками у хутора им. Ленина и станицы Старокорсунской, исследованными Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко [Лимбирис, Марченко, 2001]. Отличительной особенностью последних также было присутствие в них значительного числа мужских погребений с оружием тех же форм. В общее число рассматриваемых погребений вошло 29 могил (10 – из некрополя Тирамбы,

8 – из некрополя Кеп, 5 – из могильника у хутора им. Ленина и 7 – из могильника у станицы Старокорсунской). Вероятно, подлинное значение погребений с оружием начало выявляться при количественном сопоставлении их с другими захоронениями: в некрополе Тирамбы они составили практически половину всех захоронений (10 из 21); в раннем некрополе Кеп среди мужских погребений большую часть (8 или 10 из 14) составили захоронения с оружием; в могильнике у хутора им. Ленина среди мужских захоронений почти две трети (5 из 8) были погребениями с оружием; в могильнике у станицы Старокорсунской те же две трети мужских захоронений (6 из 10) составили погребения с оружием. Таким образом, в VI–V вв. до н.э. на Таманском полуострове и в Прикубанье положение оружия в могилу мужчины было нормой погребального обряда, не являясь ни следствием «особой воинственности населения», ни следствием «исторической обстановки, требовавшей сплошного вооружения». Это явление отражало сложившиеся ранее традиции. Значение и престижность церемонии захоронения мужчины требовали включения в комплекс погребального инвентаря оружия, принадлежавшего покойному [Паромов, 2013в, с. 67–69].

Поиски параллелей для ранних могильников Таманского полуострова неизбежно ведут нас в Прикубанье, однако наиболее близкие аналогии им находятся, скорее всего, ближе – в некрополе у хутора Рассвет (Анапский район), исследовавшемся под руководством Ю.С. Крушкол в 1959–1968 гг. и ее ученика В.Н. Карасева в 1969–1977 гг. Благодаря недавней публикации материалы этого замечательного памятника стали доступны для ознакомления и изучения [Население архаической Синдики, 2010]. Немного ранее они частично вошли в монографию, посвященную населению Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. [Новичихин, 2006].

В некрополе у хутора Рассвет было исследовано 160 погребений VI–V вв. до н.э. Более половины из них (89 погребений) было совершено в каменных ящиках – самом распространенном типе погребального сооружения могильников раннего железного века в районе Анапы, что объясняется природными условиями: повсеместным распространением легко расслаивающейся непрочной скалы. Второй по численности (62 погребения) тип могильного сооружения представлял яму прямоугольных (38) или овальных (24) очертаний. Все погребения – и в ящиках, и в ямах – имели на дне подсыпку из песка и известняковой крошки. Семь погребений было совершено на специально устроенной на уровне древнего горизонта площадке с каменным закладом над захоронением. Характер могильного сооружения двух разрушенных погребений не поддавался определению.

Останки погребенных были обнаружены в 124 могилах. Их отсутствие в 36 захоронениях связано с плохой сохранностью скелетов (прежде всего детских), а также разрушением при ограблении. В тех случаях, когда положение погребенного поддавалось определению (62), абсолютное большинство умерших (57) было уложено в вытянутой позе на спине (исключение составили три случая положения на спине с подогнутыми ногами, на спине с разведенными в стороны руками и ногами, а также скорченное положение на правом боку одного умершего из парного погребения).

Ориентировка погребенных была установлена в 118 случаях. В 107 из них погребенные были уложены головой в восточный сектор: строго к востоку (58), с некоторым отклонением к северу (44) или югу (5). В 11 случаях была зафиксирована северная (4), юго-западная (2), южная (1) и различная – от западной до северо-северо-восточной (4) ориентировка [Население архаической Синдики, 2010, с. 192–196; Новичихин, 2006, с. 9].

В некрополе у хутора Рассвет было выявлено 18 парных погребений (№ 2, 4, 23, 28, 36, 45, 74, 79, 80, 82, 93, 100, 114, 125, 138, 142, 149, 157). Отметим, что еще две могилы (99 и 137) с «семейными» захоронениями (двое взрослых и ребенок) по сути относятся к той же категории. С учетом этого парные погребения составляют 11,25 или 12,5% от общего числа могил. Этот показатель вполне сопоставим с данными по могильнику Волна 1, немного отличаясь от них в большую сторону.

Необходимо отметить, что процентное отношение парных погребений к общему числу могил в любом некрополе носит условный характер, не отражая подлинного положения вещей. Если мы хотим приблизиться к реальной картине в некрополе у хутора Рассвет, нам следует исключить из общего числа могил детские погребения (74), предположительно детские (8) и неопределенные по характеру погребения (6). В итоге для сравнительного анализа останутся 72 погребения, включающие 20 парных (с «семейными») и 52 одиночных захоронения. Количественное соотношение захороненных в парных и одиночных погребениях с учетом того, что в парных лежали двое, составляло 40:52. В процентном выражении немного менее половины взрослых (43,5%) было захоронено в парных, а немного более половины (56,5%) – в одиночных погребениях. Эти цифры наглядно показывают истинное значение парных погребений.

В 17 погребениях некрополя у хутора Рассвет мужчины были захоронены с оружием (№ 23, 27, 29, 36, 49, 74, 80, 93, 100, 102, 124, 142, 144, 146, 149, 157, 160). В девяти случаях (23, 36, 74, 80, 93, 100, 142, 149, 157) это были парные погребения, что составляет около половины (45%) от общего их числа и сопоставимо с данными по могильнику Волна 1, приведенными выше. В сумме одиночные мужские захоронения с оружием и парные погребения (28 гробниц) составили наиболее представительную и богатую часть некрополя у хутора Рассвет, его, если можно так выразиться, главное содержание. Чтобы яснее представить реальную ситуацию, постараемся понять, какая часть мужских погребений имела оружие. Общее число мужских захоронений в могильнике складывается из останков 20 мужчин, найденных в парных погребениях, и половины из 52 одиночных взрослых погребений, как мужских, так и женских (эта цифра была установлена нами выше). В итоге мы можем предположить, что всего в некрополе находилось 46 мужских захоронений (20 + 52:2). Семнадцать из них в составе погребального инвентаря имели предметы вооружения, что составляет около 37% от общего числа. Это почти совпадает с показателем в могильнике Волна 1 – 35%.

Касаясь погребального инвентаря некрополя у хутора Рассвет, необходимо от-

метить его близость материалам упомянутых ранее многих могильников Таманского полуострова, прежде всего некрополей Артющенко 2 и Волна 1. Находки в них сходны и по составу, и по характеру. Вероятно, единственным отличием инвентаря могильника у хутора Рассвет является отсутствие в нем таких сосудов для масла, как аллабастры, арибаллы и миниатюрные сосуды из финикийского стекла, а также таких сосудов для вина, как скифосы и ритоны. Среди инвентаря, найденного в некрополе у хутора Рассвет, можно выделить несколько категорий предметов, отвечавших различным, вполне определенным целям: 1) оружие; 2) вещи, связанные с оружием и бытом; 3) сосуды для воды, вина и других напитков, столовая посуда и сосуды для питья; 4) вещи, связанные с пищей и ритуалом; 5) редкие предметы вооружения и всадничества; 6) украшения. Оружие однородно во всех могильниках. В некрополе у хутора Рассвет оно представлено известными по своду А.И. Мелюковой [1964] железными короткими мечами и кинжалами с волютообразным и брусковидным навершием, бабочковидными и почковидными перекрестиями, а также железными вытянутыми листовидными наконечниками копий с коническими втулками. Среди редких предметов вооружения следует назвать железный боевой топорик-молоток, случайно найденный на памятнике [Население архаической Синдики, 2010, с. 231]. На территории Таманского полуострова известны лишь две подобные находки: в могиле № 85 конца VI в. до н.э. из некрополя Тирамбы [Коровина, 1987в, с. 15] и в погребении № 11/4 первой половины V в. до н.э. из некрополя Гермонассы [Сорокина, 1961, с. 49, 50]. Эти находки тонкими, но прочными нитями связывают три некрополя (Тирамбы, Гермонассы и у хутора Рассвет) с Келермесским грунтовым могильником раннемеотского времени, в котором были захоронены «воины-всадники», вооруженные железными боевыми топорами [Галанина, 1989, с. 81, 82]. В категории вещей, связанных с оружием и бытом, наиболее многочисленными являлись такие орудия труда, как железные ножи и керамические пряслица. Значительно реже были встречены оселки и железные шилья.

В керамическом комплексе некрополя у хутора Рассвет наиболее многочисленны сосуды, связанные с трапезой и приготовлением пищи: миски – 34 (25 лепных, 9 гончарных) и горшки – 24 (все лепные). Лепная столовая посуда представлена в погребениях могильника также ойнохоями и рюмковидными чашечками. Греческий импорт по характеру и составу близок керамическим комплексам всех раннеантичных могильников Таманского полуострова и включает, прежде всего, восемь остродонных (тарных) амфор, четыре – на сложнопрофилированном кольцевом поддоне и по одной – со стаканообразным дном, хиосской, круга Фасоса и неизвестного дорийского центра. В основной массе греческий импорт представлен керамической посудой с росписью в родосско-ионийском стиле, чернолаковыми аттическими и простыми гончарными сосудами. Родосско-ионийская керамика включает столовые амфоры, ойнохои, кувшины, килики, чашечки с петлевидными ручками и вазочки (чашечки на ножке). Чернолаковая керамика представлена киликами, чашами, солонками. Особой группой чернолаковой керамики являются использованные вто-

рично (как солонки или в ритуальных целях) отбитые и заглаженные по сколу ножки чаш и вазочек. Простая гончарная посуда включала ойнохои, солонки, ковш и кубок [Население архаической Синдики, 2010, с. 204–208, 222–224]. Следует отметить, что найденные в десяти погребениях некрополя вазочки или чашечки на ножках (в семи случаях лепные и в трех – гончарные) представляют собой хорошо известный в рассматриваемое время тип небольшого сосуда, предназначенного для ритуальных целей. Аналогии им встречены в могильниках Прикубанья – у хутора им. Ленина и у станицы Старокорсунской, а на Таманском полуострове – в некрополе Тирамбы, где их присутствие символизирует собой сохранение местных культовых традиций [Зайцева, 1997, с. 41, 52]. Позднее, в V–I вв. до н.э., они широко распространились по всему Северному Причерноморью, став принадлежностью домашних алтарей и жертвенников.

Как и керамический комплекс, украшения, найденные в некрополе у хутора Рассвет, близки (некоторые типы идентичны) украшениях из раннеантичных могильников Таманского полуострова. Среди украшений наиболее многочисленны (31 экземпляр) бронзовые браслеты с разомкнутыми концами двух вариантов: 1) массивные браслеты, концы которых украшены рядами кольцевых нарезок, наклонных насечек и рядами треугольников, заполненных точками; 2) браслеты с коническими, реже цилиндрическими утолщениями на концах, покрытых кольцевой нарезкой; плоские торцы этих браслетов украшены гравированным крестом. Найдены также бронзовые и железные (2) разомкнутые браслеты, иногда имевшие утолщенные концы без гравировки, и два бронзовых – с каплевидными утолщениями на концах. Далее следуют бронзовые спиралевидные височные подвески в полтора оборота с пирамидками и шариками на концах; серебряные подвески-лунницы; бронзовые и серебряные литые серьги; бронзовые перстенечки с круглой в сечении шинкой, плоскими и выпуклыми листовидными щитками, украшенными гравированными изображениями, и наиболее многочисленные простые бронзовые (одно серебряное) колечки, которые были найдены как на правой, так и на левой руке погребенных. Бусы, в массе своей стеклянные (преимущественно синего цвета и глазчатые), были встречены в 12 погребениях. Среди них выделяются своей выразительностью шаровидная – из свинца, также шаровидная – из прозрачного горного хрусталя и янтарная. Раковины каури со срезанными спинками были выявлены преимущественно в детских погребениях (9 из 13), где они находились в количестве от 1 до 17 штук [Население архаической Синдики, 2010, с. 231–238].

Остановимся немного подробнее на бронзовых браслетах, украшенных гравированными крестами на торцах разъема (вариант 2). Подобные украшения, как следует из указанной публикации, кроме некрополя у хутора Рассвет, были встречены еще в нескольких могильниках района Анапы–Новороссийска: Воскресенском, Опытного хозяйства «Анапа», Владимировском и кургане 3 у станицы Раевской, где они найдены преимущественно в комплексах с материалами VI в. до н.э. К перечисленным выше некрополям следует добавить еще один важный памятник – раннеантичный

могильник Гермонассы, по крайней мере в двух погребениях которого также были найдены подобные браслеты с гравированными крестами на торцах разъема и коническими утолщениями, покрытыми кольцевой нарезкой, на концах [Гайдукевич, 1959, с. 158, 159, 165, 166, рис. 2. 1, 2]. Данное обстоятельство, как представляется, может указывать на прямые связи Нижнего Левобережья Кубани и Причерноморья с Таманским полуостровом, а также на определенное родство перечисленных памятников.

Принято считать, что изучаемые археологией древние погребения и погребальный обряд в целом представляют собой соединение трех главных составляющих: погребального сооружения, останков погребенного (под которыми понимается, прежде всего, общая поза погребенного) и погребального инвентаря [Смирнов, 1997, с. 41–71, 73–76]. Насколько это возможно, погребальный инвентарь и могильные сооружения раннеантичных (VI–V вв. до н.э.) некрополей Таманского полуострова и некоторых близких им памятников Нижнего Прикубанья и Причерноморья были рассмотрены выше. Вторая составляющая погребального обряда – общая поза погребенного – кажется настолько простой, что ее подлинное значение и вся важность как бы теряют вес. Следует несколько внимательнее присмотреться к этой стороне обряда и, прежде всего, к ориентировке погребенного. По мнению А.Н. Гея, много лет изучающего погребальную обрядность степных скотоводов Предкавказья и Северного Причерноморья раннего и среднего периодов бронзового века (III – начало II тысячелетия до н.э.), общая поза погребенного является наиболее важным, приоритетным нормативом погребальной обрядности, отказ от которого был просто немыслим для исполнителей обряда. Этот вывод стал результатом анализа погребений новотиторовской культуры, а также преддонецкой, западноманычской и восточноманычской катакомбных культур, в погребальных памятниках которых, по сути, соблюдалось одно и то же обрядовое правило – движение на запад. Это правило, выраженное различными способами, не могло быть нарушено чередой изменений, отмеченных признаками преемственности, что было возможно, прежде всего, в среде генетически связанных между собой разновременных культурных групп [Гей, 1999, с. 100, 110]. В отличие от погребений эпохи бронзы, где обрядом руководила непростая в исполнении идея «правильного» размещения трех погребенных в могиле, символизирующей жилую повозку, в рассматриваемых нами могильниках Таманского полуострова и некрополе у хутора Рассвет ситуация выглядит проще. Здесь ничто не препятствовало исполнителям обряда, следуя общей норме, помещать умерших в могилы в вытянутой позе на спине, головой к востоку. Этот обычай получил самое широкое распространение, был устойчив на протяжении долгого времени и может служить дополнительным свидетельством в пользу генетической близости названных памятников.

Парные погребения раннеантичных могильников Таманского полуострова и некрополя у хутора Рассвет, на первый взгляд, ничем не отличаются от находящихся рядом одиночных захоронений. Парные погребения совершались в тех же земляных

и сырцовых гробницах, в тех же позах и с тем же погребальным инвентарем. Однако они несли в себе иное, более глубокое и богатое содержание, которое непросто выразить. В своей книге о морфологии преднамеренного погребения Ю.А. Смирнов говорит, что, занимаясь материальными остатками жизнедеятельности человеческих обществ, он уделял больше внимания «вещной» стороне вопроса, из-за чего другая сторона – духовная осталась в его труде недостаточно освещенной [Смирнов, 1997, с. 7]. Именно в этой области заключено, вероятно, подлинное богатство парных погребений, образы которых окутаны любовью и покоем, достойным несением общего бремени жизни, радостью и милосердием. Благодаря любезному разрешению автора раскопок И.В. Цокур, в данной статье мы можем продемонстрировать в виде примера три первых по списку парных погребения (№ 24, 82, 83) из грунтового могильника Волна 1.

Погребение 24 (рис. 20). Было совершено в прямоугольной яме с закругленными углами, имевшей размеры 2,20 х 1,34 м, заглубленной в слой материковой глины-белоглазки и ориентированной в широтном направлении. Стенки ямы вертикальные, прослежены на высоту 0,09–0,22 м, дно практически ровное, с небольшим повышением к западу, было открыто на глубине 0,57 м от дневной поверхности. На дне ямы черепами к востоку, в вытянутой позе на спине лежали рядом два скелета – мужской и женский, принадлежавшие взрослым людям в возрасте от 35 до 45 лет. Мужской скелет был расположен с южной стороны. По правую руку от него находился женский. Погребенные были уложены вплотную друг к другу. Головы их соприкасались и были немного повернуты одна к другой. Сохранность скелетов средняя, кости представлены не полностью. Погребальный инвентарь составляли: железный мечакинак (5) с антенным навершием и бабочковидным перекрестием, лежавший поперек бедер мужчины, от правой руки к левому колену; копье (1), положенное вдоль северной стенки ямы (железный наконечник его найден в северо-восточном углу, за головами погребенных); два трехлопастных втульчатых наконечника стрел (2) – бронзовый и железный – под правым плечом мужчины; оселок (7) – у его правого колена, снаружи; два фрагмента железного ножа (3) – у левой бедренной кости мужского скелета и между его левым предплечьем и южной стенкой ямы. Там же, у южной стенки ямы, находились сосуды: гончарная красноглиняная миска (4) – около средней части стенки, напротив левой бедренной кости мужского скелета; гончарная красноглиняная столовая амфора (6) – в юго-западном углу ямы. Предварительная датировка погребения – V в. до н.э. [Цокур, 2015–2016, с. 65–68, рис. 213].

Погребение 82 (рис. 21). Было совершено в прямоугольной яме с закругленными углами, имевшей размеры 2,40 х 1,68 м, заглубленной в слой материковой глины-белоглазки и ориентированной в широтном направлении. Стенки ямы вертикальны, прослежены на высоту 0,11–0,14 м, дно ровное с незначительным повышением к западу, было открыто на глубине 0,81 м от дневной поверхности. На дне ямы черепами к востоку, в вытянутой позе на спине лежали рядом два скелета. Один из них принадлежал мужчине в возрасте от 35 до 45 лет и был расположен с южной стороны.

По правую руку от него находился скелет женщины 25–40 лет. Женский череп был немного склонен направо и лицевой частью повернут в северо-западную сторону, мужской наклонен вперед. Правая рука мужчины от плеча до кисти находилась рядом с левой рукой женщины. Сохранность скелетов средняя, кости представлены не полностью, некоторые – в виде костного тлена. Погребальный инвентарь составили: железный четырехгранный черешковый наконечник стрелы (3), найденный в верхней части левых ребер мужского скелета; фрагменты железного ножа (4) – у шейки его правой бедренной кости; два оселка (1) – на правом плече женского скелета; фрагменты лепной красноглиняной солонки (2) – между черепом и правым плечом мужского скелета; сероглиняное пряслице конической формы (5) – с внутренней стороны левой бедренной кости мужского скелета. В юго-западной части могильной ямы слева от погребенного мужчины были размещены пять сосудов, стоявших на одной линии в следующем порядке: красноглиняная гончарная чаша (6) – у левого колена, со стороны южной стенки ямы; следом за ней светлоглиняный гончарный лекиф (7) и сероглиняный гончарный кувшин (8) – на уровне отсутствующей левой стопы; далее, ближе к западной стенке ямы, – красноглиняный гончарный кувшин (10) и чернолаковая солонка полусферической формы (9). Предварительная датировка погребения VI в. до н.э. [Цокур, 2015–2016, с. 162–165, рис. 673].

Погребение 83 (рис. 22). Было совершено в яме, близкой к овальной по форме, имевшей размеры 2,33 х 1,39 м, заглубленной в слой материковой глины-белоглазки и ориентированной в широтном направлении (с незначительным отклонением восточной части к югу). Стенки ямы вертикальны, прослежены на высоту 0,10–0,19 м. Дно ровное, было открыто на глубине 0,98 м от дневной поверхности. На дне ямы черепами к востоку, в вытянутой позе, на спине лежали рядом два скелета. Один из них принадлежал мужчине в возрасте от 35 до 45 лет и был расположен с южной стороны. По правую руку от него находился скелет женщины 25–45 лет. При погребении они были уложены вплотную друг к другу. Оба черепа были одинаково наклонены вперед. Кости левой руки женского скелета и правой руки мужского, а также кости левой ноги женского и правой ноги мужского скелета образуют одну общую линию. При этом кости ног обоих скелетов почти полностью вытянуты, в коленях они были чуть согнуты, от чего немного разошлись в стороны. Сохранность скелетов средняя, кости представлены не полностью, некоторые – в виде костного тлена. Заслуживает внимания состав и размещение погребального инвентаря, включавшего предметы вооружения, домашнего ремесла и ряд сосудов для пищи, питья, умащения, а также, возможно, культовых действий. Железный меч-акинак с прямой рукоятью и бабочковидным перекрестием, принадлежавший мужчине, лежал по диагонали: рукоять находилась на правом бедре, а острие было направлено к левому колену. Весь инвентарь (кроме меча) был размещен слева от погребенных и расположен по одной линии в 0,15–0,25 м от южной стенки ямы в следующем порядке (от головы к ногам): красноглиняная гончарная ойнохоя (1) – напротив левой плечевой кости мужского скелета; следом за ней, напротив локтя, – красноглиняный лекиф грушевидной фор-

мы (2) и дно чернолакового килика (3); далее, напротив бедра, – красноглиняная гончарная миска (5); между миской и левой бедренной костью – коричневоглиняное пряслице конической формы (4); за миской, ближе к колену, – чернолаковый скифос колоколовидной формы (6); за скифосом, напротив колена, – вторая красноглиняная гончарная миска (8); далее, ближе к западной стенке ямы, на уровне отсутствующей левой стопы, – трехлопастный втульчатый железный наконечник стрелы (9) и чернолаковая солонка (10); рядом с солонкой, ближе к углу ямы, – амфориск из финикийского стекла (11). Предварительная датировка погребения – V в. до н.э. [Цокур, 2015–2016, с. 165–169, рис. 684].

Одним из первых возникает вопрос о месте и значении парных погребений в могильнике Волна 1. В начале разговора о нем было отмечено, что парные погребения составляют там предположительно от 6,6 до 8,8 % от общего числа могил. Эти цифры условны и, как было подчеркнуто нами выше, не отражают реальной картины. Чтобы приблизиться к ней, необходимо исключить захоронения детей и младенцев, а также разрушенные и не поддающиеся определению могилы. В итоге увидим, что не менее четверти или трети взрослых мужчин и женщин, погребенных в могильнике, находилось в парных погребениях. Это значительная часть дееспособного населения, представленного в некрополе Волна 1. Описанные выше три погребения выглядят сравнительно скромно, однако вместе с материалами из первых публикаций о могильнике и докладами на семинаре о богатых захоронениях и находках они убедительно демонстрируют характерные особенности погребального обряда и то, что в этих парных захоронениях были погребены те, кого принято называть «лучшие люди» или «цвет общества».

Второй не менее важный вопрос – кем они были? Об этом написано много. Приведем одно из наиболее авторитетных высказываний. Основываясь на большой роли культа Деметры в боспорских городах, В.Д. Блаватский предполагал, что со времени основания здесь полисов значительная часть населения городов занималась земледелием. По его мнению, хлебопашеством в VI–V вв. до н.э. занимались преимущественно земледельцы типа Гесиодовых крестьян, которые сами пахали и вместе с тем пользовались трудом принадлежавших им немногочисленных рабов [Блаватский, 1953, с. 167, 168]. В этом высказывании содержится серьезное противоречие: Гесиодов земледелец жил не в городе, а на земле. Правильнее сказать, он жил вместе с землей, неотрывно от нее. Подходя к этой важной теме со своих позиций, известный ученый-этолог В.Р. Дольник пишет, что земледелие (и животноводство) приводит человека к закономерной необходимости обрабатывать землю индивидуально, а жить – на своем участке, в парном браке, дающем сыновей – наследников и продолжателей заботы о хозяйстве. По его мнению, эти истины были понятны еще античным агрономам, рассматривающим сельское хозяйство как взаимодействие живого с живым, когда люди проявляют столь необходимую земле и животным заботливую любовь, а успех приходит как благодарная реакция живого на их усилия. Еще в то время они заключили, что наибольших успехов достигает

хозяин, обрабатывающий свой наследственный участок с семьей и (или) домашними рабами, почти членами семьи [Дольник, 2016, с. 289–291].

Следует отметить, что во многом подобное мнение было высказано и В.Д. Блаватским, однако оно касалось не раннеантичного периода, а времени вхождения в состав Боспорского царства синдов и других местных земледельческих племен (IV в. до н.э.). Ему представлялась следующая картина: «Это зависимое население, сохраняя свои племенные различия, жило на своей родине, имело семьи и, в силу установившегося уклада, вряд ли могло покинуть ту землю, на которой оно сидело. Вероятно, в жизни этих земледельцев большую роль играла община. Эти хлебопашцы, очевидно, должны были отдавать часть урожая своей племенной знати или боспорским царям» [Блаватский, 1953, с. 172]. Отдавая предпочтение мнению В.Р. Дольника, особенно в отношении парного брака и своего земельного участка, мы также благодарны В.Д. Блаватскому за своевременное напоминание о Гесиодовых крестьянах и общинном укладе синдов. Изложенное выше позволяет предположить, что в парных погребениях, где мы видим мужчину, опоясанного мечом, и рядом с ним женщину, были захоронены супруги – два представителя свободной общины, которые вряд ли являлись «угнетенными» или «социально зависимыми» людьми.

Сравнение парных погребений раннеантичных могильников Таманского полуострова с погребениями синдского могильника у хутора Рассвет свидетельствует об их родственной связи. Выделим, на наш взгляд, главную их особенность, отмеченную еще М.И. Ростовцевым, – поразившую греков роль женщины в общественной и военной жизни племен, населявших Кубанскую область: дандариев, фатеев, псессов и особенно близко связанных с греками синдов – земледельческого племени, создавшего в VI–V вв. до н.э. свою государственность [Ростовцев, 1918, с. 123]. (Подробнее об этом говорится в книге, посвященной малоизученным вопросам религиозной жизни варварского, греческого и греко-варварского населения Скифии и государств Северного Причерноморья [Шауб, 2007, с. 80–122, 288–412].) Равноправие женщины, выявленное при исследовании погребений, вероятно, во многих отношениях определяло повседневную жизнь Азиатского Боспора на протяжении долгого времени, от раннеантичного до эллинистического периода включительно (VI в. – начало I в. до н.э.). Более того, материалы исследований фиксируют не только равноправие женщины, но зачастую особенно уважительное отношение к ней, ее своеобразное преимущество перед мужчиной. В обряде парных погребений на Азиатском Боспоре эта главная черта была унаследована от местных традиций. В этом, возможно, кроется одна из разгадок так называемого боспорского феномена, поскольку уважение к женщине являлось тем драгоценным краеугольным камнем, который обеспечивал надежность брака и крепость семьи, определяя тем самым устойчивость общественной постройки, называемой государством. К сожалению, в антиковедении эти моменты практически не затрагиваются, хотя в археологии более раннего времени вопросы существования брака и семьи успешно разрабатываются в самом насущном для нашей темы аспекте. Выводы палеосоциальных реконструкций общества

степных скотоводов Предкавказья в среднем бронзовом веке говорят, что уже в ту далекую эпоху свидетельства парности двойных погребений взрослых позволяют предполагать нормативность парного брака, что, в свою очередь, делает вероятным существование нуклеарной (малой) семьи [Андреева, 2005, с. 85].

Возвращаясь к аксиоме В.Р. Дольника о земледельце, живущем в парном браке на своем участке и обрабатывающем его с семьей, можно сказать, что этому образу среди археологических реалий Таманского полуострова в раннеантичное время наиболее всего соответствуют парные погребения, подобные рассмотренным выше, в каждом из которых были захоронены крестьянин типа Гесиодовых, занимавшийся хлебопашеством, и его супруга, совместными усилиями производившие боспорскую пшеницу, с самого раннего времени приобретавшуюся древнегреческими центрами. В инвентаре погребений в большом количестве представлена дорогая расписная и чернолаковая ионийская, коринфская и аттическая керамика, женские украшения и тарные амфоры (из-под вина и оливкового масла), которыми оплачивался вывозимый с Боспора хлеб. Дополнительным аргументом в пользу сказанного выше могут быть данные анализа следов античного межевания, согласно которым средний земельный надел на хоре Азиатского Боспора мог составлять от 4,5 до 10 га – это был надел одного хозяина, одной малой семьи, занимавшейся его возделыванием [Паромов, 2000, с. 317].

Как уже отмечалось, обряд парных погребений существовал на Таманском полуострове на протяжении почти всей античной эпохи, от раннеантичного (VI–V вв. до н.э.) до римского (I–III вв. н.э.) периода. Захоронения совершались в характерных для своего времени простых и перекрытых деревом ямах, сырцовых гробницах, земляных склепах, каменных ящиках, гробницах и склепах (выявлен один). Разнообразие погребальных сооружений никак не влияло на сам обряд: поза погребенных, их ориентировка, инвентарь захоронений (по своему характеру) в общем оставались теми же. Вместе с тем нельзя не сказать, что обряд во всех деталях представлял застывшее явление. Парные погребения, как и другие погребения таманских могильников, подчинялись некоторым общим закономерностям. Более всего это относится к составу и типам вещей, сопровождавших погребенных. Оружие, присутствовавшее почти во всех ранних погребениях до рубежа V–IV вв. или до начала IV в. до н.э., повсеместно исчезло из могильников вплоть до римского времени. Одни формы сосудов с течением времени сменялись другими: ойнохои, характерные для раннеантичного времени, в эллинистический период сменились пеликами и лагиносами; в IV в. до н.э. в инвентаре погребений появились сетчатые лекифы, сменившие алабастры и амфориски из финикийского стекла, а в эллинистическое время – глиняные унгвентарии. Обычай снабжать погребенных монетой («оболом Харона») появился в могильниках Таманского полуострова в IV в. до н.э., широко распространился с середины или третьей четверти этого столетия и в дальнейшем не исчезал вплоть до средневековья [Паромов, 2013а, с. 25–27; 2013б, с. 4–6].

В эллинистический период обряд парных погребений на Таманском

полуострове с наибольшей полнотой выразился в двух гробницах Артюховского кургана, являющихся важнейшим звеном в ряду подобных захоронений. Рассмотрение их имеет особое значение. Артюховский курган (на археологической карте Таманского полуострова – курган Сенной, 56), находившийся рядом с городищем Кепы (на территории современного поселка Сенной), исследовался В.Г. Тизенгаузеном (1879) и С.И. Веребрюсовым (1879, 1880). Из найденных в нем восьми погребений три оказались неограбленными. Им посвящено замечательное исследование М.И. Максимовой [1979], опубликованное после ее смерти. Два погребения, открытые В.Г. Тизенгаузеном, – «гробница II» и «гробница III» содержали парные захоронения мужчины и женщины.

Первое парное захоронение («гробница II») было найдено в каменном склепе «близ подошвы кургана. Склеп этот, наполовину впущенный в материк и внутри отштукатуренный, с полукруглым сводом, состоял из двух отделений: меньшего, составлявшего входную галерею, и большего, заключавшего в себе собственно усыпальницу». Он имел размеры 3,5 х 1,4 м, был ориентирован по направлению ЗЮЗ–ВСВ, сложен из больших тесаных камней, имел вход в виде арки из клинчатых камней (так же была оформлена перегородка), высота до замковых камней свода составляла 1,6 м. Пол преддверия был выстлан каменными плитами, пол погребальной камеры, расположенный ниже пола преддверия, был земляным. Ко входу в склеп, расположенному с западной стороны, вели три ступеньки, на нижней стояла большая плита, закрывавшая дверной проем. В погребальной камере «прямо на земле», в вытянутой позе, на спине, черепами к востоку, лежали два скелета – мужской и женский: первый – ближе к северной стене, второй – к южной (рис. 23). Покойники были положены в парадных одеяниях. Голова мужчины была увенчана золотым венком, на груди найден статер Перисада (копия посмертного статера Лисимаха), у пояса – золотой медальон-застежка с гранатами и эмалью, на левой руке – золотой перстень с железной вставкой, справа от погребенного – четыре серебряные трубочки-колпачка; в преддверии склепа на стороне мужского погребения – два железных стригиля, серебряная пряжка сарматского типа от пояса, краснолаковое блюдо с остатками орехов, глиняные лагинос и кувшин.

Голова женщины была украшена золотым лавровым венком, золотым начельником с рельефным орнаментом, гранатами и кисточками-подвесками; золотой булавкой, поддерживавшей прическу; двумя золотыми серьгами в виде дисков-розеток с гранатами в центре, головным убором Исиды над дисками и подвесками: фигурками голубя и двумя цепочками с гранатами на концах. На голове найден золотой статер Лисимаха (посмертного чекана); на шее – золотая витая гривна и шесть ожерелий из золотых и разноцветных каменных и стеклянных бус и пронизок; на груди – золотой медальон с рельефным изображением Афродиты и Эрота, четыре золотые круглые бляшки с тисненым орнаментом; на каждой руке – по два золотых браслета (ленточные в четыре оборота со змеиными головками на концах и «крученые» из прямоугольного в сечении дрота). На левой руке найдены пять золотых перстней

(с дымчатым халцедоном; с щитком в форме сандалии, украшенный гранатами и стеклом, с дарственной надписью «Гестией – Маммии»; с выпуклым овальным гранатом; с камеей, изображающей Эрота, ловящего бабочку Психею; со вставкой в виде необработанного кусочка железа); на правой руке – два золотых перстня (один – в виде свернувшейся в спираль змеи, второй – массивный литой в виде кольца). Вдоль всего скелета найдены золотые нити от одежды или покрывала. С «женской» стороны у стены склепа был расставлен серебряный сервиз из девяти предметов (канфар с растительным орнаментом, фемиатерий-курильница, две чаши, пиксида, кувшинчик, два черпака-киафа со звериными головками на концах ручек и ложечка), там же найдены два серебряных веретена и палочка; в ногах – бронзовое зеркало с крышкой, на которой изображена Сцилла, бронзовый светильник с вытянутым рожком и ручкой в виде гераклового узла, футляр-ладанка, кусок кожаной плетенки, небольшая стеклянная пластина овальной формы, расписная глиняная амфора и простой унгвентарий. В преддверии с «женской» стороны были найдены: бронзовая позолоченная чаша, бронзовая уховертка, семь керамических сосудов (чернолаковые чаша и пиксида без крышки, расписная амфора, лагинос и три унгвентария). В погребении найдены также серебряные ситечко и киаф, разрозненные кусочки листового золота. Захоронение датировано М.И. Максимовой 140–125 гг. до н.э. [ОАК 1878–1879, с. XLVI–XLVIII; Ростовцев, 1925, с. 274; Максимова, 1979, с. 7–9, 11–22; Паромов, 2003, с. 243, 244; 2013а, с. 155, 156].

Второе парное захоронение («гробница III») было найдено в каменном ящике – «гробнице, внутри тщательно отштукатуренной и выбеленной, сложенной из больших тесаных известняковых плит. В двух продольных стенах ее, северной и южной, у изголовья каждого из двух покойников находилась небольшая полукруглая ниша». Гробница имела примерно те же размеры, что и погребальная камера первого склепа и была ориентирована по направлению ЮЗ–СВ. В ней на земляном полу в вытянутой позе, на спине, черепами к востоку лежали два скелета – мужской и женский (первый – ближе к северной стенке, второй – к южной). Как и в склепе, покойники были положены в парадных одеяниях. Голова мужчины была увенчана золотым венком, на левой руке найден железный перстень с железной вставкой в жуковине. В нише у головы лежали обрывки тонкого листового золота. При мужчине найдены железные стригиль и нож, чернолаковый реберчатый стамнос с крышкой, гидрия с ручкой в виде фигуры Приапа и расписная крышка леканы с орехами.

Голова женщины была украшена золотым венком. На шее найдены золотое ожерелье в виде мелкой цепочки с застежками в форме львиных грифонов и два (или три) ожерелья из сердоликовых и других каменных и стеклянных бус; в ушах – пара серег в виде розеток с подвесками: литыми, массивными фигурками Эротов; на левой руке – два перстня: золотой массивный с изображением Геракла и железный с железной вставкой в жуковине. В нише у головы стоял серебряный канфар с растительным орнаментом, на гвозде, вбитом в стену, висела меховая повязка. При женщине найдены серебряный унгвентарий, бронзовое позолоченное зеркало из

тонкого листа, бронзовые чашечка, три тонких колечка и уховертка, фрагменты костяного веретена, створка раковины с остатками румян, алебастровая вазочка, четыре глиняных сосуда (чернолаковая чашка, лагинос, кувшинчик и унгвентарий). Всюду обнаружены кусочки золотой фольги. Над гробницей в насыпи кургана найдены остатки разбитого и сожженного деревянного ложа (клины), от которого сохранились бронзовые обкладки ножек, скобы и массивная изогнутая пластина с двумя рельефными медальонами с бюстами юношей (на концах пластины), изображением отдыхающего Гермафродита (в центре) и по обе стороны от него двух играющих на цевнице и флейте эротов-младенцев. Погребение датировано М.И. Максимовой 140–125 гг. до н.э. [ОАК 1878–1879, с. XLIV– XLVI; Ростовцев, 1925, с. 273, 274; Максимова, 1979, с. 7–9, 12, 14–16, 18–22; Паромов, 2003, с. 245; 2013а, с. 156].

В силу своего значения парные погребения как в раннеантичное время, так и позднее являлись своего рода образцом для подражания, эталоном регламента и всей церемонии захоронения, определяя обрядовые нормы и правила. По этому обряду умершие укладывались в могилу в вытянутой позе, на спине, головой к востоку. Инвентарь покойников размещался вдоль южной стенки могильной камеры и в ногах. Одежда, оружие, украшения и предметы туалета находились на своих индивидуальных местах. В могилу ставили сосуды для воды и вина (амфоры, кувшины, кувшинчики, ойнохои), для еды (чашки, миски, тарелки, блюдца, солонки), для питья (килики, скифосы, чашечки), для хранения масла (лекифы, арибаллы, сосуды из финикийского стекла). Мужчинам принадлежали железные мечи, наконечники копий и стрел, железный чешуйчатый панцирь, ножи, стригили, бронзовые наконечники стрел. При женщинах найдены серьги, подвески, бусы, ожерелья, кольца, перстни, браслеты, зеркала, пряслица, иглы, пиксиды, леканы, раковины с румянами. К особой категории вещей относятся найденные и с мужчинами, и с женщинами амулеты и предметы, имевшие символическое (магическое) значение: «оболы Харона», фигурные подвески, перстни с железными вставками. Большая часть инвентаря погребений состояла из греческого импорта: амфоры, расписная чернолаковая и простая красноглиняная керамика, сосуды из финикийского стекла, золотые, серебряные и бронзовые украшения, предметы туалета, серебряные сосуды и курильницы. К местным традициям и вещам относились общая тенденция к роскоши погребений, сырцовые гробницы, оружие, ножи, лепная керамика, заупокойная пища, некоторые амулеты.

Среди парных захоронений, найденных в могильниках Боспора, самыми богатыми и представительными являются описанные выше погребения из Артюховского кургана. В них наиболее полно отразились многие черты и особенности боспорской культуры эллинистического времени – прежде всего, греческий язык (надпись «Гестией – Маммии» на перстне из первого погребения). Проникновение греческих традиций проявилось в золотых венках на головах умерших (оба погребения), в присутствии железных стригилей (оба погребения)

и золотых статеров, символизирующих «обол Харона» (первое погребение). На местные традиции, кроме богатства, выразившегося более всего в многочисленных золотых украшениях и очень редких серебряных сосудах, указывают найденные в обоих погребениях орехи – символ заупокойной пищи, серебряная пряжка – важная деталь варварской одежды (первое погребение) и железный нож (второе погребение). Некоторые находки свидетельствуют о местных и греческих традициях одновременно. К ним относятся не встречающиеся нигде, кроме Боспора, золотые и железные перстни со вставками из необработанного куска железа, найденные в обоих погребениях и у мужчин, и у женщин (золотые перстни – в первом погребении, железные – во втором), интерпретируемые как талисманы [Максимова, 1979, с. 21, 39, 66]. Однако они могли иметь и более важное значение. У всех погребенных перстни были надеты на безымянный палец левой руки – там, где, по свидетельству Авла Гелия, приводимому Плутархом [Застольные беседы. Книга четвертая. Вопрос VIII], было принято носить кольца с печатями: «… древние греки носили кольцо на ближайшем к мизинцу пальце левой руки. Причина этого та, что от одного этого пальца отходит и достигает сердца некий тончайший нерв; поэтому и было признано уместным почитать таким украшением этот палец, как ближайшим образом причастный к первенствующему в теле сердцу». Таким образом, сами перстни с железными вставками символизировали местную боспорскую традицию, а способ их ношения – греческую. Поиски источников этого обычая приводят нас на Кавказ, где культ железа существовал у всех народов с глубокой древности. Железному кольцу приписывалась способность обеспечивать силу, крепость, здоровье. Оно оберегало от сглаза, злого духа, молнии и т.д. По этнографическим данным, в Нагорном Карабахе девушки носили на среднем пальце левой руки изготовленное в особый день «заколдованное» железное кольцо, ограждавшее их от злого духа. В других местах такие кольца носили мужчины и мальчики [Чурсин, 1927, с. 81–84].

Описывая обряд парных погребений Артюховского кургана и выделяя в нем главное, М.И. Максимова противопоставляла его погребальному обряду знаменитых скифских курганов (Карагодеуашха, Чертомлыка, Куль-Обы), где захороненные с мужчинами женщины находились в приниженном и подчиненном положении по отношению к их повелителям. В противоположность этому в парных погребениях Артюховского кургана все говорит о равном положении обоих умерших при жизни и одинаковом почете, оказываемом им после смерти. Они покоились рядом, как на супружеском ложе; головы женщин, как и головы мужчин, были увенчаны золотыми венками; на руках они носили одинаковые перстни-амулеты. По количеству украшений и предметов обихода при погребении женщины имели значительное преимущество перед похороненными вместе с ними мужчинами. В каменном склепе (II) и гробнице (III) Артюховского кургана находились захоронения супругов, погребенных по взаимному уговору в одной, заранее построенной с этой целью гробнице [Максимова, 1979, с. 15]. Близкое подобие этих могил по многим деталям обряда и погребального инвентаря может свидетельствовать о принадлежности погребен-

ных к одной знатной семье, представителями двух ветвей которой (условно говоря, «старшей» и «младшей») они, вероятно, являлись.

Парные погребения Артюховского кургана вобрали в себя многие местные и греческие традиции, переплетение и взаимопроникновение которых образовало удивительный обряд. Он сохранил от раннеантичного времени свое главное качество – уважение к женщине, доведя эту не свойственную греческой культуре черту в могилах Артюховского кургана до совершенства и продемонстрировав таким образом своего рода идеал обряда парных погребений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова Л.И. Рельеф с изображением «загробной трапезы» // Античная скульптура из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. 1987. М. С. 43.

Акимова Л.И. Искусство Древней Греции: геометрика, архаика. 2007а. СПб.

Акимова Л.И. Искусство Древней Греции: классика. 2007б. СПб.

Андреева М.В. Синхронные совместные погребения восточноманычской катакомбной культуры как источник палеосоциальных реконструкций // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. 2005. М. С. 69–94.

Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. 1953.М.

Ворошилов А.Н., Кашаев С.В. Клинковое оружие из некрополя Артющенко 2 // ДБ. Т. 14. 2010. С. 66–87.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. 1949. М.–Л.

Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. № 69. 1959. С. 154–238.

Гайдукевич В.Ф. и Капошина С.И. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. Т. XV. 1951. С. 162–187.

Галанина Л.К. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки адыгов. Майкоп. 1989. С. 74–102.

Гей А.Н. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. 1999. М. С. 78–113.

Дольник В.Р. Непослушное дитя биосферы. 2016. СПб. –М.

Завойкин А.А., Сударев Н.И. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Ч. I // ДБ. Т. 9. 2006. С. 101–151.

Зайцева К.И. Культовые чаши V–I вв. до н.э. из Северного Причерноморья // ТГЭ. Т. XXVIII. 1997. С. 38–53.

Иванова А.П. Боспорские антропоморфные надгробия // СА. Т. XIII. 1950. С. 239–254.

Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. № 69. 1959. С. 257–295.

Кашаев С.В. Коллективные погребения V–IV вв. до н.э. в некрополе Артющенко 2 // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Материалы. 2006. Сухум. С. 180–186.

Кашаев С.В. Некрополь Артющенко 2 // БИ. Вып. XXII. 2009.Симферополь–Керчь. С. 188–267.

Кашаев С.В. Исследования некрополя Артющенко 2 в 2007–2008 гг. //ΣΥΜΒΟΛΑ. Вып. 1. 2010. М. –Киев. С. 88–96.

Кашаев С.В. Серия расписных сосудов из раскопок некрополя Артющенко 2 // Записки ИИМК РАН. № 6. 2011. С. 166–174.

Кашаев С.В. Парные погребения в некрополе Артющенко 2 // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы международного «круглого стола». 2016. СПб. С. 173–181.

Книпович Т.Н., Славин Л.М. Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. № 4. 1941. С. 37–60.

Кобылина М.М. Фанагория // МИА. № 57. 1956. С. 5–101.

Коровина А.К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. № 2. 1957. С. 174–187.

Коровина А.К. Группа надгробных стел Таманского полуострова // СГМИИ. Вып. IV. 1968. С. 100–109.
Коровина А.К. Скульптура Боспора // Античная скульптура из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. 1987а. М. С. 181–218.
Коровина А.К. Некрополь Фанагории (раскопки 1964–1965) // СГМИИ. Вып. VIII. 1987б. С. 71–109.
Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ. Вып. VIII. 1987в. С. 3–70.
Кругликова И.Т. Мраморный рельеф из Анапы // СА. № 1. 1962. С. 282–289.
Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребения VI–V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // МИАК. Вып. 1. 2001. С. 32–123.
Максимова М.И. Артюховский курган. 1979. Л.
Мелюкова А.И. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1–4. 1964.
Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. Некрополь Волна 1 (2017 г.) (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 25. 2018. М. С. 220–231.
Мимоход Р.А., Успенский П.С. Античность Тамани и средний бронзовый век на юге Среднего Подонья // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 19. 2017. М. С. 120–125.
Молева Н.В. Антропоморфные памятники из некрополя Нимфея // Некрополь Нимфея. Н.Л. Грач. 1999. СПб. С. 315–328.
Молева Н.В. Боспорские антропоморфные изваяния. Нижний Новгород. Население архаической Синдики. По материалам некрополя у хутора Рассвет // Некрополи Черноморья III. 2012. М.
Новичихин А.М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). 2006. Анапа.
ОАК за 1878 и 1879 годы. СПб. 1881.
Паромов Я.М. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // АВ. № 7. 2000. С. 309–319.
Паромов Я.М. Курганный некрополь Кеп // ДБ. Т. 6. 2003. С. 239–265.
Паромов Я.М. Ранние погребения с оружием в могильниках Таманского полуострова // БФ: Население, языки, контакты. 2011. СПб. С. 299–304.
Паромов Я.М. Парные погребения античного времени в могильниках Таманского полуострова // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сборник научных трудов, посвященный 65-летию профессора В.П. Копылова. 2013а. Ростов-на-Дону. С. 149–160.
Паромов Я.М. Характерные особенности обряда парных погребений античного времени на Таманском полуострове // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. 2013б. Краснодар. С. 328–332.
Паромов Я.М. Характерные черты погребального обряда раннеантичных могильников Таманского полуострова // БФ: Греки и варвары на Евразийском перекрестке. 2013в. СПб. С. 67–72.
Паромов Я.М. Особенности обряда парных погребений из Артюховского кургана // XIX БЧ. 2018. Симферополь–Керчь. С. 365–370.
Передольская А.А. О сюжетах трех терракотовых статуэток, найденных в кургане Большая Близница // СА. Т. XIII. 1950. С. 255–271.
Передольская А.А. Терракоты из кургана Большая Близница и Гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. Т. VII. 1962. С. 46–92.
Плутарх. Застольные беседы // Литературные памятники. Л. 1990.
Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на Юге России. 1918. Пг.
Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. 1925. Л.
Савельев Ю.А. Надгробие с изображением «загробной трапезы» // Античная скульптура из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. 1987. М. С. 38, 39.
Семенов В.А. Первобытное искусство: Каменный век. Бронзовый век. 2008. СПб.
Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. 1997. М.

Соколов Г.И. Искусство этрусков. 1990. М.
Сокольский Н.И. Боспорские мечи // МИА. № 33. 1954. С. 123–196.
Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. 1957.М.
Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 годах // КСИА. Вып. 83. 1961. С. 46–52.
Цветаева Г.А. Грунтовой некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // МИА. № 19. 1951. С. 63–86.
Цокур И.В. Отчет об итогах охранно-спасательных работ на грунтовом могильнике Волна 1: Архив ИА РАН. Р-1. № 50661–50670. 2015–2016.
Цокур И.В. Грунтовой могильник Волна 1 // ДБ. Т. 20. 2016. С. 493–500.
Цокур И.В., Селивантьев О.Н., Горболь Н.Ю. Мечи-акинаки из грунтового могильника Волна 1 (Темрюкский район Краснодарского края) // XXIX Крупновские чтения. 2016. Грозный. С. 119, 120.
Цокур И.В., Селивантьев О.Н., Шереметьева Н.А. Грунтовой могильник Волна 1 // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепроводов. Материалы археологической научной конференции. 2016. Краснодар. С. 118–130.
Чубова А.П. Этрусское искусство. 1972. М.
Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов // Известия Кавказского историко-археологического института. Т. VI. 1927. Тифлис. С. 67–106.
Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). 2007. СПб.

REFERENCES

Akimova L.I. Rel'ef s izobrazheniem "zagrobnoi trapezy"// *Antichnaia skul'ptura iz sobraniia GMII im. A.S. Pushkina.* 1987. M. P. 43.
Akimova L.I. *Iskusstvo Drevnei Gretsii: Geometrika, arkhaika*. 2007a. SPb.
Akimova L.I. *Iskusstvo Drevnei Gretsii: Klassika* 2007b. SPb.
Andreeva M.V. Sinkhronnye sovmestnye pogrebeniia vostochnomanychskoi katakombnoi kul'tury kak istochnik paleosotsial'nykh rekonstruktsii // *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii*. Vyp. 4. 2005. M., pp. 69–94.
Blavatsky V.D. *Zemledelie v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia.* 1953. M.
Chubova A.P. *Etrusskoe iskusstvo*. 1972. M.
Chursin G.F. Kul't zheleza u kavkazskikh narodov // *Izvestiia Kavkazskogo istoriko-arkheologicheskogo instituta*. T. VI. 1927. Tiflis, pp. 67–106.
Dol'nik V.R. *Neposlushnoe ditia biosfery.* 2016. SPb. –M.
Gaidukevich V.F. *Bosporskoe tsarstvo.* 1949. M.–L.
Gaidukevich V.F. Nekropoli nekotorykh bosporskikh gorodov // *MIA*. № 69. 1959, pp. 154–238.
Gaidukevich V.F. I Kaposhina S.I. K voprosu o mestnykh elementakh v kul'ture antichnykh gorodov Severngo Prichernomor'ia // *CA*. T. XV. 1951, pp. 162–187.
Galanina L.K. Novye pogrebal'nye kompleksy rannemeotskogo vremeni iz Kelermesskogo gruntovogo mogil'nika // *Meoty – predki adygov*. 1989. Maikop, pp. 74–102.
Gei A.N. O nekotorykh simvolicheskikh momentakh pogrebal'noi obriadnosti stepnykh skotovodov Predkavkaz'ia v epokhu bronzy // *Pogrebal'nyi obriad: rekonstruktsiia I interpretatsiia drevnikh ideologicheskikh predstavlenii*. 1999. M., pp. 78–113.
Ivanova A.P. Bosporskie antropomorfnye nadgrobiia// *CA.* T. XIII. 1950, pp. 239–254.
Kastanaian E.G. Gruntovye nekropoli bosporskikh gorodov VI–IV vv. do n.e. I mestnye ikh osobennosti // *MIA*. № 69. 1959, pp. 257–295.
Kashaev S.V. Kollektivnye pogrebeniia V–IV vv.do n.e. v nekropole Artiushchenko 2 // *Pervaia Abkhazskaia Mezhdunarodnaia arkheologicheskaia konferentsiia: Materialy.* Sukhum. 2006, pp. 180–186.

Kashaev S.V. Nekropol' Artiushchenko 2 // *BI*. XXII. 2009. Simferopol'-Kerch', pp. 188–267.
Kashaev S.V. Issledovaniia nekropolia Artiushchenko 2 v 2007–2008 gg. // *ΣΥΜΒΟΛΑ*. Vyp 1. 2010. M. – Kiev, pp. 88–96.
Kashaev S.V. Seriia raspisnykh sosudov iz raskopok nekropolia Artiushchenko 2 // *Zapiski IIMRK RAN*. № 6. 2011, pp. 166–174.
Kashaev S.V. Parnye pogrebeniia v nekropole Artiushchenko 2 // *Elita Bospora I Bosporskaia elitarnaia kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo «kruglogo stola»*. 2016. SPb., pp. 173–181.
Knipovich T.N., Slavin L.M. Raskopki iugo-zapadnoi chasti Tiritaki // *MIA*. № 4. 1941, pp. 37–60.
Kobylina M.M. Fanagoriia// *MIA*. № 57. 1956, pp. 5–101.
Korovina A.K. K voprosu ob izuchenii Semibratnikh kurganov // *CA*. № 2. 1957, pp. 174–187.
Korovina A.K. Gruppa nadgrobnykh stel Tamanskogo poluostrova // *SGMII*. Vyp. IV. 1968, pp.100–109.
Korovina A.K. Skul'ptura Bospora// *Antichnaia skul'ptura iz sobraniia GMII im. A.S. Pushkina.* 1987a. M., pp. 181–218.
Korovina A.K. Nekropol' Fanagorii (raskopki 1964-1965) // *SGMII*. Vyp. VIII. 1987b, pp. 71–109.
Korovina A.K. Raskopki nekropolia Tiramby (1966-1970) // *SGMII*. Vyp. VIII. 1978v, pp. 3–70.
Kruglikova I.T. Mramornyi rel'ef iz Anapy// *SA*. № 1. 1962, pp. 282–289.
Limberis N.Iu., Marchenko I.I. Pogrebeniia VI-V vv. do n.e. iz gruntovykh mogil'nikov meotskikh gorodishch Pravoberezh'ia Kubani // *MIAK*. Vyp. 1. 2001, pp. 32–123.
Maksimova M.I. *Artiukhovskii kurgan*. 1979. L.
Meliukova A.I. Vooruzhenie skifov // *SAI*. Vyp. D1-4. 1964.
Mimokhod R.A., Sudarev N.I., Uspenskii P.S. Nekropol' Volna-1 (2017 Krasnodarskii krai, Tamanskii poluostrov)// *Goroda, selishcha, mogil'niki. Raskopki 2017. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovanii.* T. 25. 2018. M., pp. 220–231.
Mimkhod R.A., Uspenskii P.S. Antichnost' Tamani I srednii bronzovyi vek na iuge Srednego Podon'ia// *Goroda, poseleniia, nekropoli. Raskopki 2016. Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovanii.* T. 19. 2017. M., pp. 120–125.
Moleva N.V. Antropomorfnye pamiatniki iz nekropolia Nimfeia // *Nekropol' Nimfeia. N.L. Grach*. 1999. SPb., pp. 315–328.
Moleva N.V. Bosporskie antropomorfnye izvaianiia. Nizhnii Novgorod. Naselenie arkhaicheskoi Sindiki. Po materialam nekropolia u khutora Rassvet // *Nekropoli Chernomor'ia III*. 2010. M.
Novichikhin A.M. *Naselenie Zapadnogo Zakuban'ia v pervoi polovine I tysiacheletiia do n.e. (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov)*. 2006. Anapa.
OAK za 1878 i 1879 gody. SPb. 1881.
Paromov Ia.M. O zemel'nykh nadelakh antichnogo vremeni na Tamanskom poluostrove //*AB*. № 7. 2000, pp. 309–319.
Paromov Ia.M. Kurgannyi nekropol' Kep// *DB*. T. 6. 2003, pp. 239–265.
Paromov Ia.M. Rannie pogrebeniia antichnogo vremeni v mogil'nikakh Tamanskogo poluostrova// *BF: Naselenie, iazyki, kontakty.* 2011. SPb., pp. 299–304.
Paromov Ia.M. Parnye pogrebeniia antichnogo vremeni v mogil'nikakh Tamanskogo poluostrova// *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremia. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi 65-letiiu professor V.P. Kopylova*. 2013a. Rostov-na-Donu, pp. 149–160.
Paromov Ia.M. Kharakternye osobennosti obriada parnykh pogrebenii antichnogo vremeni na Tamanskom poluostrove // *Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaia konferentsiia*. 2013b. Krasnodar, pp. 328–332.
Paromov Ia.M. Kharakternye cherty pogrebal'nogo obriada ranneantichnykh mogil'nikov Tamanskogo poluostrova // *BF: Greki i varvary na Evraziiskom perekrestke.* 2013v. SPb., pp. 67–72.
Paromov Ia.M. Osobennosti obriada parnykh pogrebenii iz Artiukhovskogo kurgana //*XIX BCh*. 2018. Simferopol'-Kerch', pp. 365–370.
Peredol'skaia A.A. O siuzhetakh trekh terrakotovykh statuetok, naidennykh v kurgane Bol'shaia Bliznitsa // *SA*. T. XIII. 1950, pp. 255–271.

Peredol'skaia A.A. Terrakoty iz kurgana Bol'shaia Bliznitsa i Gomerovskii gimn Demetre // *TGE*. T. VII. 1962. pp. 46–92.
Plutarkh. Zastol'nye besedy // *Literaturnye pamiatniki*. 1990. L.
Rostovtsev M.I. *Ellinstvo i iranstvo na iuge Rossii*. 1918.
Rostovtsev M.I. *Skifiia i Bospor*. 1925. L.
Savel'ev Iu.A. Nadgrobie s izobrazheniem "zagrobnoi trapezy" // *Antichnaia skul'ptura iz sobraniia GMII im. A.S. Pushkina.* 1987. M., pp. 38, 39.
Semenov V.A. *Pervobytnoe iskusstvo: Kamennyi vek. Bronzovyi vek.* 2008. SPb.
Shaub I.Iu. *Mif, kul't, ritual v Severnom Prichernomor'e (VII–IV vv. do n.e.).* 2007. SPb.
Smirnov Iu.A. *Labirint: Morfologiia prednamerennogo pogrebeniia.* 1997. M.
Sokolov G.I. *Iskusstvo etrusskov*. 1990. M.
Sokol'skii N.I. Bosporskie mechi // *MIA*. № 33. 1954, pp. 123–196.
Sorokina N.P. *Tuzlinskii nekropol'*. 1957. M.
Sorokina N.P. Raskopki nekropolia Germonassy v 1956-1957 godakh // *KSIA*. Vyp. 83. 1961, pp. 46–52.
Tsvetaeva G.A. Gruntovyi nekropol' Pantikapeia, ego istoriia, etnicheskii I sotsial'nyi sostav // *MIA*. № 19. 1951, pp. 63–86.
Tsokur I.V. *Otchet ob itogakh okhranno-spasatel'nykh rabot na gruntovom mogil'nike Volna 1: Arkhiv IA RAN.* R-1. № 50661–50670. 2015-2016.
Tsokur I.V. Gruntovyi mogil'nik Volna 1 // *DB*. T. 20. 2016, pp. 493–500.
Tsokur I.V., Selivant'ev O.N., Gorbol' N.Iu. Mechi-akinaki iz mogil'nika Volna 1 (temriukskii raion Krasnodarskogo kraia) // *XXIX Krupnovskie chteniia.* 2016. Groznyi, pp. 119, 120.
Tsokur I.V., Selivant'ev O.N., Sheremet'eva N.A. Gruntovyi mogil'nik Volna 1 //*Okhrana I sokhranenie arkheologicheskogo naslediia Tamani pri realizatsii stroitel'stva Tamanskogo terminal SUG I nefteprovodov. Materialy arkheologicheskoi nauchnoi konferentsii.* 2016. Krasnodar, pp. 118–130.
Voroshilov A.N., Kashaev S.V. Klinkovoe oruzhie iz nekropolia Artiushchenko 2 // *DB*. T. 14, pp. 66–87.
Zavoikin A.A., Sudarev N.I. Pogrebeniia s oruzhiem VI-V. vv. do n.e. kak istochnik po politicheskoi i voennoi istorii Bospora. I. //*DB*. T. 9. 2006, pp. 101–151.
Zaitseva K.I. Kul'tovye chashi V–I vv. do n.e. iz Severnogo Prichernomor'ia // *TGE*. T. XXVIII. 1997, pp. 38–53.

Резюме

Вводная часть статьи посвящена памятникам первобытного искусства, каменным изваяниям и надгробиям эпохи бронзы и античного времени, говорящим о многоплановости идеи парного погребения и многообразии подходов к ней. На Таманском полуострове парные супружеские погребения были выявлены еще в XIX в., однако привлекли к себе внимание лишь в последнее время благодаря раскопкам могильников Артющенко 2 и Волна 1. Сравнение раннеантичных погребений этих и других таманских некрополей с погребениями синдского могильника VI–V вв. до н.э. у хутора Рассвет свидетельствует об их родственных связях. В эллинистическое время обряд парных погребений наиболее полно отразился в гробницах Артюховского кургана, широко известных своими богатыми находками. Два супружеских захоронения (гробницы II и III) вобрали в себя многие местные и греческие традиции, соединив их в удивительный обряд. Этот обряд сохранил от раннеантичного времени главное качество – уважение к женщине, доведя эту не свойственную греческой культуре черту до высокого совершенства.

Ключевые слова: Таманский полуостров, парные супружеские погребения, надгробия, могильник у хутора Рассвет, могильник Артющенко 2, могильник Волна 1, раннеантичные могильники, Артюховский курган.

Summary

The introductory part of the article is devoted to the monuments of primitive art, stone sculptures and tombstones of the Bronze Age and the ancient times, which evidence the multiplicity of the idea of a twin burial and the variety of approaches to it. On the Taman Peninsula, twin conjugal burials were discovered as early as in the 19th century, but they have attracted attention only recently, thanks to the excavations of the Artyushchenko 2 and Volna 1 cemeteries. Comparison of the early antique burials of these and other Taman necropolises with the burials of the Sindian burial ground of the VIth – Vth centuries BC at the farmstead Rassvet testifies to their kinship. In Hellenistic time, the ritual of twin burials was most fully reflected in the tombs of the Artyukhovsky kurgan, widely known for rich finds. Two conjugal burials (tombs II and III) took many local and Greek traditions, combining them into an amazing rite. This rite has retained from early antiquity its main quality - respect for the woman, bringing this feature, not peculiar to Greek culture, to high perfection.

Key words: Taman Peninsula, twin conjugal burials, tombstones, a repository at Rassvet farmhouse, Artiushchenko 2 cemetery, Volna 1 cemetery, early ancient tombs, Artiukhovsky kurgan.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Паромов Яков Максимович, к.и.н.,
научный сотрудник Института археологии РАН (Москва).
Специальность – 07.00.06 – археология.
+7(495) 936-56-85
kukuoba@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Paromov Iakov Maksimovich Ph.D.
Researcher, Institute of Archeology, RAS (Moscow).
Specialty - 07.00.06 - Archaeology.
+7(495) 936-56-85
kukuoba@yandex.ru

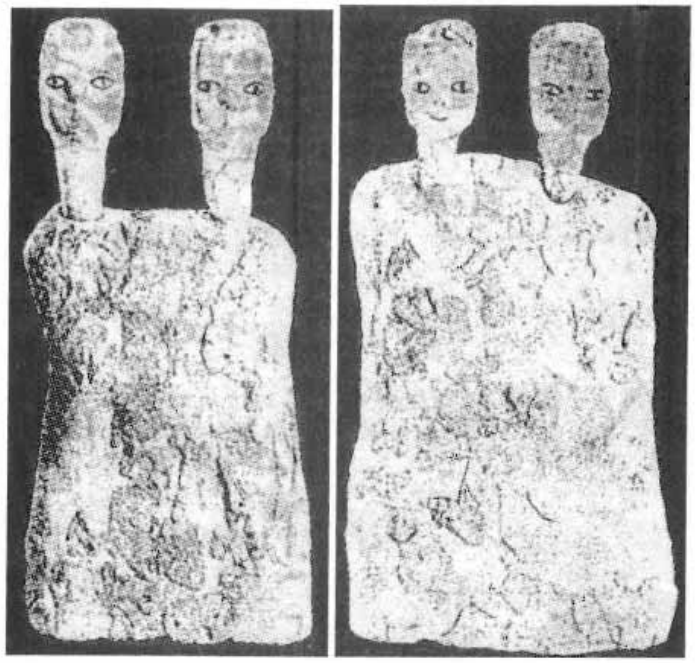

Рис. 1. Антропоморфные изваяния из Месопотамии (Айн-Гхасаль). VI тыс. до н.э.

Рис. 2. Двуглавая мраморная фигура (Чатал-Хююк, Турция). Неолит.

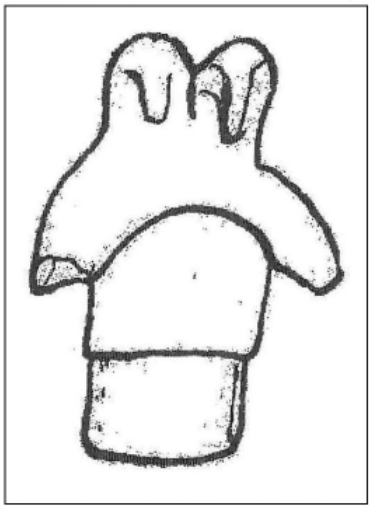

Рис. 3. Статуэтка из Среднего Подунавья (телль Винча). Последняя треть VI – первая половина V в. до н.э.

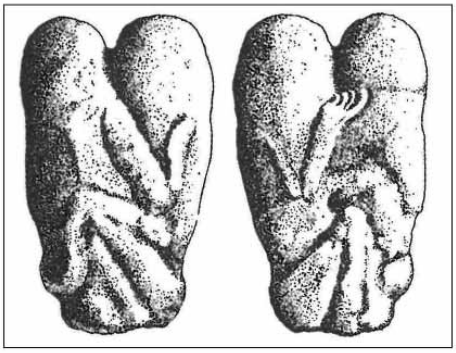

Рис. 4. Каменная скульптура натуфийской культуры (Айн-Сахри, Палестина). VII–IV тыс. до н.э.

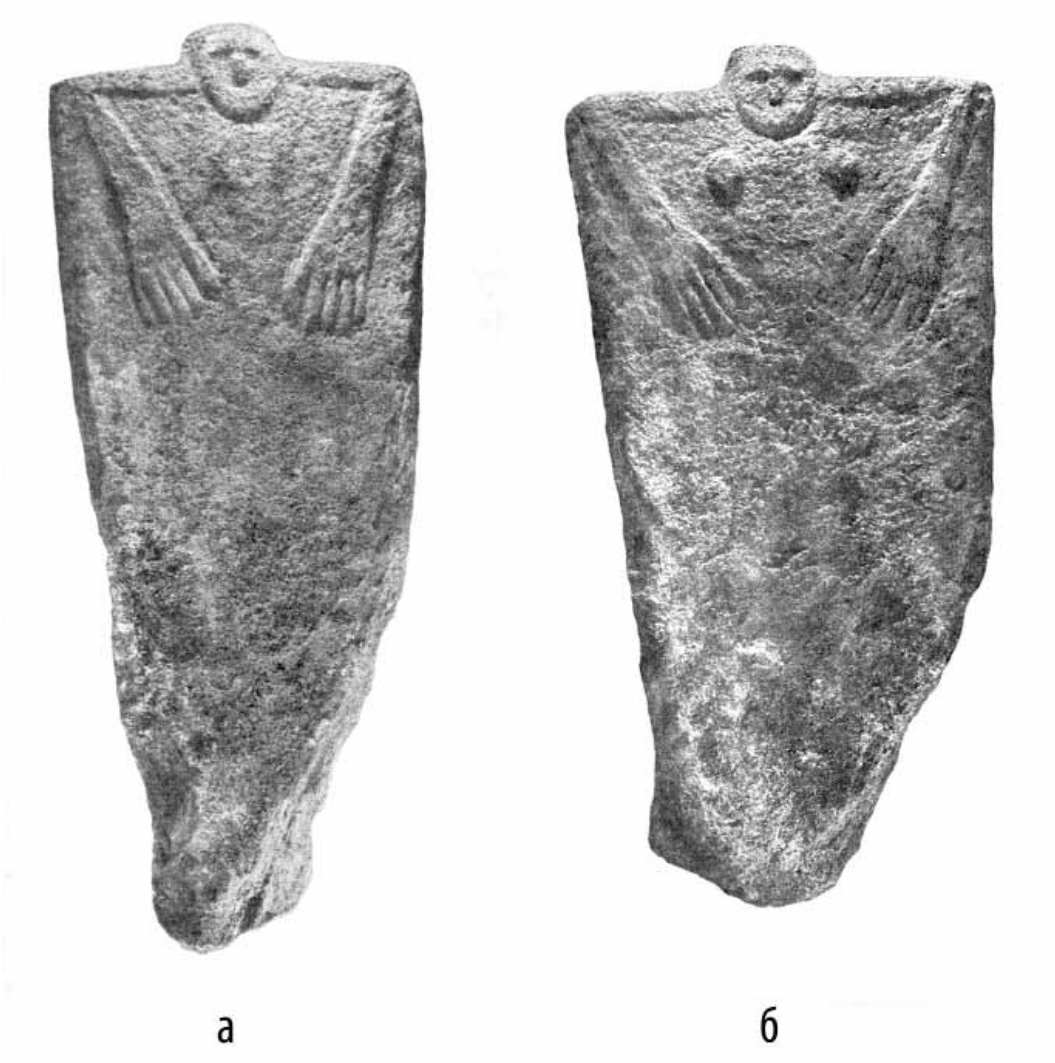

Рис. 5. Каменные изваяния из Тиритаки:
а – мужское, б – женское.

Рис. 6. Плита с изображением мужской и женской фигур, найденная на горе Опук (Киммерик).

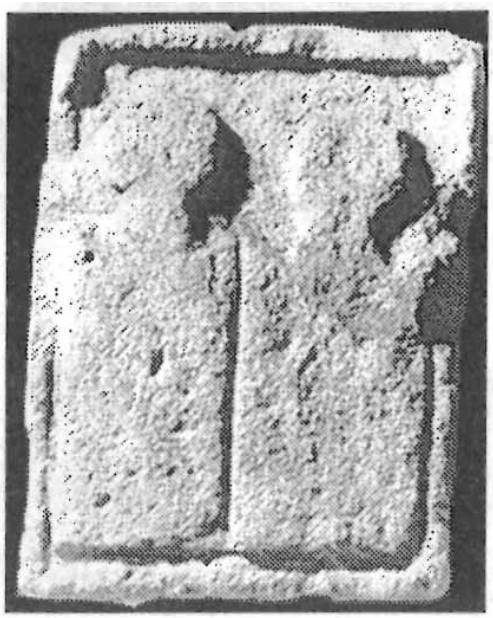

Рис. 7. Первая стела из Нимфея с изображением двух фигур. III в. до н.э.

Рис. 8. Вторая стела из Нимфея с изображением двух фигур. III в. до н.э.

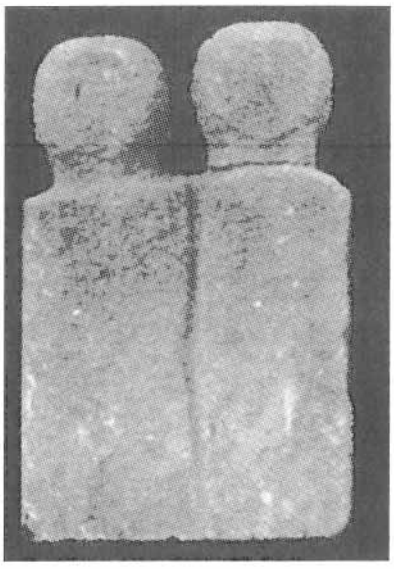

Рис. 9. Парное антропоморфное изваяние из Горгиппии. Вторая половина IV – III вв. до н.э.

Рис. 10. Надгробие мужчины и женщины из Фанагории. II–I вв. до н.э.

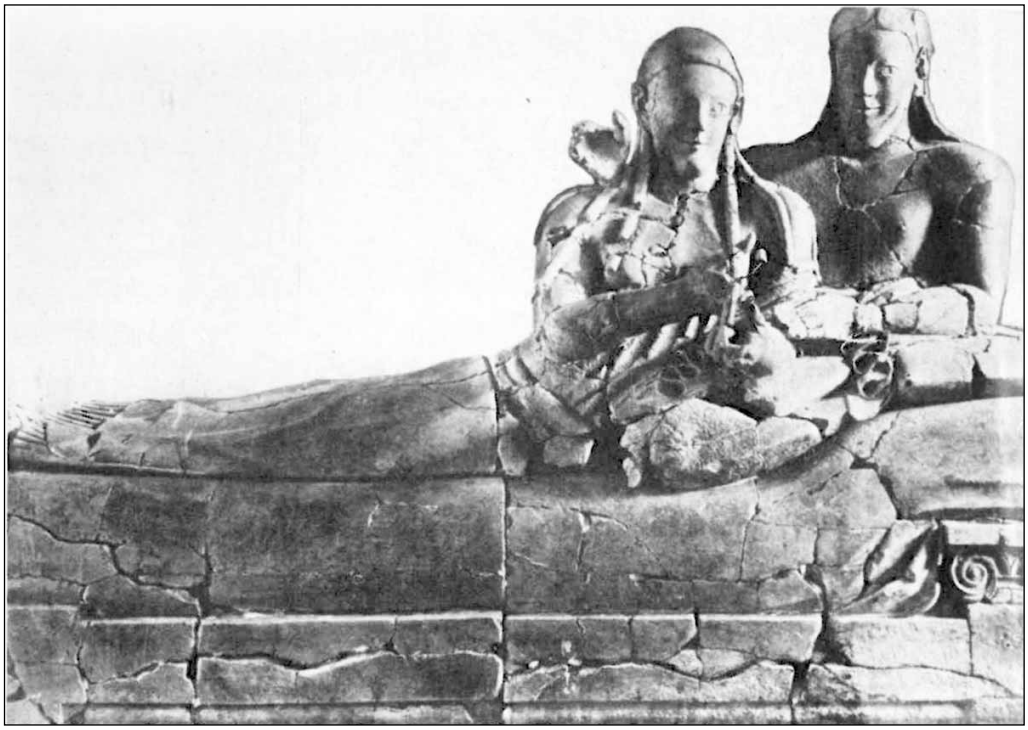

Рис. 11. Терракотовый саркофаг из Черветери. Конец VI в. до н.э.

Рис. 12. Фигуры на крышке терракотового саркофага из Черветери. Конец VI в. до н.э.

Рис. 13. Крышка каменного саркофага из Вульчи. IV в. до н.э.

Рис. 14. Крышка терракотовой урны из Вольтерры. III–II вв. до н.э.

Рис. 15. Известняковое надгробие с изображением «загробной трапезы». Кипр. Вторая четверть – середина V в. до н.э.

Рис. 16. Мраморный рельеф IV в. до н.э. с изображением «загробной трапезы».

Рис. 17. Погребальная трапеза. Фреска из гробницы Щитов в Тарквиниях.
Конец IV – начало III вв. до н.э.

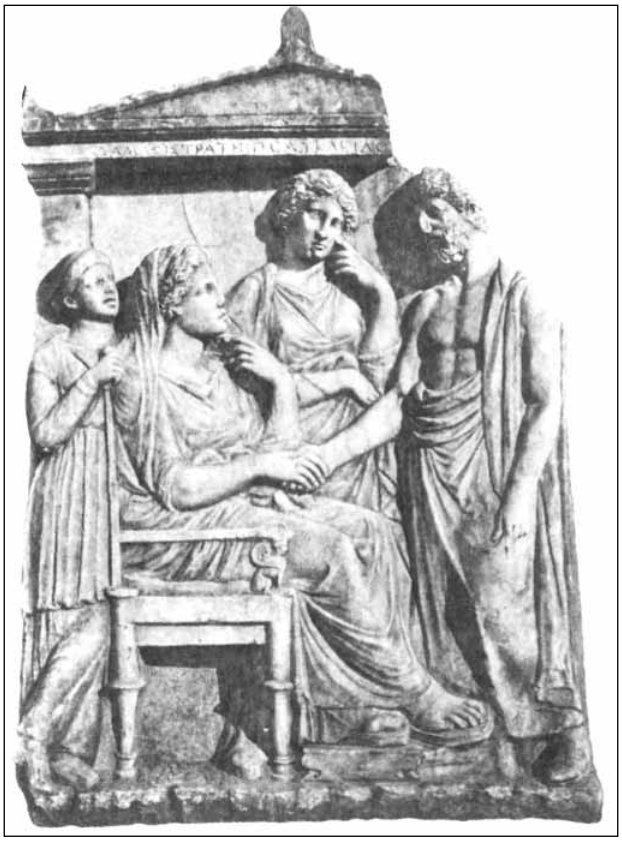

Рис. 18. Мраморная стела Дамасистраты из Афин.
Третья четверть IV в. до н.э.

Рис. 19. Терракотовая статуэтка «группа супругов» из кургана Большая Близница на Таманском полуострове. Вторая четверть IV в. до н.э.

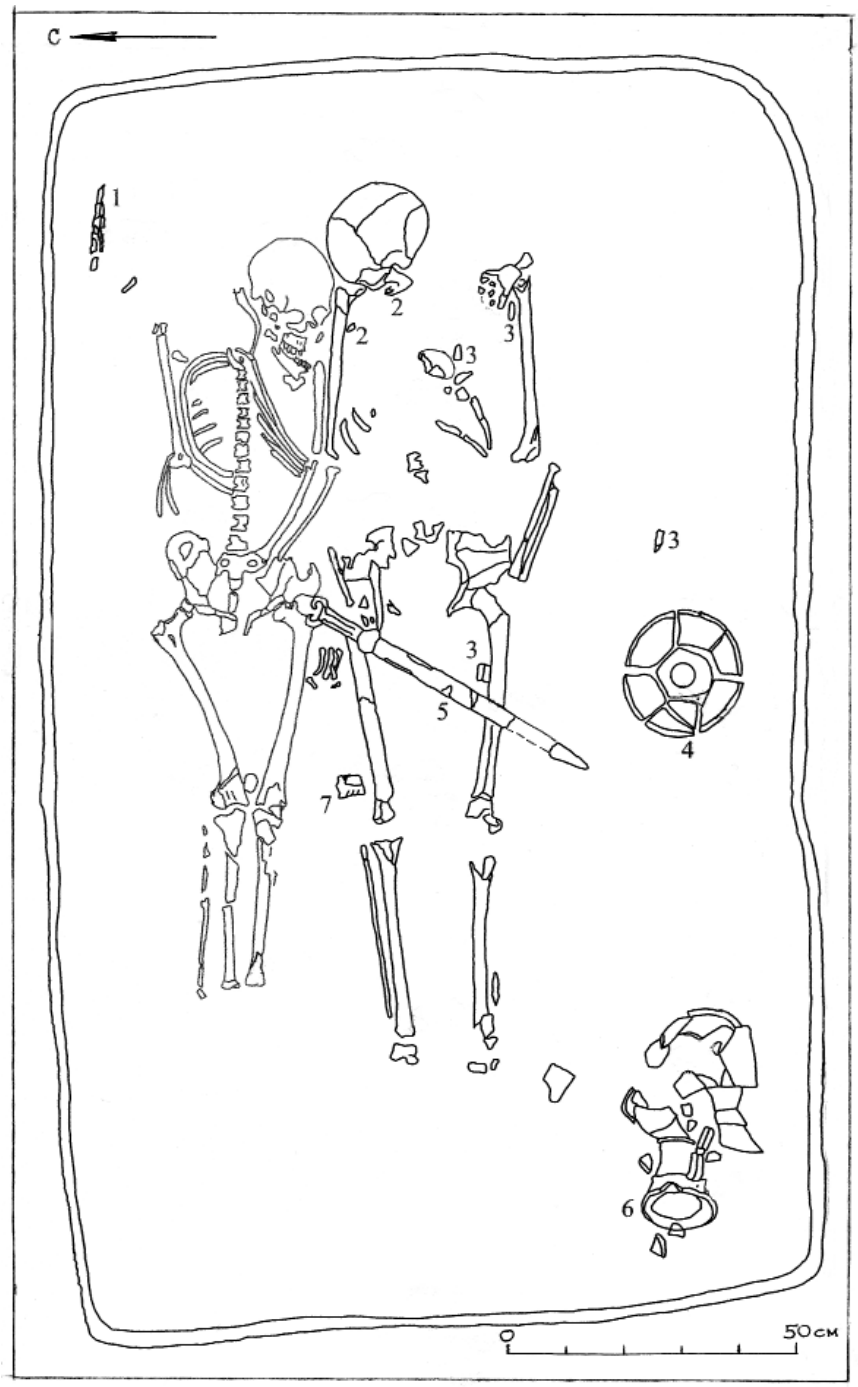

Рис. 20. Грунтовой могильник Волна 1. Погребение 24. План.

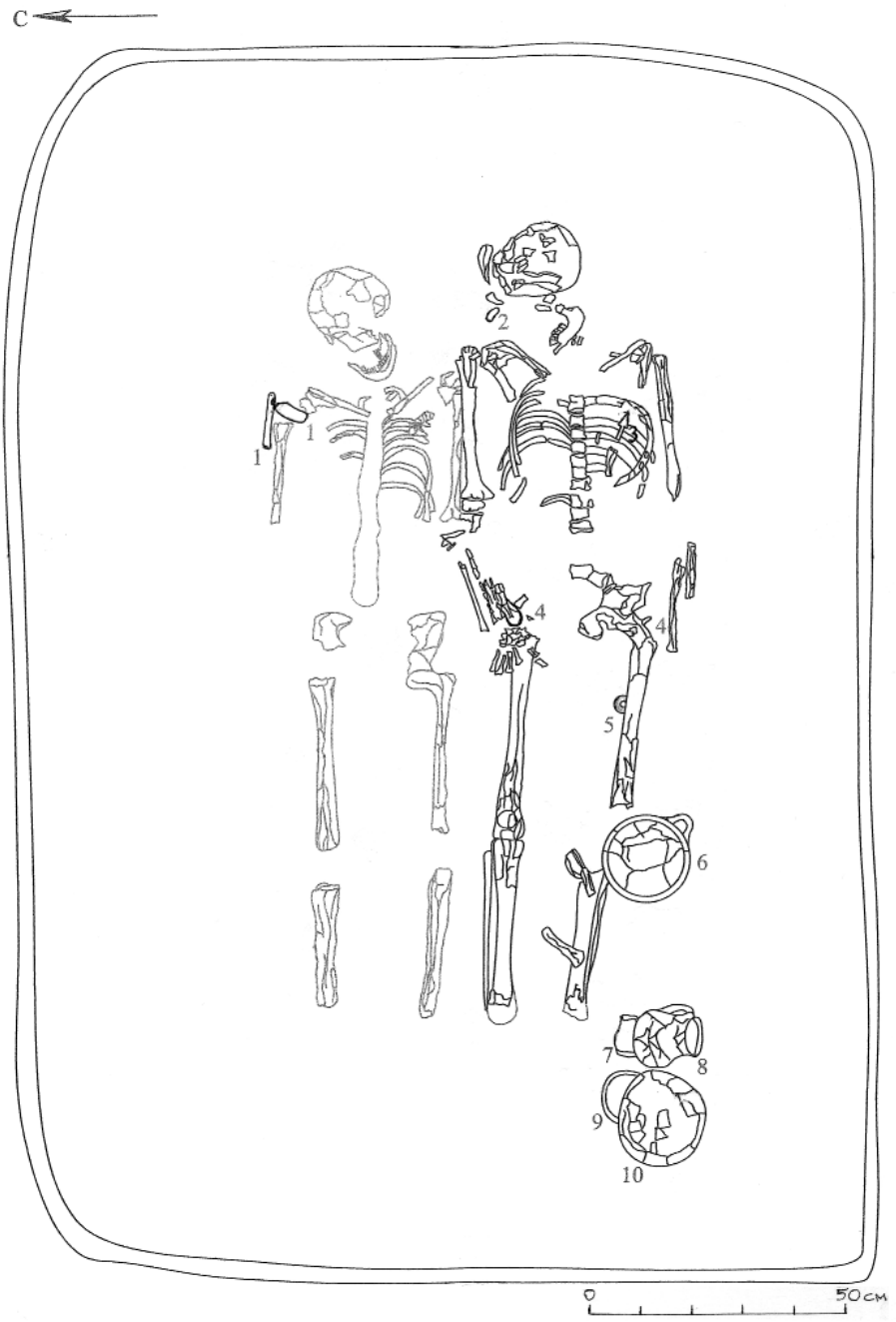

Рис. 21. Грунтовой могильник Волна 1. Погребение 82. План.

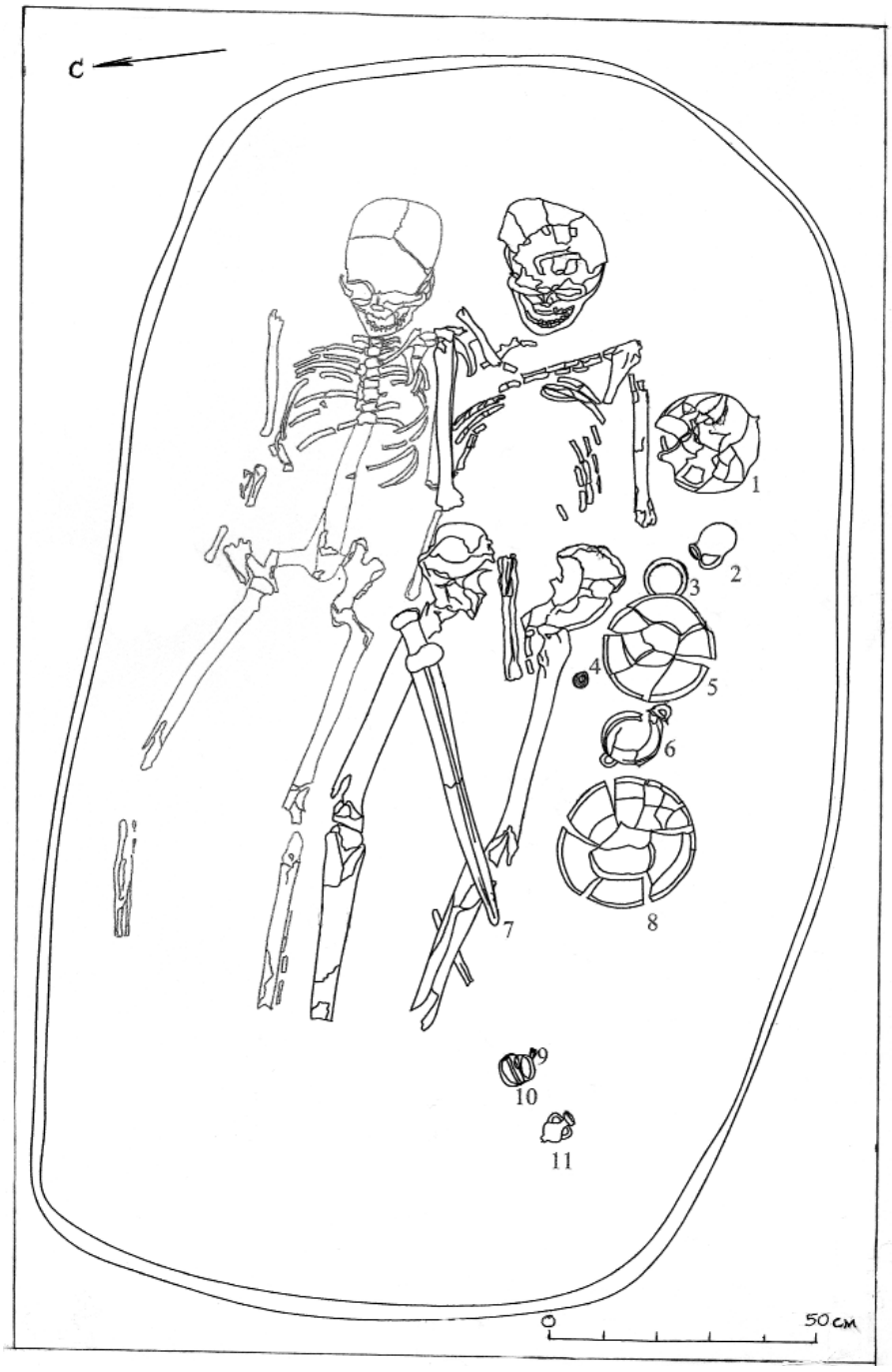

Рис. 22. Грунтовой могильник Волна 1. Погребение 83. План.

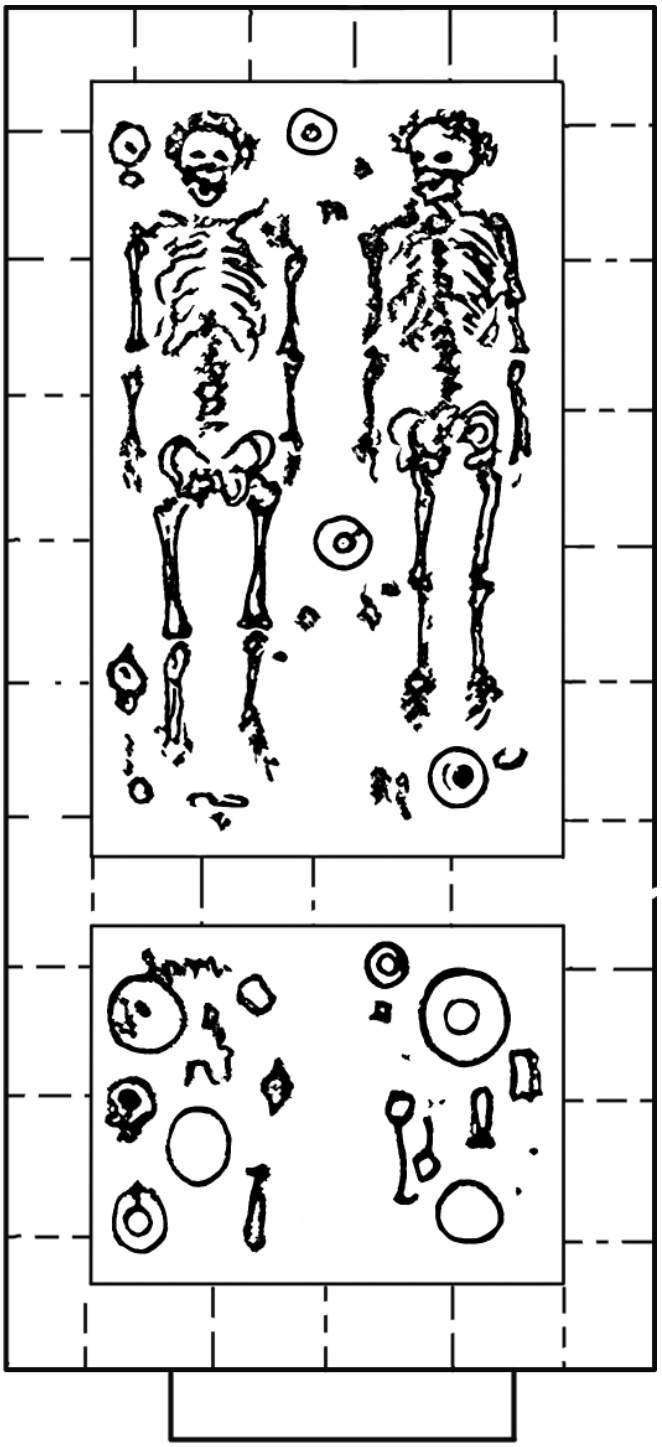

Рис. 23. Артюховский курган. Склеп II (по рисунку Ф.И. Гросса).

С.Г. КОЛТУХОВ, С.Н. СЕНАТОРОВ
S.G. KOLTUKHOV, S.N. SENATOROV

СКИФСКИЙ КУРГАН БЕШ-ОБА IV У ГРАНИЦ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА
SCYTHIAN BARROW BESH-OBA IV NEAR THE BORDERS OF THE EUROPEAN BOSPOROS

Курганный некрополь Ак-Кая (Белая скала), находящийся на плато гор Ак-Кая и Беш-Оба на территории Белогорского района в Предгорном Крыму, стоит в одном ряду с выдающимися погребальными памятниками греко-варварских и варварских элитарных некрополей древнего Крыма IV в. до н.э. (Юз-Оба, Дорт-Оба, Чаян - Апан-Сарча) и др. [Виноградов, 2016, с. 97; Колтухов, Сенаторов, 2016, с. 182; Смекалова, Колтухов, Чудин, 2014 с. 233-234].

Первые научные сведения о расположении и этнокультурной характеристике Аккайского могильника были получены в 1947 г. Белогорским отрядом Тавро-Скифской экспедиции под руководством П.Н. Шульца [Шульц, 1947, с. 6-7]. Позднее Б.Н. Мозолевским была предложена работа с уверенной его этнокультурной и топографической характеристикой [Мозолевский, 1990].

В число наиболее крупных десятиметровых курганных насыпей Аккайского или Белогорского [Мозолевский, 1990, с. 131–133] некрополя входит курган IV (рис. 1,*1*), расположенный на вершине куэсты Беш-Оба (Пять вершин) [см. Колтухов, Мыц, 1998, с. 100, 103]. Данный курган отличается величественной курганной насыпью, заметно выделяясь в ландшафте. В 1996-1997 гг. на этом кургане были проведены частичные археологические исследования Крымского филиала ИА НАНУ, в которых принимали участие сотрудники филиала: В.Л. Мыц (руководитель), В.П. Кирилко, А.В. Лысенко, И.Б. Тесленко, С.В. Семин. Непосредственно руководили полевыми исследованиями С.Г. Колтухов и В.А. Колотухин, процесс работ был детально описан в научном отчете [Колтухов, Колотухин, Мыц, 1997]. Общие результаты работ были отражены в ряде статей [Колтухов, Мыц, Колотухин, 1997; Колтухов, 1999; Колтухов, Мыц, 2001]. Более полная публикация материалов кургана была издана в нулевые годы[1] [Колтухов, 2006]. В настоящее время появилась необходимость дополнить сделанные ранее наблюдения и пересмотреть некоторые выводы, чему и посвящена настоящая статья.

Курган площадью 4060 м^2 удалось исследовать лишь на ¼ его площади, хотя первоначально планировалось вскрыть намного меньший участок памятника.

[1] Исследования памятника остались незавершенными, соответственно до сих пор не существует и его полная характеристика.

Изначально, целью работ было раскрытие вручную предполагаемого дромоса основного погребения, направление которого визуально фиксировали по длинной просадке насыпи в восточной поле́ кургана и выхода по этому коридору в основное погребальное сооружение. Следовательно, основной задачей была архитектурно-археологическая и хронологическая характеристика памятника. Сам курган планировали сохранить для дальнейших исследований естественнонаучными, а затем и археологическими методами, минимально его повреждающими.

Судя по результатам магнитометрии, выполненной Т.Н. Смекаловой [Смекалова, Смекалов, Мыц, Колтухов, 1999, с. 179-180; Смекалова, 2009, с. 78, рис. 14а], основная гробница кургана (рис. 1,*1*; 14,*1*) представлялась исследователям в виде каменного склепа с длинным дромосом, выводящим в восточную полу кургана (рис. 19). Этот дромос, предположительно, мог быть либо сооружен на древней дневной поверхности, либо впущен в грунт. В качестве аналогий предполагалось рассматривать каменные гробницы из боспорских курганов. Однако именно это ошибочное, как выяснилось позднее, предположение повлекло за собой вынужденное изменение характера полевых работ, в ходе которых было установлено, что в границах раскопа в восточной части кургана была расположена привходовая площадка и лежащий за ней узкий и длинный каменный склеп (рис. 1,*2*; 2). Эти последовательно расположенные сооружения действительно имели скрытую связь с основным погребальным сооружением, но дромосом не являлись. Поэтому для обнаружения основной гробницы была раскрыта полоса в средней части курганной насыпи. Этот участок работ представлял собой вырытую бульдозером траншею шириной 10 м, ориентированную с севера на юг. В центральной части траншеи была снята часть насыпи кургана и лежащий под ней кольцевой выброс из основного погребения. Размеры выброса, лежащего на уровне поверхности погребенной почвы: диаметр 30 – 34 м, ширина кольца 8 – 9 м, высота до 1,5 м (рис. 19; 2,*2.5,3.8*). Края траншеи с участками кромлеха не раскапывались и были оставлены в грунте (рис. 2,*2*). В центре кургана на уровне поверхности суглинистой подпочвы было обнаружено большое пятно провала над центральной гробницей (рис. 3), образовавшееся в результате разрушения перекрытия и верхней части входной ямы и обвала потолка погребальной камеры (рис. 2,*3.7*). Тогда же стало ясно, что основное погребение совершено в катакомбе, в которой объемы, вырытые в грунте, комбинировались с каменными конструкциями.

Общая характеристика курганной насыпи на 1996 г. Высота насыпи кургана IV к началу работ составляет 9,5 м, диаметр 72 м (рис. 1,*2*), площадь около 4060 м^2, исследованная площадь около 1000 м^2 (рис. 2,*1*), объем насыпи 12890 м^3. Северная и западная полы́ кургана сравнительно крутые, южная и восточная – пологие. Вершина со слабо выраженной просадкой грунта в основное погребение и последующим заплыванием воронки (рис. 1,*2*). Учитывая провал вершины, высоту кургана можно реконструировать в пределах 10 – 11 м^2. В восточной поле́ кургана над каменным скле-

[2] Вероятность изначального существования на вершине кургана площадки невелика.

пом отмечена траншеевидная просадка грунта глубиной до 0,3 м (рис. 1,*2*). Насыпь была покрыта степным разнотравьем, а у северо-восточной полы́ находились заросли терновника (рис. 1,*1*). Кроме того, выполненная в 1996 г. Т.Н. Смекаловой магнитометрическая съемка кургана, фиксирующая планиметрическую структуру памятника (рис. 19), была опубликована с достаточно обстоятельными комментариями [Смекалова, Смекалов, Мыц, Колтухов, 1999; Smekalova, Voss, Smekalov, Myts, Koltukhov, 2005].

Необходимо отметить, что в курганном некрополе Пантикапея известны курганы с близкими параметрами насыпей [ср. Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012], и это неслучайное сходство нужно признать. Однако имеются веские основания считать курган IV собственно скифским, поскольку его параметры и объемно-планировочное решение[3] не противоречат принципиальным приемам, отмеченным именно для скифских курганов [Болтрик, 2000; Очир-Горяева, 2014][4]. Примечательно, что даже тип основного погребения кургана однозначно подтверждает его скифский характер. Следовательно, сравнивать его следует не только с курганами Пантикапея, но в первую очередь с курганами Степной Скифии.

Объем насыпи кургана IV, составляющий примерно 13600 кубических метров, позволяет расположить курган Беш-Оба IV среди таких элитарных скифских памятников, как Чмырева Могила, Верхний Рогачик, Желтокаменка и др. с объемом насыпи 13000–11000 м^3, которые Ю.В. Болтрик относит к могилам достаточно условной страты «родственников царя» [Болтрик, 2004, с. 88].

В Приднепровье с его разнообразными и многочисленными «царскими» курганами подобная оценка одной из групп погребальных памятников вполне уместна. Мы же склонны считать периферийную крымскую группу аристократических курганов династическим могильником номархов, управлявших во второй – третьей четверти IV в. до н.э., а может быть, и позже, одной из административных частей Большой Скифии IV в. до н.э. Подобное территориально-административное образование вполне возможно в кочевом обществе при его генеалогическом принципе управления, распространенном на высшие звенья кочевой организации [ср. Хазанов, 2002, с. 157–158][5].

Вероятно, близкими характеристиками обладал в Приазовье Бердянский курган [Болтрик, 2016; Мурзин, Белан, Подвысоцкая, 2017, с. 21]. По мнению В.А. Ильинской и А.И. Тереножкина, подобные курганы содержали «…если не

---

[3] Об этом ниже.

[4] Впрочем, судить о соответствии кургана Беш-Оба характеристикам скифского кургана как единого ансамбля [см. Болтрик, 2000] мы можем лишь на основе ¼ исследованной площади памятника.

[5] Были ли «хозяева» курганов непосредственными родственниками царя или представителями племенной (родовой) аристократии, включенной на правах номархов в структуру управления крымской частью Большой Скифии, в принципе зависит от того, была ли их «область» неким новым административно-территориальным образованием с населением, переселенным сюда или подчиненным скифами, или же эта территория изначально была подчинена одному из скифских кочевых «родов», хотя возможно и сочетание таких критериев.

захоронения самих царей, то, вероятнее всего, ближайших родственников царского дома или номархов…» [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 121]. Б.Н. Мозолевский, предполагая существование крымско-приазовского царства скифов царских [Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 214; Мозолевський, 2005, с. 90-91], имел для подобной гипотезы определенные основания. Уместно предположение о том, что курган Беш-Оба IV, третий в некрополе по размерам, принадлежал «номарху».

Для сравнения можно отметить, что ближайшие к Крыму молочанские курганы скифской верхушки несколько меньше, хотя и они находят параллели в крымском некрополе. Курган Тащенак, расположенный на р. Молочной у географической границы Крымского полуострова, по мнению Ю.В. Болтрика и Е.Е. Фиалко, относится к рангу аристократических [Болтрик, 1990; Болтрик, Фиалко, 1991]. Объем насыпи Тащенака [Болтрик, 2004, с. 88] значительно меньше, чем у кургана Беш-Оба IV, но может быть поставлен в один ряд с курганами Беш-Оба V или Беш-Оба VIII. В ту же группу можно поместить Мелитопольский курган [Тереножкин, Мозолевский, 1988] и Первый Шульговский курган [Болтрик, 2004, с. 88]. В целом, поиск скифских степных курганов, близких по размерам и объемам, должен быть продуктивен, так как основная могила кургана Беш-Оба IV представляет собой скифскую катакомбу, пусть и с дополнительными элементами каменной архитектуры. Однако нельзя забывать, что в это же время не далее чем в 140 км к востоку от Беш-Обы существовал курганный некрополь Пантикапея, часть аристократических курганов которого обладала близкими параметрами [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012], и сам скифский курганный некрополь имеет не случайное сходство с курганным некрополем Пантикапея [см. Колтухов, Мыц, 1998].

Планиметрия и стратиграфия кургана. Планиметрия кургана (рис. 19) была составлена в соответствии с магнитокартой Т.Н. Смекаловой и свидетельствовала о существовании в границах насыпи и под ней каменной крепиды, каменного сооружения в восточной полé, основной могилы и ее обваловки (рис. 19). В центре подкурганного пространства был расположен склеп-катакомба, окруженный выбросом, разорванным в восточном секторе (рис. 19), что подтверждено в границах раскопанных участков (рис. 2). Однако полных сведений о планиметрии памятника получено не было, так раскопанная площадь не превышала 25% его общей площади.

Стратиграфия кургана (рис. 2,*2*) достаточно сложна и свидетельствует о последовательных этапах его строительства. Толщина почвенного слоя, на котором сооружен курган 0,2 - 0,3 м (рис. 2,*2.8*). По данным почвоведческого исследования, проведенного Ф.Н. Лисецким, эта почва соответствует серым лесным почвам под дубовыми и грабовыми лесами, тогда как вальки и плитки дерна из насыпи соответствуют верхнему дерновому слою почвы [Лисецкий, 2017, с. 121; Лисецкий, Маринина, Буряк, 2017, с. 174-175]. В любом случае можно уверенно говорить о том, что курган располагался на куэсте с лесостепной растительностью, покрытой не традиционными для современного Предгорного Крыма дубками, а дубравой [Лисецкий, Маринина, Буряк, 2017, с. 192].

Под почвой залегает метровый слой суглинка, переходящий в мощный пласт мергеля, рассекаемый наклонными прослойками глины. Как выяснилось в ходе раскопок, эта геологическая особенность материка оказалась критичной для подземного погребального сооружения и потребовала дополнительного усиления основной катакомбы дополнительными каменными стенами, что, впрочем, не защитило погребальную камеру от обвала потолка.

В центре кургана с дневной степной поверхности в суглинок и мергель была впущена основная катакомба, выброс из которой уложили валообразным кольцом. Восточная часть кольца была разомкнута впускным двухкамерным каменным склепом (рис. 2,*1-3*). Высота выброса-обваловки, служившей основой курганной насыпи [Болтрик, 2015], составляла 1,0 – 1,5 м, ширина в основании 8 – 9 м, внешний диаметр – более 30 м (рис. 2,*2*). Ядро кургана возведено из грунтовых вальков в несколько этапов. Как показывает стратиграфия, на первом этапе насыпь, повторявшая профиль обваловки, имела вид конуса с воронковидным углублением в центре, которое было заполнено вальками на следующем этапе (рис. 2,*2.9,3.1*). Общая же высота вальковой части насыпи в центре не менее 8 м (рис. 2,*2*). По периметру вальковой структуры была сооружена кольцевая каменная крепида шириной 2,5 – 3 м и высотой около 1 м, сложенная из плитчатых обломков известняка, частью раскопанная (рис. 2,*1,3.3*; 15,*2*) и хорошо фиксируемая и на магнитокарте кургана (рис. 19) [Смекалова, 2009, рис. 14,*а*]. Параллельно с сооружением вальковой части насыпи в восточной полé кургана был построен каменный склеп (рис. 2 – 3; 13), под западной стеной которого начинался вырытый в грунте, перекрытый бревнами и каменными плитами коридор, ведущий в основную гробницу (рис. 3; 9; 13). После завершения строительных работ щель, в которой сооружали склеп, была заполнена плотными черными вальками, чередующимися с прослойками мелкого камня и слоями древесно-травянистой растительности (рис. 2, *2*), а центр кургана и вальковый заклад над каменным склепом были перекрыты двумя вымостками из плитчатых обломков камня (рис. 2,*2,3.2,5*; 4), уложенными в соответствии с профилем кургана на глубине от 1 до 2 м от поверхности насыпи. Та, которая располагалась над склепом, дала просадку по его длинной оси из-за разрушения бревенчатого перекрытия, а находившаяся над основной катакомбой провалилась внутрь при разрушении потолка погребальной камеры и бревенчатого перекрытия входной шахты (рис. 2,*2.6-7*; 4).

О времени сооружения вальковой части насыпи свидетельствуют два амфорных клейма, обнаруженные в заполнении склепа среди обломков попавших сюда вальков: фрагмент горла гераклейской амфоры с двухстрочным клеймом магистрата Евксена (рис. 18,*1*); фрагмент ручки фасосской амфоры с клеймом магистрата Никия (рис. 18,*5*). Несомненно, они датируют не склеп, а насыпь кургана. С.В. Полин, восстановив клейма, приводит для гераклейского магистрата дату 360–350 гг. до н.э. по В.И. Кацу, а для фасосского магистрата дату 345–335 гг. по А. Гарлану или 350–338 гг. по В.И. Кацу [Полин, 2014, с. 589]. Синхронизируя гераклейское и фасосское клеймо, исследователь датирует курган концом второй четверти IV в. до н.э.

Вальковая часть насыпи была дополнена слоем грунта толщиной от 1,0 до 1,5 м, состоящим из чернозема (рис. 2,*2.2,4*) с включениями обломков амфор, происходящих от тризн. Причем в центре кургана в радиусе 15 м верхний слой насыщен измельченными обломками античных амфор IV в. до н.э., в основном гераклейских и фасосских, реже мендейских, а также типа Пепарет и типа Солоха I. Единичные обломки синопских и херсонесских или псевдохерсонесских амфор были найдены только в поверхностном горизонте. Все это дает основание говорить о тризне или тризнах, совершенных на стороне (?), с последующим перемещением грунта в насыпь кургана[6].

Основное погребение (рис. 5–8). Оригинальным образцом катакомбы с параллельно-осевым расположением камеры и входной шахты является основная могила кургана [Колтухов, Мыц, Колотухин, 1997, с. 54; Колтухов, Мыц, 2001, с. 33–35]. Гробница имела поперечную ориентацию (рис. 7,*1*), близкую к оси юго-юго-восток – северо-северо-запад (азимут 160°). Она состояла из трех конструктивных элементов: входной шахты, центральной погребальной камеры и коридора-дромоса, примыкавшего к входной шахте с востока. Коридор-дромос был вырыт с уровня поверхности погребенной почвы и перекрыт бревнами и плоскими плитами, на которых была сооружена западная тыльная стена каменного склепа практически одновременно с центральной могилой (рис. 7–9).

Входная шахта трапециевидная, размером 7,5 х 5,5 м, глубиной 7,3 м (рис. 5,*1*; 6-7). На грунтовых бортах котлована сохранились отпечатки орудий землекопов. Это следы киркообразных инструментов с широким плоским рабочим концом, оставлявшим отпечаток шириной 5,5 см. Возможно, у него был и оборотный клиновидный конец, по крайней мере такие следы были зафиксированы. Юго-восточный и юго-западный борта были укреплены каменными стенами толщиной более 2 м. Основания стен, сложенных на глиняном растворе, впущены в широкие фундаментные траншеи глубиной 0,2 – 0,3 м. Верхняя часть южной стены разрушена при обрушении бревенчатого перекрытия (рис. 5,*1*; 7,*1*; 8,*3*). Полностью истлевшие обломки нескольких бревен от разрушенного перекрытия, имевших вертикальное или наклонное положение, встречены в насыщенном камнем грунтовом заполнении шахты. Кладка стен двухслойная, однолицевая, верхняя часть южной стены, остатки которой имели выраженные следы вывала внутрь шахты, была разрушена при падении перекрытия. Внешний слой сложен в постелистой, близкой к однорядной иррегулярной системе (рис. 8,*3,5*). Камень – плотный известняк, рваный по слою, тщательно подобран. Внешняя поверхность лицевого слоя обработана, поверх нее на стены был нанесен тонкий слой глины, сохранившийся небольшими участками.

---

[6] Примечательно, что фрагменты амфорной тары в насыпи кургана по своему составу не отличаются от набора подобных находок в культурном слое синхронных античных поселений хоры Боспора. При этом появление херсонесского импорта, например на поселениях в округе Феодосии, фиксируется лишь в последней четверти – конце IV в. – первой трети III в. до н.э. [Гаврилов, 2004, с. 61–69].

В результате сооружения стен пространство шахты было уменьшено и приобрело форму более узкого трапециевидного колодца сечением 4,9 – 4,5 х 3, 4 м (рис. 6,*1*; 7,*1*). Подобное решение имело рациональное объяснение. Очевидно, оно было вызвано тем, что мергель, в котором вырубили склеп, включал наклонные широкие прослойки глины, падение этих слоев шло с юга на север. Следовательно, стены двухметровой толщины препятствовали обрушению или оползанию бортов южной и западной части входной ямы. Однако этим их назначение не исчерпывалось. Благодаря сооружению мощных кладок до приемлемой ширины был сужен пролет бревенчатого перекрытия над входной ямой. Неровное трапециевидное материковое дно шахты (рис. 6,*2*) выровняли насыпным слоем грунта толщиной от 5 до 20 см. На нем под стеной прослежены следы полностью истлевшего бревна. На этом же уровне замечены, к сожалению не полные, отпечатки двух дощатых предметов (рис. 6,*1.3*). Один из них прослежен на участке размером 2,2 х 0,8 м, состоял из досок, соединенных четырьмя поперечными планками. Под досками были видны отпечатки двух поперечных брусьев. Второй предмет (доска?) лежал под углом к первому, его следы сохранились хуже. На этих отпечатках найдены обломок прямоугольного оселка из мраморовидного известняка и осколок кремня с острым режущим краем (рис. 6,*1.1-2*). Можно предположить, что деревянные предметы (рис. 6,*1.3*) не что иное, как остатки площадки деревянного подъемника. В пользу этого свидетельствуют и найденные на них инструменты. В северо-восточной части шахты стояли три амфоры типа Пепарет (рис. 6,*1.4*; 10,*1,3,7*). Заполнение шахты представляло собой обрушенный грунт. На две трети глубины это грунт из насыпи кургана, а ниже слой мергеля с камнями, образовавшийся при вывале верхней части южной стены.

От верхней границы восточного борта шахты в восточном направлении строители вырыли перекрытую бревнами и плитами траншею или коридор-дромос (рис. 3) длиной 5 м, глубиной 1,2 м (рис. 9,*3*). Его ширина вверху местами достигала 1,2 – 1,5 м, а ширина по дну не превышала 0,9 м. Вероятно, первоначальная ширина на верхнем уровне была меньше и увеличилась за счет разрушения верхней части бортов под давлением бревенчато-плитового перекрытия (рис. 9,*2*) и насыпи кургана. Коридор-дромос заканчивался с внешней восточной стороны ступенчатым спуском, находившимся непосредственно под тыльной стеной каменного склепа, расположенного в восточной части кургана (рис. 3). Базовая плита западной стены склепа одновременно служила плитой перекрытия дромоса (рис. 9,*1-2*; 13). Под этой плитой на протяжении 1,0 м коридор был заполнен плотным, очевидно, утрамбованным грунтом, далее засыпь траншеи была легкой и состояла из мелкоструктурного грунта, просочившегося сверху через перекрытие. Подобное решение свидетельствует в пользу того, что строители сооружали скрытый проход, который можно было использовать для повторного проникновения в основное погребальное сооружение через каменный склеп, в который, в свою очередь, можно было попасть из восточной полы́ кургана (рис. 2,*3*). На дне траншеи зафиксировано

несколько прослоек, включающих в себя обломки дерева, кусочки кожи и войлока попавших сюда при строительстве катакомбы. В бортах коридора близ входной ямы на 1 м выше дна на протяжении 1,5 м отмечены слабые следы полок (пазов?) глубиной 20 см с горизонтальной нижней и вертикальной боковой плоскостью. Местами в них фиксировались следы дерева. Возможно, это пазы для подъемника, установленного во время выполнения работ в гробнице. Перекрытие коридора состояло из однорядного бревенчатого накатника, на который были уложены известняковые плиты, представлявшие собой как бы второй слой перекрытия, а к северу и югу по сторонам плит в виде отмостки были уложены рваные обломки известняка (рис. 9,*1-2*). Над плитами перекрытия были тщательно уложены в форме наклонного пандуса небольшие плитчатые обломки камня (рис. 13), представлявшие собой единое целое с западной стеной каменного склепа (рис. 9,*1-2*; 13). Слой камня от уровня плит перекрытия можно разделить на две части. Нижняя шириной 7 м и высотой до 0,4 м представляла собой первоначальную каменную обкладку перекрытия коридора и была сооружена над ним еще до возведения курганной насыпи (рис. 9,*2*). Затем при строительстве склепа в восточной части курганной насыпи над этой обкладкой был сооружен каменный пандус, укрепляющий западную тыльную стенку склепа. В плане он имел трапециевидное очертание с основанием в восточной части. Размеры пандуса: западное основание – 4,0 м, восточное – 5,6 м, ширина (высота трапеции) – 2,6 м, наибольшая высота кладки пандуса – 1,86 м. Его верхний край примыкал к верхней плоскости торцовой стены каменного склепа, а на западе, непосредственно перед шахтой катакомбы, опускался до уровня плит перекрытия коридора-дромоса (рис. 9,*1*; 13).

Основная трапециевидная погребальная камера размером 5,7 х 5,2 х 4,7 м располагалась к северо-востоку от входной шахты (рис. 7). Высота ее вертикальных стен до 2,6 - 2,8 м (рис. 8,*4-5*). Судя по их дуговидному изгибу у верхней границы, потолок был сводчатым. Каменные кладки присутствовали и в погребальной камере. Например, пол был вымощен плитчатыми обломками известняка (рис. 7,*2*). Неровности были сглажены заливкой из мергелевого раствора. Саму камеру от входной шахты отделяла каменная двухслойная двухлицевая стена (рис. 5,*2*; 7,*1*; 8,*1-2*) шириной 1 м, с дверным проемом, возведенная в постелистой иррегулярной системе из обломков известняка, рваного по слою. Лицевая поверхность камней была грубо обколота, а кладка выполнена на глиняном растворе. Дверной проем шириной 1,3 м и высотой 1,5 м был закрыт дощатой дверью, заключенной в деревянную коробку, отпечатки ее сохранились в дверном проеме (рис. 6,*5*; 7,*2.5*; 8,*2*). Камни, лежавшие непосредственно над дверью, опирались на доски, концы которых были вмонтированы в кладку. Построив стену, строители создали прочное основание, какое-то время предохранявшее от обрушения северо-западный борт входной ямы, на который опиралось бревенчатое перекрытие, выдерживавшее давление насыпи кургана.

Конструктивные особенности стен этого погребального сооружения, и не

только его[7], характерны для греко-варварского строительного дела Северного Причерноморья [Крыжицкий, 1993, с. 220]. Однако шахта и сама погребальная камера позволяют рассматривать центральное сооружение кургана именно как скифскую катакомбу[8].

Катакомба кургана Беш-Оба IV в настоящее время не имеет прямых аналогий. Если они и появятся, то будут единичными и вряд ли выйдут за границы Аккайского (Белогорского) некрополя. Если же исходить из планировки, то это катакомба с параллельно-осевым расположением погребальной камеры и входной ямы, условно типа IV/1 по В.С. Ольховскому [Ольховский, 1991, с. 215, табл. 2]. С учетом же стены, отделяющей камеру от входной шахты, ее можно классифицировать как катакомбу с дромосом типа IV/2 [Ольховский, 1991, с. 215, табл. 2], что в принципе то же самое. Такие же особенности погребального сооружения, как дромос, доступ в который был возможен из каменного склепа, перекрытие входной ямы, не заполненной грунтом, и дверь, ведущая в погребальную камеру, однозначно свидетельствуют о том, что эта могила рассматривалась строителями в качестве склепа с возможностью для подзахоронений.

Появление у скифов необычных погребальных памятников, сочетающих грунтовые объемы с каменными конструктивными элементами, характерно для второй-третьей четверти IV в. до н.э. Это прямое свидетельство проникновения античных приемов каменного строительства в погребальную архитектуру степной скифской верхушки, в которой камень если ранее и использовали, то в качестве закладов и крепид.

Весьма показательна в этом плане каменная гробница кургана Желтокаменка, сооруженная в искусственной подземной полости [Мозолевский, 1982]. По периодизации А.Ю. Алексеева, гробница Желтокаменки относится группе «В», то есть к тому же хронологическому горизонту, что и Чертомлыкский курган и курган Огуз [Алексеев, 2003, с. 277]. В настоящее время сооружение кургана Желтокаменская Толстая могила датируется С.В. Полиным 350–340 гг. до н.э. [Полин, 2014, с. 454], а по радиоуглеродной хронологии – не ранее 360 гг. до н.э. [Евразия .., 2005, с. 208 и сл.][9].

Еще интереснее царский курган Огуз высотой 21 м, стоявший в IV в. до н.э. на важнейшем перекрестке основных путей Степной Скифии, как вполне обоснованно считает Ю.В. Болтрик [Болтрик, 2017]. Исследователи кургана и его керамики отнесли каменную гробницу ко второй половине IV в. до н.э., или к 330–310 гг., или к 30–20 гг. IV в. до н.э. [Фиалко, 1994, с. 141; Монахов, 1999,

[7] Здесь имеется в виду каменный склеп из насыпи кургана.

[8] В то же время, например, в кургане Ак-Кая X скифскую катакомбу заменил глубоко впущенный в грунт «боспорский» каменный склеп, выполненный в архитектурных традициях Боспора.

[9] Курган Беш-Оба IV относится к той же хронологической группе памятников, а незначительное удревнение его центральной катакомбы до конца второй четверти IV в. до н.э., недавно предложенное С.В. Полиным [Полин, 2014, с. 588, 590], существа дела не меняет.

прил. 1, с. 578]. С.В. Полин предложил датировать склеп Огуза 350–345 гг. до н.э. [Полин, 2014, с. 484], однако Ю.В. Болтрик недавно посчитал прежнюю датировку вновь восстановленной [Болтрик, 2017, с. 76, прим. 1]. С.Ю. Монахов датировал керамический комплекс впускной северной могилы этого кургана 30–20 гг. IV в. до н.э., посчитав основное погребение несколько более ранним по отношению к впускному [Монахов, 1999, с. 406]. А.Ю. Алексеев склоняется к датировке кургана 330–325 гг. или 330–320 гг. до н.э. [Алексеев, 2003, с. 269; Евразия .., 2005, с. 209]. С.В. Полин предлагает датировать северную могилу кургана 350–340 гг. до н.э., а основное погребение в каменном склепе – временем не позднее 350–345 гг. до н.э. [Полин, 2014, с. 483-484]. В такой ситуации широкой датой Огуза представляется третья четверть – начало последней четверти IV в. до н.э.

То, что греческие мастера построили каменную погребальную камеру основной могилы, несомненно [Болтрик, Фиалко, 1994, с. 52; Фиалко, 1994]. Но подобных или аналогичных сооружений в исследованиях, подготовленных на боспорских материалах М.И. Ростовцевым, В.Ф. Гайдукевичем, Г.А. Цветаевой [Ростовцев, 1913; Цветаева, 1957; Гайдукевич, 1981], до недавнего времени не было. Судя по рисунку в отчете Н.И. Веселовского [Веселовский, 1896, с. 78, рис. 111], в склепе Огуза на вымощенный прямоугольный плитовый пол, игравший роль фундамента, орфостатно в один ряд (?) были установлены отесанные прямоугольные цокольные плиты, на которые в 16 (?) рядов уложены плоские плиты с обработанными поверхностями, образовывавшими четырехсторонний радиальный в вертикальном сечении ложный свод. Через ряд в углы свода были вставлены диагональные плиты, соединявшие все четыре паруса, а в верхних рядах благодаря им сечение приближалось к кругу[10]. Не исключено, что в верхней части свода присутствовали плиты с наклонной оттеской лицевой грани. Всю эту конструкцию перекрывала большая замковая плита. Из важных деталей на Европейском Боспоре можно отметить сходство в оформлении углов при переходе от прямоугольника стен камеры к кругу свода в склепе Царского кургана [Гайдукевич, 1981, с. 43, рис. 21; 22,*2*]. Некоторые особенности заметны и в круглом склепе Золотого кургана, где соотношение высоты стен и высоты сводчатого потолка можно представить как 1 : 2, а у свода выражено радиальное сужение [Гайдукевич, 1981, с. 24, рис. 5].

Однако недавно склеп с подобным объемно-планировочным решением и близкой, если не аналогичной, системой кладки наконец-таки был обнаружен в кургане № 293, расположенном в нескольких км к востоку от Беш-Обы [Шкрибляк, 2017]. В данном случае у архитектурных объектов отличаются только детали. Время сооружения склепа отнесено к IV в. до н.э., а время завершения погребений соответствует последней четверти IV в. до н.э. [Шкрибляк, 2017, с. 135][11]. Именно этот памятник

[10] Судя же по рисунку из рукописного отчета Н.И. Веселовского, такие плиты находились в каждом ряду.

[11] В свое время С.Г. Колтухов указал еще одно направление для поиска аналогий в Западном Причерноморье [Колтухов, 2006, с. 234], которое поддержала и И.И. Шкрибляк [Шкрибляк, 2017, с. 136].

обладает принципиальным сходством с погребальной камерой склепа-катакомбы из кургана Огуз. Он расположен у границ Европейского Боспора, следовательно, предположение Е.Е. Фиалко и Ю. В. Болтрика о том, что строителями склепа в кургане Огуз были боспорские мастера, получает дополнительное подтверждение [Болтрик, Фиалко, 1994, с. 52][12]. Однако если рассмотреть объект в целом, то центральная гробница Огуза явление не боспорское и не серийное. Полное заглубление огузского склепа в грунт, форма погребальной камеры, повторяющая сводчатое пространство катакомбы, наличие подземного коридора, ведущего к входной яме, позволяют увидеть всего лишь оригинальное использование каменной погребальной камеры в объемно-планировочной структуре скифской катакомбы. Следовательно, и здесь повторяется та же ситуация, что и в Желтокаменке.

Особенности оформления интерьера погребальной камеры кургана Беш-Оба IV. В северной части погребальной камеры, судя по сохранившимся на камнях отпечаткам, пол был застелен подстилкой из органического материала (рис. 7,*2.8*). На каменной стене на небольшом участке сохранились истлевшие остатки материи (рис. 7,*2.3*). По мнению Т.В. Крупа, исследовавшей ткани Беш-Обы [Крупа, 2000, с. 112–117], это текстиль растительного происхождения со следами полихромии с преобладанием желтых тонов и пятнами зеленого и красного цветов. Нить была окрашена в желтый цвет изначально, а зеленая и красная краски наносились на поверхность уже готовой ткани. Место производства ткани установлено не было.

Остатки полностью выцветшей тонкой ткани отмечены и на восточной стене. Похоже, что все стены камеры были покрыты драпировкой. Крепилась она железными гвоздями (рис. 12,*6*), скорее всего, на деревянные планки. Два гвоздя были обнаружены в восточной стене на высоте 1,6 м от дна.

Отпечатки тяжелой ткани с грубой основой из толстых нитей (следы ковра?) фиксировались у западной стены на полу вместе со следами истлевшей небольшой деревянной конструкции (рис. 7,*2.3*).

Погребальный инвентарь был разграблен. В склепе остались только немногочисленные предметы, не представлявшие интереса для грабителей. Их обломки находились в основном под стенами и были забросаны крупными обломками мергеля от разрушающегося потолка, перемещенными грабителями при расчистке центральной части пола. В юго-западном углу камеры в анатомическом порядке лежали кости левой передней части туши лошади (рис. 7,*2.4*) – высота в холке 135 см, ширококостный тип, возраст около 5 лет. На костях находился большой железный нож со следами деревянной рукояти (рис. 12,*7*) и деревянный предмет вилкообразной формы, зафиксированный во фрагментах (рис. 12,*8*). Севернее у стены несколько выше

Безусловно, поиск подобий в Циркумпонтийском регионе продуктивен, однако за ним стоит несколько иной круг задач. Аналогией же оказалась гробница самого большого царского кургана скифов.

[12] В целом же сравнение этих архитектурно-археологических памятников заслуживает отдельной обстоятельной работы.

дна, в перемещенном грунте, лежали обрывки железного боевого пояса на кожаной основе (рис. 12,*1-2*). В юго-восточном углу на полу обнаружены обломки чернолакового кратера (рис. 7,*2.6*; 11,*1*), под которыми был прослежен отпечаток подовального деревянного предмета (рис. 7,*2.7*; 11,*2*) размером 90 х 55 см. Этот предмет, обтянутый органическим материалом (предположительно, кожей), вероятно, служил подставкой для кратера. На этом же участке между камнями пола замечен след круглого в сечении основания деревянного столбика диаметром около 8 см, вставленного в щель между камнями. Очевидно, кратер был поставлен на изготовленный из щита (?) импровизированный столик с ножкой в центре[13]. Чуть в стороне у стены находилась часть книдской амфоры (рис. 7,*2.1*). Над органической подстилкой пола ближе к центру камеры прослежены слабые отпечатки дощатого предмета, стула, табурета или подставки для амфоры (рис. 7,*2.2*). К сожалению, степень сохранности отпечатков не позволяет предложить ясную интерпретацию находки. В северо-восточном углу на полу зафиксирован еще один прямоугольный отпечаток деревянного подпрямоугольного предмета, покрытого кожей. Возможно, это остатки горита? (рис. 7,*2.9*). В мергелевом перемещенном грабителями заполнении нижней части камеры обнаружены обломки фасосской амфоры с клеймом Никия (рис. 10,*6*)[14], гераклейской амфоры (рис. 10,*4*), амфоры типа Пепарет (рис. 10,*5*), чернолаковой чашки (рис. 11,*3*), обломки уже упомянутого чернолакового кратера (рис. 11,*1*), книдской[15] амфоры – ранее определенной С.Г. Колтуховым как тип Солоха 1 (рис. 10,*2*). Здесь же найдены фрагменты железных гвоздей (рис. 12,*6*) и костяная «пронизь» (рис. 12,*5*), обломок железной пряжки (рис. 12,*4*), скорее всего, от конского убора и фрагмент плоской железной пластины (рис. 12,*2*), возможно, от пояса, астрагалы и часть деревянного предмета с бронзовой накладкой (рис. 12,*3*).

Остатков саркофагов или гробовищ в камере не обнаружено[16], не найдено даже следов костяка или костяков. Видимо, захоронение могло представлять собой кенотаф, возможно, также и то, что первоначальное ограбление произошло вскоре после погребения и тело или тела были вынесены из гробницы вследствие ее осквернения. В пользу таких предположений свидетельствуют открытая дверь в погребальную камеру (рис. 7,*2.5*) и следы лаза диаметром около полуметра в виде черного грунтового пятна, четко выделявшегося на белом, засыпанном мергелем полу каменного склепа у его тыльной стены. Этот лаз находился именно там, где начинался скрытый ход в подземный коридор, ведущий в основную катакомбу (рис. 2,*3.6*)[17].

Керамические сосуды из катакомбы заслуживают отдельного описания, поскольку

---

[13] Иной возможности для реконструкции мы не находим.

[14] Авторы выражают искреннюю благодарность С.Ю. Монахову за предоставленные чертежи сосудов и ценные консультации.

[15] Определение С.Ю. Монахова.

[16] Отпечатки дощатых предметов присутствуют во входной шахте, однако это остатки строительного приспособления.

[17] Следы отмеченного нами позднейшего ограбления вели в камеру не из склепа, а из насыпи кургана.

именно они дают основание для сравнительно узкой датировки кургана. Детальная характеристика этого комплекса уже была выполнена С.Г. Колтуховым [Колтухов, 1999, с. 263–266; Колтухов, 2006, с. 236–237]. Однако после хронологического анализа керамического импорта кургана, проведенного С.В. Полиным [Полин, 2014, с. 587–590] и С.Ю. Монаховым, любезно предоставившим нам свои определения и чертежи сосудов, необходима уточняющая корректировка центров типов и хронологии.

1. Амфора типа Пепарет из входной шахты (рис. 10,*3*). Высота 88 см, диаметр 30 см, диаметр венчика 12,4 см. Глина мелкоструктурная красная с белыми включениями. Под венчиком полоса красной краски.

2. Амфора типа Пепарет из входной шахты (рис. 10,*1*). Высота 89 см, диаметр 29 см, диаметр венчика 11,3 см. Глина аналогична описанной выше. В нижней части горла энглифическое клеймо в виде несомкнутого кольца.

3. Амфора типа Пепарет из входной шахты (рис. 10,*7*). Высота 88 см, диаметр 28 см, диаметр венчика 11,4 см. Глина аналогична описанной выше. Под горлом полоса красной краски. В верхней части горла дипинти, нанесенное красной краской.

4. Амфора типа Пепарет из погребальной камеры (рис. 10,*5*). Высота 87 см, диаметр 29 см, диаметр венчика 11,2 см. Глина аналогична описанной выше. В нижней части горла энглифическое клеймо в виде несомкнутого кольца.

Амфоры, судя по размерам, глине и клеймам, происходят из одной партии. Скорее всего, относятся к «чертомлыкскому» варианту таких сосудов, который датируется по С.Ю. Монахову 40-ми – 20-ми гг. IV в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 99]. Однако С.В. Полин на основе передатировки амфор из Гайманової Могилы предложил дату не позднее 350–340 гг. до н.э. [Полин, 2014, с. 587].

5. Книдская амфора (тип Солоха I) из погребальной камеры (рис. 10,*2*). Грибовидный венчик разрушен. Высота 71 см, диаметр пифоидного тулова 37 см, ножка кубаревидная. Характерные особенности профиля – четкое выделение цилиндрического горла и крутой перегиб вертикальных невысоких ручек. Стенки сосуда тонкие, глина светло-коричневая с блестками слюды, ангоб коричневато-желтого цвета. Сосуд охарактеризован С.Ю. Монаховым как книдский «чередниковского варианта» и датирован временем от 360 – 330 гг. до н.э. [Монахов, 2003, с. 104], а С.В. Полиным он датируется от 360 гг. до середины столетия [Полин, 2014, с. 588].

6. Фасосская амфора из погребальной камеры (рис. 10,*6*). Нижняя часть тулова и ножка не обнаружены. Высота от венчика до перегиба плечиков 30 см, диаметр тулова 25 см. На ручке плохо пропечатавшееся прямоугольное клеймо магистрата Никия с эмблемой в виде кузнечика, датируемое по И. Гарлану 345–335 гг. до н.э., а по В.И. Кацу – 40-ми – началом 30-х гг. IV в. до н.э. [Кац, 2007, с. 187, 415], тогда как С.В. Полин предлагает датировать деятельность этого магистрата 365 – 350 гг. [Полин, 2014, с. 587–588]. Сама же амфора относится к развитой биконической серии, вероятно, к позднему варианту (II B II), датируемому С.Ю. Монаховым 40-ми – первой половиной 30-х гг. [Монахов, 2003, с. 68].

7. Гераклейская амфора из погребальной камеры (рис. 10,*4*). Сохранилась только

часть горла сосуда, тип не определен. Соответственно, вопрос о хронологии в этом случае не стоит.

8. Чернолаковый кратер (рис. 11,*1*). Колоколовидный сосуд аттического производства. Высота 39,3 см, диаметр венчика 37 см, диаметр поддона 15 см. Судя по профилю, относится к тому же типу, что и расписные кратеры Toya Painter, датируемые второй–третьей четвертью IV в. до н.э. [Колтухов, 2006, с. 237]. Необходимо отметить, что впервые обломки этого сосуда были обнаружены в насыпи кургана выше провала, который вел в погребальную камеру катакомбы, они, несомненно, попали сюда по грабительскому лазу, шедшему сверху через насыпь кургана.

9. Фрагмент края чернолаковой чашки (рис. 11,*3*), диаметр 11 см, характеризуется хорошим густым лаком и по этому признаку может быть датирован широко, в рамках V – IV вв. до н.э. Уверенно привлекать аналогии в этом случае малоперспективно, хотя они, вероятно, не выйдут за пределы первой половины IV в. до н.э. [ср. Sparkes, Talcott, 1970, p. 388, 393, cat. 801, 802].

В целом, широкая датировка керамического комплекса, а следовательно, и времени погребения в основной могиле возможна в пределах конца второй – третьей четверти IV в. до н.э. Датировка С.В. Полиным основного погребения в кургане только в рамках конца второй четверти IV в. до н.э. [Полин, 2014, с. 588, 590] представляется несколько заниженной, предложенной без учета, возможно, более позднего бытования рассмотренных керамических материалов.

Каменный склеп. Гробница, ориентированная входом на восток–северо-восток (азимут 75°), относится к числу двухкамерных погребальных сооружений с продольно-осевой, последовательно-иерархической планировкой (рис. 3; 13; 14,*2*), чем отличается от многочисленных однокамерных склепов, широко распространенных в IV в. до н.э. в крымской степи и предгорьях [Яковенко, 1974; Колтухов, 2005].

Применение такого планировочного решения известно на территории Боспорского царства. Так, например, в Пятом кургане Юз-Обы во второй четверти IV в. до н.э. была сооружена гробница (склеп 48) с продольно-осевым расположением нескольких камер [Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 61].

Склеп сооружен в восточной полé кургана (рис. 1,*2*; 2,*1*) на невысокой земляной подушке уже после завершения строительства основного погребального сооружения. Он возводился одновременно с вальковым ядром насыпи кургана (рис. 2,*3.4*). В пользу такой последовательности свидетельствуют заполнения «прохода», в котором соорудили склеп, черными вальками, по цвету и плотности отличавшимися от основной вальковой массы насыпи (рис. 2,*2.10*), состоявшей из коричневато-серых вальков и плиток дерна.

Основанием западной торцовой стены склепа послужила последняя – восточная плита перекрытия коридора, ведущего в основную катакомбу (рис. 3; 9; 13). Перед входом в склеп была расположена расширяющаяся предвходовая площадка, выходящая к восточной части каменной крепиды кургана (рис. 1,*2*; 2,*1*; 3). Ее северо-восточный борт на участках прирезок II и IV состоял из однослойной постелистой

кладки, являющейся непрерывным продолжением северной стены склепа (рис. 3; 13; 14,*1*). Каменной обкладки противоположного борта не обнаружено, скорее всего, она была разобрана при сооружении последовательных закладов № 1 и 2, перекрывавших вход в склеп (рис. 3; 13; 16,*1-2*; 17,*1*). Южная граница несохранившейся обкладки предвходовой площадки может быть условно определена по изменению ширины кромлеха в южной части участка IV прирезки II (рис. 2,*1*; 3). Размеры двухкамерного склепа по внутреннему периметру 9,1 х 2,2 м, высота стен 1,7 м (рис. 13). Кладки основных стен двухслойные однолицевые иррегулярные, сложенные из плитчатых обломков известняка. Длина последовательно расположенных с востока на запад камер 3,3 и 5,0 м, они разделены двухлицевой стеной с дверным проемом шириной 0,7 м, сложенной без связи с продольными стенами. Горизонтальный грунтовой пол камер на 20 см выше основания стен и засыпан тонким слоем белого мергеля. Бревенчатое однослойное поперечное перекрытие из стволов дуба сохранилось только над западной частью второй камеры (Б) склепа (рис. 15,*1*).

Небольшая первая камера склепа (рис. 13) или камера А (рис. 3) с внешней восточной стороны первоначально была закрыта поперечной каменной кладкой шириной около 0,7 м (рис. 13), сохранившейся только внизу на высоту 0,6 м. Лицевой частью эта кладка была обращена внутрь камеры, а с внешней стороны она примыкала к грунтовой части насыпи кургана. Возможно, выше уровня грунта (0,6 м от подошвы стены) с внутренней стороны кладки также находилась лицевая поверхность. Скорее всего, в верхней разобранной в древности части стены первоначально существовал проем, разобранный впоследствии при ремонте склепа.

С уровня поверхности мергелевого пола камеры А и вдоль ее южной стены была возведена дополнительная однослойная кладка, прослеженная на высоту до 0,6 м (рис. 3; 14,*2*). Ее верхняя часть разобрана при ограблении или одном из подзахоронений, поэтому осталось неясным ее назначение, это могла быть лежанка, на которой размещалось захоронение или подпорная стенка. Затем на остатках внешней стены и на поверхности привходовой площадки был сооружен заклад 1. Он представлял собой перекрывавшую проход широкую иррегулярную однолицевую кладку, сложенную из плитчатых обломков известняка. Ширина этой кладки – 2,0 м, а сохранившаяся высота – 1 м (рис. 3; 13; 16,*2*).

Наблюдения, описанные выше, свидетельствуют о перестройке входа в склеп, изменившей его первоначальный облик. Отсутствие южной части каменной облицовки привходовой площадки, расположенной между входом и кромлехом (рис. 3; 14,*1*), скорее всего, объясняется тем, что камни для нового сооружения были взяты именно из этого места. Тогда же или позднее, перед закладом входа с внешней стороны, был сооружен пандусообразный заклад 2 из камня (рис. 3; 13; 16,*1*), на поверхности которого обнаружены обломки амфоры Икоса (рис. 4,*2*; 17,*3-4*). Под этим закладом на плитчатом обломке известняка, перекрытом мелкими камнями, лежали отдельные кости и череп лошади (рис. 17,*1*).

Перекрытие, состоящее из однослойного бревенчатого накатника из дубовых

бревен, над большей частью склепа уничтожено при ограблениях. Его переломившиеся остатки прослежены только над внутренней камерой Б (рис. 15,*1*). В заполнении камеры под бревнами вместе с древесной трухой были найдены железные гвозди (рис. 18,*8*) и остатки войлока. Очевидно, потолок, возможно, и стены имели драпировку. Пол обеих камер был посыпан тонким слоем белого измельченного мергеля.

Обряд погребений в склепе не прослежен из-за многократных ограблений. Под тыльной стеной внутренней камеры или камеры Б на полу находились 5 человеческих черепов. Это позволяет думать, что захоронения совершались с традиционной для скифов западной ориентировкой. Однако не удалось установить, принадлежат ли найденные черепа остаткам изначальных захоронений или они связаны с длительными последовательными подзахоронениями. Здесь же у тыльной стены обнаружены три полусферические нашивные бляшки-«пуговицы» из желтого металла, видимо, украшавшие головной убор (рис. 18,*6*). Еще один череп найден в дерновом слое кургана в выбросе грунта из склепа, образовавшемся при одном из ограблений. Другие обломки человеческих костей встречались под дерновым слоем с северо-восточной стороны склепа, где располагался этот выброс, и в заполнении обеих камер на различной высоте. На полу склепа скопление костей зафиксировано второй раз у северной стены передней камеры А в прослойке древесного и войлочного тлена. Это длинные кости нескольких человек, лежавшие без анатомического порядка. Здесь же обнаружена железная застежка крышки (?) деревянного изделия, видимо, короба. Значит, в этой части склепа находилась костница.

Севернее входа в склеп в верхнем слое насыпи кургана, скорее всего в тризне (рис. 4,*1*), найдены обломки двух синопских амфор, одну из которых удалось восстановить (рис. 17,*2*). Другие фрагменты сосудов, найденные в нижней части заполнения, могут быть связаны с погребениями, совершенными в склепе. Это ножки двух гераклейских амфор (рис. 18,3), часть горла коричневоглиняной амфоры (рис. 18,*2*), гончарный бальзамарий с росписью в виде поясков красной краски (рис. 18,*4*). Среди прочих находок необходимо упомянуть наконечники стрел: костяные (рис. 18,*10*), бронзовые (рис. 18,*11*) и железные (рис. 18,*7*), часть втулки железного копья (рис. 18,*12*), обломки изделия из рога оленя или косули, обломки двух небольших железных ножей и амфоровидную подвеску из прозрачного стекла (рис. 18,*9*).

О времени сооружения склепа, совпадающем с захоронением в центральной катакомбе, свидетельствуют найденные на камнях верхней части стен камеры Б под бревенчатым перекрытием обломки амфоры типа Пепарет, характеризующиеся той же глиной и толщиной стенок, что и у амфор, обнаруженных в катакомбе. Находки подтверждают стратиграфические наблюдения и свидетельствуют о том, что «основная» и «впускная» гробницы кургана практически единовременны.

Время использования склепа как погребального сооружения, имевшего выход в поле́ кургана, определяется с трудом. Захоронения в нем не сохранились, а остатки уцелевшего инвентаря имеют различную датировку. Уже упомянутые наконечники стрел могут быть охарактеризованы как распространенные в IV – III вв. до н.э.

Полусферические нашивные бляшки имеют широкие хронологические рамки бытования. С.В. Полин, любезно проконсультировавший авторов, согласился с таким выводом, но отметил, что время их наибольшего распространения в Скифии соответствует IV в. до н.э. Ножки гераклейских амфор могут быть отнесены к IV в. до н.э. Коричневоглиняная амфора принадлежит одному из ранних типов этой тары, но узкой даты не имеет.

Гончарный флакон (рис. 18,*4*) в многочисленных работах, посвященных классификации и публикации сосудов этого типа, датировки ранних вариантов в целом близки. Наблюдения за средиземноморскими комплексами этого времени, приведенные С.Г. Колтуховым и С.В. Полиным, позволяют отнести бальзамарий из Беш-Обы к последней трети IV в. до н.э. [Колтухов, 2006, с. 239; Полин, 2014, с. 589], хотя подобный тип флаконов существует и позднее, в III в. до н.э.[18]

Синопская амфора из предполагаемой тризны этого же склепа (рис. 17,*2*) высотой 72 см и диаметром 32,4 см может располагаться между коническим и пифоидным типами синопской тары по С.Ю. Монахову, внешне близка сосудам варианта II-C или II-D [Монахов, 2003, с. 332, табл. 102, 2-3, 5]. Эти сосуды имели длительный период бытования, начинающийся в 40-е гг. IV в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 151]. Заметно и сходство с амфорой II-G [Монахов, 2003, с. 333, табл. 103, 5], датируемой более ранним временем. В любом случае этот сосуд может быть связан со временем использования склепа.

Обнаруженная на поверхности последнего заклада входа в склеп амфора Икоса второй хронологической группы датирована серединой – третьей четвертью IV в. до н.э. [Монахов, Федосеев, 2013, с. 559] (рис. 17,*3-4*). Ранее амфора определялась С.Г. Колтуховым как херсонесская, затем такие сосуды получили название псевдохерсонесских. Их происхождение было установлено совсем недавно С.Ю. Монаховым и Н.Ф. Федосеевым [Монахов, Федосеев, 2013а, с. 255–261]. По мнению С.Ю. Монахова, этот сосуд можно отнести к 30 гг. IV в. до н.э. Следовательно, вход в склеп был запечатан не позднее третьей четверти IV в. до н.э. Последующие захоронения (см. флакон) если и производились, то через несохранившуюся верхнюю часть заклада.

Керамический комплекс кургана независимо от точности определений и предпочтений авторов дает широкую дату. Это конец второй четверти – третья четверть IV в. до н.э., наиболее вероятными представляются 40-е гг. этого столетия. Захоронения в каменном склепе, синхронном основной могиле, могли прекратиться спустя несколько десятилетий. Совершались ли самые поздние погребения наследниками «хозяина» кургана или принадлежали новому населению, неясно.

Расположение кургана Беш-Оба IV в курганной гряде, аналогичной Юзобинской

[18] Впрочем, поздние находки из камеры склепа принципиального значения все же не имеют, так как время его сооружения и начала использования уже определено как данными стратиграфии, так и датировками наиболее ранних находок.

курганной гряде некрополя Пантикапея,[19] и частичное совпадение хронологии этих некрополей [Колтухов, Мыц, 1998, с. 99; Виноградов, 2017, с. 67–110], несомненно, свидетельствуют о влиянии погребальных традиций боспорской аристократии на элитарную верхушку крымских скифов. Впрочем, судя по кургану Огуз [Фиалко, 1994], во второй половине IV в. до н.э. это влияние отмечается и на территории Степной Скифии в Днепро-Молочанском междуречье.

Согласно такому устойчивому критерию, как величина объема курганной насыпи, предложенному Ю.В. Болтриком для ранжирования курганов степной скифской аристократии [Болтрик, 2004, с. 88], курган Беш-Оба IV может находиться в одной группе с такими памятниками, как Чмырева Могила, Лемешова Могила, Верхний Рогачик, Краснокутский курган, Толстая Могила, Желтокаменная Могила, Бабина Могила, Гайманова Могила. Ю.В. Болтрик предложил рассматривать их как особый уровень скифских аристократических усыпальниц, принадлежащих родственникам или друзьям царя или же правителям отдельных областей Скифии – басилевсам - номархам [Болтрик, 2004, с. 87-88], в крымской ситуации последний тезис выглядит предпочтительным.

Объемно-планировочное решение кургана Беш-Оба IV традиционно для элитарных курганов Степной Скифии [Болтрик, 2000; Очир-Горяева, 2014], хотя и имеет собственную, оригинальную особенность – размещение второго погребального сооружения, в данном случае каменного склепа, на одной линии и в связи с дромосом основной катакомбы. Возможно, это оригинальное осмысление принципа объединения при помощи дромоса основной могилы центра и периферии подкурганного сакрального пространства [Болтрик, 2015, с. 59] хорошо выраженное, например, в кургане Огуз.

Строительные материалы, использованные при сооружении насыпи, аналогичны приемам и материалам, используемым в Степной Скифии. Но в основном погребальном сооружении сочетается традиционная скифская катакомба с каменными конструкциями, характерными, в первую очередь, для каменного домостроительства рядового населения греко-варварских поселений Восточного Крыма. Такие материалы и типы кладки распространились в погребальных памятниках населения Степного и Предгорного Крыма не позднее второй–третьей четверти IV в. до н.э. [Колтухов, 2005]. Эта особенность и отличает крымский курган от таких степных памятников, как Желтокаменка и Огуз, где при сооружении центральных могил, в которых каменные конструкции и сооружения тоже стали элементами традиционных для скифов катакомб, греческими архитекторами и строителями были применены решения или материалы более достойные царских гробниц.

В греко-варварской строительной традиции сооружен и двухкамерный каменный склеп, находившийся в восточной полé курганной насыпи. Возможно, он мыслил-

[19] Можно уверенно видеть аналогии между курганными грядами Юз-Обы, Ак-Буруна и Митридата и курганным некрополем скифов на возвышенностях Беш-Оба и Ак-Кая.

ся строителями как подражание продольно-осевым двух-трехкамерным склепам из курганов некрополя Пантикапея [ср. Ростовцев, 1913, табл. XXXIV; Виноградов, Зинько, Смекалова, 2012, с. 61]. Можно лишь сожалеть, что данные об обряде погребений практически отсутствуют, а погребальный инвентарь представлен преимущественно античной керамикой, позволяющей сравнительно точно датировать сооружение кургана и его первые погребения, но не более того[20].

Таким образом, рассмотренные археологические материалы позволяют считать курган Беш-Оба IV усыпальницей представителя скифской элиты. Вероятно, это был один из представителей местной династии, который, очевидно, обладал правами номарха в сложной системе управления Причерноморской Скифии и был правителем в ее Крымском анклаве[21]. Такой высокий социальный ранг «династии» позволял обеспечить спокойное сосуществование греческого и варварского населения Таврики, а также мог способствовать расцвету хлебной торговли Боспора во второй-третьей четверти IV в. до н.э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII – IV вв. до н.э. Спб.: Изд. Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.

Болтрик Ю.В. Исследование скифского кургана Тащенак // Вестник краеведа. Тезисы научных докладов и сообщений. № 1 / Отв. ред. Г.Н. Тощев. Запорожье: Б.и., 1990. С. 6-7.

Болтрик Ю.В. Скифский курган как единый ансамбль // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология. Сборник статей / Отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: Ин-т археологии РАН, 2000. С. 129–137.

Болтрик Ю.В. Социальная структура Скифии IV в. до Р.Х., отраженная в погребальных памятниках // Chochorowski J. (ed.). Kimmerowe, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamieci prof. T. Sulimirskiego. Krakow: Ksiegarnia Akademicka, 2004. С. 85–91.

Болтрик Ю.В. Первісне обвалування елітних курганів скіфів // Магістеріум. Вип. 60. Археологічні студії / Гол. ред. В.І Клочко. Київ: ВПЦ НаУКМА, 2015. С. 56–60.

Болтрик Ю.В. Місце Бердянського кургану в системі поховальних пам'яток Скіфії // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (19) / Гол. ред. П.П. Толочко. Київ: Изд-во Ин-т археологии НАНУ, 2016. С. 27–32.

Болтрик Ю.В. Огуз - курган на ключовому роздоріжжі Скіфії (пошук Херсонеського сліду) // Археологія і давня історія України, Вип. 2 (23) / Гол. ред. П.П. Толочко. Київ: Изд-во Ин-т археологии НАНУ, 2017. С. 66–77.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Завершение исследований кургана Тащенак // Вестник краеведа. Тезисы научных докладов и сообщений. № 2 / Отв. ред. Г.Н. Тощев. Запорожье: Б.и., 1991. С. 8–10.

Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е. Курганы царей Скифии второй половины IV в. до н.э. Поиск исторических реалий // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху / Ред. А.Ю. Алексеев и др. СПб.: Изд-во Фонда фундамент. исследований РАН, 1994. С. 49–52. (Археологические изыскания. Вып. 18).

[20] Безусловно, необходимо доследование этого памятника, которое даст новые результаты для его интерпретации.

[21] Инкорпорация скифской верхушки в состав высшего элитного слоя боспорского общества являлась, по наблюдению Ю.А. Виноградова, нередкой практикой правителей Боспора [Виноградов, 2016, с. 95]. Это явление нашло свое отражение в элитных курганах некрополя Пантикапея.

[Веселовский Н.И.] Отчет о раскопках, произведенных в 1894 г. старшим членом Императорской археологической комиссии Н.И. Веселовским. Село Нижние Серогозы Мелитопольского у[ъезда], курган Огуз // Отчет ИАК за 1894 год. СПб.; Тип. Гл. упр. уделов, 1896. С. 77–87.

Виноградов Ю.А. Юз-Оба – некрополь боспорской знати. Культура и хронология // Российский археологический ежегодник. 2015–2016. № 5-6 / Ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2016. С. 79–99.

Виноградов Ю.А. Курганный некрополь Пантикапея // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев: коллективная монография / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. 312 с.

Виноградов Ю.А., Зинько В.Н., Смекалова Т.Н. Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т.1. История изучения и топография / Ред. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Мастер книг, 2012. 288 с.

Гаврилов А.В. Округа античной Феодосии. Симферополь: «Азбука», 2004. 368 с.

Гайдукевич В.Ф. Боспорские города: (Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат). Л.: Наука, 1981. 137 с.

Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология / Науч. ред. А.Ю. Алексеев и др. СПб.: ТЕЗА, 2005, 290 с.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII – IV вв. до н.э. Киев: Наукова думка, 1983. 380 с.

Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Т. XVIII / Отв. ред. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Керч. гор. тип., 2007. 480 с.

Колтухов С.Г. Керамика из кургана Беш-Оба IV // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции / Науч. ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: Б.и., 1999. С. 262–266.

Колтухов С.Г. Склепы варварского населения Степного и Предгорного Крыма в скифское время // Старожитности Степового Причерномор´я і Криму. Вип. XII / Гол. ред. П.П. Толочко. Запоріжжя: ЗДУ, 2005. С. 259–299.

Колтухов С.Г. Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника // Древности Боспора. Т. 9 / Ред. А.А. Масленников. М.: ИА РАН, 2006. С. 228–259.

Колтухов С.Г., Мыц В.Л. Топография и хронология курганного могильника Ак-Кая // Культура народов Причерноморья. Вып. 5 / Гл. ред. Ю.А. Катунин. Симферополь: Б.и., 1998. С. 99–119.

Колтухов С.Г., Мыц В.Л. Курганный могильник скифской аристократии в Горном Крыму. Некоторые результаты исследований // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2 / Ред. сост. Ю.М. Магаричев, И.Н. Храпунов. Симферополь: Таврия плюс, 2001. С. 27–44.

Колтухов С.Г., Мыц В.Л., Колотухин В.А. Первые результаты археологического исследования курганного некрополя Ак-Кая // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. Севастополь: Б.и., 1997. С. 51–57.

Колтухов С.Г., Сенаторов С.Н. Скифы Предгорного Крыма в VII – IV вв. до н. э. Курганы 1890–1892 и 1895 гг.: (По материалам Н. И. Веселовского и Ю. А. Кулаковского). Симферополь: Б. и., 2016а. 288 с. (Материалы к археолог. карте Крыма. Вып. XVII).

Крупа Т.М. Застосування методів природничих наук при дослідженні текстилю IV ст. до н. е. – IV ст. н.е. // Археологія. 2000. № 3. С. 112–122.

Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1993. 243 с.

Лисецкий Ф.Н. Погребенные почвы античного времени в предгорном и равнинном Крыму // Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Палеопочвы, Палеоэкология, Палеоэкономика» / Ред. А.В. Борисов и др. Пущино: Товарищество научных изданий КМК, 2017. С. 119–126.

Лисецкий Ф.Н, Маринина О.А., Буряк Ж.А. Геоархеологические исследования исторических ландшафтов Крыма. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2017. 432 с.

Мозолевский Б.Н. Скифский царский курган Желтокаменка // Древности Степной Скифии / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1982. С. 179–221.

Мозолевський Б.М. Кургани вищої скіфської знаті і проблема політичного устрою Скіфії // Археологія. 1990. №1. С. 122–138.

Мозолевський Б.М. Єтнічна географія Скіфії. Киев: Корвін Пресс, 2005. 102 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII – II веков до н.э. Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1999. 680 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва; Саратов: Киммерида, 2003. 352 с.

Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф. Амфоры Икоса // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) / Ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 554–561.

Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф. Заметки по локализации керамической тары. IV: амфоры Икоса // Античный мир и археология: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Научная книга, 2013а. Вып. 16. С. 255–266.

Мурзин В.Ю., Белан Ю.А., Подвысоцкая Е.П. Бердянский курган (Погребальный комплекс скифского аристократа). Киев: «Видавець Олег Філюк». Центр учебной литературы, 2017. 136 с.

Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII – III вв. до н.э.). М.: Наука, 1991. 256 с.

Очир-Горяева М.А. Устройство скифского кургана и его ориентация по странам света // КСИА. 2014. Вып. 233. С. 72–87.

Полин С.В. Скифский Золотобалковский могильник V – IV вв. до н.э. на Херсонщине. Киев: «Видавець Олег Філюк», 2014. 776 с. (Сер. Курганы Украины. Т. 3).

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. Атлас. Табл. I – CXII. СПб.: Изд. ИАК, 1913. 112 табл.

Смекалова Т.Н. Курганы в ландшафте Северного Причерноморья. 1. Предгорный Крым // Боспорские исследования. Вып. XXI / Отв. ред. В.Н. Зинько. Симферополь; Керчь: Керч. гор. тип., 2009. С. 42–119.

Смекалова Т. Н., Колтухов С.Г., Чудин А.В. История и археология Северо-Западного Крыма. Симферополь: Феникс, 2014. С. 231–265. (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XIV).

Смекалова Т.Н., Смекалов С.Л., Мыц В.Л., Колтухов С.Г. Метод магниторазведки курганов греко-варварской и скифской знати в Крыму // АВУ. 1998-1999 / Под ред. Д.Н. Козака и Н.А. Гаврилюк. Киев: Институт археологии НАНУ, 1999. С. 177–182.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев: Наукова думка, 1988. 264 с.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

Фиалко Е.Е. Погребальный комплекс кургана Огуз // Древности скифов. Сборник научных трудов / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев: Б.и., 1994. С. 122–143.

Цветаева Г.А. Курганный некрополь Пантикапея // Пантикапей / Отв. ред. И.Б. Зеест. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 227–250. (МИА. № 56).

Шкрибляк И.И. Склеп с уступчатым перекрытием в кургане № 293 на г. Плоская в Центральном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Сборник научных трудов / Гл. ред. Ю.П. Зайцев. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 133–138.

Яковенко Є.В. Скіфи Східного Криму в V – III ст. до н. є. Киев: Наукова думка, 1974. 150 с.

Smekalova T., Voss O., Smekalov S., Myts V., Koltukhov S. Magnetometric Investigations of Stone Constructions within Large Ancient Barrows of Denmark and Crimea // Geoarcheology. 2005. Vol. 20 (5). P. 461–482. Doi: 10.1002/eea. 20060/full.

Sparkes B.A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. Princeton, New Jersey: J.J. Augustin, Gluckstadt, 1970. Part 2: Indexes and Illustrations. IX, 383–472 p. (The Athenian Agora; Vol. XII).

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Шульц П.Н. Отчет о работах Белогорского отряда Тавро-скифской экспедиции ИИМК СССР и ГМИИ за 1947 г. // Научный архив ИАК РАН. Инв. А № 1,11.

Колтухов С.Г., Колотухин В.А., Мыц В.Л. Отчет об охранных раскопках на Аккайском курганном некрополе в 1996–1997 гг. Ч. 1 – 2. Научный архив ИАК РАН. Инв. кн. 5, инв. № 796, папка № 1222.

REFERENCES

Alekseev A.Yu. *Hronografiya Evropejskoj Skifii VII - IV vv. do n.e.* Spb.: Izd. Gos. Ermitazha, 2003. 416 s.

Boltrik Yu.V. Issledovanie skifskogo kurgana Tashchenak. *Toshchev G.N. (Ed.). Vestnik kraeveda. Tezisy nauchnyh dokladov i soobshchenij*. Zaporozh'e: B.i., 1990. № 1. S. 6–7.

Boltrik Yu.V. Skifskij kurgan kak edinyj ansambl'. *Gulyaev V.I., Ol'hovskij V.S. (Ed.). Skify i sarmaty v VII – III vv. do n.e.: Paleoekologiya, antropologiya i arheologiya. Sbornik statej*. M.: In-t arheologii RAN, 2000. S. 129–137.

Boltrik Yu.V. Social'naya struktura Skifii IV v. do R.H., otrazhennaya v pogrebal'nyh pamyatnikah. *Chochorowski J. (Ed.). Kimmerowe, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamieci prof. T. Sulimirskiego.* Krakow: Ksiegarnia Akademicka, 2004. S. 85–91.

Boltrik Yu.V. Pervisne obvaluvannya elitnih kurganiv skifiv. *Klochko. V.I. (Ed.). Magisterium. Arheologichni studiï.* Kiiv: VPC NaUKMA, 2015. Vip. 60. S. 56–60.

Boltrik Yu.V. Misce Berdyans'kogo kurganu v sistemi pohoval'nih pam'yatok Skifiï. *Tolochko P.P. (Ed.). Arheologiya i davnya istoriya Ukraïni*. Kiiv: Izd-vo In-t arheologii NANU, 2016. Vip. 2 (19). S. 27–32.

Boltrik Yu.V. Oguz - kurgan na klyuchovomu rozdorizhzhi Skifiï (poshuk Hersones'kogo slidu) *Tolochko P.P. (Ed.). Arheologiya i davnya istoriya Ukraïni.* Kiiv: Izd-vo In-t arheologii NANU, 2017. Vip. 2 (23). S. 66–77.

Boltrik Yu.V., Fialko E.E. Zavershenie issledovanij kurgana Tashchenak. *Toshchev G.N. (Ed.). Vestnik kraeveda. Tezisy nauchnyh dokladov i soobshchenij*. Zaporozh'e: B.i., 1991. № 2. S. 8–10.

Boltrik Yu.V., Fialko E.E. Kurgany carej Skifii vtoroj poloviny IV v. do n.e. Poisk istoricheskih realij. *Alekseev A.Yu. i dr. (Ed.). Elitnye kurgany stepej Evrazii v skifo-sarmatskuyu epohu.* SPb.: Izd-vo Fonda fundament. issledovanij RAN, 1994. S. 49–52. (Arheologicheskie izyskaniya. Vyp. 18).

[Veselovskij N.I.] Otchet o raskopkah, proizvedennyh v 1894 g. starshim chlenom Imperatorskoj Arheologicheskoj Komissii N.I. Veselovskim. Selo Nizhnie Cerogozy Melitopol'skogo u[«ezda], kurgan Oguz. *Otchet IAK za 1894 god.* SPb.; Tip. Gl. upr. udelov, 1896. S. 77–87.

Vinogradov Yu.A. Yuz-Oba – nekropol' bosporskoj znati. Kul'tura i hronologiya. Vishnyackij L.B. (Ed.). Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik. 2015–2016. SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2016. № 5-6. S. 79–99.

Vinogradov Yu.A. Kurgannyj nekropol' Pantikapeya. *Vishnyackij L.B. (Ed.).Neizvestnye stranicy arheologii Kryma: ot neandertal'cev do genuezcev: kollektivnaya monografiya.* SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. 312 s.

Vinogradov Yu.A., Zin'ko V.N., Smekalova T.N. Yuz-Oba. Kurgannyj nekropol' aristokratii Bospora. *Zin'ko V.N. (Ed.). T.1. Istoriya izucheniya i topografiya.* Simferopol'; Kerch': Master knig, 2012. 288 s.

Gavrilov A.V. *Okruga antichnoj Feodosii.* Simferopol': «Azbuka», 2004. 368 s.

Gajdukevich V.F. *Bosporskie goroda: (Ustupchatye sklepy. Ellinisticheskaya usad'ba. Ilurat)*. L.: Nauka, 1981. 137 s.

Alekseev A.Yu. i dr. *(Ed.). Evraziya v skifskuyu epohu: Radiouglerodnaya i arheologicheskaya hronologiya.* SPb.: TEZA, 2005, 290 s.

Il'inskaya V.A., Terenozhkin A.I. *Skifiya VII - IV vv. do n. e.* Kiev: Naukova dumka, 1983. 380 s.

Kac V.I. Grecheskie keramicheskie klejma epohi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya). *Zin'ko V.N. (Ed.). Bosporskie issledovaniya*. Simferopol'; Kerch': Kerch. gor. tip., 2007. T. XVIII. 480 s.

Koltuhov S.G. Keramika iz kurgana Besh-Oba IV. *Vahtina M.Yu. i dr. (Ed.). Bosporskij fenomen: grecheskaya*

kul'tura na periferii antichnogo mira. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. SPb.: B.i., 1999. S. 262–266.

Koltuhov S.G. Sklepy varvarskogo naseleniya Stepnogo i Predgornogo Kryma v skifskoe vremya. *Tolochko P.P. (Ed.). Starozhitnosti Stepovogo Prichernomor'ya i Krimu.* Zaporizhzhya: ZDU, 2005. Vip. XII. S. 259–299.

Koltuhov S.G. Kurgan IV Akkajskogo (Belogorskogo) kurgannogo mogil'nika. *Maslennikov A.A. (Ed.). Drevnosti Bospora*. M.: IA RAN, 2006. T. 9. S. 228–259.

Koltuhov S.G., Myc V.L. Topografiya i hronologiya kurgannogo mogil'nika Ak-Kaya. *Katunin Yu.A. (Ed.). Kul'tura narodov Prichernomor'ya.* Simferopol': B.i., 1998. Vyp. 5. S. 99–119.

Koltuhov S.G., Myc V.L. Kurgannyj mogil'nik skifskoj aristokratii v Gornom Krymu. Nekotorye rezul'taty issledovanij. *Magarichev Yu.M., Hrapunov I.N. (Ed.). Bahchisarajskij istoriko-arheologicheskij sbornik.* Simferopol': Tavriya plyus, 2001. Vyp. 2. S. 27–44.

Koltuhov S.G., Myc V.L., Kolotuhin V.A. Pervye rezul'taty arheologicheskogo issledovaniya kurgannogo nekropolya Ak – Kaya. *Hersones v antichnom mire. Istoriko-arheologicheskij aspekt. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii.* Sevastopol': B.i., 1997. S. 51–57.

Koltuhov S.G., Senatorov S.N. *Skify Predgornogo Kryma v VII – IV vv. do n. e. Kurgany 1890–1892 i 1895 gg.: (Po materialam N. I. Veselovskogo i Yu. A. Kulakovskogo).* Simferopol': B. i., 2016a. 288 s. (Materialy k arheolog. karte Kryma. Vyp. XVII).

Krupa T.M. Zastosuvannya metodiv prirodnichih nauk pri doslidzhenni tekstilyu IV st. do n. e. - IV st. n. e. *Arheologiya*. 2000. № 3. S. 112–122.

Kryzhickij S.D. *Arhitektura antichnyh gosudarstv Severnogo Prichernomor'ya.* Kiev: Naukova dumka, 1993. 243 s.

Liseckij F.N. Pogrebennye pochvy antichnogo vremeni v predgornom i ravninnom Krymu. *Borisov A.V. i dr. (Ed.). Materialy Vserossijskoj mezhdisciplinarnoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Paleopochvy, Paleoekologiya, Paleoekonomika».* Pushchino: Tovarishchestvo nauchnyh izdanij KMK, 2017. S. 119–126.

Liseckij F.N, Marinina O.A., Buryak Zh.A. *Geoarheologicheskie issledovaniya istoricheskih landshaftov Kryma*. Voronezh: Izd. dom VGU, 2017. 432 s.

Mozolevskij B.N. Skifskij carskij kurgan Zheltokamenka. *Terenozhkin A.I. (Ed.). Drevnosti Stepnoj Skifii.* Kiev: Naukova dumka, 1982. S. 179–221.

Mozolevs'kij B.M. Kurgani vishchoï skifs'koï znati i problema politichnogo ustroyu Skifiï. *Arheologiya*. 1990. № 1. S. 122–138.

Mozolevs'kij B.M. *Єtnichna geografiya Skifiï.* Kiev: Korvin Press, 2005. 102 s.

Monahov S.Yu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Kompleksy keramicheskoj tary VII - II vekov do n. e.* Saratov: Izd. Sarat. un-ta, 1999. 680 s.

Monahov S.Yu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchih centrov-eksporterov tovarov v keramicheskoj tare. Katalog-opredelitel'*. Moskva; Saratov: Kimmerida, 2003. 352 s.

Monahov S.Yu., Fedoseev N.F. Amfory Ikosa // *Vakhtina M.Yu. i dr. (Ed.). Bosporskij fenomen. Greki i varvary na evrazijskom perekrestke: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (Sankt-Peterburg, 19–22 noyabrya 2013 g.)*. SPb.: Nestor-Istoriya, 2013. S. 554–561.

Monahov S.Yu., Fedoseev N.F. Zametki po lokalizatsii keramicheskoj tary. IV: amfory Ikosa // *Antichnyj mir i arkheologiya: Mezhvuz. sb. nauch. tr.* Saratov: Nauchnaya kniga, 2013a. Vyp. 16. S. 255–266.

Murzin V.Yu., Belan Yu.A., Podvysockaya E.P. *Berdyanskij kurgan (Pogrebal'nyj kompleks skifskogo aristokrata)*. Kiev: «Vidavec' Oleg Filyuk». Centr uchebnoj literatury, 2017. 136 s.

Ol'hovskij V.S. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoj Skifii (VII – III vv. do n.e.).* M.: Nauka, 1991. 256 s.

Ochir-Goryaeva M. A. Ustrojstvo skifskogo kurgana i ego orientaciya po stranam sveta. *KSIA*. 2014. Vyp. 233. S. 72–87.

Polin S.V. *Skifskij Zolotobalkovskij mogil'nik V – IV vv. do n.e. na Hersonshchine.* Kiev: «Vidavec' Oleg Filyuk», 2014. 776 s. (Ser. Kurgany Ukrainy. T. 3).

Rostovcev M.I. *Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii.* Atlas. Tabl. I – CXII. SPb.: Izd. IAK, 1913. 112 tabl.

Smekalova T.N. Kurgany v landshafte Severnogo Prichernomor'ya. 1. Predgornyj Krym. *Zin'ko V.N. (Ed.). Bosporskie issledovaniya*. Simferopol'; Kerch': Kerch. gor. tip., 2009. Vyp. XXI. S. 42–119.

Smekalova T. N., Koltuhov S.G., Chudin A.V. *Istoriya i arheologiya Severo-Zapadnogo Kryma.* Simferopol': Feniks, 2014. S. 231–265. (Materialy k arheologicheskoj karte Kryma. Vyp. XIV).

Smekalova T.N., Smekalov S.L., Myc V.L., Koltuhov S.G. Metod magnitorazvedki kurganov greko-varvarskoj i skifskoj znati v Krymu. *Kozak D.N., Gavrilyuk N.A. (Ed.). AVU. 1998-1999.* Kiev: Institut arheologii NANU, 1999. S. 177–182.

Terenozhkin A.I., Mozolevskij B.N. *Melitopol'skij kurgan* Kiev: Naukova dumka, 1988. 264 s.

Hazanov A.M. *Kochevniki i vneshnij mir.* Izd. 3-e, dop. Almaty: Dajk-Press, 2002. 604 s.

Fialko E.E. Pogrebal'nyj kompleks kurgana Oguz. *Chernenko E.V. (Ed.). Drevnosti skifov. Sbornik nauchnyh trudov.* Kiev: B.i., 1994. S. 122–143.

Cvetaeva G.A. Kurgannyj nekropol' Pantikapeya. *Zeest I.B. (Ed.). Pantikapej*. M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. S. 227–250. (MIA. № 56).

Shkriblyak I.I. Sklep s ustupchatym perekrytiem v kurgane № 293 na g. Ploskaya v Central'nom Krymu. *Zajcev Yu.P. (Ed.). Krym v epohu ellinizma. Mezhkul'turnye processy po dannym novejshih arheologicheskih issledovanij. Sbornik nauchnyh trudov.* Simferopol': Tarpan, 2017. S. 133–138.

Yakovenko Є.V. *Skifi Skhidnogo Krimu v V – III st. do n. є.* Kiev: Naukova dumka, 1974. 150 s.

Smekalova T., Voss O., Smekalov S., Myts V., Koltukhov S. Magnetometric Investigations of Stone Constructions within Large Ancient Barrows of Denmark and Crimea. *Geoarcheology*. 2005. Vol. 20 (5). R. 461–482. Doi: 10.1002/eea.20060/full.

Sparkes B.A., Talcott L. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C.* Princeton, New Jersey: J.J. Augustin, Gluckstadt, 1970. Part 2: Indexes and Illustrations. IX, 383–472 p. (The Athenian Agora; Vol. XII).

ARHIVNYE MATERIALY

Shul'c P.N. Otchet o rabotah Belogorskogo otryada Tavro-skifskoj ekspedicii IIMK SSSR i GMII za 1947 g. Nauchnyj arhiv *Instituta arkheologii Krym Rossiiskoi akademii nauk*. Inv. A № 1,11.

Koltuhov S.G., Kolotuhin V.A., Myc V.L. Otchet ob ohrannyh raskopkah na Akkajskom kurgannom nekropole v 1996-1997 gg. Ch. 1 – 2. *Nauchnyj arhiv Instituta arkheologii Krym Rossiiskoi akademii nauk.* Inv. kn. 5, inv. № 796, papka № 1222.

Резюме

Курган Беш-Оба IV Аккайского (Белогорского) могильника в Предгорном Крыму был возведен во второй – третьей четверти IV в. до н.э. над могилой представителя высшей скифской аристократии. Погребение было совершено в грунтовой катакомбе, дополненной каменными стенами. После совершения погребения в этом же кургане был сооружен двухкамерный каменный склеп, который функционировал в третьей четверти IV в. до н.э. Все погребения были ограблены в древности.

Ключевые слова: Крым, курган Беш-Оба IV, склеп-катакомба, дромос, погребение скифского аристократа, греческий керамический импорт, каменный склеп, вторая – третья четверть IV в. до н.э.

Summary

The barrow Besh-Both IV Akkay (Belogorsky) burial ground in Foothill Crimea was built in the second – third quarter of IV century BC over the grave of the representative of the highest Scythian aristocracy. The burial was carried out in a ground catacomb, supplemented by stone walls.

After making the burial in the same mound was built two-chamber stone tomb, which functioned until of the third quarter of IV century BC. All the tombs were robbed in antiquity.

Keyword: Crimea, Besh-Oba IV mound, stone catacomb, corridor-dromos, burial of Scythian aristocrat, Greek ceramic import, stone crypt, second-third quarter of IV century BC.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Колтухов Сергей Георгиевич,
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. отдела первобытной
археологии Института археологии Крыма.
РФ, РК, г. Симферополь, просп. Вернадского, д. 2.
koltukhov@mail.ru

Сенаторов Сергей Николаевич,
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. отдела археологии
Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа.
РФ, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 34.
senatorov-s@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Koltukhov Sergei Georgievich,
CSc, senior research, Department of early iron age of
the Institute of archaeology of the Crimea.
RF, RK, Simferopol, Vernadsky prosp., 2.
koltukhov@mail.ru

Senatorov Sergei Nikolaevich,
CSc, senior research. Department of archaeology of
Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage.
RF, Saint-Petersburg, Dvortsovaya nab., 34.
senatorov-s@yandex.ru

1

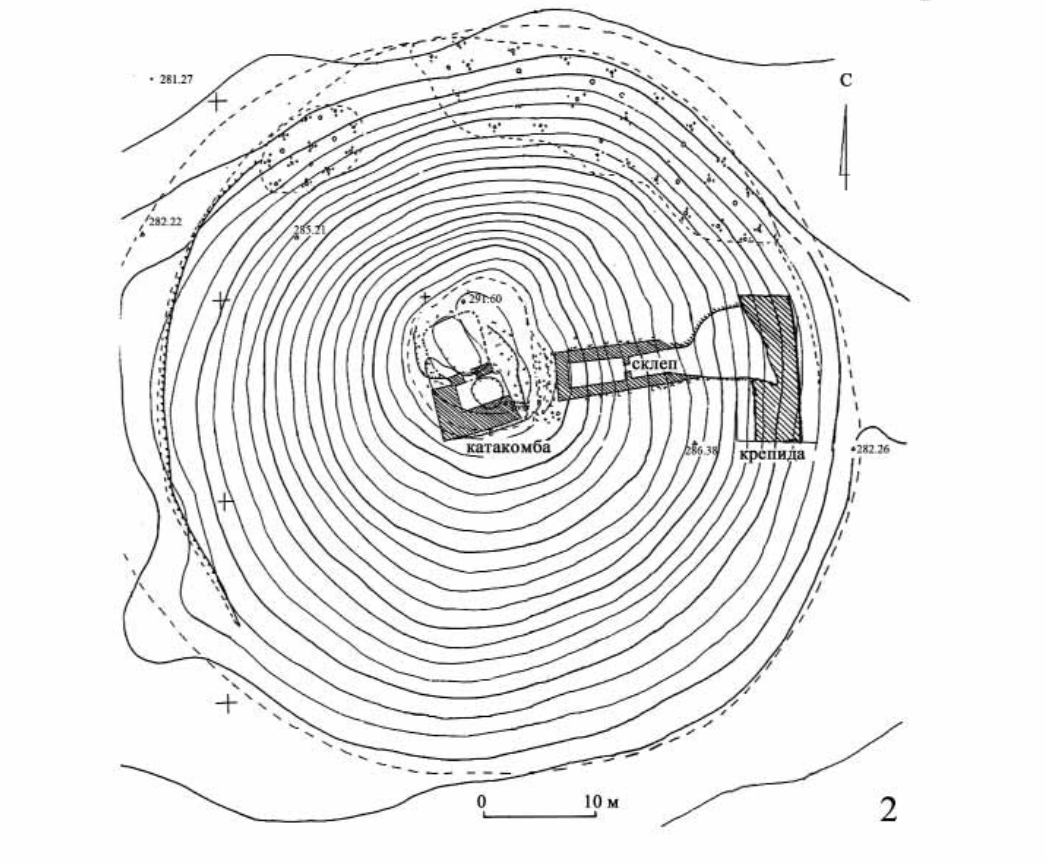

Рис. 1.

1 – курган Беш-Оба IV, начальный этап работ, вид с востока; 2 – топографический план кургана IV.

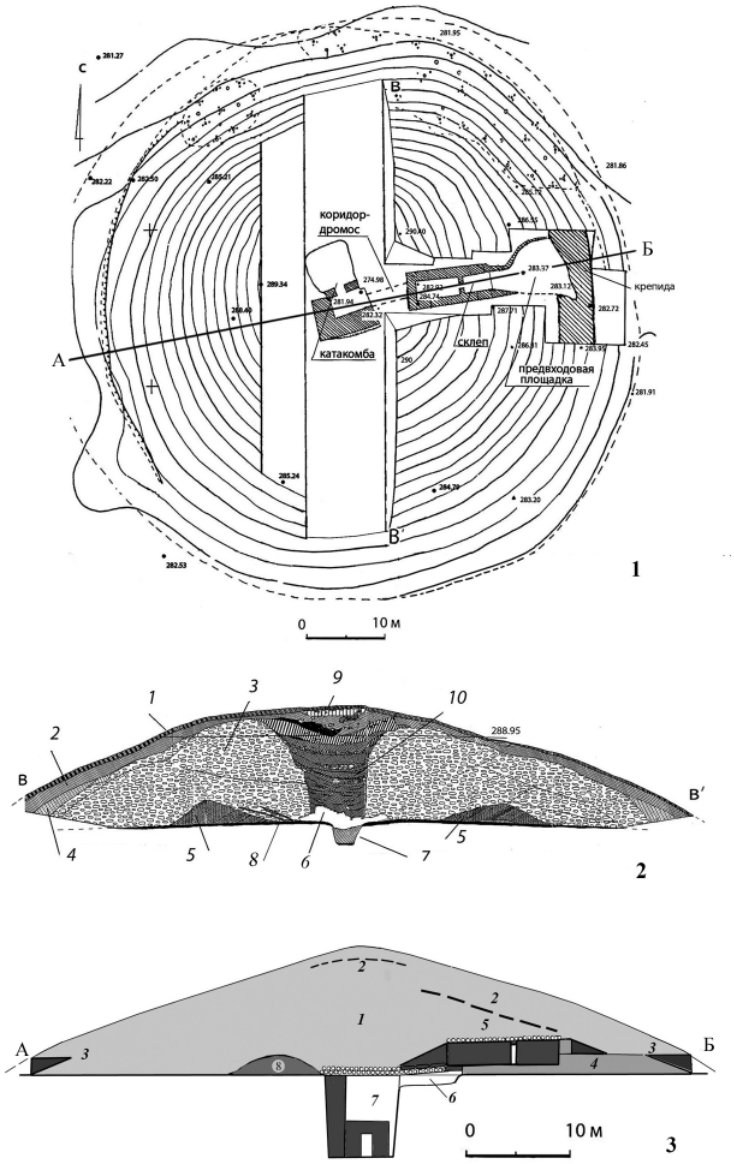

Рис. 2.

1 – план кургана IV с границами раскопанного участка;

2 – стратиграфия кургана по профилю В – В'. Условные обозначения: 1– дерновый слой, 2 – мелкоструктурный чернозем, 3 – ядро насыпи кургана из черноземно-суглинистых вальков, 4 – мелкоструктурный чернозем коричневатого оттенка, 5 – выброс мергеля из основной могилы, 6 – каменный заклад, 7 – траншея-дромос, 8 – погребенная почва, 9 – перекоп, 10 – черные вальки с прослойками камня и древесно-кустарниковой растительности;

3 – разрез кургана по оси А – Б. Условные обозначения: 1 – насыпь кургана, 2 – вымостки из камня, 3 – крепида, 4 – подсыпка под каменным склепом, 5 – двухкамерный каменный склеп, каменные заклады, 6 – подземный коридор - дромос, 7 – входная яма основной катакомбы, 8 – выброс из основной катакомбы.

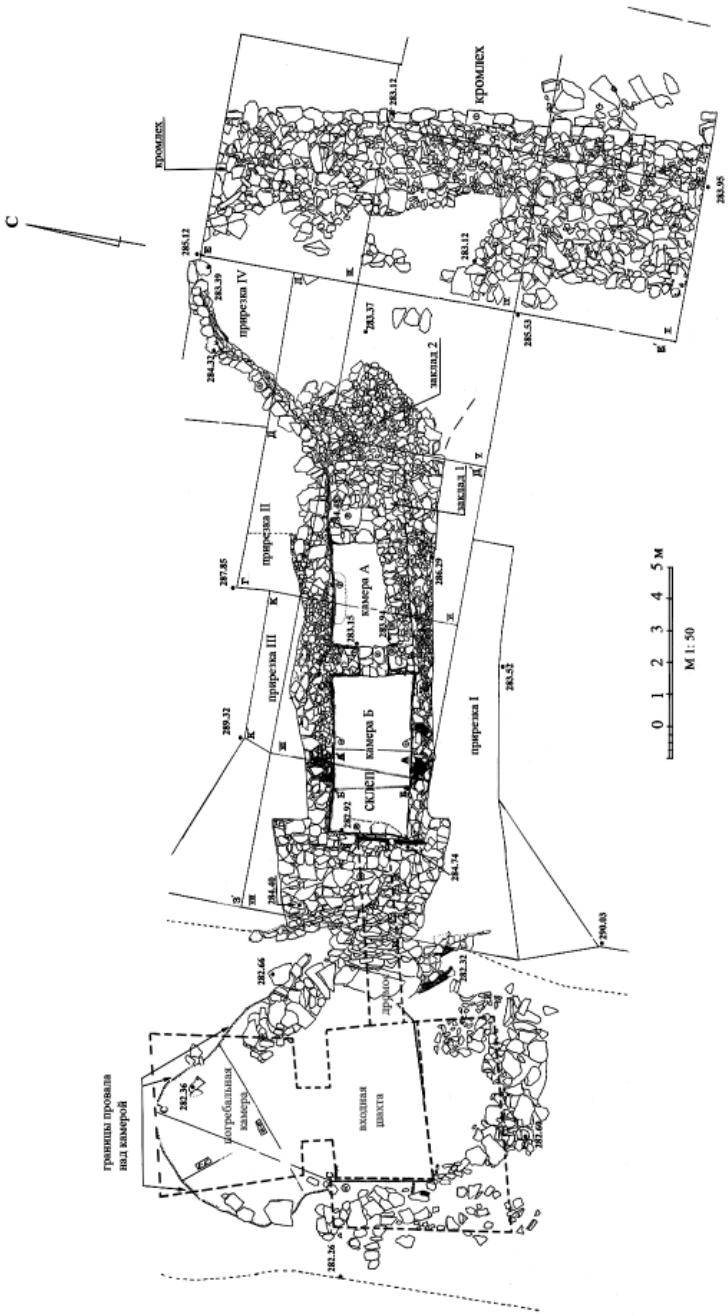

Рис. 3. Погребальные сооружения в границах раскопанного участка кургана Беш-Оба IV.

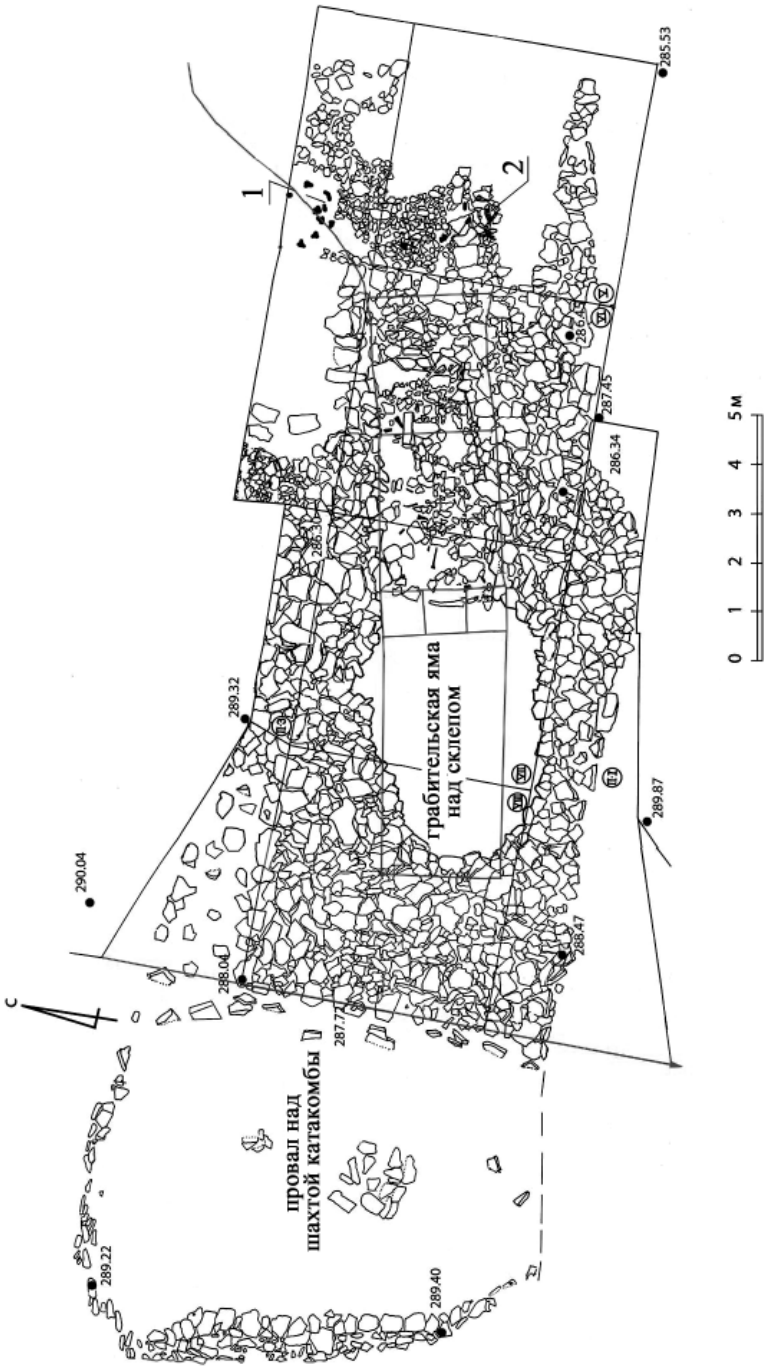

Рис. 4. План каменных вымосток в насыпи кургана, расположенных над двухкамерным склепом и основной катакомбой;
1 – фрагменты синопской амфоры; 2 – фрагменты амфоры Икоса.

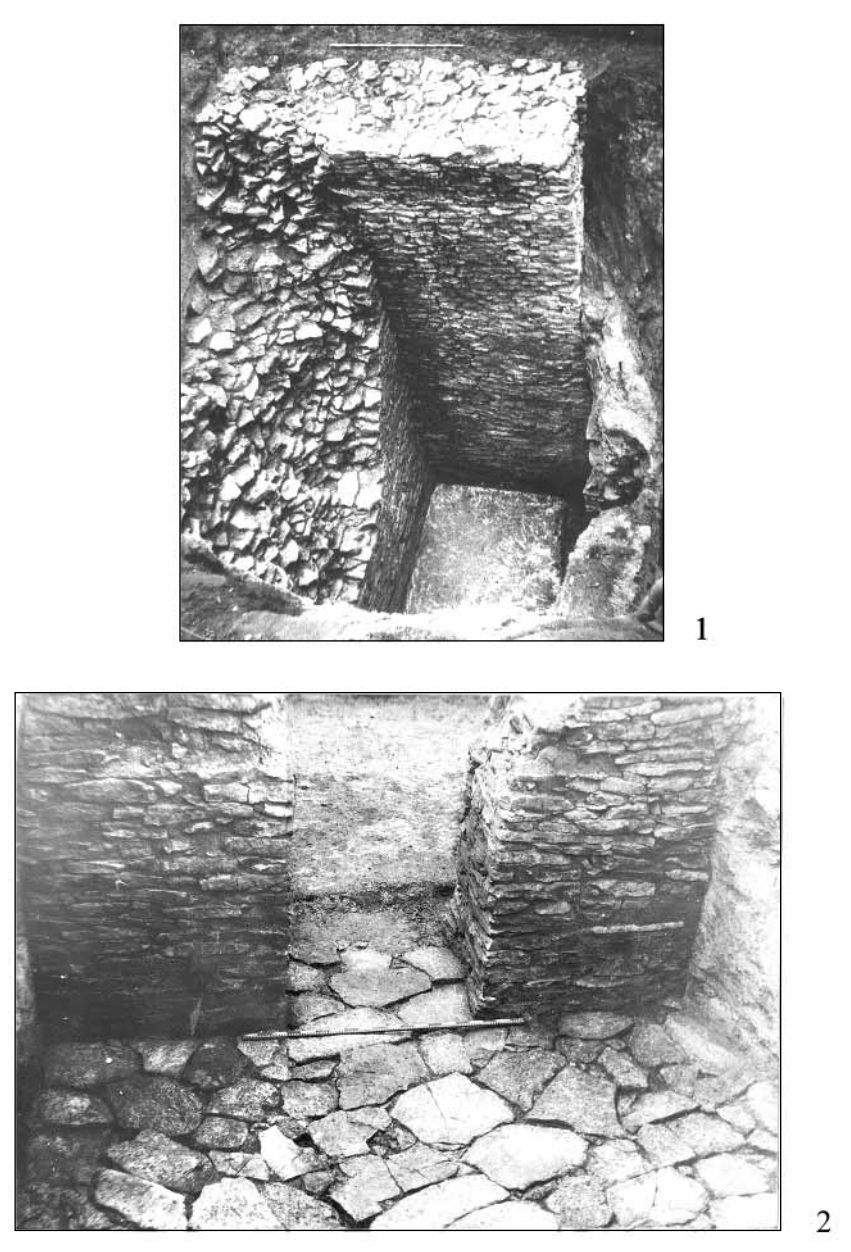
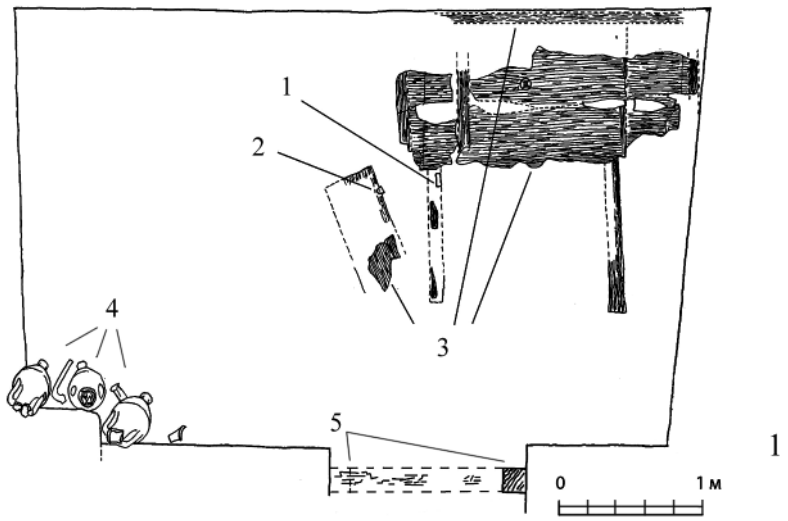

Рис. 5.

1 – каменные стены входной шахты основного погребения, вид с востока; 2 – стена с дверным проемом, отделяющая погребальную камеру катакомбы от входной шахты. Вид из погребальной камеры.

1

2

Рис. 6.

1 – дно входной шахты в плане с отпечатками деревянных предметов и амфорами: 1 – точильный камень, 2 – осколок кремня, 3 – отпечатки деревянных предметов, 4 – амфоры, 5 – следы дверной коробки;
2 – нижняя часть входной шахты, вид с запада.

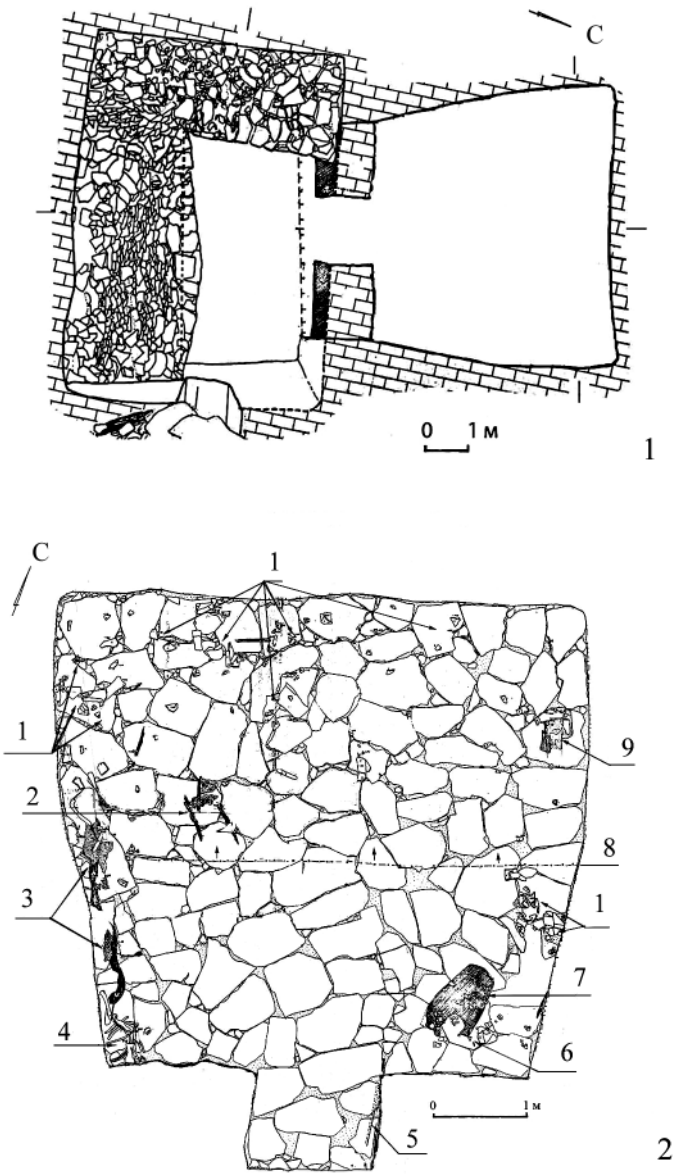

Рис. 7.

1 – план основной катакомбы в кургане Беш-Оба IV;
2 – дно погребальной камеры катакомбы с остатками погребального инвентаря: 1 – фрагменты амфор, 2 – отпечаток «стула», 3 – отпечатки дерева и войлока, 4 – кости лошади, железный нож, деревянная вилка, 5 – отпечаток открытой деревянной двери, 6 – обломки кратера, 7 – отпечаток «столика», 8 – граница органической подстилки, 9 – отпечаток «горита».

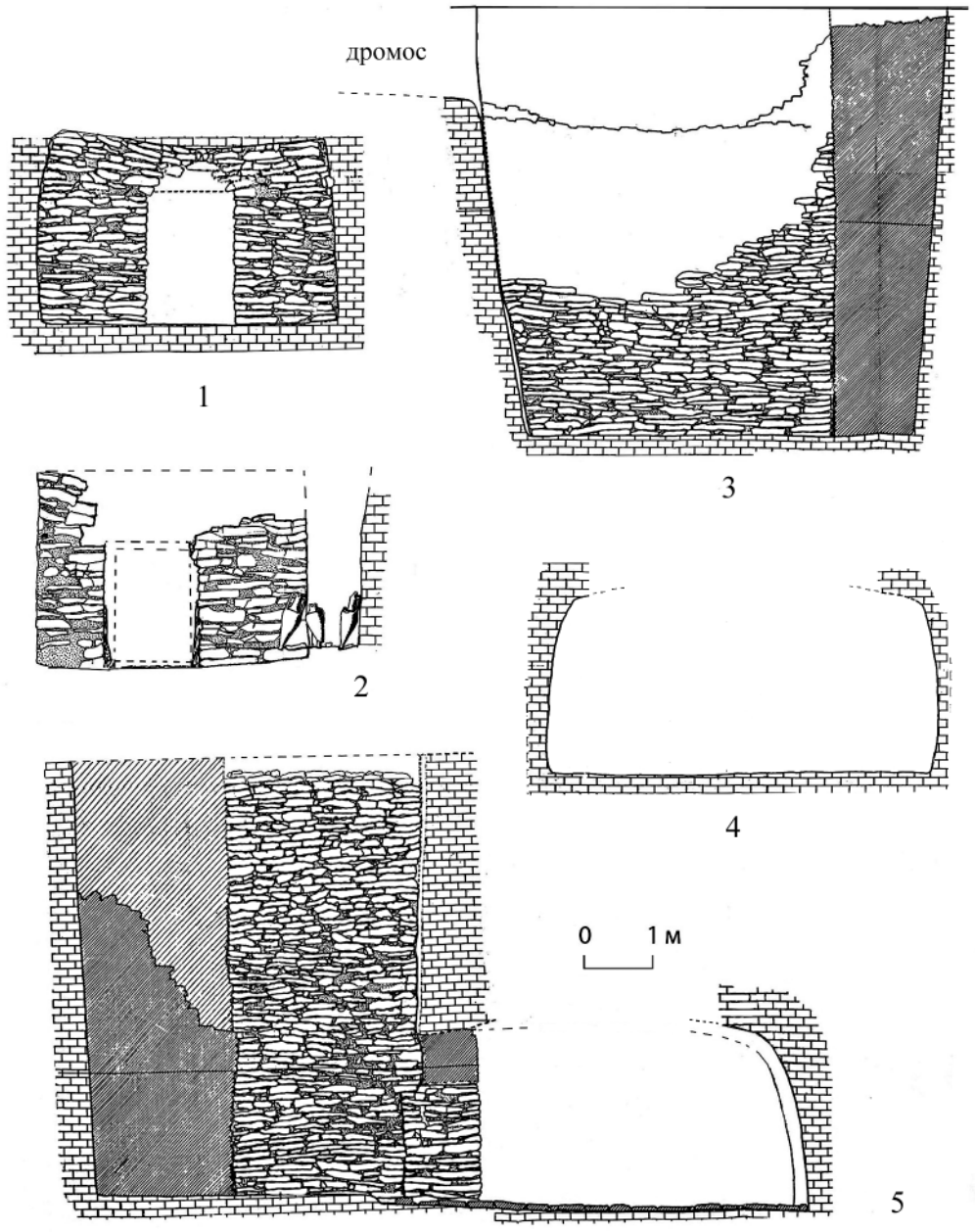

Рис. 8. Профили и разрезы основного погребального сооружения:

1 – каменная стена погребальной камеры катакомбы, северный фас; 2 – каменная стена погребальной камеры катакомбы, южный фас; 3 – поперечный разрез через входную шахту катакомбы, южный фасад; 4 – поперечный разрез погребальной камеры; 5 – поперечный разрез основного погребального сооружения с западным фасом стены входной шахты, сохранившейся на полную высоту.

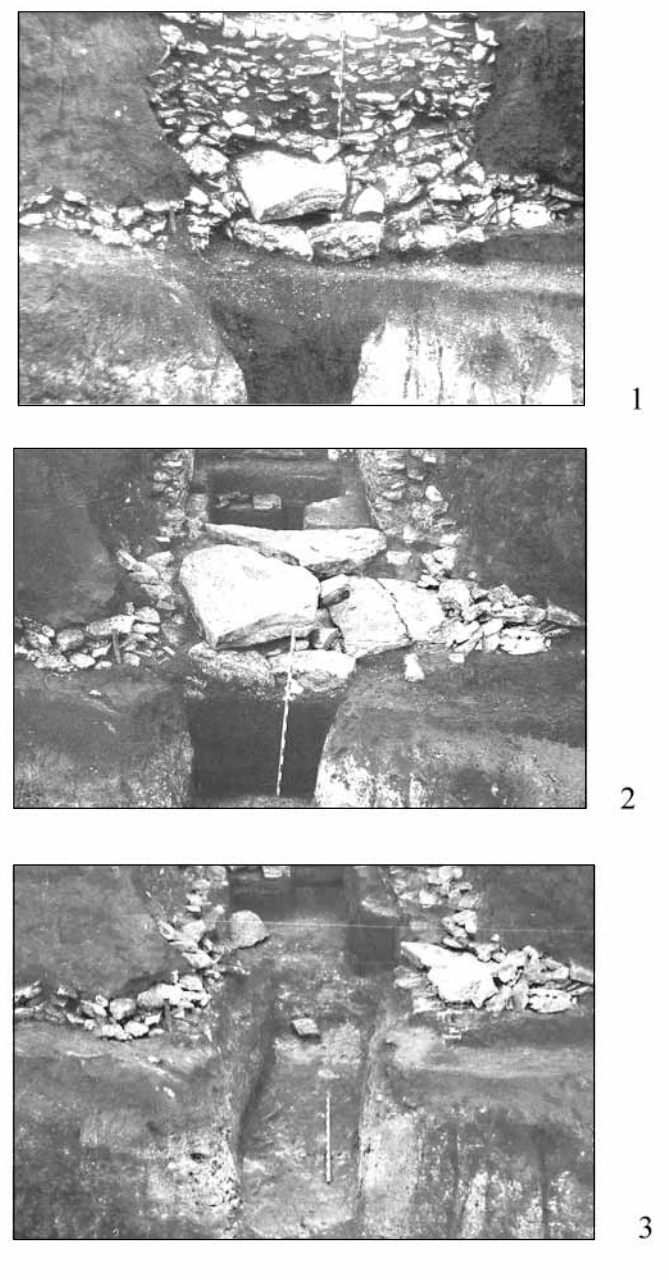

Рис. 9.

1 – плитовое перекрытие над дромосом основного погребения и расположенная на его поверхности кладка тыльной стены каменного склепа, вид с запада; 2 – плитовое перекрытие дромоса после разборки тыльной стены каменного склепа, вид с запада; 3 – траншеевидный дромос основного погребения после разборки каменного перекрытия, вид с запада.

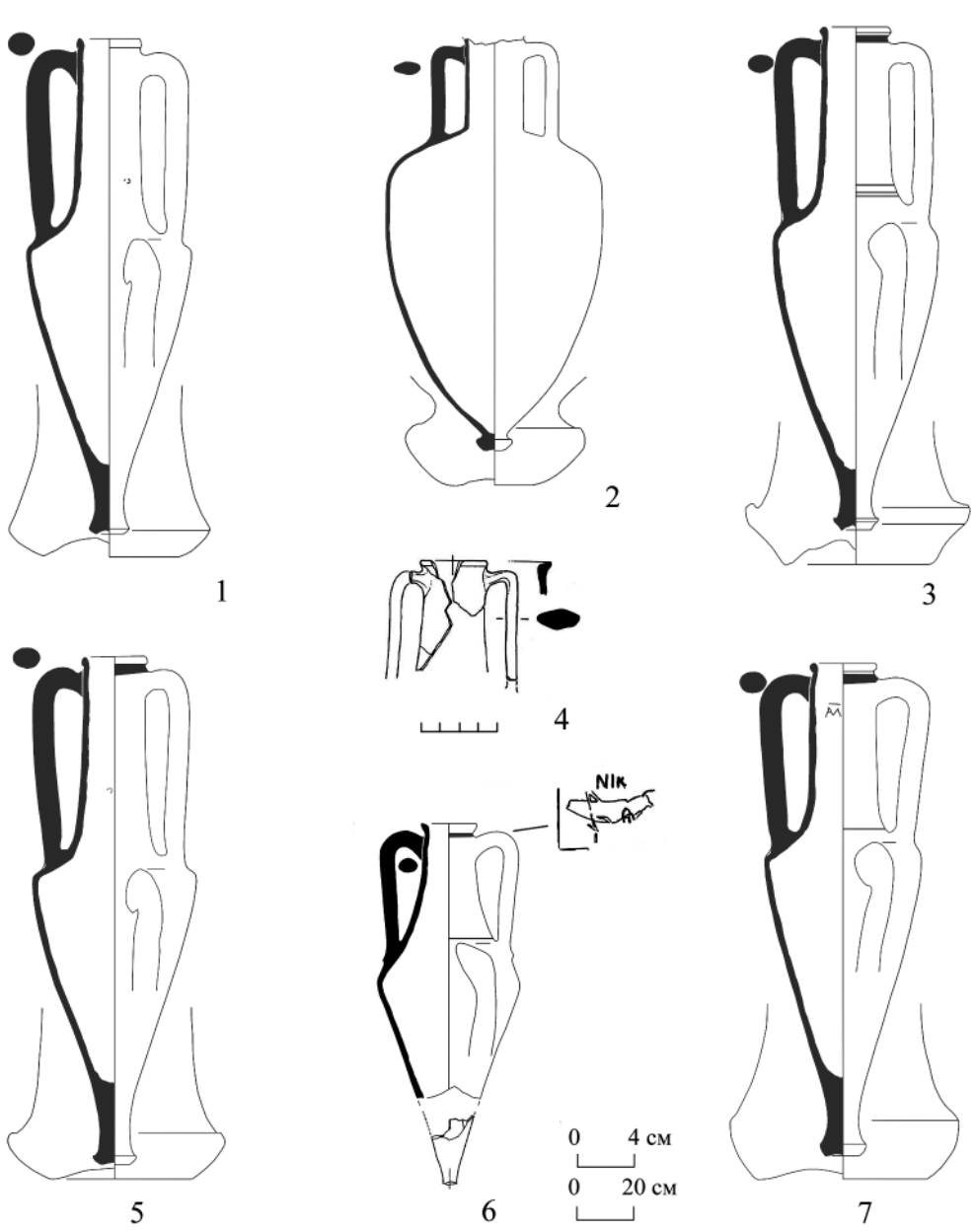

Рис. 10.

Амфоры из основного погребения кургана Беш-Оба IV: 1, 3, 7 – амфоры типа Пепарет из входной шахты.
Амфоры из погребальной камеры: 2 – книдская амфора; 4 – горло гераклейской амфоры; 5 – амфора типа Пепарет;
6 – фасосская амфора с клеймом Никия.
1-3, 5-7 – чертежи С.Ю. Монахова.

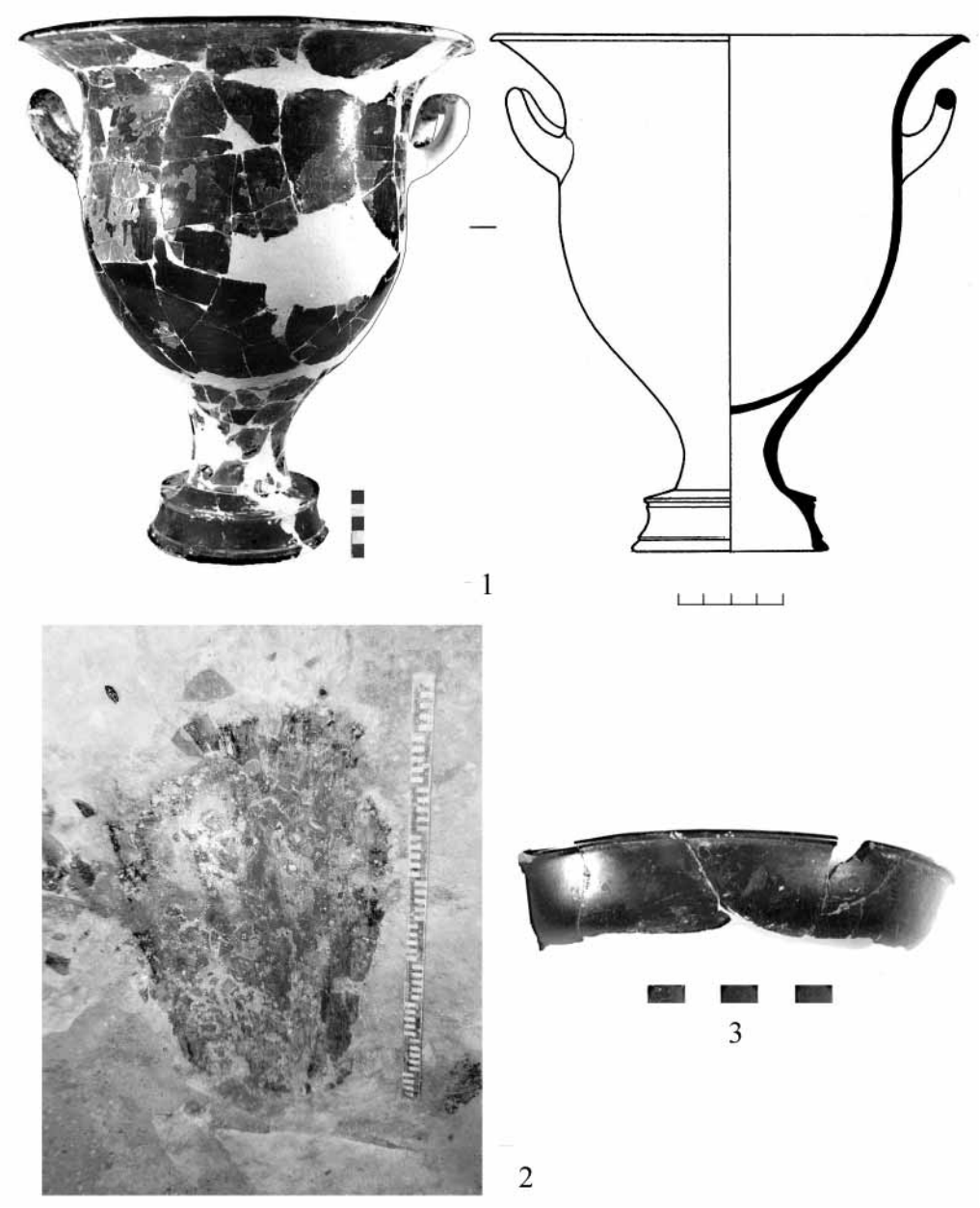

Рис. 11.

1 – чернолаковый кратер из погребальной камеры основного погребения; 2 – отпечаток деревянного «столика» с обломками кратера на дне камеры; 3 – фрагмент края чернолаковой чаши, находившейся рядом с кратером.

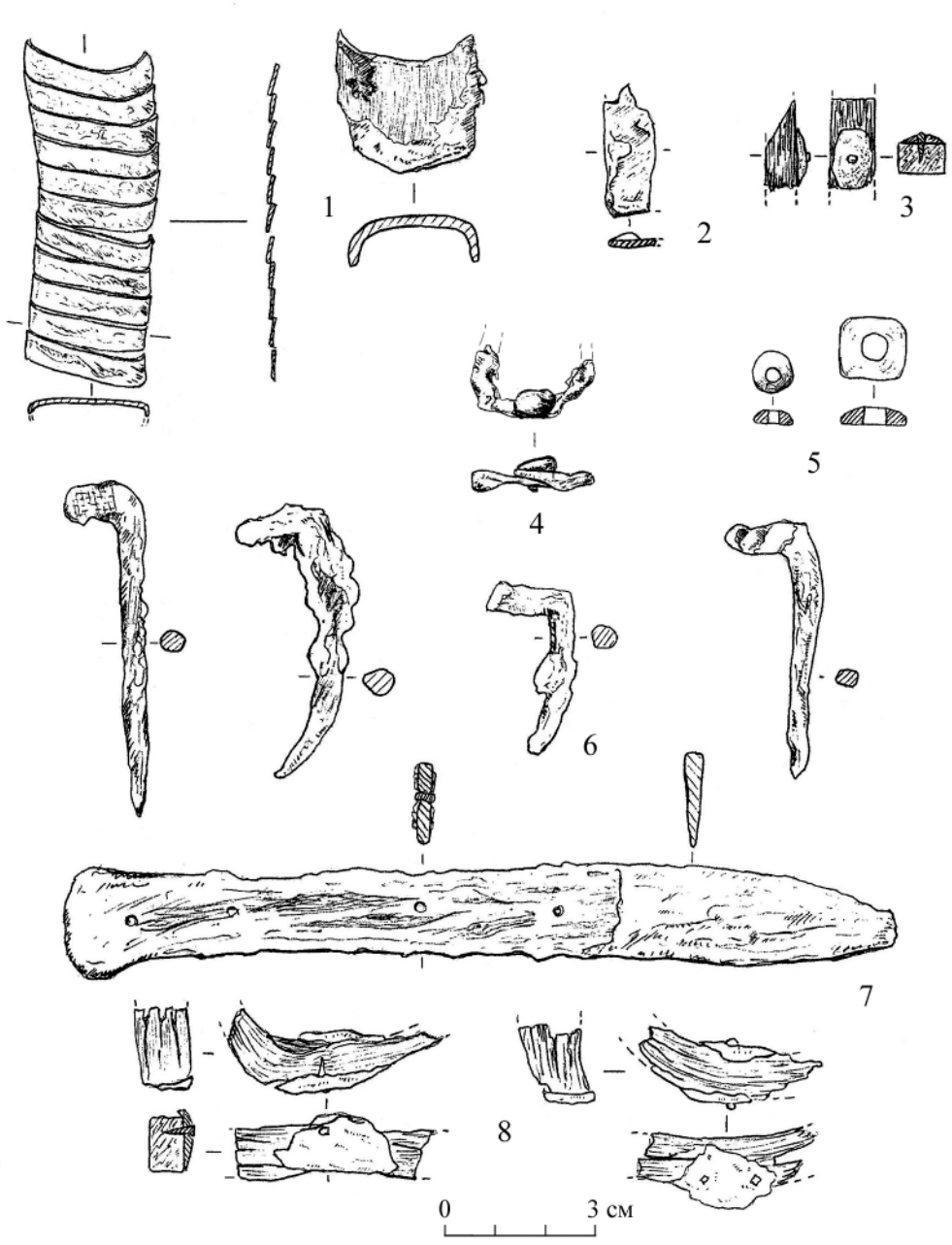

Рис. 12. Находки из погребальной камеры катакомбы:

1-2 – остатки железного пояса; 3 – обломок деревянного предмета с бронзовой накладкой; 4 – фрагмент железной пряжки; 5 – костяная пронизь; 6 – железные гвозди; 7 – железный нож с деревянными накладками и железными заклепками на рукояти; 8 – обломки деревянной вилки (?) с бронзовой накладкой на ручку, закрепленную бронзовыми гвоздиками.

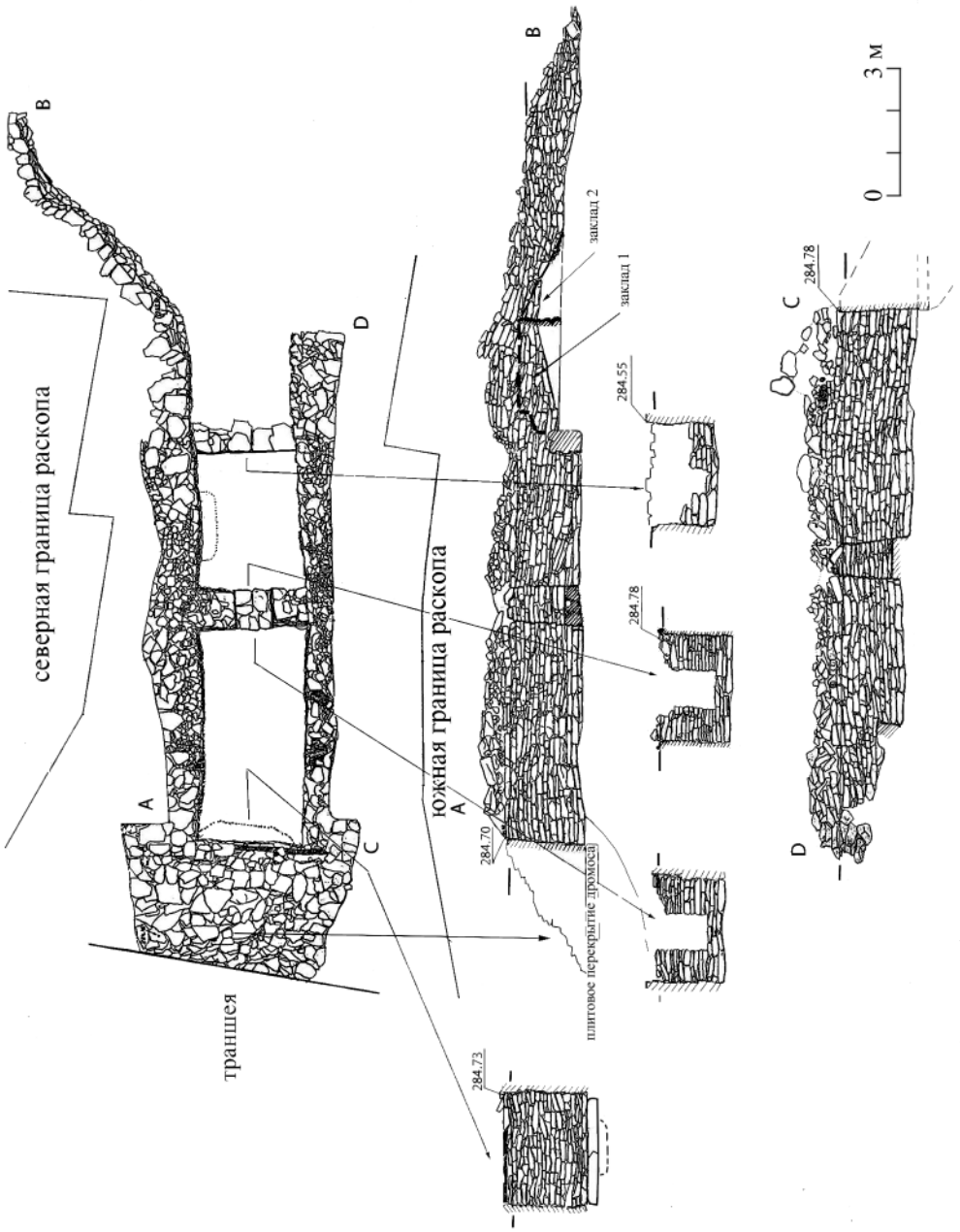
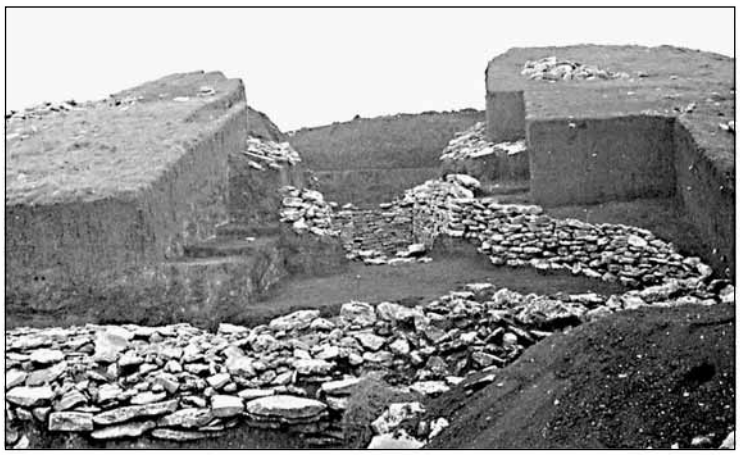
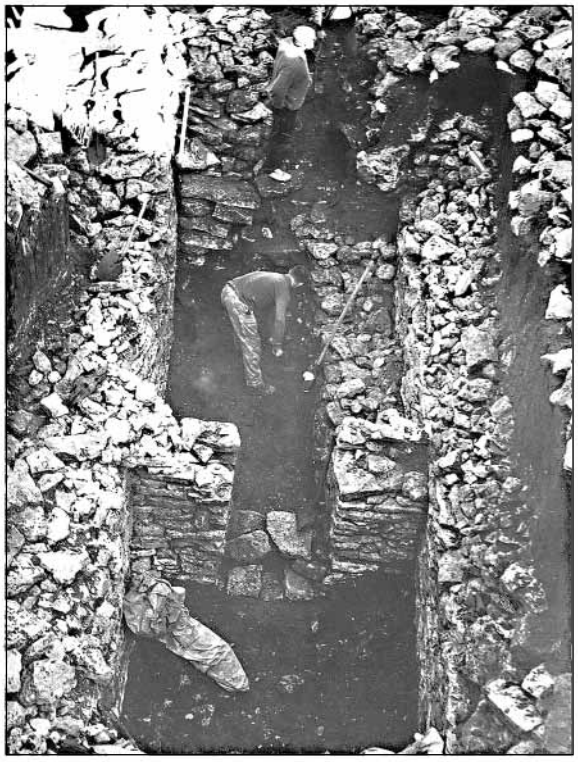

Рис. 13. План и фасировки стен каменного двухкамерного склепа из восточной части кургана.

1

2

Рис. 14.

1 – вид с востока на крепиду, привходовую площадку и двухкамерный склеп, каменные заклады входа разобраны;
2 – рабочий момент, расчистка камер склепа, вид сверху с западной стороны кургана.

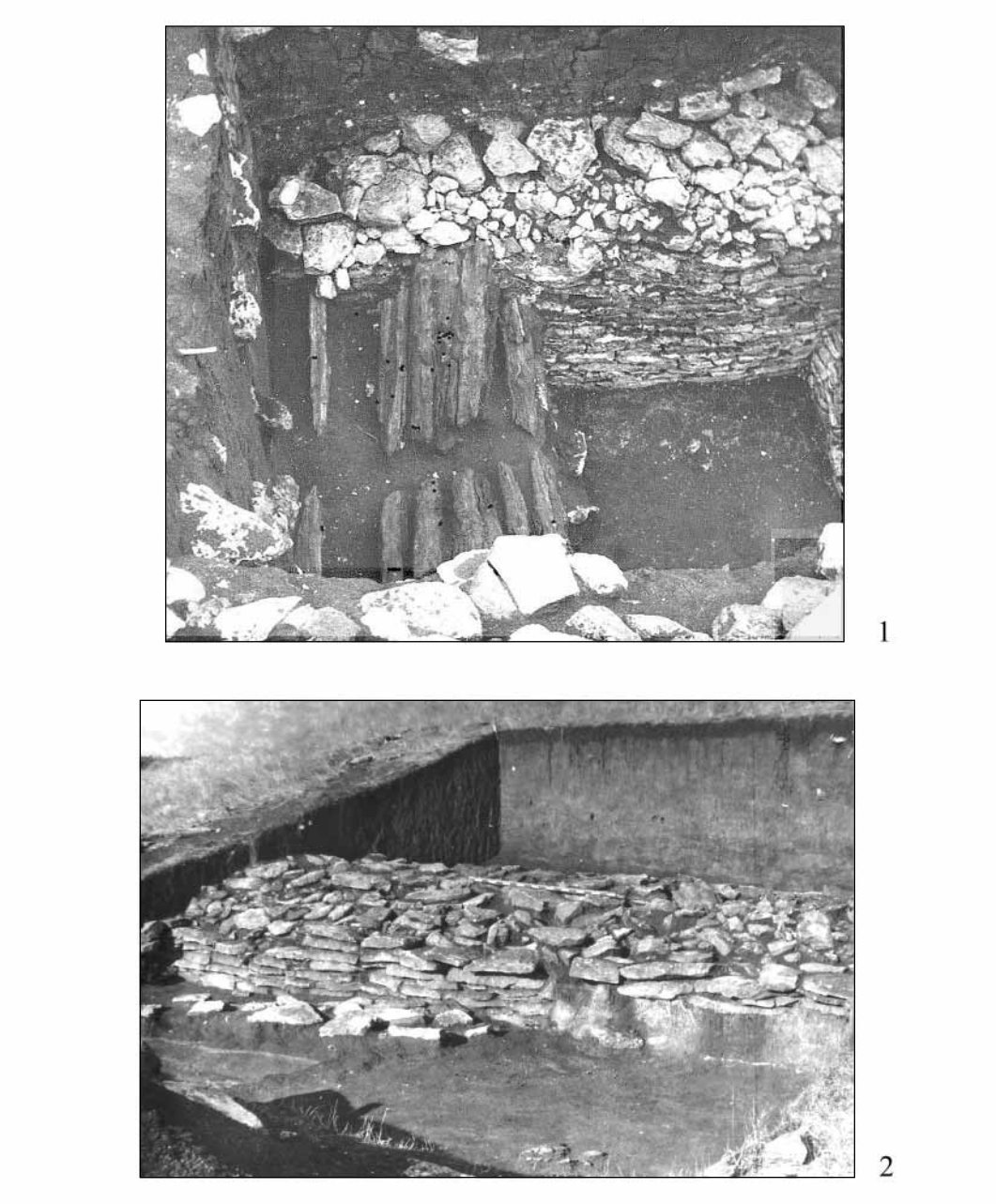

Рис. 15.

1 – остатки бревенчатого перекрытия над камерой Б каменного склепа;
2 – участок крепиды с восточной стороны кургана.

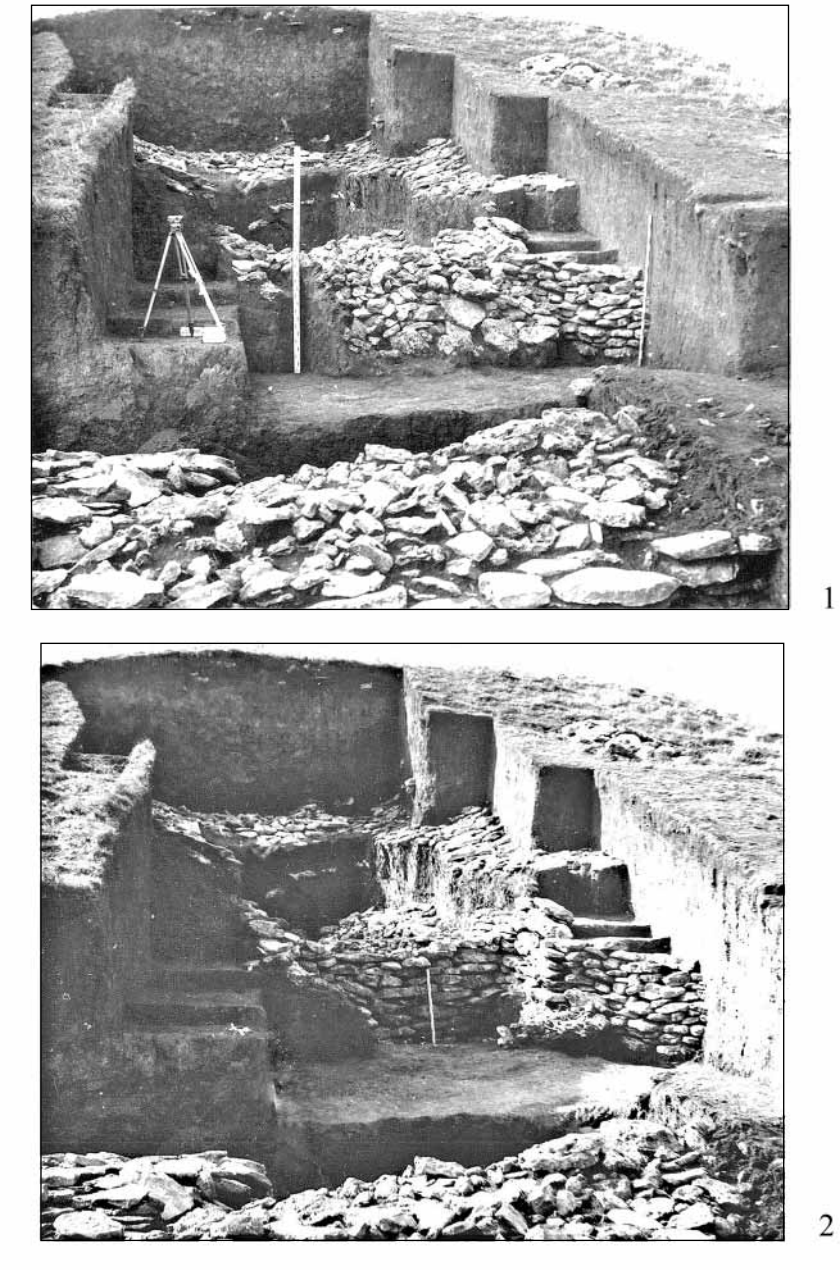

Рис. 16.

1 – заклад 2 перед входом в каменный склеп, вид с востока;
2 – заклад 1 перед входом в каменный склеп, вид с востока.

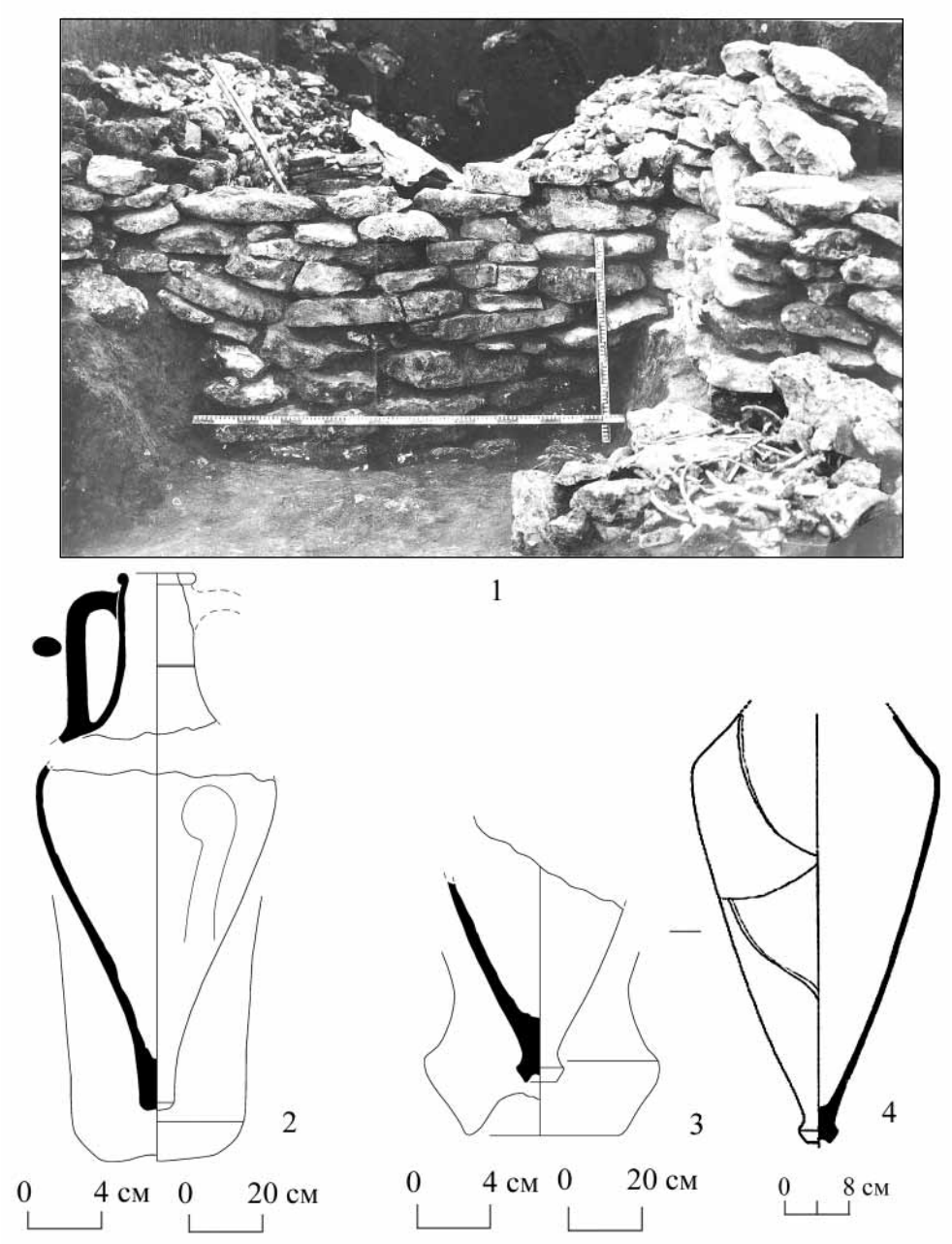

Рис. 17.

1 – кости лошади перед закладом 1 у северной стены площадки перед входом в склеп, перекрытые камнями второго заклада; 2 – синопская амфора из тризны перед склепом; 3 – нижняя часть амфоры Икоса с поверхности второго заклада; 4 – та же амфора, но в камеральной зарисовке 1996 г.
2-3 – чертежи С.Ю. Монахова.

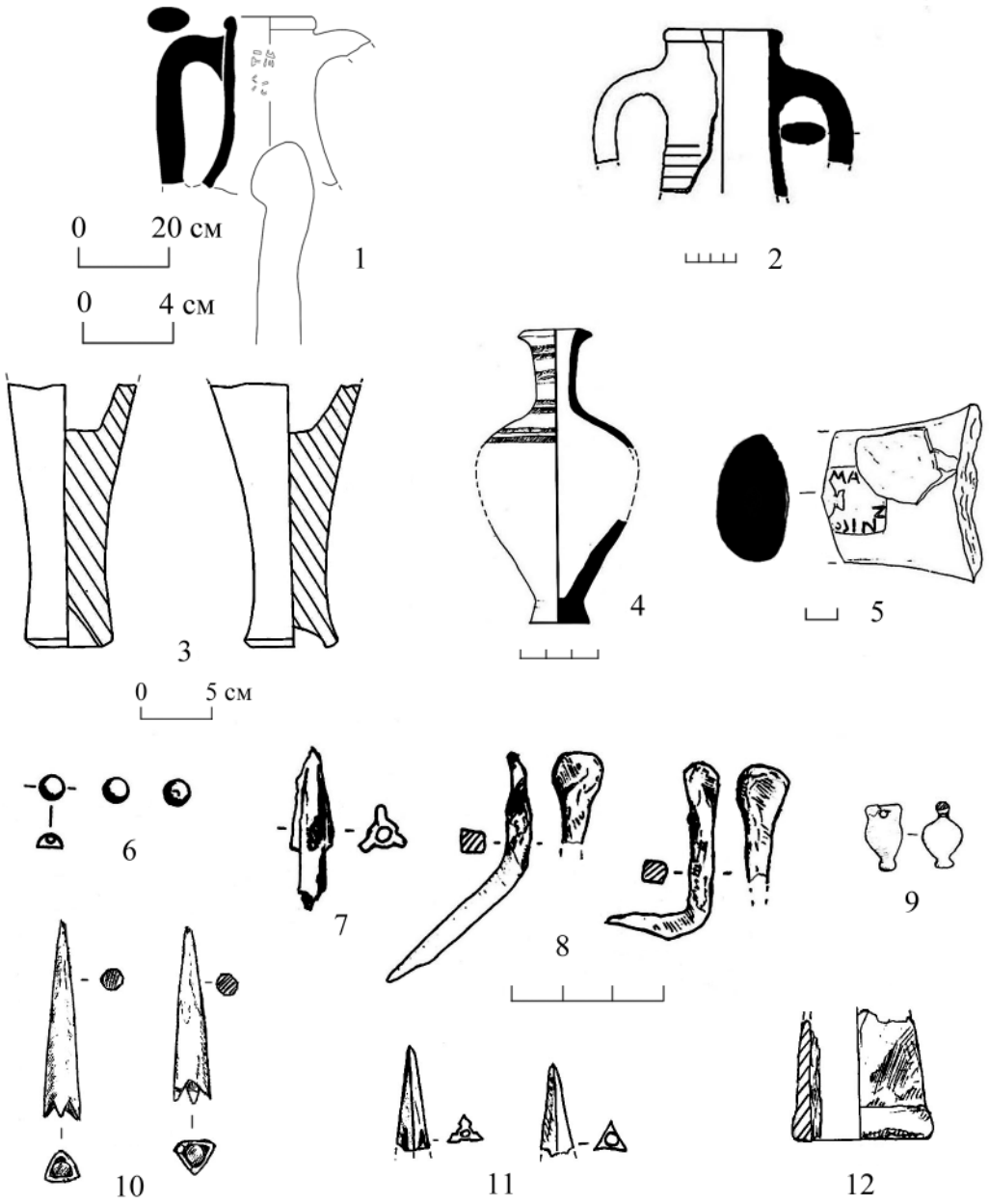

Рис. 18. Находки из погребальной камеры склепа:

1– горло гераклейской амфоры с клеймом магистрата Евксена, чертеж С.Ю. Монахова; 2 – горло коричневоглиняной амфоры; 3 – ножки двух гераклейских амфор; 4 – гончарный флакон; 5 – обломок фасосской амфоры с клеймом Сималиона и Никия; 6 – пуговицы из желтого металла; 7 – железный наконечник стрелы; 8 – железные гвозди; 9 – подвеска из прозрачного белого стекла; 10 – костяные наконечники стрел; 11 – бронзовые наконечники стрел; 12 – обломок втулки железного копья.

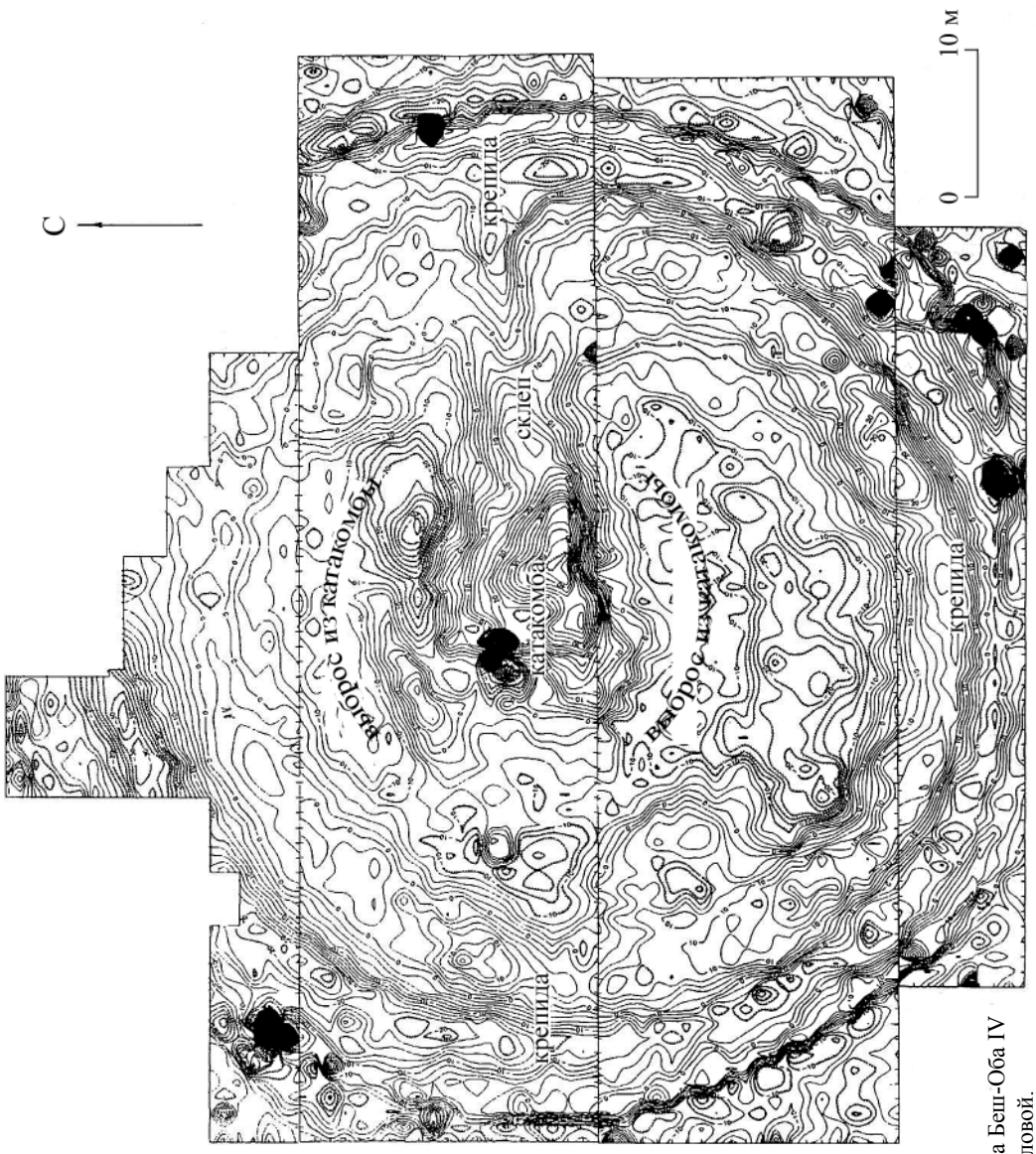

Рис. 19.
Магнитокарта кургана Беш-Оба IV
по Т.Н. Смекаловой.

А.М. КОРЖЕНКОВ, А.С. ЛАРЬКОВ, А.Н. ОВСЮЧЕНКО, В.Н. ЗИНЬКО
A.M. KORZHENKOV, A.S. LAR'KOV, A.N. OVSYUCHENKO, V.N. ZIN'KO

СЛЕДЫ СИЛЬНЫХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ НА ДРЕВНЕМ ГОРОДИЩЕ ТИРИТАКА В ВОСТОЧНОМ КРЫМУ[1]

TRACES OF STRONG EARTHQUAKES ON ANCIENT CITY TYRITAKE IN EASTERN CRIMEA

Сильные землетрясения происходят время от времени на территории земного шара. Случаются они и в Крыму. Свидетельством этому являются два сравнительно сильных землетрясения 1927 г., эпицентры которых располагались к югу от Ялты. Южный Горный Крым – это продолжение к западу горной системы Кавказа. Названное горное сооружение возникло вследствие столкновения Арабской и Евроазиатской литосферных плит. Эта зона коллизии – часть знаменитого Альпийско-Гималайского складчатого пояса, который на своем протяжении характеризуется сильнейшими землетрясениями с $M \geq 8$ и максимальной интенсивностью сейсмических колебаний до Io=11-12 баллов.

Память людей коротка. Они уже не помнят, что было два-три поколения назад, а уж что было три сотни лет назад, и подавно никто не помнит. Поэтому большинство крымчан не очень беспокоится о землетрясениях. Однако еще в 1980-х годах прошлого века руководство Республики Крым отказалось от строительства атомной станции на территории Керченского полуострова, основываясь на данных изучения исторической археo- и палеосейсмичности. Специалисты-сейсмологи говорили тогда о возможных сильных землетрясениях сейсмической интенсивностью до 10 баллов. Ученые правильно говорили: они, в частности, видели серьезнейшие повреждения и разрушения в древних археологических памятниках, относящихся к классическому времени и средневековью. Изучением этих деформаций занимается наука археосейсмология. Эта наука, оформившаяся в 1980–90-х годах прошлого века, успешно влилась в комплекс других дисциплин, изучающих древние землетрясения. Поэтому строители атомных станций и других важнейших инженерных сооружений (например Керченского моста) очень серьезно относятся к данным археосейсмологов. Так, например, при возведении атомных станций, при оценке сейсмической опасности площадки ее строительства, требуются данные по режиму сильных землетрясений за последние 10 000 лет!

К сожалению, науке археосейсмологии не обучают археологов ни в вузах, ни на полевых практиках. В связи с этим археологи подчас не видят сейсмических деформаций в раскапываемых ими археологических памятниках. Археологи (в том

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ (гранты № РФФИ 18-05-01004 и 18-35-00521).

числе и маститые) продолжают утверждать, что причиной оставления древними людьми их городов и сел являлись военные нашествия, эпидемии и политические обстоятельства.

Археосейсмологи выявляют сейсмогенные повреждения и разрушения в археологических памятниках не благодаря своей развитой фантазии. Они учатся в эпицентральных зонах современных сильных землетрясений. Археосейсмологи исследуют, как ведут себя современные постройки при сейсмических событиях, для которых известны сила землетрясения и его эпицентральная область. Свои знания об особенностях сейсмогенных деформаций ученые переносят на древние постройки, которые являются как бы окаменевшими сейсмоскопами.

Некоторые авторы данной работы успешно применяли свои знания о современных сильных землетрясениях в их археосейсмологической работе на Ближнем Востоке и в Средней Азии, в Германии, на Кавказе и в Крыму. В Крыму нами были проведены работы на многих археологических памятниках Керченского полуострова, а также Горного Крыма [Белик и др., 2016; Корженков и др., 2016, 2018; Масленников и др., 2017; Овсюченко и др., 2017; Моисеев и др., 2018; Соколова и др., 2017; Хапаев и др., 2016; Molev et al., 2018 и др.]. В последние годы изучались деформации остатков строительных конструкций и в древней Тиритаке.

Историко-археологический очерк

Боспорский город Тиритака располагался на довольно высокой обрывистой со стороны моря прибрежной террасе, плавно понижающейся к югу и юго-западу, и имеет форму неправильного четырехугольника, острым углом обращенного к югу (рис. 1). Со стороны степей город прикрывала в античную эпоху небольшая речка, впадавшая в морской залив, а с севера он был отрезан от остальной террасы глубоким оврагом. Выбор места для поселения на высоком западном берегу Боспора Киммерийского (современный Керченский пролив) с естественными рубежами защиты как нельзя лучше соответствовал древнегреческой колонизационной практике. Общая площадь города составляет около 10 га, которая застраивалась в несколько этапов. На основании археологических исследований, проведенных за 80 лет на 29 участках (раскопах) общей площадью около 10000 кв.м (рис. 2), можно в общих чертах реконструировать историю становления, развития и угасания этого города с VI в. до н.э. до VII в. н.э.

На основании исследований последних лет в центральной части верхнего плато боспорского города Тиритака исследователи внесли существенные коррективы в процесс основания и становления этой древнегреческой апойкии. Судя по материалам, вывод колонии в эту часть побережья Боспора Киммерийского состоялся не ранее 565–560 гг. до н.э. На протяжении *1-го этапа* (вторая треть VI в. до н.э.) жизни на поселении колонисты обитали в небольших непритязательных заглубленных в материк постройках. В последней трети VI в. до н.э. начинается *2-й этап* (последняя треть VI – первая четверть V вв. до н.э.) застройки – возведение наземных

сырцово-каменных зданий. Судя по результатам раскопок, ранние постройки единовременно засыпаются и на их месте возводятся дома. Эти постройки возводились вплотную друг к другу и образовывали небольшие кварталы (рис. 3). В планировочном отношении среди них выделяются дома типичной схемы с одно-, двух- и трехсторонним расположением крытых помещений вокруг внутреннего двора. Закладываются основные градостроительные оси города, которые будут соблюдаться вплоть до ранневизантийского времени. Площадь города на 2-м этапе составляла не менее 4-5 га. Причем особо следует отметить, что часть ранних построек на западной окраине города оказалась за пределами первой крепостной стены, сооружение которой следует датировать концом VI – началом V вв. до н.э. Древнейшая крепостная стена Тиритаки, открытая в западной части города (раскоп XXVII), имеет толщину 1,7–2 м. В застройке города 2-го этапа выделяется несколько строительных периодов, из которых в последний (конец VI – первая четверть V вв. до н.э.) происходит несколько чередующихся пожаров. Судя по результатам раскопок 2007–2018 гг., дома в центральной и западной частях города были сожжены в результате боевых действий на рубеже первой–второй четверти V в. до н.э. [Зинько В.Н., 2014, с. 313].

Постройки второй половины V – IV вв. до н.э. на городище не сохранились. В начале III в. до н.э. в северной части города строится новая крепостная стена с квадратными башнями. Первые исследования здесь были проведены В.Ф. Гайдукевичем в 1948–1950 гг. [Гайдукевич, 1958, с. 151–157]. Тогда на участке XIX–XX были выявлены северо-западная угловая башня городских укреплений и примыкающие к ней с севера и запада небольшие фрагменты крепостных стен. От угловой северо-западной башни в направлении восток–юго-восток к высокому обрывистому краю приморской террасы шла северная крепостная стена (рис. 2). Она прикрывала территорию города с наиболее уязвимой северной стороны. Как пишет В.Ф. Гайдукевич, северная оборонительная стена по своей конструкции совершенно тождественна южной городской стене, открытой Ю.Ю. Марти в 1932 г. [Марти, 1941, с. 13-14]. Она состоит из основного массива стены II шириною 2,30 м, к которому снаружи пристроен облицовочный панцирь I шириною 1,35 м, покоящийся на невысоком бутовом фундаменте, немного выступающем из-под облицовочной кладки. Основной массив стены II облицован плитами иррегулярного характера, подтесанными с лицевой стороны, внутренняя кладка состоит из бута на глине. Но зато облицовочный панцирь I состоит из крупных блоков известняка, тщательно обработанных, наружная грань каждого блока снабжена рустом.

В 1951–1952 гг. В.Ф. Гайдукевич провел исследования на участке XXI, где на площади около 300 кв. м был открыт северо-восточный отрезок северной крепостной стены с промежуточной башней. В плане башня имеет форму прямоугольника, вытянутого с юго-запада на северо-восток. Впоследствии в 1974 г. с восточной стороны участка XX исследования проводил сотрудник Керченского музея Д.С. Кирилин. На раскопе XXII им были выявлены большие участки оборонительных стен, явля-

ющихся продолжением стен, открытых В.Ф. Гайдукевичем в 1949–1952 гг. Длина сохранившейся северной крепостной стены с рустованным панцирем составила 15,2 м, а с башней – 17,4 м.

Начавшиеся в 2008 г. исследования северной крепостной стены города (участки XXVIII–XXIX), включившие и раскоп XXI В.Ф. Гайдукевича, открыли не только новые участки северной крепостной стены, но и впервые позволили выйти на восточный край городища [Зинько, 2015, с. 107–108]. К сожалению, здесь была выявлена лишь подпорная стена, возведенная помещиком Оливой в конце XIX в. Все это подтверждает предположение В.Н. Зинько о том, что в результате абразии восточного края приморской террасы утрачен восточный край городища, на котором также, вероятно, располагалась крепостная стена. Возведенная в начале III в. до н.э. на северной окраине боспорского города Тиритака новая линия городских укреплений имела несколько квадратных башен. На сегодняшний день исследовано две из них: угловая северо-западная и промежуточная восточная. Вероятно, было еще несколько промежуточных и угловая северо-восточная башня, которая безвозвратно утрачена в результате абразии высокого восточного края приморской террасы, на которой располагался город.

В I в. н.э. с внешней стороны эллинистической крепостной стены была пристроена еще одна стена толщиной 1,55–1,60 м. В результате сооружения внешнего панциря толщина городских крепостных стен Тиритаки в I в. н.э. достигла 4,10 – 4,25 м. Причем на наиболее опасных участках (припортовая часть нижнего города, северная часть верхнего города) крепостные стены одеваются в мощный панцирь из рустованных блоков. В таком виде крепостные сооружения просуществовали до разрушения Тиритаки в 576 г. н.э.

Сейсмические деформации на археологическом памятнике Тиритака

Изучение последствий современных сильных землетрясений показало, что стены построек, расположенные перпендикулярно к распространению максимальных сейсмических колебаний, обычно наклоняются, выдвигаются или обрушиваются в сторону эпицентральной области землетрясения. Стены же, расположенные параллельно сейсмическим толчкам, тоже деформируются, но в меньшей степени и другим образом.

Систематические деформации удалось наблюдать авторам и в древнем боспорском городе Тиритаке. Так, например, городская стена (северный раскоп № XXVIII) в своем западном окончании наклонилась к югу под углом 75–78° (рис. 4). Азимут простирания стены 110–115°, ее наклон по азимуту 200–205°, строительная конструкция сохранилась на высоте до 1,7 м. Это новая (недавняя) часть раскопа. Сама крепостная стена возведена в начале III в. до н.э.

Нижняя – каменная часть городской стены венчалась верхней, построенной из глиняного кирпича. Эта глиняная часть обрушилась к югу. В стенке раскопа в 2016 г. были видны два эпизода обрушения, разделенные зольниками.

Кроме значительного наклона стены в раскопе XXVIII (близ боевой калитки), в ней образовалась «рогатая» сквозная трещина через три каменных блока («рогаткой» вверх, как это видно на рис. 5. Подобные трещины формируются лишь при значительном динамическом воздействии: воздействие тарана, взрыв, сейсмические колебания. Вряд ли кем-то использовался таран с внутренней (городской) части стены. Возможные взрывы снарядом и авиационных бомб также не могли произвести описываемую деформацию: стена со всех сторон была защищена накопившимся грунтом, так что бои Великой Отечественной войны не могли оставить свои следы.

Рядом имеются и другие сквозные трещины через два блока. Кроме трещин, здесь также наблюдаются выдвижения каменных блоков наружу (к югу) на 1,5 см, приведшие к образованию открытых зияний в стене. В полу калитки имеется канализационный лоток, на него выдвинулся и слегка развернулся вертикальный ряд каменной кладки.

Выдвижение нижнего ряда каменных блоков южного фаса городской стены к югу имеется и в центральной части раскопа XXVIII (рис. 6). Её простирание – 110°. Высота выдвинувшегося блока – 1-2 каменных блока (максимум 40 см). Строительная конструкция выдвинулась на юг на 25 см. В связи с выдвижением между каменными блоками появилось открытое пространство – зияние. Выдвинутые блоки также наклонились к югу под углом 75°.

Городская стена Тиритаки и поддерживающая ее крепида деформированы на всем своем протяжении. Так в самой восточной части раскопа XXVIII часть крепиды городской стены в верхней своей части повернулась по часовой стрелке, такие же систематические развороты имеют и 4 отдельных камня. Общее простирание непотревоженной части стены-контрфорса 110°, повернутой – 120°. Отдельные камни развернулись на 20°, 16°, 12°, 24°. Возможно, что и сама городская стена слегка развернулась в том же направлении.

В параллельной к городской (к югу) стене имеется поворот всей стены по часовой стрелке на 5°. Азимут простирания непотревоженной стены 115°, повернутой – 120°.

Значительные наклоны вкопанных (изначально вертикальных) плит канализационного (?) водотока были отмечены нами в восточной части раскопа XXIX (рис. 7). Их общий азимут простирания 25°, плиты наклонились на восток под углами 75°, 55°, 55°, 55°, 50°, 80°, 75°, 77°.

Необычными повреждениями современных и древних зданий являются систематические повороты строительных конструкций в стенах одинаковых простираний. Подобные деформации были изучены нами в районе СЗ башни города. От нее на ЮВ простираются две параллельные друг другу стены, разделенные двумя цистернами для виноградного сусла. Обе эти стены имеют одинаковые развороты своих частей в средней части конструкций (рис. 8). Эти деформации находятся друг напротив друга (рис. 9), что, конечно же, не случайно.

В средней части северной стены имеется выдвижение ее значительного фрагмента на юг до 30 см. Ширина стены в точке наблюдения 1,1 м. Высота выдвинутой

части 50 см. Видно, что над выдвинутым фрагментом каменная кладка имеет более поздний возраст. Вверх по стене величина выдвижения уменьшается. Похоже, что верхняя часть выдвинутого фрагмента стены была разобрана или она обрушилась во время сейсмического события. Общий азимут простирания северной стены – 110°, в то время как азимут простирания повернутого фрагмента – 105°.

Аналогичное выдвижение к югу видно и на южной стене в средней части каменной кладки и поворот против часовой стрелки верхней части стены. Длина фрагмента до 3 м. Внизу осталась непотревоженная часть стены на высоту в 1-2 ряда каменной кладки. Простирание непотревоженной части стены – 110°, повернутого фрагмента – 105°. Высота повернутого фрагмента – 2,5 м. Весь повернутый фрагмент немного наклонился на север под углом 80–85°. Наибольший наклон отмечен нами в нижней части повернутого фрагмента. Таким образом, к описанным деформациям привели колебания верхних частей стен, закрепленных между анкерами: засолочными ваннами, лестницей и перпендикулярной стеной. Направление этих колебаний было под углом к субмеридиональным стенам – по оси ЮЗ-СВ. Стены в нижней части IV–III вв. до н.э., верхние ряды I–II вв. н.э.

К юго-западу от восточного рыбозасолочного комплекса, упомянутого выше, находится площадь, покрытая квадратными плитами, и колодец в её юго-восточном углу. Все плиты сильно деформированы: подняты, опущены, наклонены. Края этих плит занимают в настоящее время различное высотное положение друг относительно друга. В центре площади имеется «горб» – общее вертикальное впучивание участка, покрытого несколькими плитами. Колодец, о котором мы упоминали ранее, вероятно, был построен для сбора дождевой воды с этой площади и окружающих строений. Однако из-за деформации плит дождевая вода со всей площади не потечет в колодец, как это первоначально планировалось. В настоящее время имеется общий современный наклон всей площади к юго-востоку.

Засолочные ванны имеются и в южном раскопе Тиритаки. Хотя, на первый взгляд, они имеют хорошую сохранность, странным является наличие дополнительных стен-крепид у юго-восточной общей стены засолочных ванн. Перпендикулярные же стены этих ванн имеют протяженные межблоковые трещины на всю оставшуюся высоту стенок (рис. 10). Эти трещины субвертикальные в своей верхней части и наклоняются к СЗ внизу.

Информативным для определения направления распространения максимальных сейсмических колебаний является сплющивание устьев колодцев или вкопанных пифосов. Так, устье одного из вкопанных пифосов в восточной части раскопа № 21 было сплющено по ЮЮВ-ССЗ оси по азимуту 150°.

Структурное положение очагов землетрясений

Для локации очагов землетрясений по археосейсмологическим данным необходима надежная сейсмотектоническая основа. Наиболее надежны инструментальные сейсмологические данные о землетрясениях. Период инструментальных наблюде-

ний современного уровня, опирающихся на достаточно чувствительную сеть сейсмических станций, начался в конце 1960-х – начале 1970-х годов. За истекшее время во всем Керченско-Таманском регионе было зарегистрировано лишь несколько слабых сейсмических толчков [Пустовитенко и др., 1989; ЕГС РАН – http://www.ceme.gsras.ru]. Сведения о сильных землетрясениях здесь отсутствуют и для предыдущих 150 лет. Сейсмическое затишье, продолжающееся до сих пор, дало основание для начала строительства АЭС. Позже, в конце 1980-х годов, в районе Крымской АЭС были выявлены общепризнанные геологические и археологические свидетельства катастрофических землетрясений относительно недалекого прошлого, не учтенные при первоначальном проектировании станции [Геология.., 1992]. Этот пример наглядно показывал, что использование лишь одних инструментальных сейсмологических данных может привести к серьезным ошибкам. Для регионов с ограниченной сейсмостатистикой главным источником информации о положении очаговых зон сильных землетрясений остаются палеосейсмогеологические данные. Палеосейсмогеологический подход основан на том, что сильнейшие землетрясения далекого, часто доисторического прошлого оставляют на поверхности геологические следы – палеосейсмодислокации [Флоренсов, 1960; Солоненко, 1962].

По мере детализации полевых палеосейсмогеологических, геофизических и неотектонических исследований, начатых при участии авторов в 2014 г. [Овсюченко и др., 2015; 2017; Рогожин и др., 2015], все более явственно проступает основная особенность Керченско-Таманского региона, которая заключается в обусловленности морфологии современных побережий зонами крупных активных разломов или складчато-разрывных зон, которые и представляют собой наиболее надежную сейсмотектоническую основу (рис. 11). Выяснено, что с зонами этих разломов связаны очаги сильных землетрясений, происходивших на протяжении последних 3 тысяч лет, нами и другими исследователями были собраны многочисленные свидетельства сейсмических разрушений древности на археологических памятниках самых разных эпох [Блаватский, 1977; Никонов, 2000; Винокуров, Никонов, 2004; Борисенко и др., 1999; Винокуров и др., 2015; Белик и др., 2016; Корженков и др., 2016; 2018; Масленников и др., 2017; Соколова и др., 2017; Толстиков, 1999; Molev et al, 2018 и др.].

Выводы

Нам удалось выявить ряд систематических сейсмических деформаций в стенах древней Тиритаки: наклоны, обрушения и выдвижения стен, а также их развороты. В стенах были выявлены протяженные межблоковые и сквозные трещины, деформации плит вымостки, сплющенные устья вкопанных пифосов, а также следы последующих ремонтов – стены-крепиды (стены-контрфорсы).

По всей видимости, в строительных конструкциях Тиритаки имеются следы сильных древних землетрясений. Возраст первого сейсмического события – середина или конец III в. до н.э. Свидетельством чему является наклон городской стены,

построенной в начале III в. до. н.э., а также разрушения стен близ СЗ башни, построенных в IV–III вв. до н.э. Сейсмические колебания распространялись с юга. Судя по степени повреждений и разрушений в древнем городе, сила сейсмических воздействий была не менее I > 9 баллов.

Втрое сейсмическое событие оставило свои следы, в частности, в субширотных надстроенных фрагментах стен близ СЗ городской башни. Они были отремонтированы во II-I вв. до н.э. Верхние фрагменты стен систематически разворачивались против часовой стрелки. Таким образом, сейсмические колебания распространялись под углом к простиранию этих стен (110°), скорее всего с востока или ЮВ. Судя по степени повреждений и разрушений в Тиритаке, сила сейсмических воздействий также была не менее I > 9 баллов. Скорее всего, это было знаменитое землетрясение 63 г. до н.э.

Таким образом, в изучении истории и материальной культуры Припонтийского региона в период античности и средневековья важнейшее значение имеют происходившие сейсмические катастрофы, на следы которых следует обращать внимание при археологических исследованиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Белик Ю.Л., Корженков А.М., Куликов А.В., Ларьков А.С., Мараханов А.Н., Овсюченко А.Н., Рогожин Е.А. Сейсмогенные деформации в стенах позднесредневековой крепости Ени-Кале в Восточном Крыму. // Вопросы инженерной сейсмологии. – 2016. Т. 43, № 2. – С. 17–35.

Блаватский В.Д. Землетрясение 63 г. до н.э. на Керченском полуострове. // Природа. – 1977. № 8. – С. 56–57.

Борисенко Л.С., Пустовойтенко Б.Г., Дублянский В.Н., Вахрушев Б.А., Клюкин А.А., Ена А.В., Китин М.А. Сейсмодислокации и палеосейсмичность Крыма. // Сейсмологический бюллетень Украины за 1997 год. – Симферополь, 1999. – С. 101–132.

Винокуров Н.И., Никонов А.А. Тотальные разрушения второй половины III в. н.э. на Боспоре как хронологический репер // Боспорский феномен. Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. – С. 95–103.

Винокуров Н.И., Корженков А.М., Родкин М.В. К оценке сейсмической опасности района Керченского пролива по данным археосейсмологии // Вопросы инженерной сейсмологии. 2015. – Т. 42. – № 2. – С. 51–66.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946-1952 гг. //МИА. – № 85. – М.,1958.

Зинько В.Н. Тиритака. Раскоп XXVI. – Том II. – Комплексы VI–V вв. до н.э. – Симферополь-Керчь, 2014. – 596 с.

Зинько В.Н. Крепостные сооружения боспорского города Тиритака //БИ. – Вып. XXXI. – Керчь, 2015. – С. 100–109.

Геология и геодинамика района Крымской АЭС. / Отв. ред. Н.М. Гавриленко, А.В. Чекунов. – Киев: Наукова думка, 1992. – 188 с.

Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С. Сейсмические деформации в древнем городе Илурате. // Природа. – 2016. – № 10. – С. 30-38.

Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. Сударев Н.И. Следы сильных землетрясений на Михайловском городище (Керченский полуостров, Крым). // Древности Боспора. – 2018. – № 22. – С. 115–132.

Марти Ю. Ю. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн //МИА. – 1941. – Вып. № 4.

Масленников А.А., Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Следы сильных землетрясений на городище Полянка и Южно-Азовский активный разлом. // Древности Боспора. – Т. 21. – 2017. – С. 265–294.

Моисеев Д.А., Корженков А.М., Овсюченко А.Н. Следы сейсмогенных разрушений черепичной печи средневекового гончарного центра в балке руч. Суаткан (Бахчисарайский район, Крым). // Геофизические процессы и биосфера. – 2018. – Т. 17. № 2. – С. 23–47.

Никонов А.А. Сейсмический потенциал Крымского региона: Сравнение региональных карт и параметров выявленных событий. // Физика Земли. 2000. – № 7. – С. 53–62.

Овсюченко А.Н., Шварев С.В., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Следы сильных землетрясений Керченско-Таманского региона по геологическим данным. // Вопросы инженерной сейсмологии. – 2015. – Т. 42, № 3. – С. 33–54.

Овсюченко А.Н., Корженков А.М., Ларьков А.С., Мараханов А.В., Рогожин Е.А. Новые сведения об очагах сильных землетрясений в районе Керченского полуострова. // Доклады АН. – 2017. – Т. 472, № 1. – С. 89–92.

Пустовитенко Б.Г., Кульчицкий В.Е., Горячун А.В. Землетрясения Крымско-Черноморского региона. – Киев: Наукова думка, 1989. – 190 с.

Рогожин Е.А., Горбатиков А.В., Овсюченко А.Н. Активные разломы и глубинное строение зоны Керченского пролива // Геология и геофизика Юга России. – 2015. – № 1. – С. 63–66.

Соколова О.Ю., Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Переплетение торгово-экономического и природного факторов в судьбе античного города Нимфей. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути-товары-отношения. XVII Боспорские чтения. Керчь, 2017. – С. 506–516.

Солоненко В.П. Определение эпицентральных зон землетрясений по геологическим признакам // Изв. АН СССР, Сер. геол. – 1962. – № 11. – С. 58–74.

Толстиков В.П. К проблеме землетрясения III в. до н.э. на Боспоре (по материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: новые исследования, материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. – СПб.: 1999. – С. 72–75.

Флоренсов Н.А. О неотектонике и сейсмичности Монголо-Байкальской горной области. // Геология и геофизика. – 1960. – № 1. – С. 74–90.

Хапаев В.В., Корженков А.М., Овсюченко А.Н., Ларьков А.С., Мараханов А.В. Археосейсмологические исследования в древнем городе Херсонесе (Севастополь, Крым). // Геология и геофизика Юга России. – 2016. – № 3. – С. 119–128.

Molev E.A., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S. Potential traces of earthquakes in the ancient city of Kytaia, Kerch Peninsula, Crimea. // Geodesy and Geodynamics. – 2018. – № 9. – https://doi.org/10.1016/j.geog.2018.03.006

REFERENCES

Belik Yu.L., Korzhenkov, A.M., Kulikov A.V., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V., Ovsyuchenko A.N., Rogozhin E.A. Seismogenic deformations in walls of the Eni-Kale Late-Medieval fortress in the eastern Crimea // Problems if Engineering Seismology. – 2016. Vol. 43, No. 2. – P. 17–35.

Blavatskii V.D. Earthquake of 63 year BC in Kerch' Peninsula // Nature/ - 1977, No. 8 – P. 56–57.

Borisenko L.S., Pustovoytenko B.G., Dublyanskii V.N., Vakhrushev B.A., Klyukin A.A., Ena A.V., Kitin M.A. Seismic deformations and paleoseismicity of the Crimea // Seismological Bulletin of Ukraine for 1997. – Simferopol', 1999. – P. 101–132.

Florensov N.A. On Neotectonics a seismicity of the Mongol-Baykal mountain area // Geology and Geophysics. – 1960. – No. 1. – P. 74–90.

Haydukevich V.F. Excavations of Tiritaka and Mirmekii in 1946-1952 // MIA. – No. 85. – Moscow, 1958.

Geology and Geodynamics of Crimean AES / Eds. – N.M. Gavrilenko, A.V. Chekunov. – Kiev, Naukova Dumka Press, 1992. – 188 p.

Khapaev V.V., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V. Archeoseismological investigations in Khersones ancient city (Sevastopol', Crimea) // Geology and Geophysics of South of Russia. – 2016. – No. 3. – P. 119–128.

Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Lar'kov A.S. Seismic deformations in Ilurat ancient city // Nature. – 2016. – No. 10. – P. 30–38.

Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V., E.A. Rogozhin, N.I. Rogozhin, Sudarev N.I. Traces of the strong earthquakes in Mikhaylovka hillfort (Kerch' Peninsula, Crimea) // Bosporus Antiquities. – 2018. – No. 22. – P. 115–132.

Marti Yu.Yu. City fort walls of Tiritaka and adjacent complex of fish oil bathes // MIA. – 1941. – Issue 4.

Maslennikov A.A., Ovsyuchenko A.N., Korzhenkov A.M., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V. Traces of the strong earthquakes in Polyanka hillfort and southern Azov active fault // Bosporus Antiquities. – Vol. 21. – 2017. – P. 265–294.

Moiseev D.A., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N. Traces of the seismogenic destructions of tile fair-place of medieval ceramic center in Suatkan spring valley (Bachchisaray region, Crimea) // Geophysical processes and Biosphere. – 2018. – Vol. 17. No. 2. – P. 23–47.

Molev E.A., Korzhenkov A.M., Ovsyuchenko A.N., Larkov A.S. Potential traces of earthquakes in the ancient city of Kytaia, Kerch Peninsula, Crimea. // Geodesy and Geodynamics. – 2018. – № 9. – https://doi.org/10.1016/j.geog.2018.03.006

Nikonov A.A. Seismic potential of Crimean region. Comparison of regional maps and parameters of the revealed events // Physics of the Earth. 2000. – No. 7. – 53–62. (in Russian).

Ovsyuchenko A.N., Shvarev S.V., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V. Traces of the strong earthquakes in the Kerch'-Taman' region according to geological data // Problems of Engineering Seismology. – 2015. – Vol. 42, No. 3. – P. 33–54.

Ovsyuchenko A.N., Korzhenkov A.M., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V., Rogozhin E.A. New data on strong earthquakes sources in Kerch' Peninsula region // Transactions of Russian Academy of Sciences. – 2017. – Vol. 472, No. 1. – P. 89–92.

Pustovitenko B.G., Kul'cnutskii V.E., Goryachun A.V. Earthquakes of Crimean - Black Sea Region. – Kiev: Naukova Dumka Press, 1989. – 190 p.

Rogozhin E.A., Gorbatikov A.V., Ovsyuchenko A.N. Active faults and deep structure of the Kerch' straight zone // Geology and Geophysics of South of Russia. – 2015. – No. 1. – P. 63–66.

Sokolova O.Yu., Korzhenkov A.M., Obsyuchenko A.N., Lar'kov A.S., Marakhanov A.V. Interlacing of trade-economical and natural factors in a destiny of Nimphey ancient town // Kimmeric Bosporus and Barbaric World in Antiquity Period and Medieval Time. Trade: Trails-Goods-Relations. XVII Bosporus Readings. Kerch', 2017. – P. 506–516.

Solonenko V.P. Location of the earthquakes epicenters zones by geological signs // Proceedings of Academy of Sciences of USSR, Geological Series. – 1962. – No. 11. – P. 58–74.

Tolstikov V.P. To a problem of an earthquake of III century BC in Bosporus (according to excavation data in Pantikopey and Nimphey) // Bosporus Nimphey City: New Investigations and Materials and Problems of a Study of the Antic Cities of Northern Black Sea Region. – Saint Petersburg: 1999. – P. 72–75.

Vinokurov N.I., Nikonov A.A. Total destructions of seconf half of III century AD in Bosporus as chronological benchmark // Bosporus Phenomenon. Problems of Chronology and Monuments Dating. Part 1. – Saint Petersburg: Hermitage Press, 2004. – P. 95–103.

Vinokurov N.I., Korzhenkov A.M., Rodkin M.V. To seismic hazard assessment of Kerch' Straight region according to archeoseismological data // Problems of Engineering Seismology. 2015. – Vol. 42. – No. 2. – P. 51–66.

Zin'ko V.N. Tiritaka. Trench XXVI. – Vol. II. – Complexes of VI-V Centuries BC. Simferopol'-Kerch', 2014. – 596 p.

Zin'ko V.N. Fort constructions of Tiritaka Bosporus City // BI. – Issue XXXI. – Kerch, 2015. – P. 100–109.

Резюме

В данной статье нам удалось выявить ряд систематических сейсмических деформаций в стенах древней Тиритаки: наклоны, обрушения и выдвижения стен, а также их развороты. В стенах были выявлены протяженные межблоковые и сквозные трещины, деформации плит вымостки, сплющенные устья вкопанных пифосов, а также следы последующих ремонтов – стены-крепиды (стены-контрфорсы). Таким образом, в строительных конструкциях Тиритаки имеются следы сильных древних землетрясений. Возраст первого сейсмического события – середина или конец III в. до н.э. Сейсмические колебания распространялись с юга. Судя по степени повреждений и разрушений в древнем городе, сила сейсмических воздействий была не менее I > 9 баллов. Второе сейсмическое событие, скорее всего, было знаменитое землетрясение 63 г. до н.э. Сейсмические колебания распространялись, скорее всего, с востока или ЮВ. Судя по степени повреждений и разрушений, сила сейсмических воздействий также была не менее I > 9 баллов. Таким образом, в изучении истории и материальной культуры Припонтийского региона в период античности и средневековья важнейшее значение имеют происходившие сейсмические катастрофы, на следы которых следует обращать внимание при археологических исследованиях.

Ключевые слова: сейсмические деформации, руины, кинематические индикаторы, древние землетрясения, Тиритака, Боспор Киммерийский, Керченский полуостров, Крым.

Summary

In our work we could reveal a number of systematic seismic deformations in the wall of ancient Tiritaka: tilts, collapses and shifts of the walls, as well as their rotations. In the walls we have revealed long inter-stone fissures and through-going joints, deformations of pavement stone plates, oblate mouths of vessels dug in, as well as the traces of the following repairs – counterforce walls. Thus in Tiritaka building constructions there are traces of strong ancient earthquakes. An age of the first seismic event is mid or end of III century BC. The seismic oscillations propagated from the south. Judging by degree of deformations and destructions in ancient cities, the seismic intensity of the seismic effect was I > 9. Second seismic event was most probably well-known earthquake of 63 year BC. Most probably seismic oscillations propagated from east or SE. Judging by degree of deformations and destructions local seismic intensity was also I > 9. Thus in a study of history and material culture of Pont region during antiquity period and medieval time the important significance have past seismic catastrophes. During archeological investigations their traces have to be studied too.

Keywords: seismic deformations and destructions, Ruins, kinematic indicators, ancient earthquakes, Tyritake, Cimmerian Bosporus, Kerch' peninsula, Crimea.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Корженков Андрей Михайлович,
доктор геолого-минералогических наук,
Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН,
123242, г. Москва, ул. Б. Грузинская, д. 10,
заведующий лабораторией
korzhenkov@inz.ru
+7-499-2549950

Ларьков Александр Сергеевич,
Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН,
123242, г. Москва, ул. Б. Грузинская, д. 10,
научный сотрудник
las119@yandex.ru
+7 903 2484499

Овсюченко Александр Николаевич,
кандидат геолого-минералогических наук,
Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН,
123242, г. Москва, ул. Б. Грузинская, д. 10,
зав. лабораторией
ovs@ifz.ru
+7 926 3662063

Зинько Виктор Николаевич, д.и.н.,
Крымский федеральный университет,
Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма,
ведущий научный сотрудник
zinko@bfdemetra.org

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Korzhenkov Andrey Mikhaylovich,
Dr. Sci. in Geology,
Schmidt Institute of Physics of the Earth RAS,
Bol'shaya Gruzinskaya Str. 10, Moscow, 123995, Russia,
head of Laboratory
korzhenkov@inz.ru
+7-499-2549950

Lar'kov Aleksandr Sergeevich,
Schmidt Institute of Physics of the Earth RAS,
Bol'shaya Gruzinskaya Str. 10, Moscow, 123995, Russia,
Scientific researcher
las119@yandex.ru
+7 903 2484499

Ovsyuchenko Aleksandr Nikolaevich,
C.Sci. in Geology,
Schmidt Institute of Physics of the Earth RAS,
Bol'shaya Gruzinskaya Str. 10, Moscow, 123995, Russia,
head of Laboratory
ovs@ifz.ru
+7 926 3662063

Zin'ko Viktor N., DSc,
Crimean Federal University, Research center of History and
Archaeology of the Crimea,
Leading Researcher
zinko@bfdemetra.org

Рис. 1. Городище Тиритака. Фото 2018 г. Вид сверху.

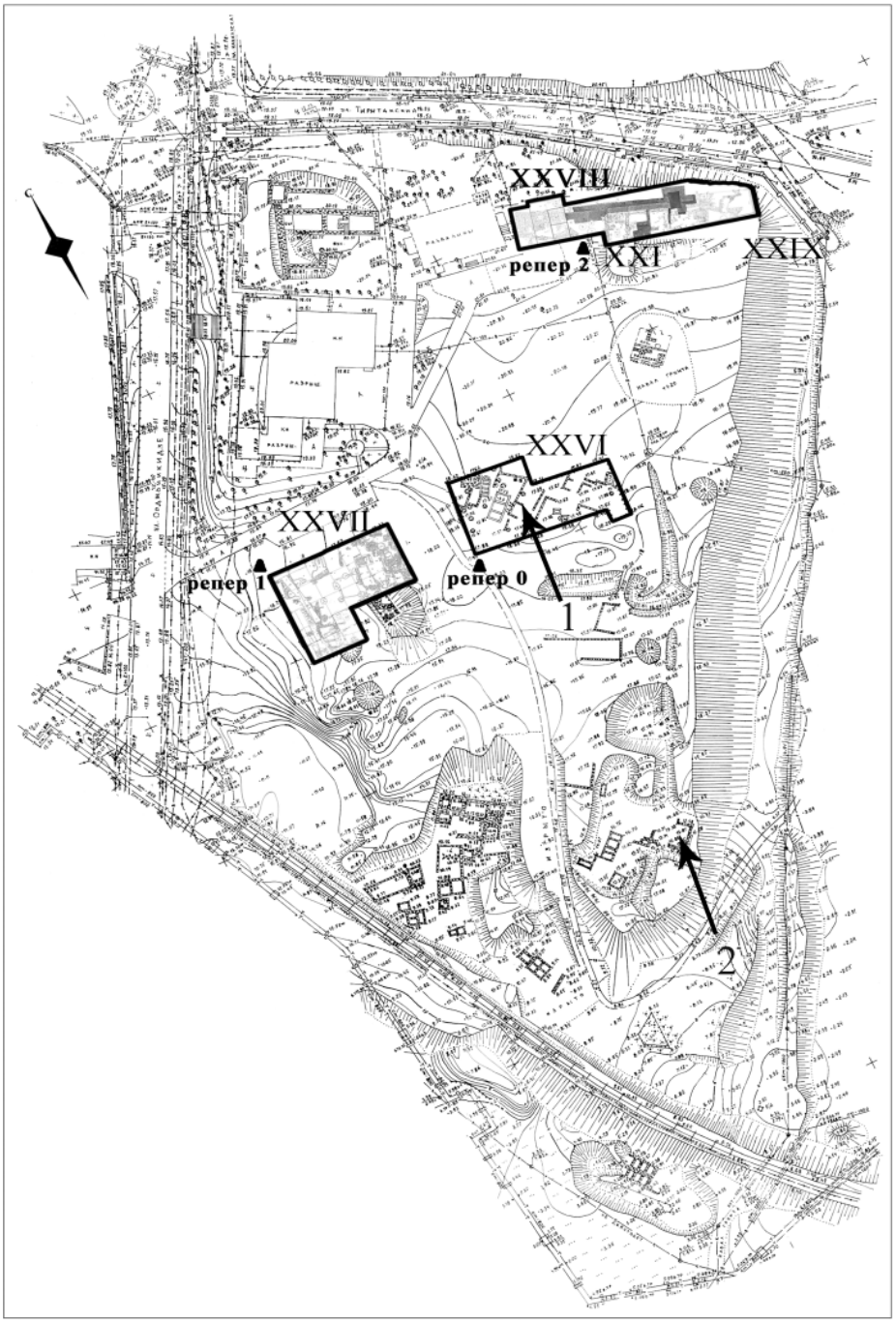

Рис. 2. План городища Тиритака.

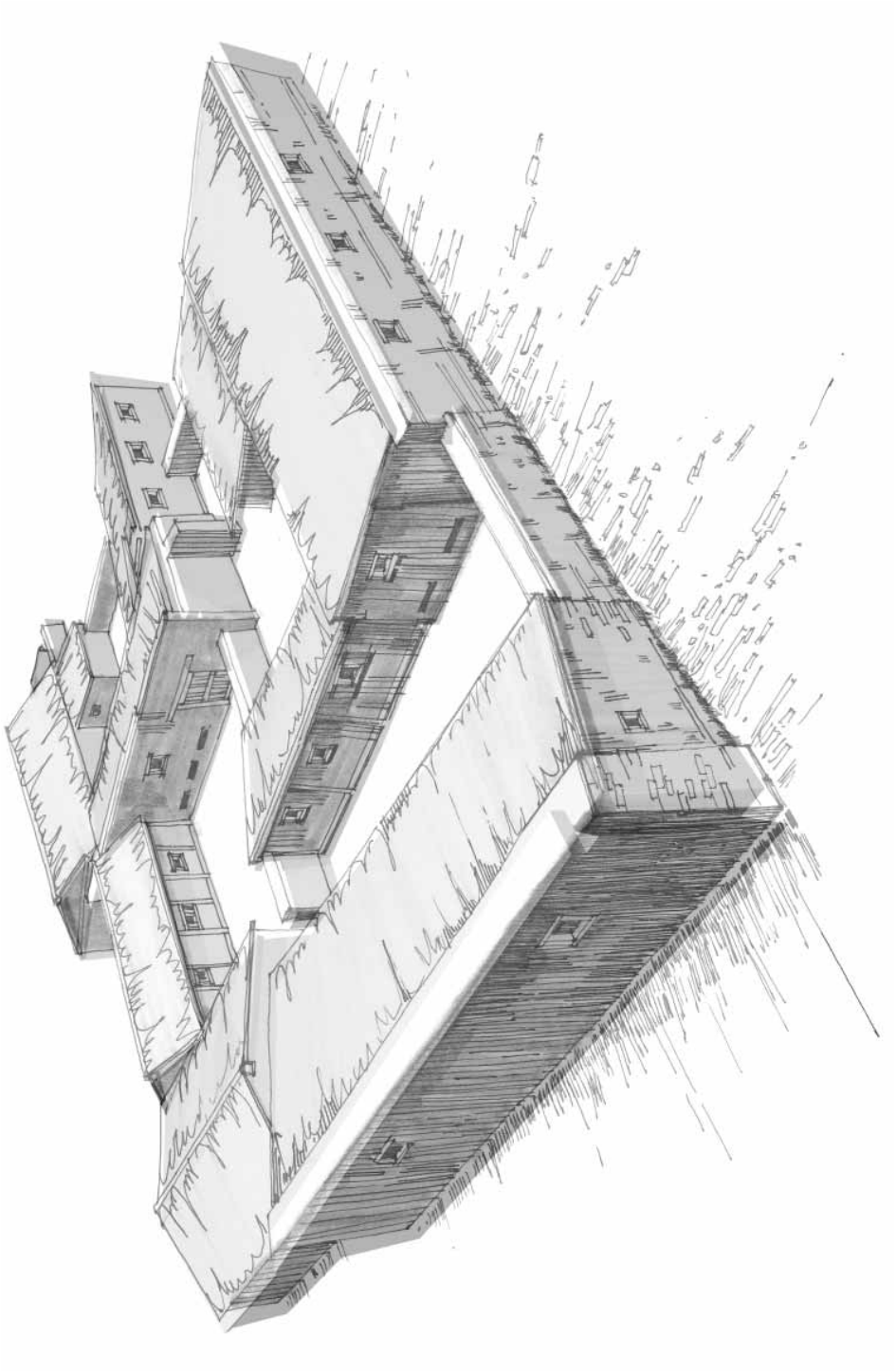

Рис. 3. Объемная реконструкция позднеархаических построек в центральной части Тиритаки по В.Н. Зинько.

Рис. 4. Значительный наклон субширотной городской стены на юг. Раскоп XXVIII. Фото 2018 г. Вид с востока.

Рис. 5. Сквозная трещина (joint), пробивающая 3 каменных блока насквозь в городской стене (раскоп XXVIII).

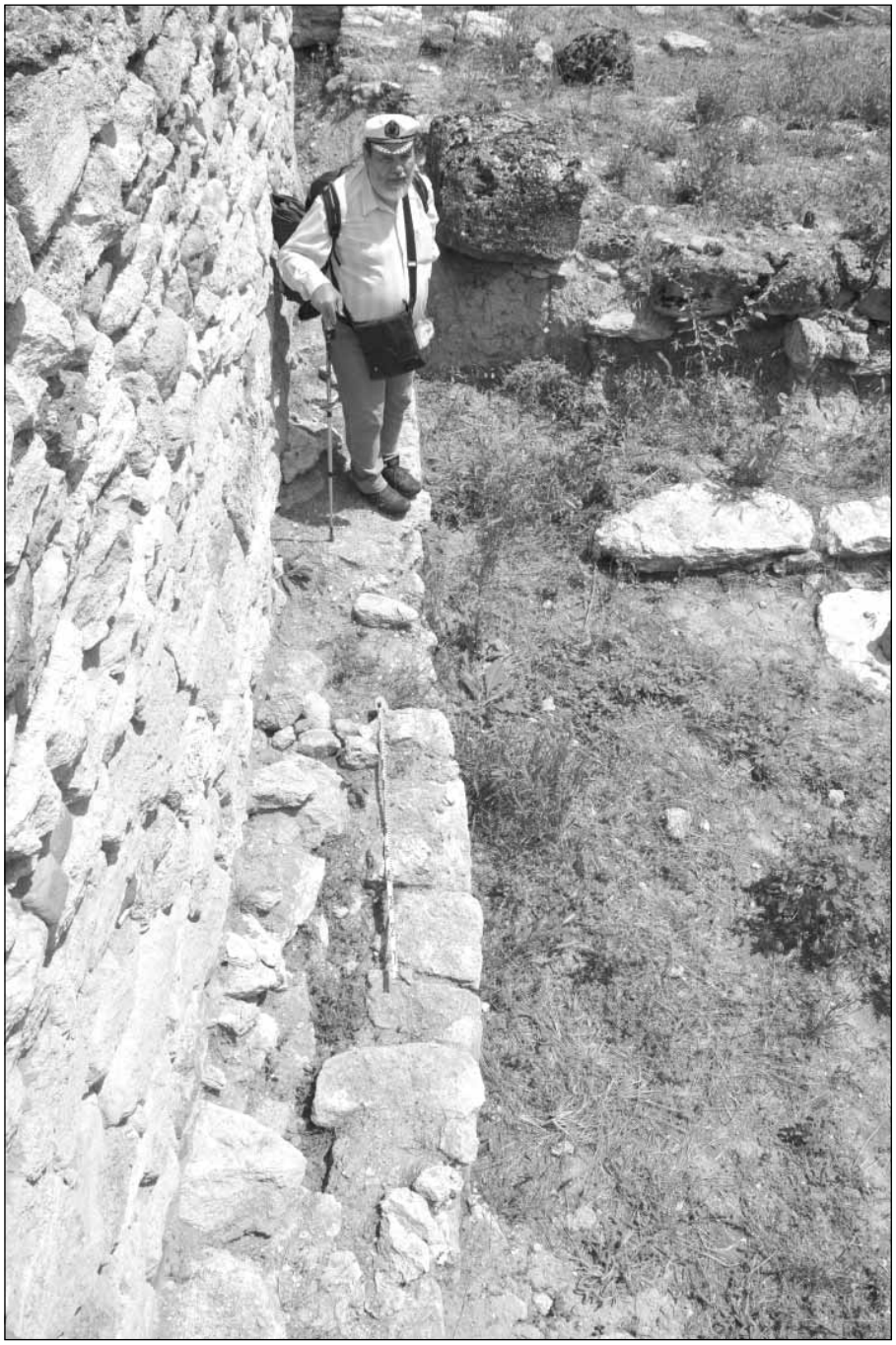

Рис. 6. Выдвижение к югу нижней части каменной кладки городской стены в раскопе XXVIII. Вид на восток.

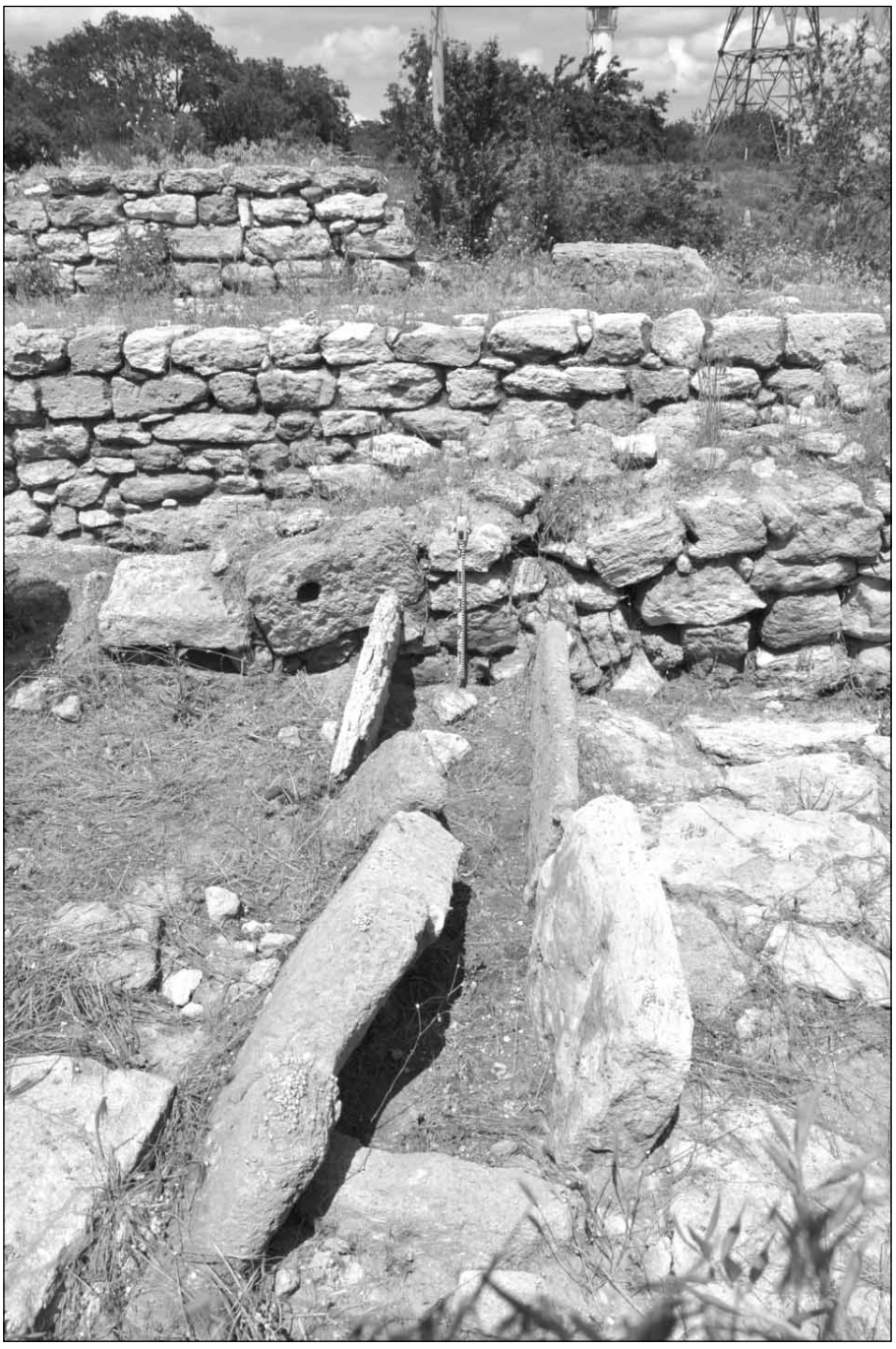

Рис. 7. Значительные (до 50°!) наклоны вертикальных вкопанных каменных плит на восток. Раскоп XXIX. Вид на север.

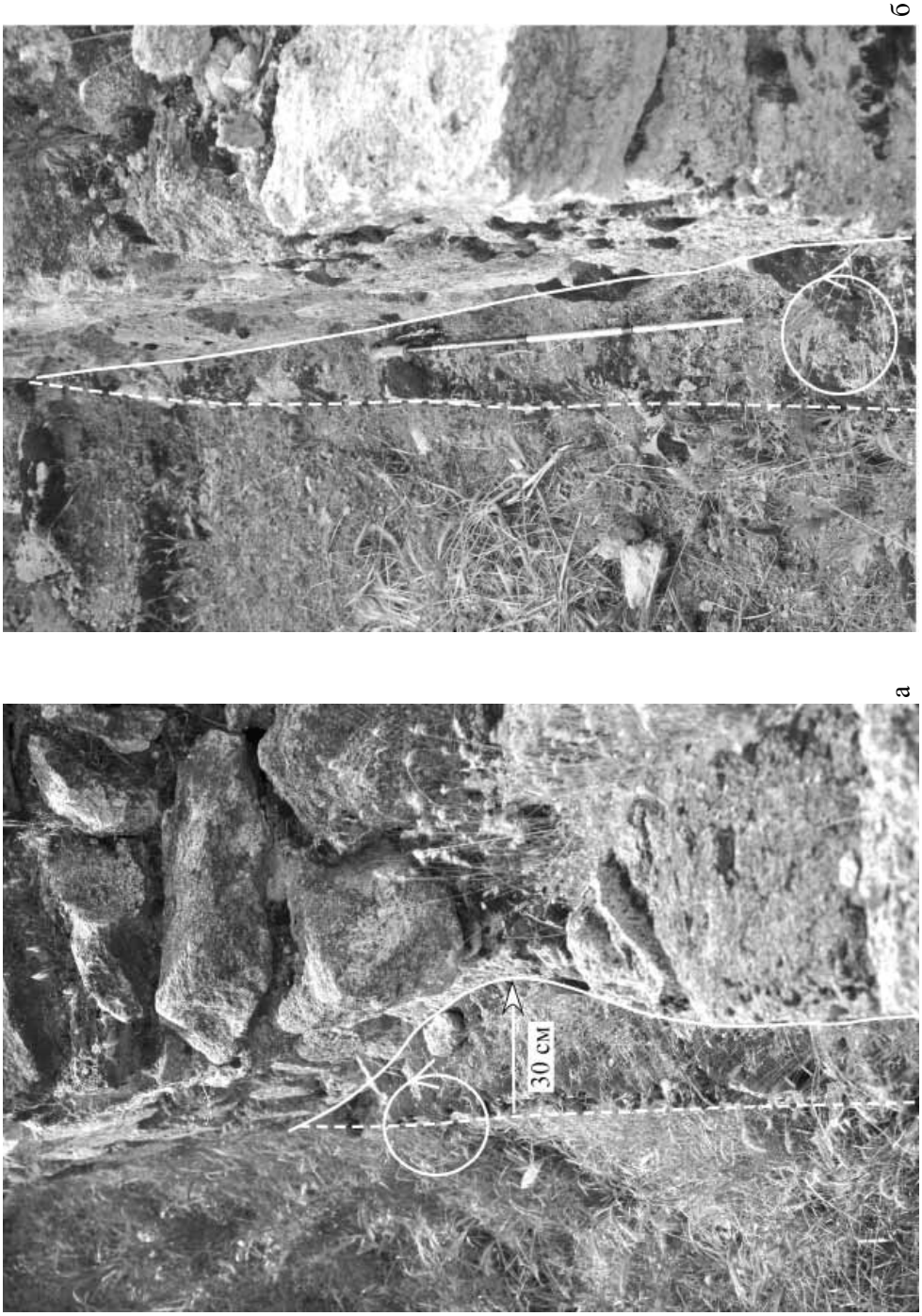

Рис. 8. Разворот против часовой стрелки верхних фрагментов субширотных стен близ северо-западной башни:
а) – северная стена, северный фас, вид на восток; б) южная стена, северный фас, вид на восток. Сплошная линия маркирует современное положение развернутых фрагментов стен, пунктирная линия – их исходное положение до землетрясения.

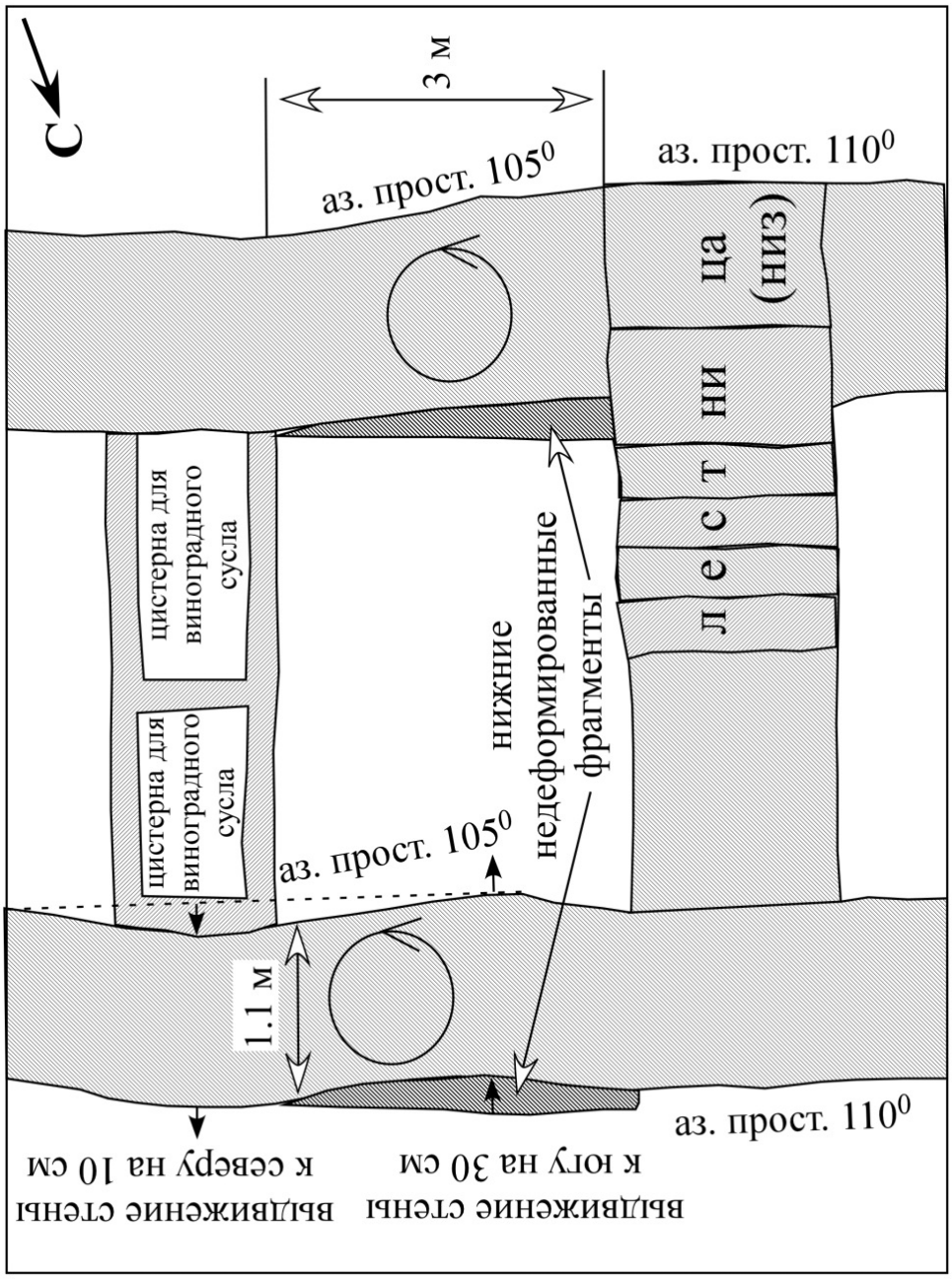

Рис. 9. Схематический план фрагмента северо-западного раскопа XXII (2 цистерны для виноградного сусла). Видны развороты субмеридиональных стен против часовой стрелки в своей средней и верхней частях.

Рис. 10. Раскоп XXVI. Межблоковая трещина в южной стене северной засолочной цистерны.

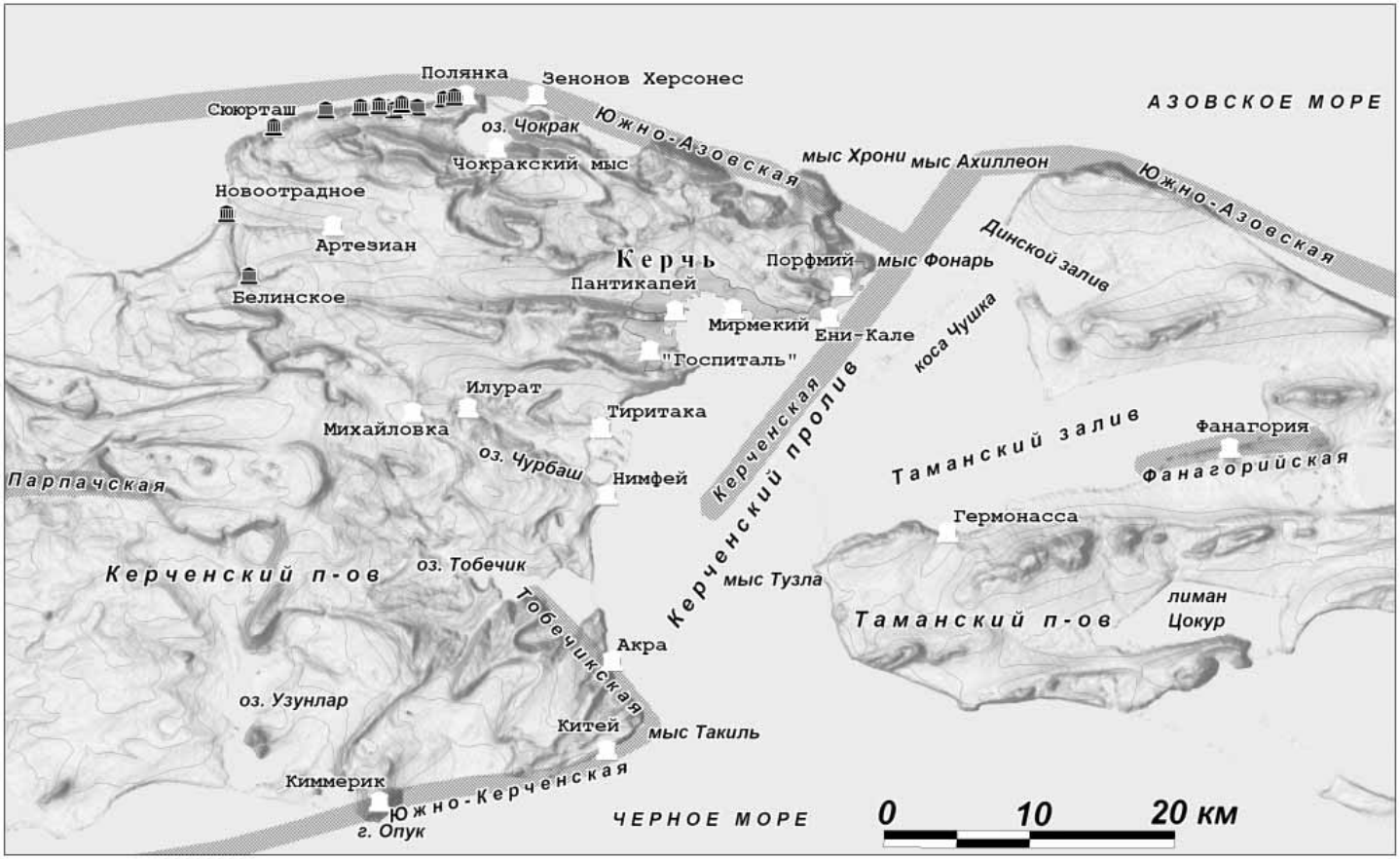

Рис. 11. Древние городища и очаги сильных землетрясений в районе Керченского и Таманского полуостровов.

1 – памятники древности со следами землетрясений, изученные авторами методами археосейсмологии; 2 – активные разломы с изученными следами сейсмотектонических подвижек прошлого; 3 – флексурно-разрывные зоны (на берегу Таманского залива) и грязевулканические разломы (в глубине Таманского п-ва); 4 – очаговые зоны сильных землетрясений по палео- и археосейсмологическим данным.

Н.И. СУВОРОВА
N.I. SUVOROVA

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛИТАРНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ НА НИЖНЕМ ДОНУ
TO THE QUESTION ABOUT THE ELITE BURIALS OF ANCIENT TIMES ON THE LOWER DON

В 2015 году специалистами ГАУК РО «Донское наследие» проводились охранно-спасательные раскопки курганного могильника Камышевахский XI в связи с запланированным строительством аэропортового комплекса «Платов» в Аксайском районе Ростовской области. Могильник располагался в средней части широкого пологого склона левобережья рек Тузлов и Несветай в 5 км к северу от х. Камышеваха[1].

Было исследовано 11 курганов. 4 кургана не содержали погребальных конструкций. В 6 курганах было обнаружено по одному погребению. В кургане № 7 помимо основного погребения в яме было обнаружено еще одно, впускное, подбойной конструкции. Могильник содержал одно детское погребение, четыре женских и три мужских. Все основные погребения имеют ряд общих черт. Взрослые погребения были совершены в обширных ямах, детское погребение – в яме с заплечиками. Все они были ограблены, но, судя по найденным предметам, содержали богатый инвентарь. В пяти погребениях были обнаружены предметы из драгоценных металлов. Интересны элементы погребального обряда: в шести погребениях на дне была обнаружена меловая посыпка, в двух – фрагменты мела. Все погребения датируются I в. н. э.

Впускное погребение подбойной конструкции, датируемое первой половиной I в. н. э., оказалось неограбленным (рис. 1). Именно оно представляет большой интерес вследствие достаточно редкого погребального обряда и инвентаря. Погребение было ориентировано по линии С-Ю. На дне подбоя была обнаружена деревянная колода ладьевидной формы. Внутри колоды черепом к югу, к «носу» ладьи, лежал костяк погребенной юной девушки 10–12 лет [Науменко, 2018, с. 16]. На дне колоды сохранился белесый тлен, возможно, меловая посыпка. На погребенной были обнаружены украшения: на шее низка бус из сердолика, стекла, фаянса и дерева; на правой руке бронзовый браслет; на ногах остатки кожаных сапожек, расшитых стеклянным бисером. Верхняя одежда погребенной скалывалась бронзовой одночленной лучковой фибулой с подвязным приемником. Среди погребального инвентаря можно выделить предметы, относящиеся к сарматскому

[1] Выражаю глубокую признательность автору раскопок С.А. Науменко, ведущему археологу ГАУК РО «Донское наследие», за предоставленную возможность публикации материалов и устную консультацию.

кругу: небольшая сероглиняная лощеная кубышка, кружальные сероглиняные лощеные миска и кувшин. Все они были изготовлены из плотной глины серого цвета с мелкими блестками. Аналогичная керамика, происходящая из мастерских Азиатского Боспора, была найдена в погребениях с деревянными колодами в некрополе Танаиса [Толочко, 2017, с. 49]. Подобная керамика встречается и в погребениях некрополя Паниардиса (Крепостного городища). По классификации Горбенко-Косяненко, сероглиняный кувшин из погребения 1 кургана 7 могильника Камышевахский XI относится к типу II, сероглиняная миска – к типу V, лощеная кубышка – к типу I [Горбенко, Косяненко, 2011, с. 60, 70, 75]. Все они датируются I в. н. э. Поверх кувшина были обнаружены кости задней ноги барана с частью таза и железный нож, что является характерным признаком сарматских погребений.

Около двух десятков подобных захоронений в лодках-колодах были обнаружены в некрополе Танаиса. Большинство из них датировалось I в. н. э., два погребения относят к эллинистическому времени и одно – ко II-III вв. н. э. Вероятно, погребенных из этих комплексов можно отнести к городской элите из числа населения «новой волны», мигрировавшего в Танаис на рубеже новой эры [Толочко, 2017, с. 45]. Однако, несмотря на сходство погребального инвентаря и обряда, необходимо отметить и некоторые различия. В некрополе Танаиса долбленые колоды встречаются исключительно в ямах с заплечиками, а не в подбоях. Погребенные, как правило, лежат головой к «корме лодки» по направлению С–СВ.

Погребения в долбленых колодах были обнаружены при исследовании некрополей нижнедонских городищ. Там они встречались только в крупных «заплечиковых» могилах и катакомбах «коридорного» типа. При исследовании некрополя Нижне-Гниловского городища в 1990 году было обнаружено пять погребений в лодках-колодах: п. 189, п. 296, п. 319, п. 327, п. 367. Однако, в отличие от танаисских подобных захоронений, погребенный укладывался головой к заостренному «носу лодки» по направлению С–СВ [Гугуев, 2017, с. 129, 133, рис. 2, 1. 3-6][2]. Положение погребенного в колоде головой к «носу лодки» сближает поселенческие захоронения с погребением 1 в кургане 7 могильника Камышевахский XI.

При исследовании некрополя Паниардиса было обнаружено всего три погребения, совершенных в лодках-колодах: погребение 10(К)1972, погребение 8(М)1980 и погребение 11(М)1980 [Горбенко, Косяненко, 2011, с. 187, 208, 213]. Все захоронения принадлежали взрослым людям. Одно погребение было ограблено, в двух инвентарь отсутствовал.

При исследовании некрополя Кобякова городища колоды были обнаружены в восьми погребениях: 7, 9, 30/1956; 6/1957; 3, 21/1958; 29/1959; 9/1961. В двух из них были похоронены дети, в двух – женщины и в трех – мужчины, пол одного погребенного определить не удалось. Погребения датируются I – II вв. н. э. [Косяненко, 2008, с. 174].

[2] Выражаю глубокую признательность В.К. Гугуеву за устную консультацию.

Погребальный обряд, включающий в себя погребения в подбоях преимущественно Ю, Ю-З ориентировки, характерен был для представителей кочевой раннесарматской культуры. 15% исследованных погребальных памятников Нижнего Подонья этого периода содержали деревянные конструкции, в том числе гробовища и колоды [Глебов, 2011, с. 66].

Известны погребения в лодках-колодах на территории скифского государства в Крыму. Подобные погребения, датированные II в. до н. э., зафиксированы в Неаполе Скифском; I в. до н. э. – в могильниках Скалистое II и III, Бельбек и Чернореченское; I в. н. э. – в могильнике Заветное. Погребения подбойного типа с богатым инвентарем, включающим в себя элементы вооружения и конской упряжи, появились в крымских некрополях, в том числе и в могильнике Опушки, в I в. н. э. И.Н. Храпунов связывает их с проникновением сарматов в предгорную часть Крымского полуострова [Храпунов, 2016, с. 234]. Однако необходимо отметить, что на Кубани подобных захоронений в колодах не засвидетельствовано [Косяненко, 2008, с. 181].

А.В. Симоненко, анализируя погребальный обряд раннесарматского времени в Северном Причерноморье, упоминает, что в курганах в Нижнебаранниковке и Царевке покойники были уложены в деревянную колоду [Симоненко, 2012, с. 191].

В 1982 г. у с. Михайловки Саратского района Одесской области в кургане № 3 было исследовано погребение знатной молодой сарматки в долбленом гробу-колоде, датируемое I – II вв. н. э. Погребение содержало богатый инвентарь, среди которого изысканные античные предметы [Симоненко, 2012 в, 263].

В 1999 году при исследовании курганного могильника Писаревка II в Иловлинском районе Волгоградской области в кургане 6 в длинной узкой траншее было обнаружено парное захоронение II – I вв. до н. э. молодых воинов в двух лодках-колодах. Аналогичное погребение было найдено в кургане у поселка Рыбного в Волгоградской области. Подобные захоронения в колодах находят аналогии в памятниках последних веков до н. э. из окрестностей Тувы, таких как Аймырлаг, Кокель и Байдаг II [Мамонтов, 2002, с. 254]. По мнению В.И. Мамонтова, данные погребения являются весьма редкими и говорят о далеких восточных связях и, возможно, о проникновении в Поволжье, а потом в Волго-Донское междуречье какой-то группы кочевого населения восточного происхождения [Мамонтов, 2002, с. 256].

Предпосылки формирования погребального обряда классической сарматской культуры Южного Приуралья отчетливо проявляются в элитарных памятниках еще во второй половине V – середине IV вв. до н. э. [Яблонский, 2011, с. 479]. Одной из его черт является использование дерева в погребальных конструкциях. Эта традиция сохраняется до первых веков нашей эры. При исследовании кургана № 3 могильника Соленый Дол в Южном Зауралье в погребении, датируемом III в. н. э., была обнаружена деревянная конструкция, стенки которой имели форму конуса, образуя в плане очертания дощатой лодки [Любчанский, 2011, с. 224].

Многие исследователи отмечают малочисленность погребений в лодках-колодах на Нижнем Дону и достаточно богатый сопутствующий инвентарь в них.

По-видимому, данные погребения принадлежали людям определенного социального статуса, возможно, всаднического сословия. Их появление, вероятно, можно соотнести с несколькими миграционными потоками представителей сарматской культуры со II в. до н. э. из Южного Зауралья на Нижний Дон и в Крым.

Вероятно, представителей раннесарматской культуры II в. до н. э. – первой половины I в. н. э. можно соотнести с аорсами. Аорсы (гр. ἀορσοί, лат. aorsi) населяли территорию между Нижним Доном и северо-западным побережьем Каспийского моря с I в. до н. э. по I в. н. э. [Алемань, 2003, с. 38]. По мнению М.И. Ростовцева, аорсы считались очень богатым племенем. Оружие и одежда их были покрыты золотом. Богатство их было результатом того, что они заняли старый торговый путь из Индии и Вавилонии через Мидию и Армению к Танаису. Платежи купцов давали им большие средства и позволяли щедро платить боспорским грекам за вино, одежду и драгоценные вещи [Ростовцев, 2003, с.95].

С аорсами уверенно идентифицируются впускные ранне- и среднесарматские погребения Подонья и Поволжья с ориентацией погребенного головой на юг. Существует точка зрения о том, что аорсы в середине I в. н. э. перекочевали с Нижнего Дона в степи западнее Днепра. Инвентарь погребений знати этого региона имеет выраженную восточную культурную «окраску». Кроме археологических источников, эта гипотеза подтверждается ольвийским декретом конца I в. н. э., в котором упоминается посольство ольвиополитов в Аорсию к ее «величайшим царям». Таким образом, впускные аристократические погребения Северного Причерноморья второй половины I в. н. э. с большой долей вероятности могут считаться могилами аорсской знати [Симоненко, 2012 г, с. 299].

Вероятно, представителей среднесарматской культуры второй половины I – II вв. н.э. можно соотнести с аланами. По мнению Б.А. Раева, с середины I в. н.э. на Нижнем Дону фиксируется серия богатых могил, принадлежащих сарматской элите, которые он связывает с появлением в регионе алан [Копылов, Коваленко, 2016, с. 126]. Позднесарматский период, II – IV вв. н. э., вероятно, соотносится с гуннами-аланами.

Могильник Камышевахский XI, по-видимому, принадлежал аорской знати. Обращают на себя внимание некоторые общие черты погребального обряда: в семи погребениях из восьми обнаруженных применялась меловая посыпка или встречались фрагменты мела. Это было характерно для погребального обряда как сарматов, так и меотов. Элементы этого обряда встречаются в курганах кочевников и в некрополях нижнедонских городищ. Чаще всего фрагменты мела обнаруживают в женских и детских захоронениях. В некрополе Паниардиса мел был обнаружен в 12 погребениях: в 4(К)1972 (женском), 7(К)1972 (женском), 3(Л)1981 (женском?), 19(Л)1984 (женском), 18(КЛ)I1985 (женском), 5(О)1988 (женском), 6(К)2002 (женском?), 9(Д)2003 (детском?), 17(КЛ)2003 (детском), 19(КЛ)2003 (детском), 1(Л)2004 (женском?), 3(К)2014 (женском). В некрополе Кобякова городища мел встречался в 17 погребениях: 6 детских (55/1957; 10, 17/1958; 31, 36/1961; 1/1962), 7 женских

(38, 50, 59, 75/1957; 12/1958; 19/1960, 17/1962), 2 мужских (14/1960; 34/1961), в двух погребениях пол погребенных определить не удалось [Косяненко, 2008, с. 165]. В могильнике Камышевахский XI из семи погребений, где были обнаружены меловая посыпка и фрагменты мела, четыре женских, одно детское, одно мужское и одно, где пол погребенного определить не удалось.

Использование меловой посыпки, фрагментов мела разной величины и меловых статуэток связывают с верованиями древних в роль мела, как очистительного средства. Известно, что в древности к разряду «нечистых» относились люди разных категорий: маленькие дети, молодые женщины в определенные периоды жизни, больные люди. Возможно, именно при погребении таких людей использовалась меловая посыпка и фрагменты мела. В ряде случаев встречаются куски мела пирамидальной формы с гранями, как будто стертыми о какую-то ровную поверхность [Косяненко, 2008, с. 165]. В связи с этим большой интерес представляет терракотовая статуэтка из кургана 7 погребения 1 могильника Камышевахский XI: верхняя ее часть с двух сторон обильно натерта мелом. Возможно, девушка, в погребении которой и была обнаружена эта статуэтка, погибла в результате тяжелого заболевания.

Обращает на себя внимание присутствие в подбойном погребении из кургана 7 могильника Камышевахский XI предметов, характерных для эллинского погребального обряда. В изголовье погребенной юной девушки были обнаружены остатки небольшой деревянной пиксиды с фрагментами мела. К северу от левой кисти погребенной лежала упомянутая выше терракотовая статуэтка (рис. 2). На ее описании и интерпретации хотелось бы остановиться подробнее.

Она представляет собой объемную статуэтку, изображающую частично обнаженную женщину, играющую на арфе-тригоне (рис. 3)[3]. Возможно, это Афродита. Богиня изображена стоящей босиком, опирающейся на невысокую колонну. Левая нога чуть выставлена вперед и согнута в колене. Голова богини чуть наклонена вправо и вниз. Выражение лица задумчивое и одухотворенное. Правая рука согнута в локте под грудью, кисть расположена на музыкальном инструменте, поставленном на невысокую колонну. У Афродиты сложная прическа из длинных волос: боковые пряди, по пять с каждой стороны, уложены горизонтально, сзади волосы спускаются на спину ниже плеч. На голове, по-видимому, диадема. На богине легкий широкий гиматий, переброшенный через левое плечо, ниспадающий книзу складками и скрывающий нижнюю часть фигуры. Богиня, опирающаяся на колонну, стоит на невысоком постаменте подтрапециевидной формы. Терракота двусоставная, полая, снизу открытая. Лицевая сторона терракоты отмята в форме, оборотная – заглажена от руки. На оборотной стороне в верхней трети небольшое овальное отверстие. На внешней поверхности остатки мела и следы доработки стекой. На внешней и внутренней поверхности многочисленные следы от пальцев мастера. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, розового цвета с мелкими блестящими включениями.

[3] АМЗ, ВХ № 1372/36.

Высота статуэтки – 12,7 см, размер постамента – 3,0 х 5,2 см. Датируется она первой половиной I в. н. э.

Данная статуэтка имеет широкие аналогии на Боспоре. По найденным терракотам данного типа можно проследить их генезис: как менялась иконография и форма подобных статуэток. Морфологически близкая статуэтка, изображающая стоящую полуобнаженную женщину, опирающуюся на невысокую колонну и играющую на тригоне, была найдена в Пантикапее (рис. 4,*1*). Она была местного производства и датировалась III – II вв. до н.э. [Силантьева, 1974, с. 25, таб. 21,1].

Тот же тип статуэтки, но в лучшем исполнении, был найден в 1953 году на горе Митридат в районе эргастерия (рис. 4,*2*). Как и предыдущая, она пантикапейского производства, однако датируется более поздним временем: II – I вв. до н. э. [Кобылина, 1961, с.149, таб. XXXIII, 2].

В 1962 году в центре городища Кеп был обнаружен фрагмент статуэтки, изображающей полуобнаженную женщину, опирающуюся на колонну и играющую на тригоне (рис. 4,*3*). Она была изготовлена из местной глины и датировалась II – I вв. до н. э. [Николаева, 1974, с. 15, таб. 10, 3].

Возможно, на рубеже эр фанагорийские мастера перенимают традицию изображать Афродиту полуобнаженной, играющей на тригоне. Статуэтка, о которой идет речь в статье, относится именно к этому хронологическому периоду. Однако фантазия мастера безгранична. Вероятно, форму, в которой отминали фигурку богини, мастера могли использовать и для отминки других персонажей. Так, в 1937 году при исследовании северного некрополя Фанагории была обнаружена статуэтка актера, опирающегося на невысокую колонну и играющего на музыкальном инструменте, датируемая I в. до н.э. – I в. н.э. [Кобылина, 1961, с. 89, таб. XII, 6]. Размеры терракоты, поза и одеяние абсолютно идентичны статуэтке из могильника Камышевахский XI. Однако сделана она грубее и, скорее всего, в уже сработанной форме (рис. 4,*4*).

В 1959 году при исследовании фанагорийского Керамика была обнаружена терракотовая статуэтка, изображающая девочку с гусем, датируемая I в. до н. э. – I в. н. э. [Кобылина, 1961, с. 116, таб. XX, 4]. Девочка полуобнажена, опирается левой рукой на невысокую колонну, справа к ней тянется гусь (рис. 4,*5*). Обращает на себя внимание несоразмерность изображения правой и левой рук, а также головы. Создается впечатление, что часть статуэтки (туловище, правая рука, колонна, постамент) отминались в единой форме. Голова, левая рука и гусь изготавливались отдельно в других формах, а позже дополняли основную часть композиции.

В 1965 году при исследовании восточного некрополя Фанагории в погребении 236 была обнаружена терракотовая статуэтка, датируемая I в. до н. э. – I в. н. э. и изображающая полуобнаженную девушку, опирающуюся на колонну и играющую на кифаре [Кобылина, 1974, с. 27, таб. 28, 8]. Размер терракоты, поза изображенной девушки, ее одеяние напоминают статуэтку из могильника Камышевахский XI. Различия состоят лишь в головном уборе и форме музыкального инструмента (рис. 4,*6*).

Изображения арф-тригонов встречаются и на других терракотах. В Мирмекийском

зольном алтаре был обнаружен фрагмент терракотовой статуэтки, изображающей музыканта с арфой, датируемый концом IV – началом III вв. до н. э. [Денисова, 1981, с. 38].

В 1900 году в гробнице 1016 некрополя Херсонеса была найдена терракотовая статуэтка, изображающая женщину, играющую на тригоне. Статуэтка местного производства и датировалась II в. до н. э. [Шевченко, 2016, с. 126].

Вероятно, терракотовые статуэтки, изображающие обнаженных и полуобнаженных женщин, опирающихся на колонны и играющих на музыкальных инструментах, можно связать с культом богини Афродиты, который был весьма популярен в Причерноморье. Это подтверждают открытия посвященных ей храмов в Истрии, Борисфене, Херсонесе Таврическом, Пантикапее, Нимфее, Фанагории, Горгиппии, Кепах, а также святилища в Китее, Мирмекии, Феодосии, существование домашних святилищ во многих эллинских городах и поселениях. Наряду со своими основными функциями богиня любви и счастливой семейной жизни наделялась и другими: Афродита Урания (Небесная), Эвплойя (Счастливо плавающая), Пандемос (Всенародная). Хтоническая черта ее культа прослеживается в Херсонесе [Русяева, 2005, с. 309]. С этой ее ипостасью связывают обычай класть в погребения терракотовые статуэтки, изображающие Афродиту, а также расписные сосуды со сценами свадебных ритуалов. Вазы с подобными сюжетами часто клались в могилы не успевших выйти замуж девушек, которых называли невестами или супругами Плутона [Скржинская, 2013, с. 277]. Возможно, этим объясняется, почему статуэтка, изображающая Афродиту, была положена в погребение юной девушки из могильника Камышевахский XI.

Богиню Афродиту изображали часто обнаженной или полуобнаженной рядом с Эротом, опирающейся на колонну с разными атрибутами в руках: яблоком, голубем, скипетром, музыкальными инструментами. Изображение Афродиты с арфой не случайно, поскольку данный музыкальный инструмент позволял извлекать высокие звуки, за что его относили к разряду женских и связывали с любовными похождениями. Арфа-тригон является струнным музыкальным инструментом. Она ближе всего к современной арфе, но гораздо меньше. Свое название тригон (trigonon, от греческого «τρίγωνον») получил из-за треугольной или лукообразной формы. Он восходит своими корнями к простому луку, к которому вместо тетивы крепились струны. На такой арфе могло быть натянуто до 20 и более струн. Инструмент производил звуки в диапазоне до нескольких октав.

К арфе в Древней Греции иногда относились с недоверием. Она считалась в Элладе инструментом, завезенным из Азии. Некоторые исследователи полагают, что тригон появился в Греции из Египта. Известны изображения арфистов на древнеегипетских росписях и рельефах. Более того, в Египте это был один из самых популярных инструментов наряду с флейтой и лютней. Древнейшее изображение древнеегипетской арфы датируется 2550 г. до н.э. Сохранились даже целые изделия, хранящиеся ныне в Британском музее и Метрополитен Музее (рис. 5,*1,2,3*).

Самое раннее из известных в древнегреческом мире изображений арфиста, играющего на тригоне, происходит с о. Керос и датируется приблизительно 2800 г. до н.э. (рис. 6,*1*). В погребениях так называемой Кикладской культуры III – II тыс. до н.э. обнаружены фигурки сидящих музыкантов, которые играют на арфах, имеющих раму в форме прописной греческой буквы «дельта» (рис. 6,*2,3*).

В искусстве древних греков арфа появляется на росписях краснофигурных сосудов, которые датируются серединой V – IV вв. до н. э. (рис. 7,*1,2,3*). На тригонах играли преимущественно женщины. Однако тригон, вероятно, не настолько был популярен, как лира или кифара. Его изображения редки на древнегреческой парадной расписной керамике. На аттической краснофигурной гидрии 475–425 гг. до н. э., хранящейся в Античном собрании в Берлине, изображены три музы, одна из которых играет на тригоне[4]. В Нью-Йорке в Метрополитен Музее хранятся два аттических краснофигурных лебеса второй половины V в. до н. э., на которых изображена домашняя сцена с женщиной, играющей на арфе[5]. Еще один подобный аттический краснофигурный лебес второй половины V в. до н. э. с изображением женщины, играющей на арфе, хранится в Афинском национальном археологическом музее[6]. В Национальном археологическом музее Феррары хранится аттический краснофигурный кратер с волютами второй половины V в. до н. э., на котором изображена многофигурная композиция с музой, играющей на тригоне[7]. На аттическом краснофигурном лекифе второй половины V в. до н.э., хранящемся в Археологическом музее Паоло Орси в Сиракузах, изображена сидящая женщина, играющая на арфе-тригоне[8]. В Британском музее хранится аттическая краснофигурная гидрия IV в. до н. э. с дионисийским сюжетом: среди изображенных фигур Дионис, Ариадна, менады и сатиры, один из которых играет на тригоне[9]. Похожий сюжет с Дионисом и Ариадной с тригоном и тирсом изображен на аттическом краснофигурном кратере IV в. до н.э., хранящемся в Национальном археологическом музее Феррары[10]. На другом аттическом краснофигурном кратере IV в. до н.э., хранящемся в Национальном археологическом музее Неаполя, изображены участники симпосия, среди которых женщина, играющая на арфе-тригоне[11]. На аттическом краснофигурном кратере IV в. до н. э. из Афин также изображен симпосий с Дионисом, Гераклом и менадой, играющей на тригоне[12]. В Йенском университете имени Фридриха Шиллера хранится фраг-

[4] http://www.beazley.ox.ac.uk/record/6ECDC0B4-84D9-4C49-BC9A-9E5DB4CCF12B

[5] http://www.beazley.ox.ac.uk/record/6A2A5E66-DD4F-4D68-816B-82FF89DDFA2B; http://www.beazley.ox.ac.uk/record/15C61725-A330-4193-AFD4-DCECEE1C6C19

[6] http://www.beazley.ox.ac.uk/record/F1E5796C-DF17-4892-8343-658CC53DB3B1

[7] http://www.beazley.ox.ac.uk/record/C96875B6-EB4A-40AB-8E35-EE890B66DEB6

[8] http://www.beazley.ox.ac.uk/record/D814A9A6-40F4-4FC3-A5C6-AFCB74923E86

[9] http://www.beazley.ox.ac.uk/record/0A1F555B-F4F2-4074-9559-D96D3FA0C97C

[10] http://www.beazley.ox.ac.uk/record/C03DFDE5-08E9-451F-8923-8FB357B51420

[11] http://www.beazley.ox.ac.uk/record/121722A9-2C9C-4BAD-8716-80B9A0F2A9B8

[12] http://www.beazley.ox.ac.uk/record/EDEB8E41-0CA4-4082-B99F-53847ADF388B

мент аттического краснофигурного кубка IV в. до н. э. с изображением Афродиты и Эроса с тригоном[13]. В Ольвии известно одно схематическое изображение тригона на кувшине-лагиносе конца III – начала II вв. до н. э. [Скржинская, 2000, с. 67] (рис. 7,*4*). Арфа-тригон на вазовых росписях в основном встречается в сценах, связанных с семьей: в качестве супружеских даров на свадьбу, в свадебных церемониях. Изображение девушек с арфами на лекифах, найденных в захоронениях, а также в сценах, связанных с Дионисом, говорит о том, что это изделие было связано с Дионисийскими таинствами, с погребальными и свадебными ритуалами.

В произведениях античных писателей упоминания о тригоне встречаются с V в. до н. э. по III в. н. э. Еврипид в трагедии «Финикиянки» поэтически описывает мифическое строительство стен вокруг древнего города Кадмеи: «…И стены из белого камня вставали под пение арфы, под звон Амфионовой лиры, твердыни Кадмеи вставали…» [Еврипид, 1969, 826–829].

Арфу также ассоциировали с любовными переживаниями и похождениями. На арфах играли преимущественно женщины в приватной обстановке. Профессиональных арфисток нанимали для услаждения пирующих мужей. Страбон (География, XIV 2, 26), сообщая о городе Алабанды, находившемся в Карии, рассказывает, что его жители проводят жизнь в роскоши и пьянстве, и поэтому в городе много «девиц-арфисток» [Герцман, 1995, с. 265]. О рабынях-арфистках упоминается в комедии Плавта «Стих» (380), где мальчик Пинакий, разжигая ревность Панегериди, сообщает о том, что ее муж Эпигном привез из Азии красавиц тибисток, лирниц и арфисток. Петроний (Сатирикон, 74) упоминает об уличной арфистке, которая в прошлом была рабыней [Герцман, 1995, с. 269].

Древнегреческие и древнеримские авторы называли арфу псалтерием. Этимологически слово происходит от древнегреческого ψαλτήριον (psalterion), что означает «струнный инструмент, гусли, арфа», и от глагола ψάλλω (psallo), означающего «на ощупь резко, срывать, тянуть, дергаться», а в случае струнных музыкальных инструментов «играть на струнном инструменте пальцами, а не медиатором». У Цицерона псалтерий описывается как женский «легкомысленный» инструмент, то есть примерно в том же контексте, как обычно описывалась арфа у греков: «…Что же касается Публия Клодия, то он, носивший раньше платья шафранного цвета, митру, женские сандалии, пурпурные повязочки и нагрудник, от псалтерия (psalterio), от гнусности, от разврата неожиданно сделался популяром» [Цицерон. Речь об ответах гаруспиков XXVIII, 44, 6].

В архаической музыке Древней Греции существовали общепринятые для каждого жанра высотности, гармонии и ритмы, употребление тех или иных музыкальных инструментов. Лирой пользовались в основном широкие круги любителей музыки. Она была проста в обращении, и на ней нетрудно было научиться играть. Инструментом же профессионалов считалась кифара [Герцман, 1995, с. 37]. В Древней Греции на-

[13] http://www.beazley.ox.ac.uk/record/8205B9D9-7BE5-4A68-A23C-A4E85973962B

ряду со спортивными соревнованиями были популярны и мусические состязания. В музыкальных агонах принимали участие прославленные кифаристы, кифароды, авлетисты и авлоды. Их имена сохранились на каменных плитах, повествующих о Немейский, Пифийских, Истмийских играх, Панафинеях, Сотериях и других соревнованиях [Герцман, 1995, с. 169].

В период классики музыкальная архаическая традиция систематически нарушалась. Платон, выступая с критикой в адрес музыкального творчества новаторов, писал: «…в песнях и мелодиях нам не нужно будет ни многозвучия, ни пангармонии… Стало быть, мы не будем взращивать мастеров тригонов, пектид и всех подобных инструментов, поскольку они многострунные и многогармонические…» (Государство, III, 399. c-d). Развивая эту мысль, Платон высказывает в «Законах» (III, 700. c-d) одно из главных своих обвинений против «авангардистов»: «они смешивают френы с гимнами и пэаны с дифирамбами, а также кифарами подражают исполнению на авлосе и смешивают все со всем» [Герцман, 1986, с. 211].

Происходящие эволюционные процессы в музыке не могли не сказаться и на правилах проведения мусических соревнований. В сообщении, изложенном в работе Афинея (Пир мудрецов, XII. 538 b-f), пишется, что во времена Александра Македонского участники мусических соревнований выступали в следующей последовательности: рапсоды, кифаристы-солисты, кифароды, авлоды, авлеты, актеры трагедии, актеры комедии и, наконец, псалты. Под последними подразумевались кифаристы, игравшие без плектра, пальцами [Герцман, 1995, с. 172]. Арфа-псалтерий, по-видимому, считалась не достойным для подобных соревнований музыкальным инструментом. Первоначально арфистов вообще не допускали к мусическим состязаниям, а позже разрешали выступать лишь в заключение соревнований.

Возможно, подобное отношение к арфе-тригону было продиктовано ее устройством. Формы музыкальных инструментов были наделены важным смыслом как в период античности, так и в средневековье. В частности, символическое значение имело расположение резонаторного короба: у лир и кифар внизу, у арф сверху – точнее, это одна из вертикальных граней треугольника инструмента. Звук у лиры и кифары грубее, у арфы – нежнее. Для античности характерно такое противопоставление: лира и кифара непорочны, поскольку издают низкие «мужские» звуки, арфа же воплощает их полную противоположность. Интересно, что уже в эпоху раннего средневековья у христиан арфа-псалтерий – это инструмент, на котором хвалят Бога, поскольку ее звуки более возвышенны, чем у кифары [Петров, 2009, с. 27].

Древние музыкальные инструменты – редкая находка при археологических исследованиях. Одной из причин этого является плохая сохранность основного материала, из которого их изготавливали, – дерева. Однако известны и уникальные находки древнегреческих арф в погребениях.

В 1918 году в 10 км от Ольвии, у с. Козырки, было обнаружено парное захоронение, датируемое I в. н. э. и сочетающее в себе черты античного и сарматского погребального обряда. Среди богатого погребального инвентаря, включающего оружие

и конское снаряжение, была обнаружена деревянная арфа, украшенная фигурками медведя и птицы (рис. 8,*1,2*). На корпус арфы и фигурку медведя были нанесены 32 тамги, имеющие широкие аналогии как в Европейской Сарматии, так и на востоке – в кангюйских и усуньских памятниках, на бактрийских монетах. По мнению А.В. Симоненко, погребение принадлежало знатным сарматам, проживающим на территории Ольвийского государства [Симоненко, 2012 б, с. 249].

Известны еще одна частично сохранившаяся древнегреческая арфа из некрополя Пирея в погребении V в. до н. э. и колки от арфы из семейной усыпальницы III–II вв. до н.э. некрополя города Тарант, расположенного на территории Великой Греции в Южной Италии.

В июле 2018 года во время исследования античного некрополя Волна 1, расположенного в Темрюкском районе Краснодарского края, археологи Сочинской экспедиции ИА РАН обнаружили уникальный предмет в грунтовом семейном склепе IV в. до н. э. – остатки древнегреческой арфы-тригона (рис. 9). Сохранились костяные обкладки арфы и бронзовые колки для натягивания струн [Мимоход, Сударев, 2018].

Находки арф в погребениях Северного Причерноморья и Боспора являются весьма редкими, однако свидетельствуют не только об использовании этого музыкального инструмента в IV в. до н. э. – I в. н. э., но и о процессах эллинизации жителей этого региона.

Под проявлениями «эллинизации» М.И. Ростовцев понимал не только находки греческого импорта на поселениях и в погребениях варваров, но и факт изготовления гибридных предметов, употребление греческих приемов в строительной технике варварских городищ и т.д. Противоположные по вектору процессы он называл «варваризацией». Оба процесса действовали одновременно. Их результаты зависели от нескольких факторов. В.И. Мордвинцева предложила рассматривать эти процессы в совокупности, употребляя антропологический термин «аккультурация», которая предполагает трансфер определенного культурного содержания с помощью «носителей культурной передачи» (активные акторы) посредством «инструментов трансфера» (предметов и явлений) принимающей стороне (пассивные акторы). Понятие «активных» и «пассивных» акторов довольно условно, поскольку в процессе взаимодействия изменению подвергаются все взаимодействующие стороны [Мордвинцева, 2016, с. 179]. Таким образом, по мере отдаления от крупных эллинских центров Северного Причерноморья активность одних акторов (греков) уменьшается, а других («варваров») – увеличивается. Этим можно объяснить и то, что наличие терракот в погребальных сооружениях характерно, по-видимому, для крупных городов Боспора и Северного Причерноморья в целом. В некрополях небольших городов и поселений подобные предметы встречаются достаточно редко. Так, единственная терракота была обнаружена в 2014 году в погребении 4 некрополя Паниардиса (раскоп по переулку Коллонтаевскому, 65) на территории современного города Азова [Гончарова, Широченко, 2016, с. 90]. В 2011 году при исследовании некрополя Сухо-

Чалтырского городища в погребении 19, принадлежащем девушке 15–25 лет, была обнаружена терракотовая протома Деметры [Абоян, Ларенок, 2013, с. 84]. В некрополях других восьми нижнедонских городищ античного времени терракотовые статуэтки не встречались[14]. В некрополе Танаиса за все время исследования было обнаружено лишь 8 терракот [Суворова, 2016, с. 470]. К разряду редких находок можно отнести две терракоты, найденные в детском погребении 143(98)Ш.1911 Тузлинского некрополя [Сорокина, 1957, с. 41].

Для погребального обряда кочевников не характерно использование терракотовых статуэток в качестве сопутствующих предметов при погребении. Обнаружение терракотовой Афродиты в погребении молодой сарматской девушки, относящейся к всадническому сословию и проживавшей на территории Нижнего Подонья на рубеже эр, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, данная находка может свидетельствовать о высокой степени аккультурации верхушки сарматского общества, принявшей эллинскую религию и культуру. Во-вторых, она может являться свидетельством политической дипломатии, сопровождающейся взаимными услугами и дарами. В-третьих, найденная терракотовая статуэтка подтверждает тезис о контроле аорсами старого торгового пути из Индии и Вавилонии через Мидию и Армению к Танаису, что позволяло им не только обогащаться, но и приобретать у боспорских греков предметы роскоши и искусства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Афиней. Пир мудрецов. Книги IX–XV. Пер. Н.Т. Голинкевича. М. 2010.
Еврипид. Финикиянки. Пер. И. Анненского. // Еврипид. Трагедии. М. 1969, т. 2.
Петроний. Сатирикон. Пер. В.А. Амфитеатрова-Кадашева. М. 1990.
Плавт. Стих. Пер. А. Артюшкова. В 3 т. Т. 1. М. 1997.
Платон. Государство. Пер. А.Н. Егунова. // Платон. Соч. в 3 т., т. 3/1. М. 1971.
Платон. Законы. Пер. А.Н. Егунова. // Платон. Соч. в 3 т., т. 3/2. М. 1972.
Страбон. География. Пер. Г.А. Стратановского. М. 1964.
Цицерон. Речь об ответах гаруспиков. Пер. В.О. Горенштейна. // Марк Туллий Цицерон. Речи. Т. 2. М. 1962.
Абоян Ю.В., Ларенок В.А. Раскопки некрополя Сухо-Чалтырского городища в 2011 году. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2011 г. Выпуск 27. Азов. 2013.
Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М. 2003.
Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. Санкт-Петербург. 1995.
Герцман Е.В. Античное музыкальное мышление. Л. «Музыка». 1986.
Глебов В.П. Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II–I вв. до н. э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов-на-Дону. 2011.
Горбенко А.А., Косяненко В.М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища). // Донские древности. Вып. 11. Азов. 2011.
Гончарова С.М., Широченко Э.Б., Харенко М.В., Гончаров М.Ю., Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. Археологические исследования в городе Азове в 2013–2014 годах. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 гг. Выпуск 29. Азов. 2016.

[14] Выражаю глубокую признательность В.К. Гугуеву и В.А. Ларенок за устную консультацию.

Гугуев В.К. Структура ритуала некрополей донских меотов (о роли сарматов в формировании населения городищ). // Вестник Танаиса. Вып. 4. Х. Недвиговка. 2017.

Денисова В.И. Коропластика Боспора. Л. 1981.

Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М. 1961.

Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Фанагории. // САИ. Г 1-11. Ч. IV. М. Наука. 1974.

Копылов В.П., Коваленко А.Н. О формировании элитарной культуры у племен среднесарматского времени. // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летнему юбилею Б.А. Раева (Кагальник, 20-21 октября 2016 г.). Ростов-на-Дону. 2016.

Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956-1962 гг.). // Донские древности. Вып. 9. Азов. 2008.

Любчанский И.Э. Погребальный обряд могильника Соленый Дол в контексте позднесарматской традиции. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов-на-Дону. 2011.

Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Писаревка II. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. 2002, Волгоград.

Мимоход Р.А., Сударев Н.И. Музыка в археологии: новые уникальные находки на античном некрополе поселения Волна 1. // http://www.archaeolog.ru.

Мордвинцева В.И. Античная цивилизация и варварский мир: культурно-исторические процессы в Северном Причерноморье III в. до н. э. – III в. н. э. в трудах М.И. Ростовцева. // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летнему юбилею Б.А. Раева (Кагальник, 20-21 октября 2016 г.). Ростов-на-Дону. 2016.

Науменко С.А. Отчет о проведении археологических раскопок на объекте археологического наследия «Курганный могильник Камышевахский XI» в зоне строительства аэропортового комплекса «Южный» в Аксайском районе Ростовской области в 2015 г. Ростов-на-Дону. 2018. // Архив АМЗ.

Николаева Э.Я. Терракоты города Кеп. // САИ. Г 1-11. Ч. IV. М. Наука. 1974.

Петров В.В. Кифара и псалтерий в символической органологии античности и раннего средневековья. // Историко-философский ежегодник, 2008. М. 2009.

Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на Юге России. М. 2003.

Русяева А.С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев. 2005.

Силантьева П.Ф. Терракоты Пантикапея. // САИ. Г 1-11. Ч. III. М. Наука. 1974.

Симоненко А.В. Раннесарматский период в Северном Причерноморье. // Золото, конь и человек. Киев. 2012.

Симоненко А.В. Сарматское погребение с тамгами на территории Ольвийского государства. // Золото, конь и человек. Киев. 2012 б.

Симоненко А.В. Михайловские «рюмки». // Золото, конь и человек. Киев. 2012 в.

Симоненко А.В. Сарматское погребение в кургане Камова Могила. // Золото, конь и человек. Киев. 2012 г.

Скржинская М.В. Будни и праздники Ольвии в VI – I вв. до н. э. Санкт-Петербург. 2000.

Скржинская М.В. Мифологические сюжеты на боспорских вазах с рельефными фигурами. // Древности Боспора. Вып. 17. М. 2013.

Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь. М. 1957.

Суворова Н.И. Терракота Танаиса I –III вв. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016.

Толочко И.В. Об одной разновидности погребений из некрополя Танаиса (так называемые погребения в «лодках-колодах»). // Вестник Танаиса. Вып. 4. Х. Недвиговка. 2017.

Храпунов И.Н. Некоторые итоги исследований могильника Опушки в Крыму. // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всероссийской научной

конференции с международным участием, посвященной 70-летнему юбилею Б.А. Раева (Кагальник, 20-21 октября 2016 г.). Ростов-на-Дону. 2016.

Шевченко А.В. Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи. Симферополь. 2016.

Яблонский Л.Т. Погребальный обряд ранних кочевников Приуралья переходного времени и вопросы археологической периодизации памятников. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов-на-Дону. 2011.

Bachmann W. Die Skytisch-Sarmatische Harfe aus Olbia. Vorbericht zur rekonstruktion eines unverцffentlichten im kriege verschollenen musikinstruments. // Sons originels. Prehistorie de la musique. Liege, 1994. S. 112–113.

Evans M. Chapters on greek dress. // Ancient greek dress. 1964. S. 25.

REFERENCES

Athenaeus. The Deipnosophistae. Books IX-XV. Translated by N.T. Golinkevich. M. 2010.

Euripides. The Phoenician Women. Translated by I. Annensky. // Euripides. Tragedy. M. 1969, v. 2.

Petronius. Satyricon. Translated by V.A. Amphitheatrova-Kadasheva. M. 1990.

Plavt. Stichus. Translated by A. Artyushkova. In 3 v. V. 1. M. 1997.

Plato. Republic. Translated by A.N. Egunova. // Plato. Cit. in 3 v., V. 3/1. M. 1971.

Plato. Laws. Translated by A.N. Egunova. // Plato. Cit. in 3 v., V. 3/2. M. 1972.

Strabo. Geographica. Translated by G.A. Stratanovsky. M. 1964.

Cicero. Speech about the answers of the Haruspex. Translated by IN. Gorenstein. // Mark Tullius Cicero. Speech V. 2. M. 1962.

Aboyan Yu.V., Larenok V.A. Excavations of the necropolis of the Sukho-Chaltyr settlement in 2011. // Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 2011. Issue 27. Azov. 2013.

Aleman A. Sources on the Alans. M. 2003.

Gertsman E.V. Music of ancient Greece and Rome. St. Petersburg. 1995.

Gertsman E.V. Antique musical thinking. L. “Music”. 1986.

Glebov V.P. The funeral rites of the early Sarmatian culture of the Lower Don region of the II-I centuries. BC e. // The funeral rite of the early nomads of Eurasia. Materials and research on the archeology of southern Russia. Issue III. Rostov-on-Don. 2011.

Gorbenko A.A., Kosyanenko V.M. Necropolis Paniardis (Fortress castle). // Don antiquities. Issue 11. Azov. 2011.

Goncharova S.M., Shirochenko EB, Kharenko M.V., Goncharov M.Yu., Maslovsky A.N., Minaev A.P., Yudin N.I. Archaeological research in the city of Azov in 2013-2014. // Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 2013-2014. Issue 29. Azov. 2016.

V. Guguev. The structure of the ritual of the necropolises of the Don Meots (on the role of the Sarmatians in the formation of the population of the ancient settlements). // Bulletin of Tanais. Issue 4. H. Nedvigovka. 2017.

Kobylina M.M. Terracotta figurines of Panticapaeum and Phanagoria. M. 1961.

Kobylina M.M. Terracotta figurines of Phanagoria. // AIS. G 1-11. Part IV. M. Science. 1974.

Kopylov V.P., Kovalenko A.N. On the formation of elite culture among the tribes of the Middle Sarmatian time. // Antique civilization and the barbarian world of the Ponto-Caspian region: materials of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 70th anniversary of B.A. Raeva (Kagalnik, October 20-21, 2016). Rostov-on-Don. 2016.

Kosyanenko V.M. The Necropolis of the Kobyak Settlement (Based on the Excavations of 1956-1962). // Don antiquities. Issue 9. Azov. 2008.

Lyubchansky I.E. The burial rite of the Soleny Dol burial ground in the context of the Late Sarmatian tradition. // The funeral rite of the early nomads of Eurasia. Materials and research on the archeology of southern Russia. Issue III. Rostov-on-Don. 2011.

Mamontov V.I. Sarmatian burials from the burial mound Pisarevka II. // Lower Volga Archaeological Bulletin. Issue 5. 2002, Volgograd.

Mimokhod R.A., Sudarev N.I. Music in Archeology: New Unique Finds on the Antique Necropolis of the Volna 1 Settlement. // http://www.archaeolog.ru.

Mordvintsev V.I. Ancient civilization and the barbaric world: cultural and historical processes in the Northern Black Sea region III. BC e. – III century AD in the works of M.I. Rostovtsev. // Antique civilization and the barbarian world of the Ponto-Caspian region: materials of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 70th anniversary of B.A. Raeva (Kagalnik, October 20-21, 2016). Rostov-on-Don. 2016.

Naumenko S.A. Report on the archaeological excavations at the site of the archaeological heritage «Kurgan burial ground» Kamyshevakhsky XI «in the construction zone of the airport complex» Yuzhny «in Aksai district of the Rostov region in 2015. // AMZ archive.

Nikolaev E.E. Terracotta city Kep. // AIS. G 1-11. Part IV. M. Science. 1974.

Petrov V.V. Kifara and Psaltery in the symbolic organology of antiquity and the early Middle Ages. // Historical and Philosophical Yearbook, 2008. M. 2009.

Rostovtsev M.I. Hellenism and Iranian in the south of Russia. M. 2003.

Rusyaev A.S. Religion of the Pontic Hellenes in ancient times: Myths. Sanctuary. Cults of the Olympic gods and heroes. Kiev. 2005.

Silantyeva P.F. Terracotta Panticapaeum. // AIS. G 1-11. Part III. M. Science. 1974.

Simonenko A.V. Early Sarmatian period in the Northern Black Sea. // Gold, horse and man. Kiev. 2012.

Simonenko A.V. Sarmatian burial with tamgas on the territory of Olbia. // Gold, horse and man. Kiev. 2012 b.

Simonenko A.V. Mikhailovskie «glasses». // Gold, horse and man. Kiev. 2012 c.

Simonenko A.V. Sarmatian burial in the barrow of Kamov Grave. // Gold, horse and man. Kiev. 2012.

Skrzhinskaya M.V. Weekdays and holidays of Olbia in the VI – I centuries. BC e. St. Petersburg. 2000.

Skrzhinskaya M.V. Mythological plots on Bosporan vases with relief figures. // The Antiquities of the Bosporus. Issue 17. M. 2013.

Sorokina N.P. Tuzla necropolis. M. 1957.

Suvorova N.I. Tanais terracotta in I–III centuries AD // The Cimmerian Bosporus and the Barbaric World in the period of antiquity and the Middle Ages. Researchers and research. Kerch, 2016.

Tolochko I.V. On one particular type of burials from the necropolis of Tanais (the so-called burials in "boat-decks"). // Bulletin of Tanais. Issue 4. H. Nedvigovka. 2017.

Khrapunov I.N. Some results of studies of the Opushka burial ground in the Crimea. // Antique civilization and the barbarian world of the Ponto-Caspian region: materials of the All-Russian scientific conference with international participation, dedicated to the 70th anniversary of B.A. Raeva (Kagalnik, October 20-21, 2016). Rostov-on-Don. 2016.

Yablonsky L.T. The funeral rite of the early nomads of the Urals of transitional time and the issues of the archaeological periodization of monuments. // The funeral rite of the early nomads of Eurasia. Materials and research on the archeology of southern Russia. Issue Iii. Rostov-on-Don. 2011.

Bachmann W. The Skytisch-Sarmatische harp from Olbia. Preliminary report on the reconstruction of an unreleased musical instrument lost during the war// Original sounds. Prehistory of music. Liege, 1994. S. 112–113.

Evans M. Chapters on greek dress. // Ancient greek dress. 1964. S. 25.

Резюме

Для сарматского погребального обряда не характерно использование терракотовых статуэток в качестве сопутствующих предметов при погребении. Обнаружение терракотовой Афродиты в погребении молодой сарматской девушки из могильника Камышевахский XI, относящейся к всадническому сословию и проживавшей на территории Нижнего Подонья на рубеже эр, позволяет сделать некоторые выводы: данная находка может свидетельствовать о высокой степени аккультурации верхушки сарматского общества, принявшей эллинскую религию и культуру. Она может являться свидетельством политической дипломатии, сопрово-

ждающейся взаимными услугами и дарами, а также подтверждает тезис о контроле аорсами старого торгового пути из Индии и Вавилонии через Мидию и Армению к Танаису, что позволяло им не только обогащаться, но и приобретать у боспорских греков предметы роскоши и искусства.

Ключевые слова: могильник Камышевахский XI, элита, аорсы, терракотовая статуэтка, арфа-тригон, аккультурация.

Summary

It is not characteristic to use terracotta figurines as related items for burial for the Sarmatian burial rite. The discovery of the terracotta Aphrodite in the burial of a young Sarmatian girl from the Kamyshevakhsky XI burial ground who belonged to the equestrian class and lived in the territory of the Lower Don region at the turn of the era, allows us to draw some conclusions: this finding may indicate a high degree of acculturation of the Sarmatian society that adopted Hellenic religion and culture. It can be evidence of political diplomacy, accompanied by mutual services and gifts, and also confirms the thesis that the aorsi controlled the old trade route from India and Babylonia through Media and Armenia to Tanais, which allowed them not only to become wealthy, but also to purchase luxury goods from the Bosporus Greeks art.

Keywords: Kamyshevakhsky XI burial ground, aorsi, terracotta statuette, harp-trigon, acculturation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Суворова Надежда Игоревна,
ГБУК РО «Азовский историко-археологический и
палеонтологический музей-заповедник»,
старший научный сотрудник,
+7 904 502 35 87,
w.falke@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Suvorova Nadezhda,
Azov History, Archaeology and
Palaeontology Museum-Reserve,
Senior Researcher,
+7 904 502 35 87,
w.falke@mail.ru

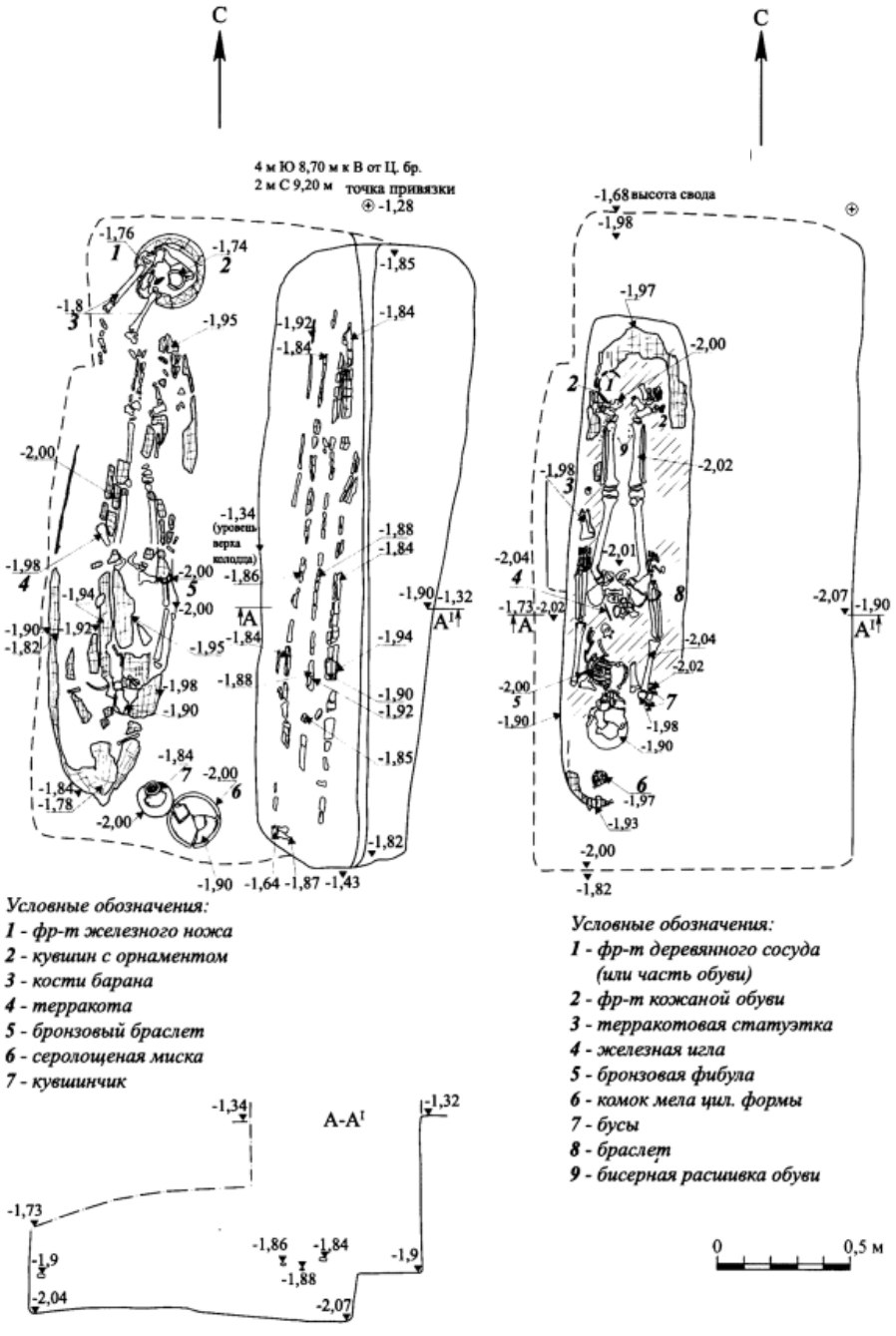

Рис. 1. Чертеж погребения 1 кургана 7 могильника Камышевахский XI (Науменко, 2018).

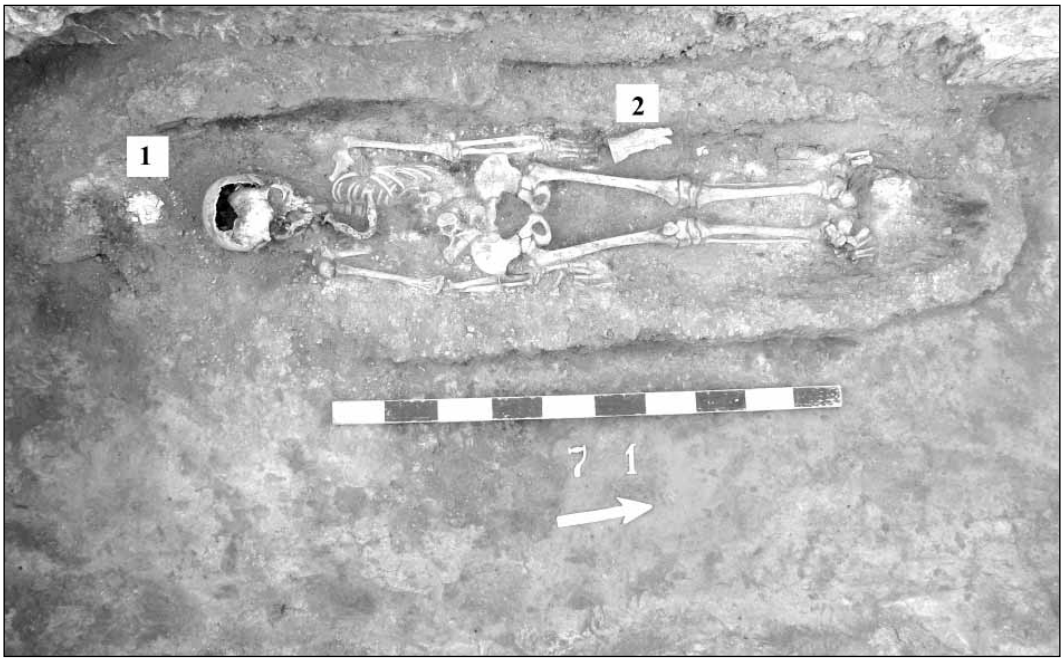

Рис. 2. Погребение 1 кургана 7 могильника Камышевахский XI:
1 – фрагменты деревянной пиксиды с маслом; 2 – терракотовая статуэтка
(Науменко, 2018).

Рис. 3. Терракотовая статуэтка из погребения 1 кургана 7 могильника Камышевахский XI (рисунок Н.Е. Беспалой).

В.Г. ЗУБАРЕВ, С.В. ЯРЦЕВ, С.Л. СМЕКАЛОВ
V.G. ZUBAREV, S.V. YARTSEV, S.L. SMEKALOV

«ВАРВАРСКИЙ» КОМПОНЕНТ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА ВО II – V ВВ. Н.Э. (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДИЩА БЕЛИНСКОЕ)[1]

«BARBAROUS» COMPONENT IN THE MATERIAL CULTURE OF RURAL SETTLEMENTS OF THE EUROPEAN BOSPOR IN II - V CENTURIES AD (BY THE EXAMPLE OF THE CITY BELINSKAYA)

Взаимодействие различных культур в немалой степени зависит от территориальной близости и стабильности контактов между этническими группами [Масленников, 2011, с. 243]. На периферии античного мира, особенно в приграничных районах, такие контакты были устойчивыми и влияние античной цивилизации на соседних варваров несомненно. Однако сколь бы тесными в данном случае ни были контакты, они не вели к ассимиляции местного населения, сохранявшего в большей или меньшей степени собственную идентификацию.

Иное дело группы варваров, оказавшиеся по тем или иным причинам на территории самого античного государства и инкорпорированные в его структуру. Здесь такие группы, представлявшие собой некое инородное тело (чуждый элемент), неизбежно должны были подвергнуться ассимиляции и в конечном итоге утратить собственную идентичность. С другой стороны, немалую роль в этом процессе играл количественный фактор. Сколь бы высокой ни была культура, если носителей этой культуры мало, то вероятность их растворения в варварской среде чрезвычайно велика. И тогда «варваризация» общества неизбежна. При этом отдельные элементы прежней культуры (в том числе и язык) могут сохраняться достаточно долго, однако их носителей уже вряд ли возможно идентифицировать как прежнее население.

Эти процессы становятся особенно интенсивными в римский и позднеантичный периоды, когда правители Боспора активно привлекают варварский контингент в качестве наёмников или федератов, расселяя эти группы варваров на своей территории в военных крепостях и поселениях. Поскольку письменными источниками, отражавшими этот процесс, мы почти не располагаем, на первый план выдвигается использование результатов раскопок поселений и некрополей, которые могли быть связаны с практикой расселения варваров на территории Боспорского царства. В этой связи городище Белинское для решения этой задачи можно рассматривать как эталонный памятник.

[1] Работа выполнена в рамках НИР «Археологические и геофизические изыскания на археологических памятниках Аджиэльской балки для проверки гипотез о характере антропогенного воздействия в период голоцена» в Тульском государственном педагогическом университете им. Л.Н. Толстого (задание Минобрнауки России, № 33.6496.2017/8.9).

Городище Белинское, расположенное вблизи Узунларского вала на территории современного Керченского полуострова, занимало важное место в системе обороны Европейского Боспора. Оно было построено при Савромате I в начале II в. н.э. и просуществовало до середины V в. н.э. За это время городище служило базой для крупного воинского соединения, участвовавшего в военных действиях против крымских скифов [Зубарев, 2008, с. 116–122], дважды подвергалось разрушению и дважды восстанавливалось, постепенно эволюционируя в сторону небольшого сельского городка [Зубарев, Седых, 2013, с. 250–274].

Несмотря на то, что накопленный к настоящему времени археологический материал позволяет отчасти ответить на вопрос об изменениях этнического состава жителей городища Белинское, судить о степени проникновения в традиционную античную материальную культуру чуждых ей элементов, носителями которых являлись новые поселенцы, крайне сложно. Во всяком случае, однозначный ответ получить вряд ли возможно.

Прежде всего, это связано с тем, что к интеграции в античное пространство Боспора допускались народы, уже эллинизированные или поддающиеся воздействию греко-римской культуры. По сути, варвары, осевшие или расселённые на городище, уже давно не являлись «варварами» в чистом виде. Материал, полученный в ходе раскопок на городище, достаточно однороден на протяжении почти всего времени его существования. Число инноваций, например в керамике, по которым можно было бы судить о появлении новых этнических групп, незначительно, особенно до первого разгрома во второй половине III в. н.э. [Зубарев, Крайнева, 2005, с. 212].

Некоторые изменения можно наблюдать в религиозных воззрениях населения, однако их связь с инокультурными элементами также нельзя оценивать однозначно. Удаётся в какой-то мере проследить развитие архитектуры поселения в контексте общей «варваризации» построек. Наконец, наиболее значительный материал дали раскопки некрополя, и, в первую очередь, выявленные здесь отличия в типах погребений. Однако только сопоставление всех этих факторов позволяет определить характер изменений в материальной культуре жителей городища в целом.

Архитектура городища при его строительстве полностью соответствовала античной строительной традиции. По периметру оно было окружено оборонительной стеной, соответствующей рельефу местности (рис. 1). Толщина фундамента стен на всех исследованных участках составляет 2,5 м. Структура кладки трёхслойная двухлицевая. Слои внутреннего и внешнего фаса сложены из крупных камней жёлтого ракушечника. Посредине идёт слой забутовки более мелким камнем. Пригонка блоков неплотная. Зазоры между камнями у стыков большие. При возведении стены они сразу забивались мелким бутом, на многих местах впоследствии выпавшим. Кладочный раствор, использовавшийся при возведении стены, глинистый с небольшими элементами песка и рыхлых земляных комочков. Крупные обработанные камни фундамента стены (до 1,5 х 0,6 м) заглублены в материк до 0,4 м. Фундамент северо-западной стены со стороны внешнего фаса был укреплён слоем бутового камня.

Ширина данного слоя до 0,8 м. Мощность до 0,6 м. Слой бутового камня располагался на подсыпке из мелкого щебня и крошки мощностью до 0,15 м. Аналогичная подсыпка имела место и вдоль фундаментов юго-западной и юго-восточной стен. В наиболее уязвимых местах фортификация дополнялась глубоким рвом. Последний не давал возможности подвести осадные орудия непосредственно к куртине.

Фортификационная система городища традиционно включала в себя и башни. К настоящему времени они выявлены на южном и западном участках, на угловых стыках оборонительных стен. В наиболее полном виде до нас дошел фундамент западной башни (рис. 2). Она имеет близкую к квадрату форму при площади внутри периметра стен 10,24 кв. м. Кладка стен двухслойная двухлицевая. Слои внешних и внутренних фасов сложены из частично обработанных блоков желтого ракушечника местного происхождения. В северном углу башни на фундаменте стены in situ сохранился один рустованный блок первого ряда кладки (0,9 х 0,55 х 0,6 м, глубина руста 0,05 м). Условно правильную форму поверхность фундамента внешнего фаса с четко выраженным ложком имеет не весь кладочный материал. Преобладают камни средней величины (0,7 х 0,7 - 0,7 х 0,6 м). Кладочный раствор глинистый с примесью земли.

Близкие по размерам и форме башни известны на поселениях как Европейского Боспора, так и в целом в Северном Причерноморье [Крыжицкий, 1993, с. 181–185]. Однако в нашем случае башня расположена с внешней стороны под острым углом к куртине, что позволяет отнести данную конструкцию к системе так называемых «косых куртин», о которых сообщает Филон Византийский (Philon, VIII, 13-15).

Внутренняя планировка достаточно чёткая и приближается к планировке стационарного римского лагеря. Выявленные в ходе раскопок жилые и хозяйственные постройки ориентированы по сторонам света. Кладка сохранившихся фундаментов качественная и типична для античных поселений этого времени. Постройки разделены улицами. Участки двух таких улиц, пересекающихся под прямым углом, выявлены в северной части городища. Участок ещё одной улицы (по-видимому, центральной) был исследован на раскопе «Центральный» (рис. 3). Ширина улицы – около 3 м. Направление с юго-востока на северо-запад. Покрытие улицы представляет собой плотный слой крошки желтого ракушечника толщиной до 0,3 м. Сохранились остатки фундаментов четырёх прямоугольных в плане зданий, примыкавших к улице (два с одной стороны, два с другой). Все стены, образующие здания, имеют двухпанцирную кладку на смешанном из глины и земли растворе с забутовкой из той же глинистой субстанции вперемешку с мелким щебнем. Большинство камней не обработано вовсе или имеет незначительные подтёсы. Исключение составляют угловые блоки из хорошо обработанного жёлтого ракушечника. Ширина стен – до 0,8 м.

Массовый и коллекционный материал также вписывается в общий контекст античной культуры: обломки тары (в первую очередь амфор, преимущественно южнопонтийского и боспорского производства), краснолаковой и обычной столовой посуды, фрагменты терракотовых статуэток, пряслица, ткацкие грузила, монеты.

Доля лепной керамики на начальном этапе крайне незначительна, однако к середине III в. н.э. её процент увеличивается.

К концу II в. н.э. после успешных походов Савромата II на городище Белинское начинает меняться состав населения. С одной стороны, отсюда уходят воинские контингенты, с другой – возможно, появляются беженцы-переселенцы, которые вместе с осевшими здесь ветеранами составляют основу нового населения [Зубарев, 2008, с. 119].

Миграция населения из наиболее пострадавшего во время войны Центрального Крыма в Восточный Крым, на Боспор, хорошо прослеживается по данным анализа лепной керамики, проведенного В.П. Власовым [Власов, 2006, с. 173]. Это подтверждается и появлением новых для территории Боспора культовых захоронений животных, захоронений внутри помещений человеческих черепов и других инноваций [Емец, Масленников, 1992, с. 32–40]. На городище Белинское к настоящему времени насчитывается семь захоронений собак, которые достаточно уверенно можно связать с культовой сферой. Два из них выявлены в ямах, заполненных золой и являвшихся, по-видимому, ботросами. Четыре – под фундаментами помещений. Одно – в основании северо-западной крепостной стены.

Скорее всего, именно в рамках выявленной А.А. Масленниковым особой роли позднескифского этноса в культуре населения Боспора [Масленников, 2007, с. 517–522] необходимо оценивать и погребение с недоношенными младенцами на Белинском городище в углу, образованном внешним северо-западным фасом оборонительной стены и выступающем внешним северо-восточным фасом стены западной башни (рис. 4). В небольшой ямке глубиной 0,2 м, перекрытой несколькими крупными фрагментами стенок амфоры типа № 83 по И.Б. Зеест, были выявлены останки двух плодов человека, внутриутробный возраст которых составлял 8,8-9,2 и 8,9-9,3 лунных месяца. Вероятнее всего, в обоих случаях имело место прерывание беременности, а именно – преждевременные роды[2]. Захоронение не привязано к основанию фундамента стен, который заглублён здесь в материк на 0,4 м.

Учитывая склонность крымских скифов к подражанию античным вкусам [Высотская, 1975, с. 48], данный обряд явно имел синкретический характер, являясь продуктом взаимовлияния греческих погребений детей в сосудах и местного скифского обычая погребения младенцев на поселениях [Высотская, 1979, с. 169; Высотская, 1984, с. 139]. Применительно к погребению на Белинском городище, как и в ряде других мест, это просматривается в отсутствии собственно самого сосуда, на который только намекают отдельные черепки.

Однако материалы, полученные при исследовании некрополя городища Белинское, заставляют усомниться в том, что только крымские скифы были участниками миграции населения.

Некрополь городища Белинское, расположенный в 600 м к востоку от городи-

[2] Определение антропологического материала осуществлено Д. Ю. Пономарёвым (г. Керчь).

ща, функционировал на протяжении почти всего времени существования поселения. Наиболее ранние погребения в его центральной части совершались в типичной для Боспора склепах с искусственным полуциркульным перекрытием (рис. 5) и грунтовых могилах с «заплечиками» (рис. 6) или без них (рис. 7). В то же время на южном участке некрополя погребения совершались в могилах, в длинных стенах которых имелись пазы, предназначенные для удержания краёв деревянного или каменного перекрытия (рис. 8). Единственным аналогом этих погребений могут служить ранние грунтовые могилы могильника Нейзац в центральной части Предгорного Крыма [Храпунов, 2004, с. 134]. Появление таких захоронений здесь связывается с определённой группой сармат, не вступавшей в тесные контакты с поздними скифами и отличающейся некоторой замкнутостью [Храпунов, 2004, с. 136].

Погребения данного типа на некрополе городища Белинское занимают обособленный участок, удалённый от обычных боспорских погребений в центральной части. Судя по выявленным остаткам богатого погребального инвентаря (рис. 9), группа обладала достаточно высоким социальным статусом. Присутствуют как мужские, так и женские захоронения. Все захоронения одиночные. Часть захоронений была с оружием (в грабительских отвалах было найдено несколько фрагментов мечей сарматского типа). Всё это свидетельствует в пользу интерпретации этнической группы людей, совершавших рассматриваемые погребения, в качестве наёмников на службе у боспорских царей. Соответственно, появление их в составе жителей городища Белинское можно рассматривать как проявление такого типа миграции, как профессиональная миграция. Обнаружить следы такой миграции можно только при наличии особенностей в погребениях. В остальном их жизнь ничем не отличалась от прочего населения.

После разгрома городища в ходе варварских походов III в. н.э. его архитектура претерпела некоторые изменения, но в целом сохранила греко-римские строительные традиции. Серьезным образом была изменена фортификационная система городища. Это наглядно демонстрирует западный участок городища, где сохранился довольно большой фрагмент противотаранного пояса, полностью охватывающего фундамент западной башни и наглухо закрывающего проход вылазной калитки (рис. 10).

Противотаранный пояс пирамидальной или усеченно-конической формы опоясывает фундамент западной башни полукругом. Фундамент противотаранного пояса был вскрыт на участке длиной до 22,0 м (расстояние по линии фаса). Ширина 2,9 – 3,2 м. Максимальная высота выявленной кладки 1,9 м. Сохранность до 6 рядов кладки. Кладка двухслойная, однолицевая, сложена под острым углом к основанию конструкции. Кладочный материал из слоя фаса представлен крупными необработанными камнями (0,9 х 0,4 х 0,5; 1,1 х 0,4 х 0,6; 0,8 х 0,5 х 0,4 м) из белого известняка, среди которых выявлены и обработанные каменные изделия вторичного использования: антропоморфное надгробие (?) (0,4 х 0,12 х? м) и известняковый алтарь (0,3 х 0,2 х 0,4 м). Пригонка каменных глыб не плотная. Кладочный раствор

содержит большое количество земли. Пространство между фасом противотаранного пояса и непосредственно стенами западной башни заполнено слоем бутового камня мелкого и среднего размеров. При этом участок острого угла, образованного северо-западной куртиной и стеной западной башни, включая находящееся здесь погребение младенцев, также был перекрыт слоем бутового камня мелкого и среднего размера мощностью до 0,6 м. Подножие противотаранного пояса расположено на слое золы и горелого серо-коричневого суглинка. Самые нижние камни противотаранного пояса, лежащие непосредственно на слое пожара, следов воздействия высоких температур не содержат.

Противотаранным поясом была укреплена не только западная башня, но и юго-западная оборонительная стена (рис. 11). Принцип конструкции аналогичен противотаранному поясу западной башни.

Планировка внутри оборонительной линии в целом остаётся прежней. В ряде случаев разрушенные постройки восстанавливаются на прежних фундаментах. Расширяется площадь застройки. Появляется больше хозяйственных ям и построек хозяйственного назначения. Каких-либо инноваций, чуждых античной культуре, выявлено не было.

То же самое можно сказать и в отношении массовых и индивидуальных находок, хотя здесь некоторые изменения заметны более отчётливо. Помимо существенного возрастания доли лепной посуды в общем объёме керамики, присутствие новой группы населения на городище подтверждается находками аланской керамики. В частности, интерес представляет серолощёный кувшин биконической формы, явно подражающий черняховской керамике (рис. 12). Кроме того, следует отметить находки довольно большого количества фрагментов лепных лощёных мисок с полусферическим или усеченно-коническим туловом и резко загнутыми краями, отделёнными от тулова чётко выраженным ребром. Миски такой профилировки обычно считаются имитацией аналогичных краснолаковых сосудов. Однако в тех случаях, когда на памятниках они фиксируются в слоях и комплексах после середины III в. н.э., особенно если ранее такая посуда здесь не встречалась, её присутствие следует рассматривать как проявление керамических традиций черняховской археологической культуры. Отметим при этом, что доля краснолаковой посуды по сравнению с начальным периодом в истории городища снижается.

Расселение очередной варварской группы на городище в качестве постоянного оседлого населения фиксируется и по новому типу погребальных сооружений, который вплоть до вторичного разрушения городища на рубеже первой и второй четверти IV в. н.э. становится доминирующим на некрополе городища Белинское. Речь идёт о появлении здесь во второй половине III в. н.э. вырубных склепов с коротким дромосом. Аналогичные по конструкции склепы известны в Предгорном Крыму (могильники Нейзац, Дружное, Инкерман и др.) [Храпунов, 2004, с. 138, 148]. В первые века н.э. они становятся доминирующими и на некоторых могильниках Восточного Крыма, в частности на Илуратском плато. В.А. Хршановский,

опираясь на типологию боспорских склепов Е.А. Савостиной, определяет такие склепы, как склепы-катакомбы [Хршановский, 2012, с. 526]. Их отличают входные ямы, прямоугольные или трапециевидные в плане, не заполненные камнями короткие дромосы, входы в которые закрывались крупными каменными плитами, и прямоугольные или трапециевидные в плане погребальные камеры с коробовым (полуциркульным) сводом (рис. 13). Традиция строительства подобных склепов связана с Северным Кавказом, а их доминирование на некрополе городища Белинское начиная с последней четверти III в. н.э. свидетельствует о присутствии в составе населения выходцев с Северного Кавказа, скорее всего, алан [Зубарев, 2009, с. 176–178].

Наиболее существенные изменения, свидетельствующие о качественном переломе в жизни населения городища Белинское, произошли на заключительном этапе античного периода в его истории. На территории жилой части городища появляются зольники. Любопытно то обстоятельство, что зольники эти располагались по углам периметра городища над заброшенными и по большей части разобранными фортификационными сооружениями предшествующего времени. Так, участок вдоль северо-западной оборонительной стены (включая остатки фундамента) специально был засыпан золой из домашних очагов и бытовым мусором. Ритуальные захоронения, которые совершались на этом участке (рис. 14), фактически рядом с жилыми домами, свидетельствуют о нарушении одной из составляющих традиционной античной культурной структурно-пространственной парадигмы – погребение своих умерших на некрополе. Следует отметить, что погребения этого времени выявлены не только в северной части, но и на центральном участке и в восточной части городища [Зубарев, Ярцев, 2015, с. 142–153].

Резко снизилось качество построек. Хотя, справедливости ради, необходимо отметить, что некоторое подобие прежнего благоустройства всё же сохранялось. Например, в северной части городища был выявлен ливневый водосток, функционировавший именно в это время.

Третий период в истории городища, с одной стороны, характеризуется также резким сокращением доли краснолаковой керамики (на этот период приходится чуть больше 20 %, причём в этот процент входит довольно много керамики, попавшей сюда из более ранних слоёв). С другой стороны, существенно возрастает доля лепной керамики, в том числе подражающей известным краснолаковым типам [Зубарев, Крайнева, 2005, с. 197–221]. Увеличивается также доля лепной керамики с зооморфными ручками.

Большинство погребений этого времени как на некрополе, так и на городище безынвентарные или содержат крайне бедный инвентарь.

Анализ сакральных комплексов, выявленных на городище, позволяет говорить о существенном усилении хтонических культов в религиозной практике местных жителей [Зубарев, 2015, с. 161–181], однако однозначно связывать это явление с влиянием мигрантов мы бы не стали. Так, например, ритуальные погребения собак на городище имели место как в период строительства поселения, так и на последнем

этапе его существования. Появление в восточной части городища в конце III в. н.э. каменных кругообразных сооружений (рис. 15), наиболее близкие аналоги которым имеются на некрополе Илурата [Ханутина, Хршановский, 2003, с. 317–318], связано с новыми этническими группами в составе населения, а именно с носителями сармато-аланской культуры. Данное обстоятельство подтверждается и существенными изменениями в наборе вотивных предметов. Из их числа почти полностью исчезают терракотовые статуэтки наряду с появлением лепных статуэток всадников и некоторых животных.

Итак, археологический материал из раскопок городища Белинское и его некрополя свидетельствует о постепенной «варваризации» населения этого сельского поселения. Процесс «варваризации» был достаточно длительным и на начальном этапе малозаметным. Первая волна мигрантов, представлявших наёмников на службе боспорских царей, мало чем отличалась от общей массы населения, сохраняя лишь особенный тип погребального сооружения. Вторая волна, пришедшая на городище после или во время варварских походов III в. н.э., уже была более заметна, но в целом осталась в русле греко-римской культурной традиции. Лишь на заключительном этапе с третьей волной мигрантов проникновение в традиционную материальную культуру чуждых элементов переросло в качество. Оно покончило с античной культурной структурно-пространственной парадигмой. Сначала мигранты начали хоронить своих умерших за пределами некрополя, а затем (в первой половине V в. н.э.) отказались проживать в домах на городище и окончательно покинули его.

Основной причиной такого исхода стал количественный фактор. Каждая новая волна мигрантов хотя и принимала античный образ жизни, вносила в него некоторую часть собственных традиций. Степень первичной эллинизации новых переселенцев уменьшалась, а их количество увеличивалось. Пока носителей традиционной античной культуры было достаточно, чтобы противостоять чуждому влиянию, это влияние незначительно отражалось на материальной культуре. Как только этот баланс нарушился, «варваризация» культуры пошла полным ходом. В крупных городах и, возможно, части прибрежных поселений античные ценности ещё какое-то время сохранялись, однако на сельской территории с ними было покончено.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Власов В.П. О позднескифских миграциях на Боспор // БИ. 2006. Вып. XI. С. 163–176.

Высотская Т.Н. Скифские городища. 1975. Симферополь.

Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. 1979. Киев.

Высотская Т.Н. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // 1984. Античная и средневековая идеология. Свердловск. С. 132–140.

Емец И.А., Масленников А.А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора // 1992. РА. 4. С. 32–42.

Зубарев В.Г. Городище Белинское в системе фортификации Европейского Боспора в I – II вв. н.э. // 2008. БЧ. IX. С. 116–122.

Зубарев В.Г. К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III – IV вв. н.э. // 2009. БЧ. X. С. 175–181.

Зубарев В.Г. Культовые объекты на городище у села Белинское в Восточном Крыму (по материалам раскопок 1996–2014 гг.) // 2015. ДБ. Т. 19. С. 161–183.

Зубарев В.Г., Крайнева А.А. Лепная керамика с городища у села Белинское в Восточном Крыму // 2005. ДБ. Т. 8. С. 197–221.

Зубарев В.Г., Седых Е.Е. Планировка и основные этапы застройки городища Белинское во II – первой половине V вв. н.э. // 2013. БИ. Вып. XXVIII. С. 250–274.

Зубарев В.Г., Ярцев С.В. Римская культурная экспансия на периферии античного мира // 2015. Цивилизация и варварство. Вып. IV. С. 125–160.

Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. 1993. Киев.

Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. 2007. М.

Масленников А.А. Культурные взаимодействия в полиэтнической среде (факторы влияния и варианты последствий) // 2011. БЧ. XII. С. 240–245.

Ханутина З.В., Хршановский В.А. Ритуальные сооружения на некрополе Илурата // 2003. БИ. Вып. III. С. 315–328.

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // 2004. БИ. Вып. VI. С. 1–239.

Хршановский В.А. Склепы-катакомбы на Илуратском плато: типология, хронология, проблемы этнокультурной принадлежности // 2012. ДБ. Т. 16, С. 526–547.

REFERENCES

Vlasov V.P. O pozdneskifskih migratsiyah na Bospor // BI. 2006. Vyp. XI. P. 163–176.

Vyisotskaya T.N. Skifskie gorodischa. 1975. Simferopol.

Vyisotskaya T.N. Neapol – stolitsa gosudarstva pozdnih skifov. 1979. Kiev.

Vyisotskaya T.N. Nekotoryie aspekty duhovnoy kultury naseleniya Ust-Alminskogo gorodischa // 1984. Antichnaya i srednevekovaya ideologiya. Sverdlovsk. P. 132–140.

Emets I.A., Maslennikov A.A. Novyie dannyie o religioznyih predstavleniyah selskogo naseleniya antichnogo Bospora // 1992. RA. 4. P. 32–42.

Zubarev V.G. Gorodische Belinskoe v sisteme fortifikatsii Evropeyskogo Bospora v I – II c. AD // 2008. BCh. IX. P. 116–122.

Zubarev V.G. K voprosu ob etnicheskom sostave zhiteley selskih poseleniy Evropeyskogo Bospora v III – IV vv. n.e. // 2009. BCh. X. P. 175–181.

Zubarev V.G. Kultovyie ob'ektyi na gorodische u sela Belinskoe v Vostochnom Kryimu (po materialam raskopok 1996–2014 gg.) // 2015. DB. T. 19. P. 161–183.

Zubarev V.G., Krayneva A.A. Lepnaya keramika s gorodischa u sela Belinskoe v Vostochnom Kryimu // 2005. DB. T. 8. P. 197–221.

Zubarev V.G., Sedyih E.E. Planirovka i osnovnyie etapyi zastroyki gorodischa Belinskoe vo II – pervoy polovine V vv. n.e. // 2013. BI. Vyip. XXVIII. P. 250–274.

Zubarev V.G., Yartsev S.V. Rimskaya kulturnaya ekspansiya na periferii antichnogo mira // 2015. Tsivilizatsiya i varvarstvo. Vyip. IV. S. 125–160.

Kryizhitskiy S.D. Arhitektura antichnyih gosudarstv Severnogo Prichernomorya. 1993. Kiev.

Maslennikov A.A. Selskie svyatilischa Evropeyskogo Bospora. 2007. M.

Maslennikov A.A. Kulturnyie vzaimodeystviya v polietnicheskoy srede (faktoryi vliyaniya i variantyi posledstviy) // 2011. BCh. XII. P. 240–245.

Hanutina Z.V., Hrshanovskiy V.A. Ritualnyie sooruzheniya na nekropole Ilurata // 2003. BI. Vyp. III. P. 315–328.

Hrapunov I.N. Etnicheskaya istoriya Kryima v rannem zheleznom veke // 2004. BI. Vyp. VI. P. 1-239.

Hrshanovskiy V.A. Sklepyi-katakombyi na Iluratskom plato: tipologiya, hronologiya, problemyi etnokulturnoy prinadlezhnosti // 2012. DB. T. 16. P. 526–547.

Резюме

В статье на основе материала, полученного при раскопках городища Белинское и некрополя городища Белинское (Восточный Крым) в период с 1996 по 2018 год, делается попытка выделить «варварский» компонент в материальной культуре населения. Авторы анализируют изменения в архитектуре городища, типах погребений, массовых и коллекционных находках и сакральных комплексах в период со II в. по середину V в. н.э. Делается вывод о наличии как минимум трёх волн миграции. Две первых волны в основном оставались в русле греко-римской культурной традиции. Лишь с третьей волной мигрантов проникновение в традиционную материальную культуру чуждых элементов переросло в качество. К середине V в. н.э. оно покончило с античной культурной структурно-пространственной парадигмой. Сначала мигранты начали хоронить своих умерших за пределами некрополя, а затем отказались проживать в домах на городище и окончательно покинули его.

Ключевые слова: Крым, Керченский полуостров, Боспорское царство, городище Белинское, археология.

Summary

In an article, based on material obtained during the excavations of the «Belinskoe» settlement and the Belinskoe settlement necropolis (Eastern Crimea) from 1996 to 2018, an attempt is made to highlight the “barbarous” component in the material culture of the population. The authors analyze changes in the architecture of the settlement, types of burials, mass and collection finds and sacral complexes in the period from the II to the mid V centuries. n.e. It is concluded that there are at least three waves of migration. The first two waves mostly remained in line with the Greco-Roman cultural tradition. It was only with the third wave of migrants that the penetration into the traditional material culture of alien elements grew into quality. By the middle of V century it did away with the ancient cultural structural-spatial paradigm. At first, the migrants began to bury their dead outside the necropolis, and then refused to live in houses in the castle mound and finally left it.

Keywords: Crimea, Kerch peninsula, Bosporus Kingdom, Belinskoe hillfort, archeology, antiquity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубарев Виктор Геннадьевич, д.и.н.,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
заведующий кафедрой.
parosta@mail.ru

Ярцев Сергей Владимирович, д.и.н.,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
доцент.
s-yartsev@yndex.ru

Смекалов Сергей Львович, к.и.н.,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
старший научный сотрудник.
slsmek@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Zubarev Viktor G., DSc,
Tula State Pedagogical University,
Professor, Head of Cafedra.
parosta@mail.ru

Yartsev Sergei V., DSc,
Tula State Pedagogical University,
Associate Professor.
s-yartsev@yandex.ru

Smekalov Sergei L., PhD,
Tula State Pedagogical University,
Senior Researcher.
slsmek@mail.ru

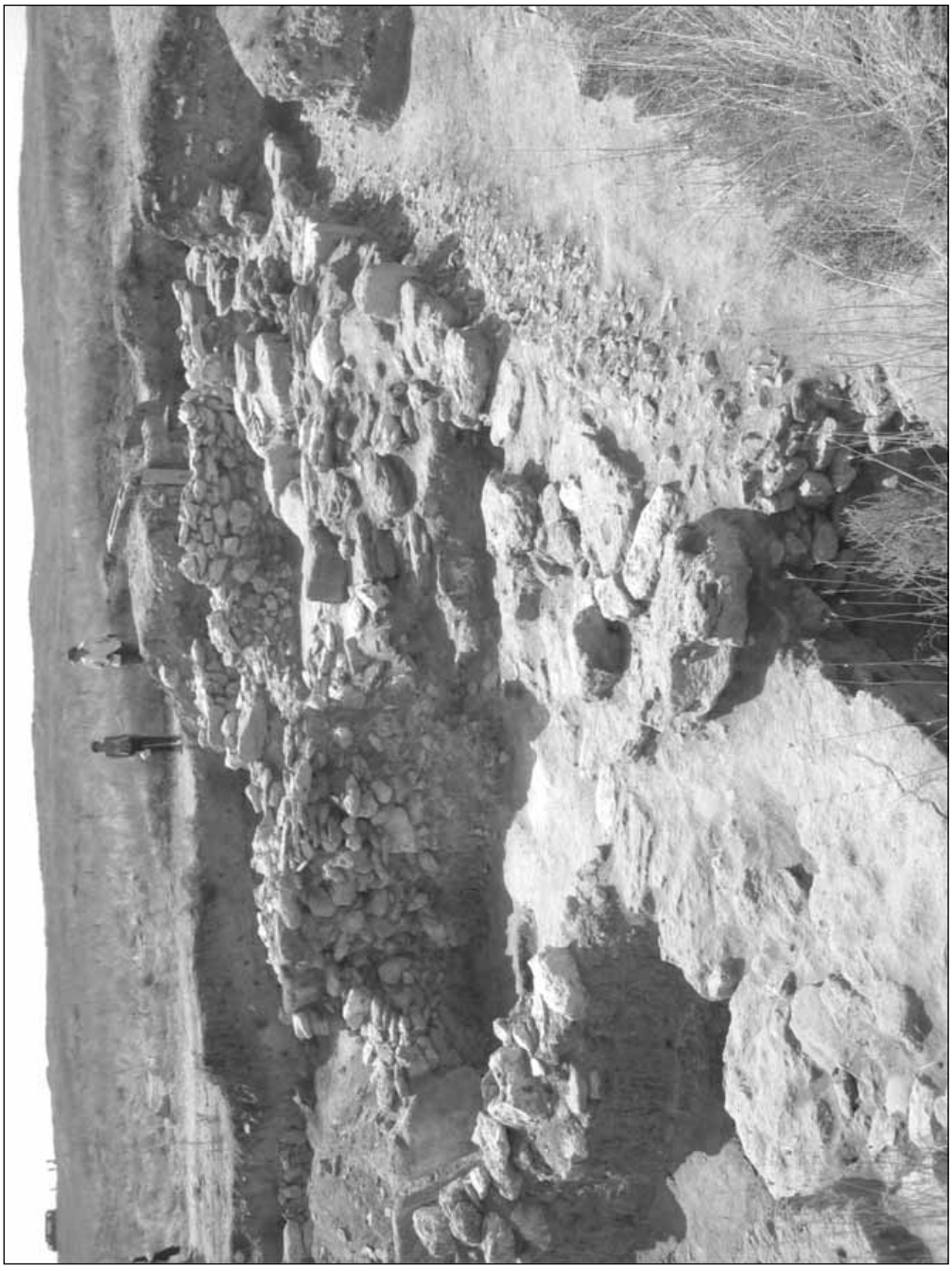

Рис. 1. Северо-западная стена городища Белинское. Вид с севера.

Рис. 2. Западная башня на городище Белинское. Вид с юго-востока.

Рис. 3. Участок «центральной» улицы на городище Белинское. Вид с юго-востока.

Рис. 4. Культовое захоронение младенцев на городище Белинское. Вид с северо-востока.

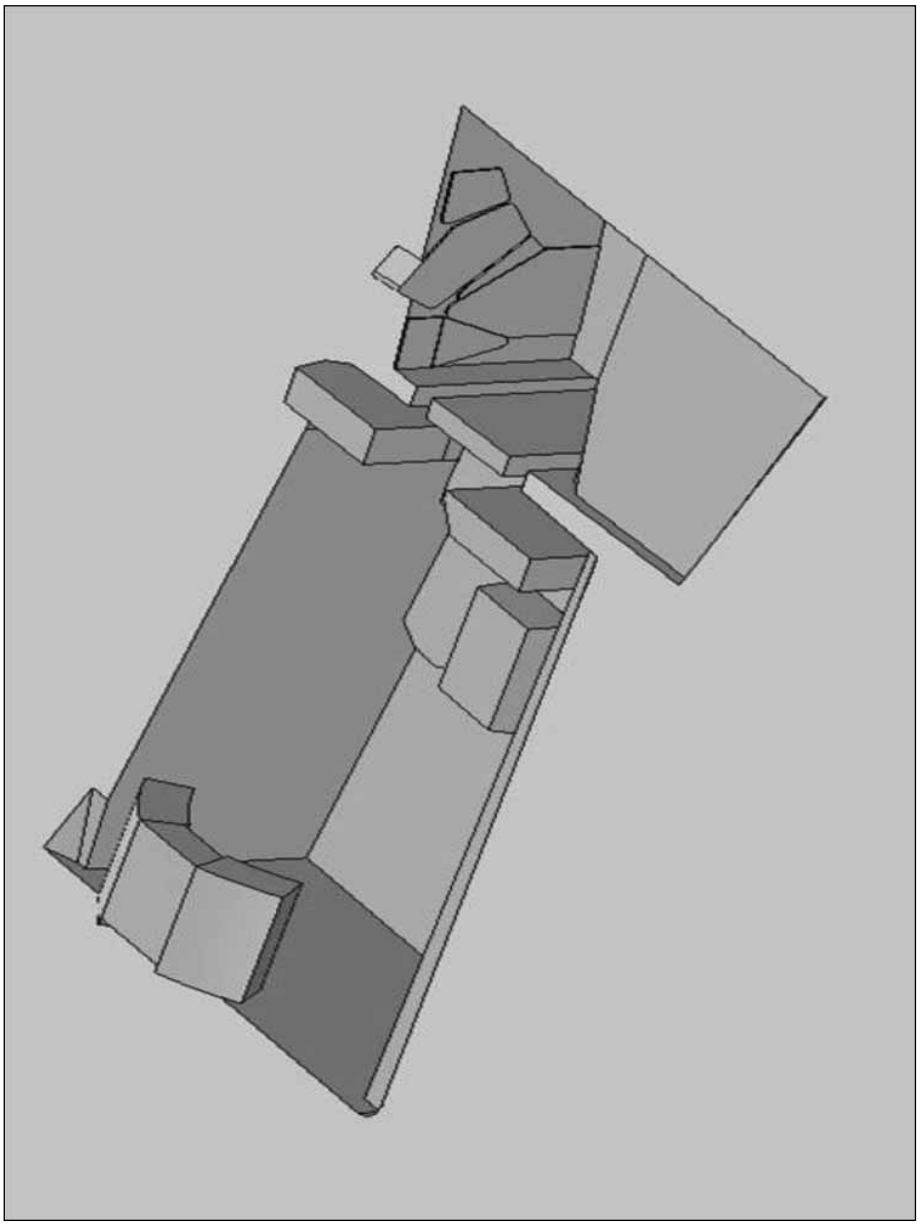

Рис. 5. Реконструкция склепа № 19 на некрополе городища Белинское.

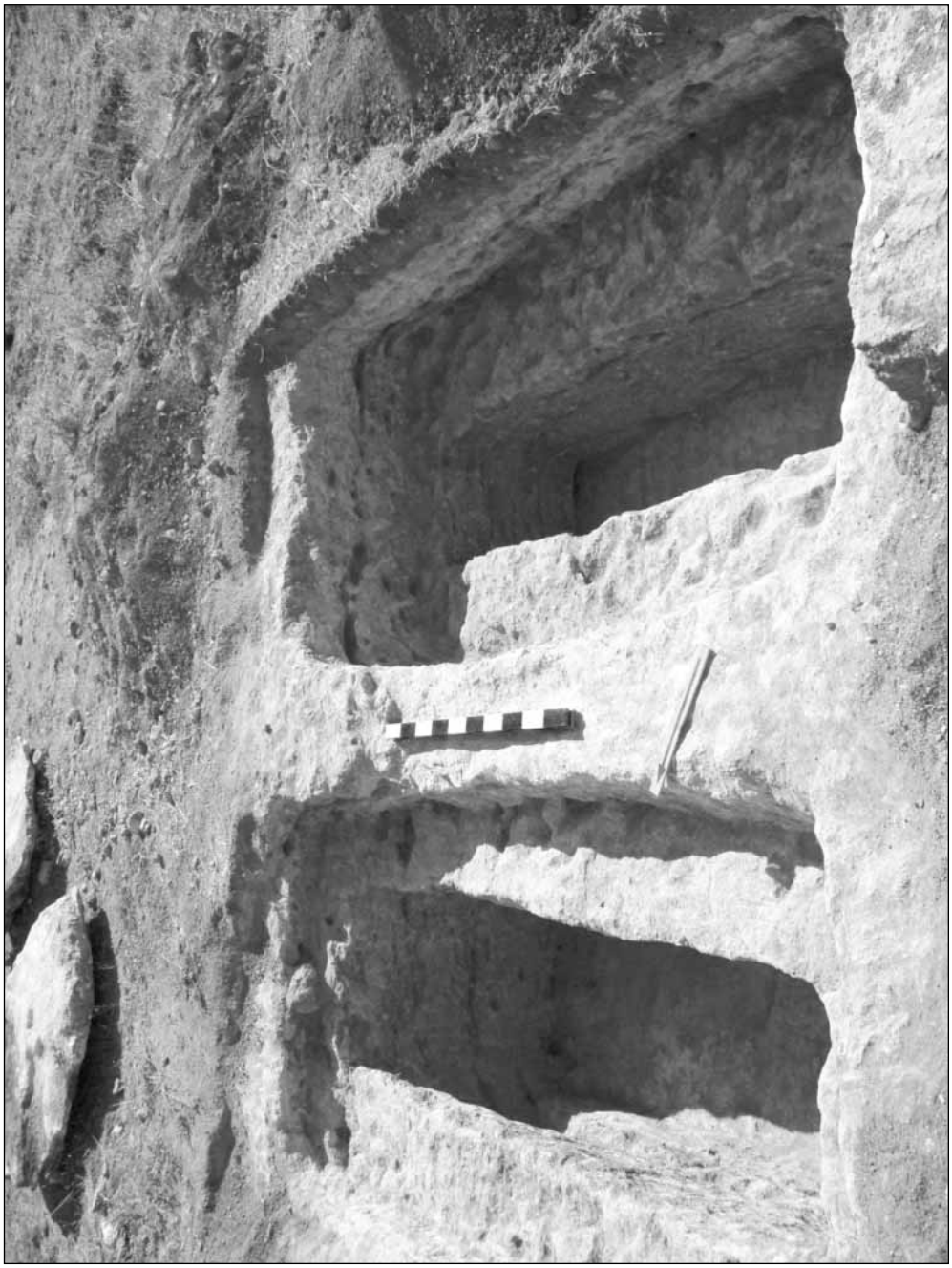

Рис. 6. Погребения с «заплечиками» на некрополе городища Белинское.

Рис. 7. Погребение без «заплечиков» на некрополе городища Белинское.

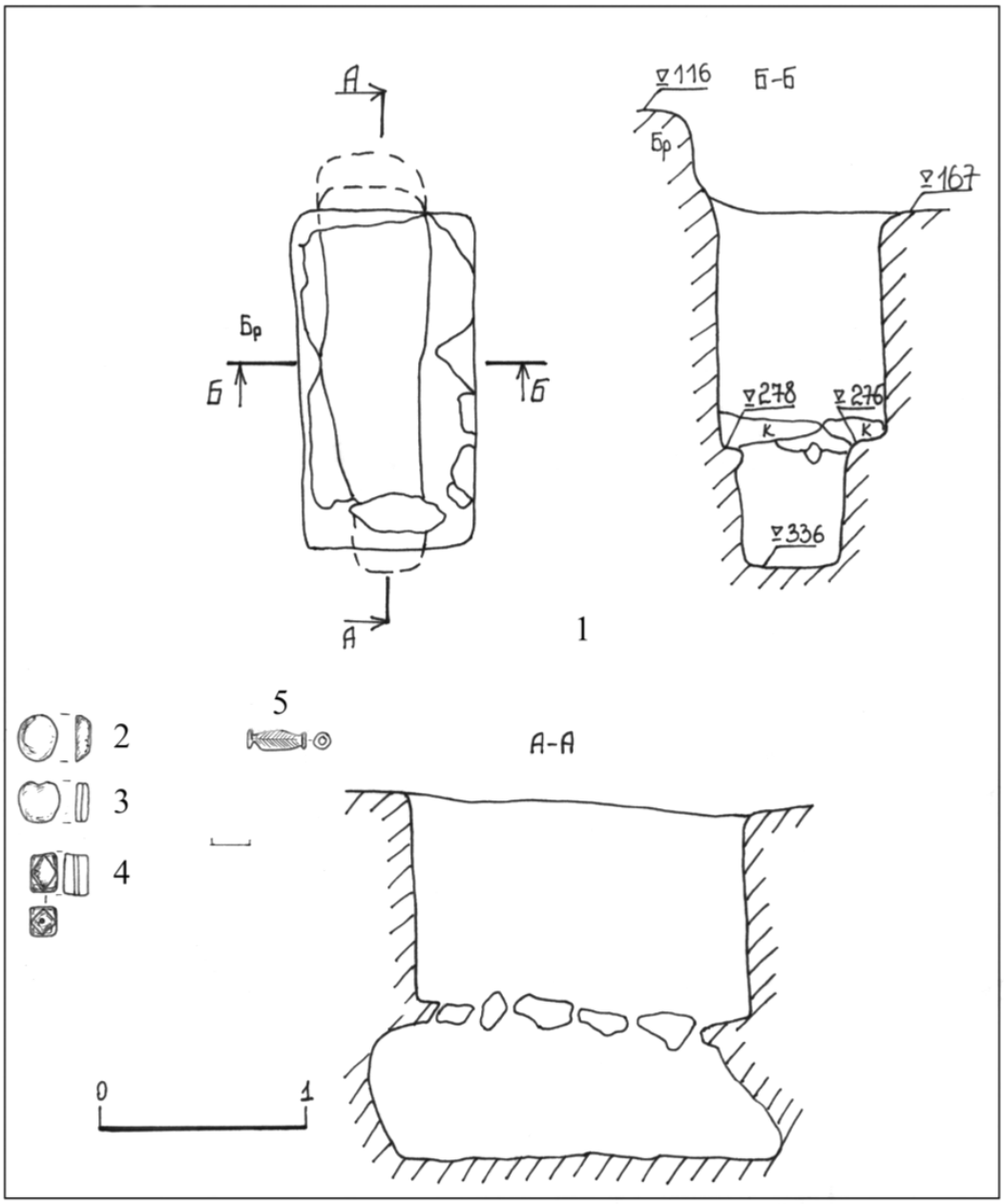

Рис. 8. Погребение с пазами в стенах могильной ямы на южном участке некрополя городища Белинское.

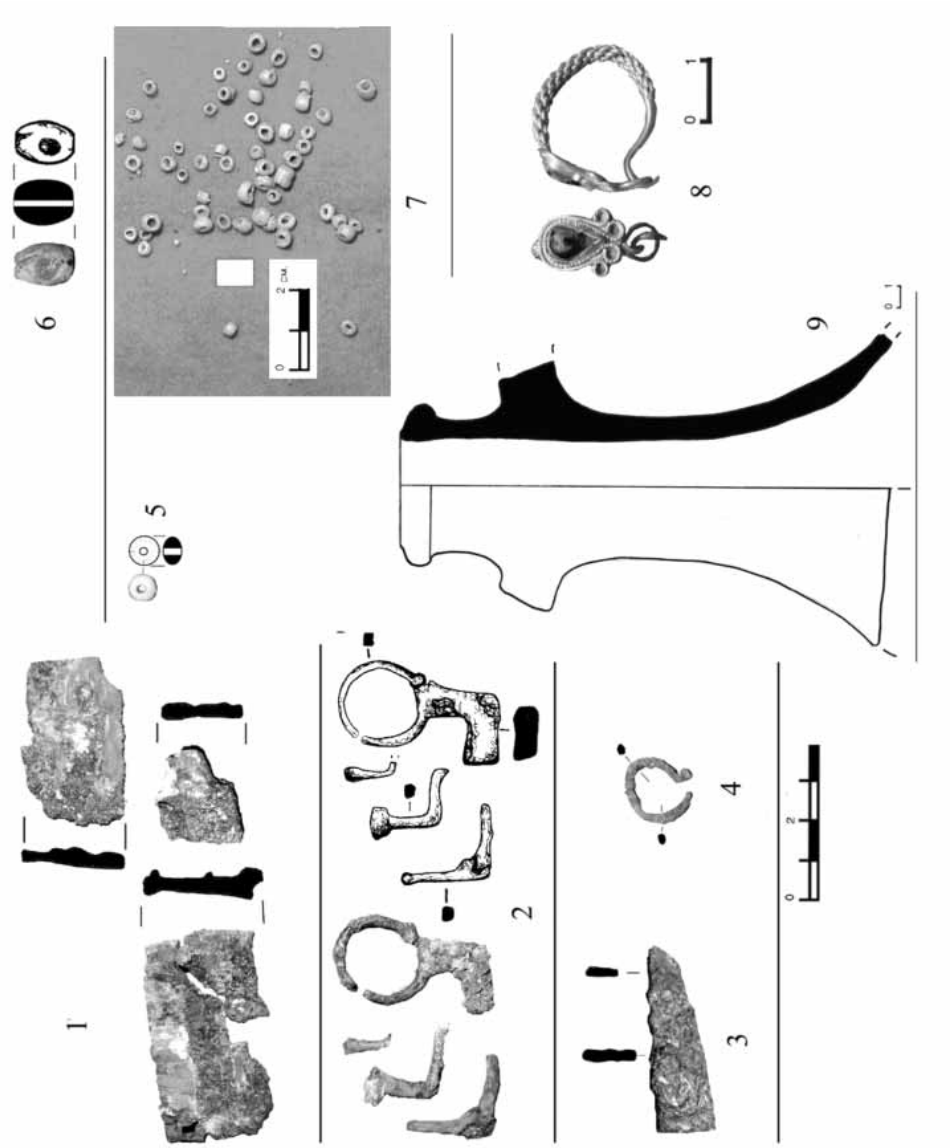

Рис. 9. Погребальный инвентарь с южного участка некрополя городища Белинское.

Рис. 10. Противотаранный пояс западной башни на городище Белинское.

Рис. 11. Противотаранный пояс юго-западной оборонительной стены на городище Белинское.

Рис. 12. Серолощеный биконический кувшин из раскопок городища Белинское.

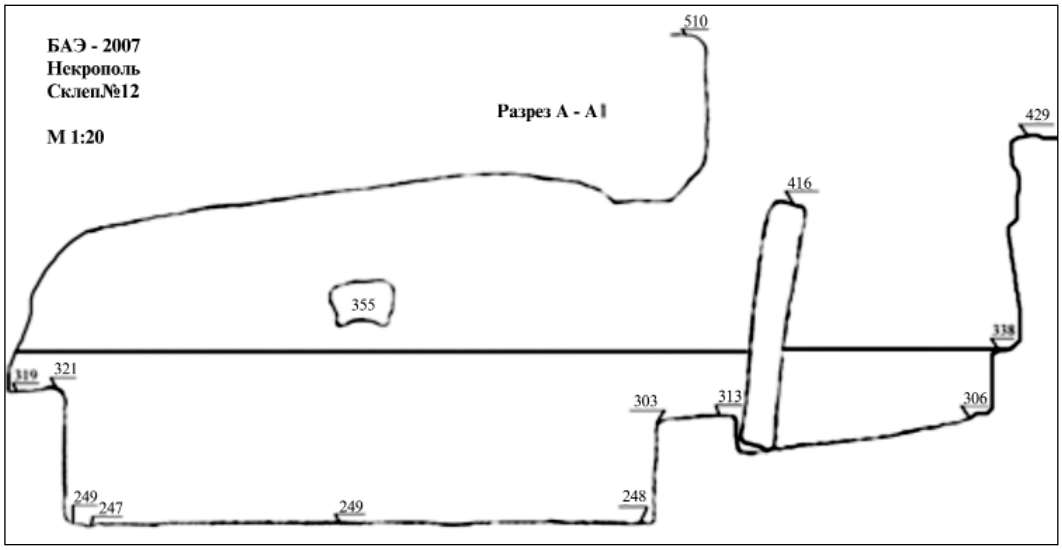

Рис. 13. Разрез вырубного склепа с коротким дромосом. Некрополь городища Белинское.

Рис. 14. Захоронение в зольнике на городище Белинское.

Рис. 15. Каменные круги в восточной части городища Белинское.

М.М. КАЗАНСКИЙ
M.M. KAZANSKY

О ШЛЕМАХ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ: ТРАДИЦИЯ ИЛИ ИННОВАЦИЯ
ABOUT HELMETS OF THE CIMMERIAN BOSPORUS OF THE EARLY BYZANTINE TIME: TRADITION OR INNOVATION

Для ранневизантийского времени (IV–VII вв.) на Боспоре Киммерийском известно три находки шлемов. Здесь предлагается рассмотреть их параллели и возможное происхождение.

Два шлема были найдены в Керчи, на улице Госпитальной (усадьба Коробки), в гробнице, исследованной Ю.А. Кулаковским в 1891 г. Гробница была ограблена, из нее происходят среди прочего монета Льва I (453–473 гг.), элементы тисненого геральдического набора VII в. [Айбабин, 1990, с. 56, 57, рис. 52,*23,24*], два шлема [см. Arendt, 1932. Abb. 2a; Post, 1951–1953. Abb. 6, 23, 24; Vogt 2006. Abb; 42,*2*; Кубарев, Журавлев, 2012, рис. 3], два меча, трехлопастные стрелы, наконечник копья, ламеллярный панцирь [ОАК 1891, с. 59, 60; Post, 1953. Abb. 24; Кубарев и др. 2003; Кубарев, Журавлев, 2012]. Поскольку гробница была ограблена и вещи в ней перемешаны, достоверно установить, с каким именно погребальным инвентарем связаны интересующие нас шлемы, практически невозможно. Можно предположить, что они как-то связаны с находкой пластинчатого панциря. Если принять во внимание находку монеты и геральдического набора, диапазон совершения захоронений может быть широким, от второй половины V в. по VII в.

Первый шлем каркасно-ламеллярной конструкции по терминологии М. Фогта [*Spangen-Lamellenhelme* : Vogt, 2006. S. 105, 106, 297] с опорными вертикальными лентами каркаса мне известен лишь по рисункам (рис. 1,*4*), достоверность которых требует подтверждения [Arendt, 1932. Abb. 2a; Post, 1951–1953. Abb. 6; Vogt, 2006. Abb. 42, *2*]. Подобные каски в Европе представлены по сути тремя находками : Керчь, погребение 1891 г., гепидский могильник аварского времени, Мезебанд (Mezöband) в Трансильвании, погр. 10, «захоронение ремесленника» с кузнечными инструментами, предположительно второй половины – конца VI – начала VII вв. (рис. 1,*6*) и Кёльн, погребение «маленького принца» в Кельнском соборе (рис. 1,*5*) [Vogt, 2006. S. 105, 106, 297, Abb. 38, 42, Taf. 59,*1*]. Иногда эти каски относят к типу «Керчь - Мезебанд» и связывают с ними уральские шлемы из Тураевского могильника и каску из Войводы, с территории Болгарии [Glad, 2009. P. 47, 48, 113, 114, fig. 7,*15-18*][1].

Находка в Кельне представляет собой захоронение мальчика из знатной семьи

[1] Предложенное М. Фогтом отнесение шлема из Войводы к группе «ленточных» (*Bandhelme*), куда

возрастом около 6 лет, совершенное в Кельнском соборе в отдельной часовне. Помимо мальчика, здесь же была захоронена знатная дама. Возможно, эти погребения принадлежат родственникам франкского короля Сигеберта Старого и его сына Хлодерика. Ребенок был помещен на деревянном ложе и сопровождался очень богатым инвентарём, в том числе паноплией, включавшей шлем, меч, щит, скрамасакс, топор-франциску, копье, ангон, два боевых ножа, наконечники стрел. При этом шлем, щит и скрамасакс, судя по размерам, были изготовлены специально для мальчика, остальные предметы вооружения имели обычные для них размеры. Эта могила является опорной для датировки рассматриваемого здесь типа шлемов, исходя из имеющихся дендродат, она относится ко времени около 537 г., плюс-минус 10 лет [см. Hauser 1996; Périn, Feffer, 1997. P. 202, 204, 211–214 ; Vogt, 2006. S. 102, там же библиография].

По происхождению эти каски могут быть связаны с сарматской и римской традициями (подробнее дискуссия: Vogt, 2006. S. 102, 103). Их прямые предшественники достаточно хорошо представлены в римской «воинской» иконографии, в частности на изображениях сарматских всадников и вражеских трофеев на колонне Траяна (рис. 2), а также у сирийских (или сарматских?) лучников (рис. 3,*2*) [Vogt, 2006. S. 102, Abb. 41] и наконец у римских легионеров на той же колонне (рис. 3,*3*). Имеются изображения подобных шлемов и на арке Галерия в Фессалониках (298 г.) (рис. 3, 1, нижняя часть). Впрочем, шлемы ламеллярно-каркасной конструкции имеют очень древние средиземноморские прототипы, восходящие по меньшей мере к VI в. до н.э., как об этом свидетельствует, например, находка шлема в Сардах, в Малой Азии [Vogt, 2006. S. 108; Glad, 2009. Fig. 15,*2*].

Второй шлем из керченской гробницы имеет ламеллярную конструкцию, т.е. собран из узких вертикальных пластин. Он вытянутой полусферической формы, имеет шишак, другие элементы на сегодняшний день не сохранились (рис. 1,*1*). На рисунке П. Поста со ссылкой на В. Арендта изображена лобовая пластина прямоугольной формы с наносником (рис. 1,*2*) [Post, 1951–1953. Abb. 23]. В самой же публикации В. Арендта на фотографии шлема эти элементы отсутствуют [Arendt, 1932. Abb. 6].

Фрагменты третьего шлема, также ламеллярной конструкции, были обнаружены на Ильичевском городище, на Тамани. Они происходят из культурного слоя памятника [Николаева, 1986, с. 185, 186, рис. 1,*6*]. Основная масса находок на городище приходится на VI в. (не позднее третьей четверти этого столетия, когда крепость была разрушена, скорее всего тюркютами и утигурами) [Гавритухин, Паромов, 2003, с. 154]. По сохранившимся фрагментам каска был реконструирована как ламеллярная полусферическая с шишаком и прямоугольной горизонтальной пластиной в лобной части, переходящей в наносник (рис. 4,*1*).

В связи с боспорскими находками надо упомянуть наборный шлем из Южного

также относятся шлемы типа Ст.Вид /Нарона, и Бретценхейм [Vogt, 2006. S. 78–82, 280–286] мне представляется более обоснованным. См. также Ахмедов, Биркина, 2017, с. 236–238.

Дагестана, найденный в погр. 3 могильника Калкни. Это гробница из массивных плит, содержавшая индивидуальное захоронение-ингумацию. Костяк лежал вытянуто на спине головой на С. Покойник был обернут в грубую ткань. В погребении найдены остатки кольчуги, два шлема (бронзовый плохой сохранности и железный ламеллярный), копья, мечи, кинжалы, удила, уздечный набор, пряжка с длинным язычком. Вблизи перекрытия могилы найдены костяной наконечник стрелы и фрагмент халцедоновой бусины [Салихов, 1985, с. 168, рис. V]. Дата погребения определяется в рамках конца IV – первой половины V вв. по пряжке с длинным язычком (рис. 5,*8*), типичной для ранней стадии эпохи переселения народов (для Кавказа см., напр., Амброз, 1989, рис. 9,*3,7*; 13,*1-3,5,6.9,21,24*). Шлем несколько отличается от боспорских, его калотта сужается к шишаку, но тоже ламеллярный. Шлем реконструирован как имеющий основание в виде широкой горизонтальной пластины с наносником и реалистическим изображением ушей на боковых сторонах (рис. 5,*1-7*). Такая реконструкция мне представляется предварительной, поскольку в погребении имелось два шлема, и оба во фрагментированном состоянии.

До недавнего времени ламеллярные шлемы в Восточной Европе были известны только в её южной части, в Крыму, на Тамани и на Северном Кавказе. Однако сравнительно недавно один такой шлем был найден и в Центральной России, в Хомутовке Курской обл. [Радюш, 2012]. Контекст находки неясен, поэтому сложно её соотнести с конкретной археологический культурой, хотя в интересующее нас время этот регион был заселен славянами–носителями колочинской культуры. Шлем вытянутой полусферической формы с шишаком, он имеет лобовую прямоугольную пластину, переходящую в наносник, а также собранные из пластин нащечники-парагнатиды (рис. 4,*2*). Интересно, что точно такие же нащечники были опубликованы В. Арендтом и вслед за ним П. Постом как происходящие из керченской гробницы 1891 г. (рис. 1, *3*) [Arendt, 1932. Abb. 23 ; Post, 1951–1953. Abb. 24].

В целом ламеллярные шлемы в Европе известны в аламаннских, лангобардских и аварских древностях VI–VII вв. [Steuer, 1987. S. 197, 198, Abb. 4 ; Quast, 1993. S. 133; Vogt 2006. S. 297, 298, Abb. 38; Glad, 2009. P. 55, 137; Радюш, 2012. С. 203, 204]. Лучше всего они представлены в погребениях авар на среднем Дунае (напр., Quast, 1993. Liste 2, № 46–54 ; Glad, 2009. P. 137, Carte, № 1-8) и лангобардов в Италии (напр., Quast, 1993. Liste 2, № 43, 44, 45), поскольку в погребальных обычаях этих народов практиковалось помещение защитного вооружения в могилу. Кроме того, имеются и лангобардские изображения (рис. 6, *2*), где узнаются лангобардские каски (см., напр., Paulsen, 1967. Abb. 69; Menghin 1985. Taf. 26). У аламаннов представлены единичные находки в контекте привилегированных погребений (рис. 6,*1*). Собственно, речь идет о знаменитой могиле «воинского предводителя» (погр. 12) в Нидерштотцингене (Niederstotzingen), VII в. [Quast, 1993. Liste 2, № 42; Paulsen, 1967. S. 133-139, Taf. 59–65, 94,*17*].

Очень распространено мнение, что эта форма шлема, как и сам ламеллярный доспех, появилась в Европе с Востока в середине–второй половине VI в. вместе с

миграцией авар [Arwidsson, 1939. P. 55, 56 ; Steuer, 1987. S. 197]. Есть популярное убеждение, что ламеллярные шлемы появились на Дальнем Востоке (см., напр., Лурье, 2012, с. 167) и оттуда были занесены на Запад какими-то кочевниками, например аварами. На роль «разносчиков» ламеллярных шлемов предлагаются и другие народы, например носители саргатской культуры [Лурье, 2012, с. 167], или аланы [Зубов, Радюш, 2014, с. 102]. Ламеллярные каски действительно хорошо известны на Дальнем Востоке в предшествующее время [Лурье, 2012, с. 161, 162]. В частности, они хорошо представлены в погребениях знати королевства Силла в Корее (рис. 7,*1*) (о них см. Werner, 1988. S. 13; Лурье, 2012, с. 166, 167). В подтверждение этой гипотезы часто вспоминаются и изображения подобных шлемов на фресках VI в. в китайском Туркестане (рис. 7,*2*) (о них см., напр., Werner, 1988. S. 13, Abb. 14 ; Kubik, 2018a. P. 148–153). Однако уже некоторые среднеазиатские находки заставляют усомниться в справедливости «аварской» гипотезы. Так, ламеллярные шлемы представлены на известной пластине из кургана КГ-2 в Орлате, к северу от Самарканда [Пугченкова, 1989, с. 127–129, рис. 71], относимой исследователями к кангюйскому времени. Даже если абсолютная датировка орлатского кургана еще является предметом дискуссии, совершенно ясно, что он по времени предшествует движению авар на Запад.

Теперь несколько слов об аварах. Карта распространения ламеллярных шлемов в Европе, преимущественно на Среднем Дунае (см. выше), казалось бы, подтверждает их связь с аварами. Однако вопрос, откуда, собственно, в Европе взялись сами авары, является на сегодняшний день спорным. Подчас говорится об их центральноазиатском происхождении и связи с кочевым народом жужаней, т.н. истинных авар (о них см. Кляшторный, Савинов, 2005, 49–54; Lebedynsky, 2017. P. 179–181), о которых упоминают и западные источники (Приск Панийский, Феофилакт Симокатта). Однако имеется прямое свидетельство Феофилакта Симокатты о том, что европейские авары – это на самом деле волжские угры, точнее их племена Уар и Хунни, отступившие на запад под давлением тюрок и присвоившие себе грозное имя «истинных» авар (Феофилакт Симокатта, История. Книга седьмая, VII, 13, 14; VIII, 1-4).

Угры/огоры (уроги) впервые засвидетельствованы в европейских степях уже в 463 г. в составе союза оногур, сарагур и урогов, вытесненных на запад савирами, которых в свою очередь в Азии «подвинули» те самые истинные авары (Приск Панийский, фр. 8; см. Артамонов, 1962, с. 62, 76). Поэтому в русской историографии обоснованно утвердилось мнение, что европейские авары с далекого Востока не приходили [Артамонов, 1962, с. 64, 65, 105–107], а стало быть, и сама возможность привнесения аварами каких-то азиатских культурных элементов в Европу нуждается в дополнительной развернутой аргументации.

Следует отметить, что ламеллярные шлемы известны в Восточной Европе уже в позднеримское время, т.е. явно до миграции авар. Это находка из погребения № 13 Кишпек в Кабардино-Балкарии, датированная временем около 300 г. или несколько позднее. Речь идет о «вождеском» захоронении в деревянной камере под курганом (№ 13), сопровождавшемся богатым инвентарем, в том числе оружием и конским

снаряжением [Бетрозов, 1987. С. 13, 14. Рис. III, *1*; о дате погребения см. Казанский, 1994, с. 242–244]. Шлем полусферический с рудиментарной лобовой пластиной прямоугольной формы и наносником, шишак не сохранился (или его не было, что маловероятно), на калотте отдельные вставки сердоликов в оправе овальной или прямоугольной формы (рис. 8,*1*).

По конструктивным особенностям и по времени кишпекскому шлему близок ламеллярный шлем из грабительских находок в Минеральных Водах [Симоненко, 2014, с. 272, рис. 18,*3*]. Он также полусферический, шишак не сохранился или его не было, на калотте видны вставки (рис. 8,*2*). От более поздних боспорских шлемов эти два северокавказских шлема отличаются отсутствием шишака, но, повторяю, может быть, он просто не сохранился. По В.А. Кузнецову, шлем, найденный в Кишпеке, принадлежит позднеримской традиции, поскольку его тисненый и полихромный декор очень близок орнаменту позднеримских «офицерских» касок [Кузнецов, 1987, с. 4–6][2].

По-иному происхождение кишпекского ламеллярного шлема видит А.В. Симоненко. По его мнению, данный шлем продолжает линию развития восточноевропейских каркасных / ажурных касок римского времени, известных по находкам на Северном Кавказе и в Приуралье [Симоненко, 2014, с. 271–275]. Здесь ажурные/каркасные шлемы не рассматриваются, поскольку они все же конструктивно отличаются от ламеллярных.

Третья гипотеза происхождения кишпекского шлема изложена А.А. Васильевым и Т.М. Кармовым. Они полагают, что шлем из Кишпека является азиатским по происхождению, поскольку подобные шлемы есть на парфянских изображениях [Васильев, Кармов, 2008, с. 241]. В пользу среднеазиатского происхождения может свидетельствовать и уже упомянутая пластина из Орлата (см. выше).

Однако при оценке вышеизложенных гипотез надо отметить три важных обстоятельства. Во-первых, сама по себе конструкция ламеллярного шлема очень давно известна не только в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, но и на Ближнем Востоке, а также в Южной Азии. Изображения ламеллярных касок встречаются уже в древнем Египте и у хеттов (рис. 9,*1-3*) или же, например, на серебряной античной посуде из Хадрамаута (рис. 9,*5*) [Kazanski, 1993. P. 59, 60, Pl. 25,*70* ; 40,*159–161*; Glad, 2009. P. 60, Fig. *14,1-4*,6; Лурье, 2012, с. 160]. Разумеется, когда речь идет об этих часто схематичных изображениях, следует проявлять особую осторожность, поскольку часть изображенных на них шлемах может принадлежать группе каркасных/ажурных. Впрочем, ряд древних передневосточных изображений явно передает ламеллярную конструкцию шлемов (напр., Kazanski, 1993. Pl. 40, 159). Известны ламеллярные шлемы по изображениям и в сасанидском Иране [Kubik, 2017a;

[2] Впоследствии эта точка зрения была почему-то приписана исключительно мне, хотя я лишь повторил мнение выдающегося кавказского археолога с четким указанием на его авторство [Казанский, 1994, с. 243].

Kubik 2017b. S. 23, 24], что подтверждает их широкое распространение на Ближнем и Среднем Востоке[3]. Итак, привязывать эту конструкцию только к Центральной Азии или Дальнему Востоку вряд ли справедливо.

Во-вторых, в относительно недавней работе С.Э. Зубов и А.О. Радюш убедительно показали на примере находок в Среднем Поволжье, в частности в знаменитом могильнике Андреевский курган, существование ламеллярных шлемов у восточноевропейских варваров уже в I в. н.э. Находка в Андреевском кургане не единична, ламеллярные шлемы встречены, например, в Пильнинском могильнике, также в Среднем Поволжье и восточнее, в Кипчаковском могильнике I, в Башкирии (рис. 10) [Зубов, Радюш, 2014].

В-третьих, ламеллярные шлемы известны и в римской армии поздней Империи, о чем свидетельствуют изображения солдат и на арке Галерия в Фессалониках, где представлены и изображения каркасно-ламеллярных касок (см. выше) (рис. 3,*1* – верхняя часть, 8,*3,4*). У этих шлемов, кстати, четко виден шишак на верхушке каски, как на боспорских шлемах. Видимо, римским по происхождению является и уже упоминавшийся шлем из Калкни. На его римское происхождение указывает реалистическое изображение ушей на боковых сторонах шлема (рис. 4,*5,6*), как на римских касках [Glad, 2009. P. 56].

Итак, если принять во внимание находки в Андреевском кургане, Кишпеке, Минеральных Водах и Калкни, у нас есть некоторые основания полагать, что боспорские ламеллярные шлемы или находка из Хомутовки не являются инновацией, принесенной с Востока в VI в., а скорее, принадлежат традиции, укоренившейся в предшествующее время как в римской армии, так и у восточноевропейских варваров. В целом же все три боспорских шлема ранневизантийской эпохи хорошо укладываются в рамки европейских воинских традиций того времени, усвоивших как римское, так и «варварское» наследие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.1990. Вып. I. С. 3–86, 175–241.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. Москва: Наука. 1989.

Артамонов М.И. История хазар. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа. 1962.

Ахмедов И.Р., Биркина Н.А. Шлемы из могильника рязано-окских финнов у с. Царицыно (предварительное сообщение) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А.М. Обломского (Раннеславянский мир, 19) / Отв. ред. В.Е. Родинкова, О. С. Румянцева. Москва: ИА РАН. 2017. С. 235–248.

Бетрозов Р.Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Том 3 / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Нальчик: Эльбрус. 1987. С. 11–39.

[3] В Передней Азии ламеллярные бытуют и позднее, в средние века, см., напр., Kazanski, 1993. P. 59, 60. Pl. 40, *172, 173*; Glad, 2009. Fig. 14, *18, 19, 22* ; Kubik, 2018б.

Васильев А.А., Кармов Т.М. Шлем из княжеского погребения у с. Кишпек // Нижневолжский археологический вестник. 2008. Вып. 9. С. 238–246.

Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище и поселения его округи //Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV – XIII веков / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, Москва: Наука. 2003. С. 152–157.

Зубов С.Э., Радюш О.А. Шлемы Среднего Поволжья в среднесарматское время // Сарматы и внешний мир / Яблонский Л.Т., Савельев Н.С. (отв.ред.). Уфа, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. 2014. С. 94–104.

Казанский М.М. Могилы сармато-аланских вождей IV в. в Понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1994. Вып. IV. С. 238–256.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. Санкт-Петербург, филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2005.

Кубарев Г.В., Ахмедов И.Р., Журавлев Д.В. Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи (предварительная информация) // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 204–221.

Кубарев Г.В., Журавлев Д.В. Доспех из катакомбного погребения с Госпитальной улицы города Керчи (из раскопок 1891 года профессора Ю.А. Кулаковского) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2012. Т.11, Вып. 5. С. 135–146.

Кузнецов В.А. Введение // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Том 3 / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Нальчик: Эльбрус. 1987. С. 3–10.

Лурье Е.В. Генезис ламинарных шлемов I–III вв. н.э. // Stratum plus. 2012. № 4. с. 157–170.

Николаева Э.А. Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной культуры / Отв. ред. Г.А. Кошеленко, М.: Наука. 1986. С. 183–188.

Приск Панийский, Готская история // В.В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Том I. Греческие писатели. Санкт-Петербург, типография Императорской Академии наук, 1890. С. 810–847.

Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Фан, 1989.

Радюш О.А. Ламеллярный шлем эпохи переселения народов из Курской области // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой). Курск, комитет по культуре администрации Курской области, Курский областной музей археологии. 2012. С. 202–257.

Салихов Б.М. Калкнийский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа / Отв. ред. М.М. Мамаев, Махачкала, дагестанский филиал АН СССР. 1985. 167–187.

Симоненко А.В. Шлемы сарматского времени из Восточной Европы // Stratum plus. 014. № 4. С. 249–284.

Феофилакт Симокатта. История. Вступительная статья Н.В. Пигулевской, перевод С.П. Кондратьева, примечания К.А. Осиповой. Москва, Издательство Академии наук СССР, 1957.

Arendt W. Beiträge zur Entstehung des Spangenharnisches – Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch // Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde. 1932. Gesamtfolge Bd. 13 (Neue Folge, Bd. 4). S. 49–55.

Arwidsson G. Armour of the Vendel Period // Acta Archaeologica. 1939. T. X. P. 31–58.

Cichorius C. Die Reliefs der Traianssäule. Bd. 1, 2. Berlin: G. Reimer 1896–1900.

Glad D. Origine et diffusion de l'équipement defensif corporel en Méditerranée orientale (IVe–VIIIe s.). Oxord : Johs and Erica Hedgers Ltd. 2009 (British Archaeological Reports Intarnational Series S 1921).

Hauser G. Das fränkische Gräberfeld unter dem Kölner Dom // Die Franken, Wegbereiter Europas / A. Wieczorek, P. Périn, K. von Welck, W. Menghin (Hrsg.), Mainz: Philipp von Zabern. S. 438–447.

Kazanski M. Les armes du wâdi Dura' // Breton J.-F., M. Bafaqih M., Trésors du wâdi Dura' (République du Yémen). Paris : Librairie orientaliste Paul Geuthner. 1993. (Bibliothèque Archéologique et Historique de l'IFAPO, CXLI). P. 52–61.

Kubik A.L. Sasanian lamellar helmets / Crowns, hats, turbans and helmets. The headgear in Iranian history /

Eds. K. Makzymium, G. Karamian, Siedlce - Tehran: Siedlce University of Natural Sciences and Humanities. 2017a. P. 195–210.

Kubik A.L. Hełmy Azji Południowo-Zachodniej pomiędzy VI–VIII w.n.e. zarys problematyki. Siedlce: Institute of History and International Relations, Faculty of Humanities, University of Siedlce. 2017b.

Kubik A. The Kizil Caves as an terminus post quem of the Central and Western Asiatic pear-shape spangenhelm type helmets. The David Collection helmet and its place in the evolution of multisegmented dome helmets // Historia i Świat. 2018a. 7. S. 141–156.

Kubik A. О wpływie sasanidzkich hełmów lamelkowych na sztukę wczesnego islamu //Історія религій в Україні. 2018б. 28. С. 30–41.

Lebedynsky I. Les Nomades. Les peuples nomades de la steppe des origines aux invasions mongoles (IXe siècle av. J.-C.-XIIIe siècle apr. J.-C.). Paris: Errance, 2017.

Menhin W. Die Langobarden. Archäologie und Geschichte. Suttgart: Konrrad Theiss Verlag, 1985.

Paulsen P. Alamanische Adelsgräber von Niedertotzingen (Kreis Heidenheim). Stuttgart: Verlag Müller & Gräff, 1967.

Périn P., Feffer R.-C. Les Francs. Paris: Armand Colin, 1997.

Post P. Der kupferne Spangenhelm // Bericht der Römische-Germanischen Kommission. 1951-1953. Bd. 34. S. 115–150.

Quast D. Die merwingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen (Stadt Wildberg, Kreis Calw). Stuttgart: Konrad Theiss. 1993.

Steuer H. Helm und Ringschwert. Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger // Studien zur Sachsenforschung. 1987. Bd. 6. S. 190–236.

Vogt M. Spangenhelme. Baldenheim und verwandte Typen. Mainz: Verlag der Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2006.

Werner J. Adelsgräber von Niederstotzingen bei Ulm und von Bokchondong in Südkorea. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1988.

REFERENCES

Aibabin A.I. Khronologiia mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo I rannesrednevekovogo vremeni. //*Materialy po Arkheologii, Istorii i Etnografii Tavrii*.1990. Vyp. I, pp. 3–86, 175–241.

Akhmedov I.R., Birkina N.A. Shlemy iz mogil'nika riazano-okskikhfinnov u s.Tsaritsyno (preliminary report)// *Evropa ot Latena do Srednevekov'ia: varvarskii mir i rozhdenie slavianskikh kul'tur. K 60-letiiu A.M. Oblomskogo (Ranneslavianskii mir 19) Ed. Rodinkva V.E., Rumiantseva O.S.* Moscow: IA RAS. 2017, pp. 235–248.

Ambroz A.K. *Khronlogiia drevnostei Severnogo Kavkaza V–VII vv.* M: Nauka. 1989.

Arendt W. Beiträge zur Entstehung des Spangenharnisches – Ein alttürkischer Waffenfund aus Kertsch // *Zeitschrift für historische Waffen- und Kostümkunde*. 1932. Gesamtfolge Bd. 13 (Neue Folge, Bd. 4). S. 49–55.

Artamonov M.I. *Istoriia khazar.* Leningrad. Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 1962.

Arwidsson G. Armour of the Vendel Period // *Acta Archaeologica.* 1939. T. X. P. 31–58.

Betrozov R.Zh. Kurgany gunnskogo vremeni u seleniia Kishpek// *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* Vol. 3Ed. V.A. Kuznetsov. Nal'chik: El'brus. 1987, pp. 11–39.

Cichorius C. *Die Reliefs der Traianssäule*. Bd. 1, 2. Berlin: G. Reimer 1896–1900.

Gavritukhin I.O., Paromov Ia.M. Il'chevskoe gorodoshche I poseleniia ego okrugi // *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia IV – XIII veka* / Ed. T.I. Makarova, S.A. Pletneva. M: Nauka. 2003, pp. 152–157.

Glad D. *Origine et diffusion de l'équipement defensif corporel en Méditerranée orientale (IVe-VIIIe s.).* Oxford : Johs and Erica Hedgers Ltd. 2009 (British Archaeological Reports Intarnational Series S 1921).

Hauser G. Das fränkische Gräberfeld unter dem Kölner Dom // *Die Franken, Wegbereiter Europas* / A. Wieczorek, P. Périn, K. von Welck, W. Menghin (Hrsg.), Mainz: Philipp von Zabern. S. 438–447.

Kazanski M. Les armes du wâdi Dura' // *Breton J.-F., M. Bafaqih M., Trésors du wâdi Dura' (République du Yémen)*. Paris : Librairie orientaliste Paul Geuthner. 1993. (Bibliothèque Archéologique et Historique de l'IFAPO, CXLI). P. 52–61.

Kazansky M.M. Mogily sarmato-alanskikh vozhdei IV v. V Pontiiskikh stepiakh //*Materialy po Arkheologii, Istorii i Etnografii Tavrii*. 1994. Vyp. IV, pp. 238–256.

Kliashtorny S.G., Savinov D.G. *Stepnye imperii drevnei Evrazii.* Saint-Petersburg : Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005.

Kubarev G.V., Akhmedov I.R., Zhuravlev D.V. Katakombnoe pogrebenie s dospekhom s Gospital'noi ulitsy g. Kerchi (preliminary information)// *Bosporskie Issledovaniia. Vyp. III.* 2003, pp. 204–221.

Kubarev G.V., Zhuravlev D.V. Dospekh iz katakombnogo pogrebeniia s Gospital'noi ulitsy goroda Kerchi (iz raskopok 1891 godaprofessora Iu.A. Kuakovskogo)// *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. Vyp. 5. T.11. 2012, pp. 135–146.

Kubik A.L. Sasanian lamellar helmets / *Crowns, hats, turbans and helmets. The headgear in Iranian history* / Eds. K. Makzymium, G. Karamian, Siedlce - Tehran: Siedlce University of Natural Sciences and Humanities. 2017a. P. 195–210.

Kubik A.L. Hełmy Azji Południowo-Zachodniej pomiędzy VI – VIII w.n.e. zarys problematyki. Siedlce: Institute of History and International Relations, Faculty of Humanities, University of Siedlce. 2017b.

Kubik A. The Kizil Caves as an terminus post quem of the Central and Western Asiatic pear-shape spangenhelm type helmets. The David Collection helmet and its place in the evolution of multisegmented dome helmets // *Historia i Świat.* 2018a. 7. S. 141–156.

Kubik A. O wpływie sasanidzkich hełmów lamelkowych na sztukę wczesnego islamu //*Історія релігій в Україні*. 2018б. 28. С. 30–41.

Kuznetsov V.A. Vvedenie // *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972-1979 gg. Vol.3/ Ed. V.A. Kuznetsov.* Nal'chik: El'brus. 1987, pp. 3–10.

Lebedynsky I. Les Nomades. *Les peuplesnomades de la steppe des origines aux invasions mongoles (IXe siècle av. J.-C.-XIIIe siècle apr. J.-C.).* Paris: Errance, 2017.

Lur'e E.V. Genezis laminarnykh shlemov I-III vv. n.e. // *Stratum plus.* 2012. № 4, pp. 157–170.

Menhin W. *Die Langobarden. Archäologie und Geschichte.* Suttgart: Konrrad Theiss Verlag, 1985.

Nikolaeva E.A. Nakhodki oruzjiia na Il'ichevskom gorodishche// *Problemy antichnoi kul'tury*/ Ed. G.A. Koshelenko. M.: Nauka. 1986, pp. 183–188.

Paulsen P. *Alamanische Adelsgräber von Niedertotzingen (Kreis Heidenheim).* Stuttgart: Verlag Müller &Gräff, 1967.

Périn P., Feffer R.-C. *Les Francs.* Paris: Armand Colin, 1997.

Post P. Der kupferne Spangenhelm // *Bericht der Römische-Germanischen Kommission*. 1951–1953. Bd. 34. S. 115–150.

Priisk Paniisky. Gotskaia istoriia// *V.V. Latyshev. Izvestiia drevnikh pisatelei o Skifii I Kavkaze. Vol.I Grecheskie pisateli.* Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1890, pp. 810–847.

Pugachenkova G.A. *Drevnosti Miankalia. Iz rabot Uzbekskoi iskusstvovedcheskoi ekspeditii.* Tashkent: Fan, 1989.

Quast D. *Die merwingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen (Stadt Wildberg, Kreis Calw).* Stuttgart: Konrad Theiss. 1993.

Radiush O.A. Lamelliarnyi shlem epokhi pereseleniia narodov iz Kurskoi oblasti// *Drevnosti Dneprovskogo Levoberezh'ia ot kamennogo veka do pozdnego srednevekov'ia (k 80-letiiu so dnia rozhdenia A.I. Puzikovoi)*. Kursk: Komitet po kul'ture administratsii Kurskoi oblasti, Kurskii oblastnoi muzei arkheologii. 2012, pp. 202–257.

Salikhov B.M. Kalkniiskii mogil'nik// *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnogo Kavkaza/ Ed. M.M. Mammaev.* Makhachkala: Dagestanskii filial AS USSR. 1985. Pp.167-187.

Simonenko A.V. Shlemy sarmatskogo vremeni iz Vostochnoi Evropy // *Stratum plus*. 014. № 4, pp. 249–284.

Steuer H. Helm und Ringschwert. Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger // *Studien zur Sachsenforschung.* 1987. Bd. 6. S. 190–236.

Theofilakt Simokatta. Istoriia. Vstupitel'naia stat'ia N.V. Pigulevskaia, translation S.P. Kondrat'ev, comments – K.A. Osipova. M.: Izdatel'stvo AN SSSR. 1957.

Vasil'ev A.A., Karmov T.M. Shlem iz kniazheskogo pogrebeniia us Kishpek// Nizhnevo lzhskii Arkheologicheskii Vestnik. 2008. Vyp. 9, pp. 238–246.

Vogt M. Spangenhelme. Baldenheim und verwandte Typen. Mainz: Verlag der Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 2006.

Werner J. *Adelsgräber von Niederstotzingen bei Ulm und von Bokchondong in Südkorea.* München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1988.

Zubov S.E., Radiush O.A. Shlemy Srednego Povolzh'ia v srednesarmatskoe vremia//*Sarmaty I vneshnii mir*/ Eds. L.T. Iablonskii, N.S. Savel'ev. Ufa: Institut istorii, iazyka i literatury Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN. 2014, pp. 94–104.

Резюме

В статье рассматриваются находки каркасно-ламеллярных и ламеллярных шлемов VI–VII веков из Керчи (погребение 1891 г.) и Тамани (Ильичевка). Эти шлемы принадлежат римской/ближневосточной традиции и не отражают влияние степных кочевников, как это часто утверждается.

Ключевые слова: шлемы, Боспор Киммерийский, раннее средневековье, римские традиции, кочевники.

Summary

The article discusses the finds of frame-lamellar and lamellar helmets of the 6th–7th centuries from Kerch (Tomb of 1891) and from Taman (Illichevka). These helmets belong to the Roman / Middle Eastern tradition and do not reflect the influence of steppe nomads, as is often claimed.

Keywords: helmets, Cimmerian Bosporus, earlier Middle Ages, Roman traditions, nomads.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Казанский Михаил Михайлович, доктор - хабилитат,
Национальный центр научных исследований,
Лаборатория UMR 8167 «Восток и Средиземноморье»,
Collège de France, 52, rue du cardinal Lemoine, 75006-Paris,
michel.kazanski53@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
Kazansky Michel M., Docteur habilité,
Directeur de Recherche, CNRS - UMR 8167 «Orient et Méditerranée»,
Collège de France, 52, rue du cardinal Lemoine, 75006-Paris,
michel.kazanski53@gmail.com

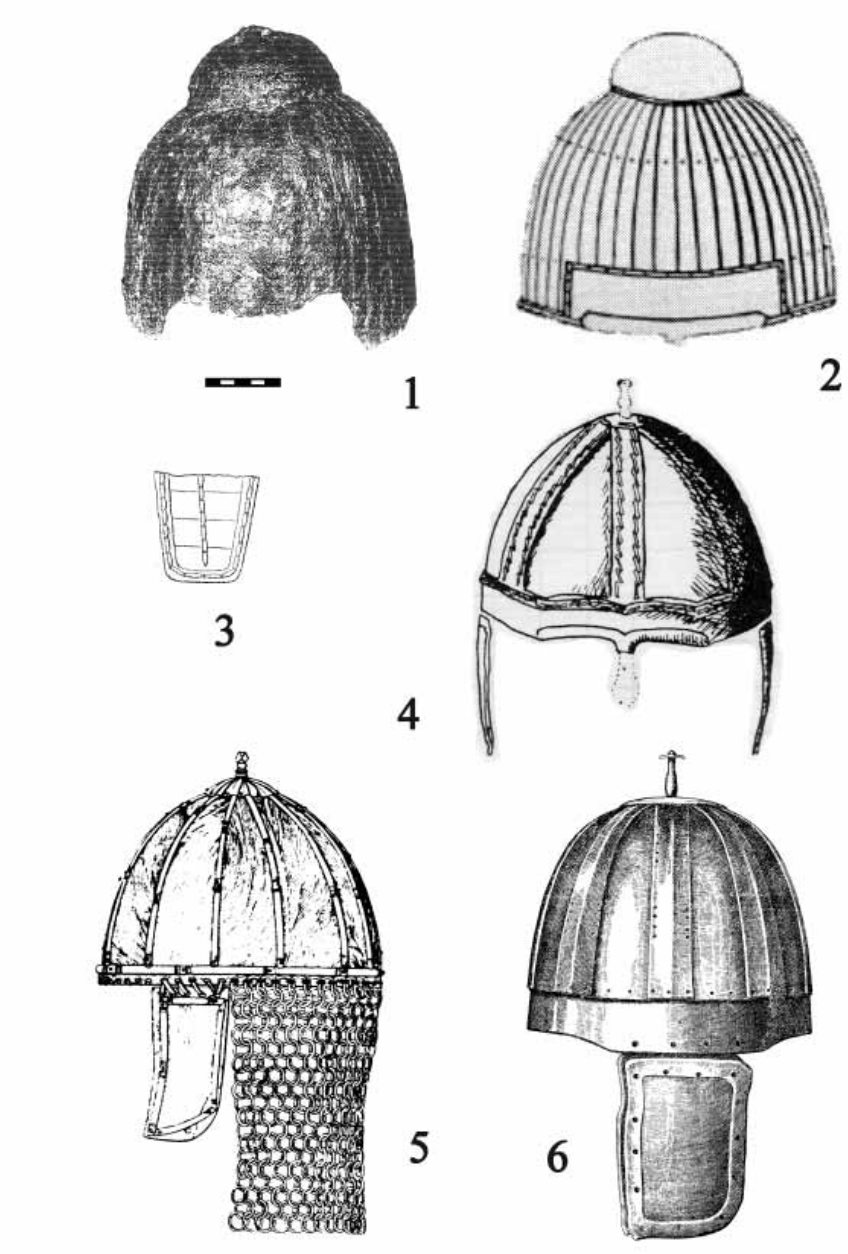

Рис. 1. Шлемы и их элементы из погребения 1891 г. в Керчи и параллели каркасно-ламеллярному шлему.

1- 4 – Керчь, погр. 1891 г.; 5 – Кельн; 6 – Мезебанд.
1 – по Кубарев, Журавлев, 2012. Рис. 3; 2-4 – по Post, 1951–1953, Abb. 23,24; 5 – по Périn, Feffer, 1997. P. 213; 6 – по Vogt, 2006.Abb. 42,1.

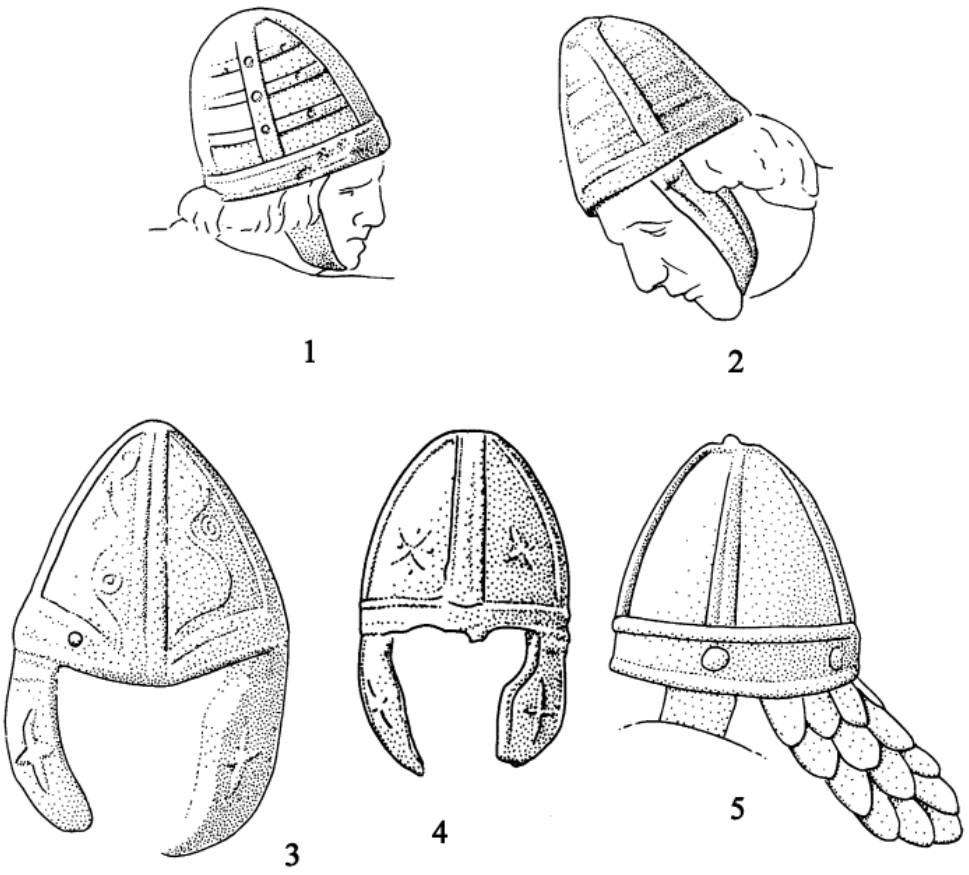

Рис. 2. Изображения каркасно-ламеллярных шлемов на колонне Траяна.
По Vogt, 2006. Abb. 41.

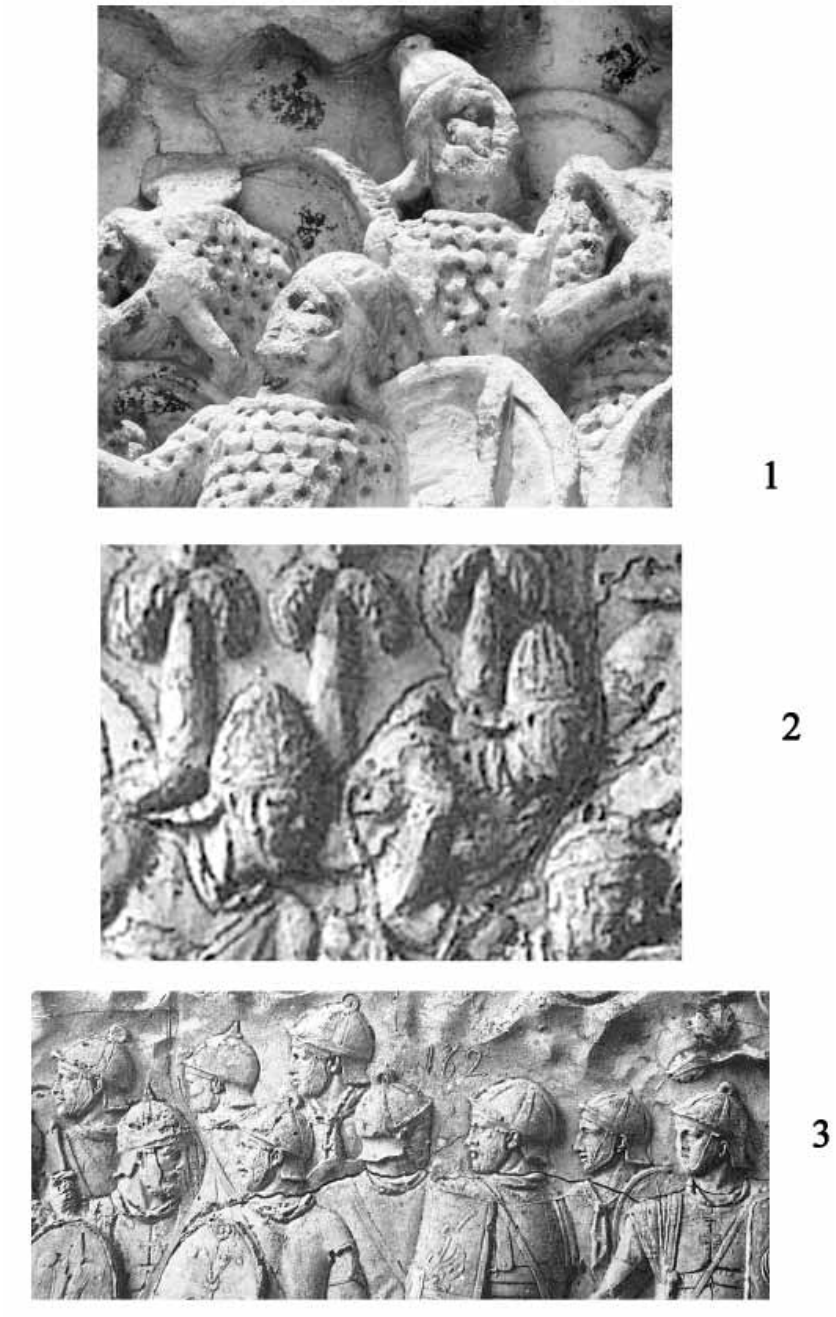

Рис. 3. Изображения шлемов позднеримского времени.
1 – Фессалоники, арка Галерия; 2,3 – колонна Траяна.
1 – фото М.М. Казанского; 2 – по Cichorius1896–1900, Taf. 85; 3: по Cichorius, 1896–1900, Taf. 50.

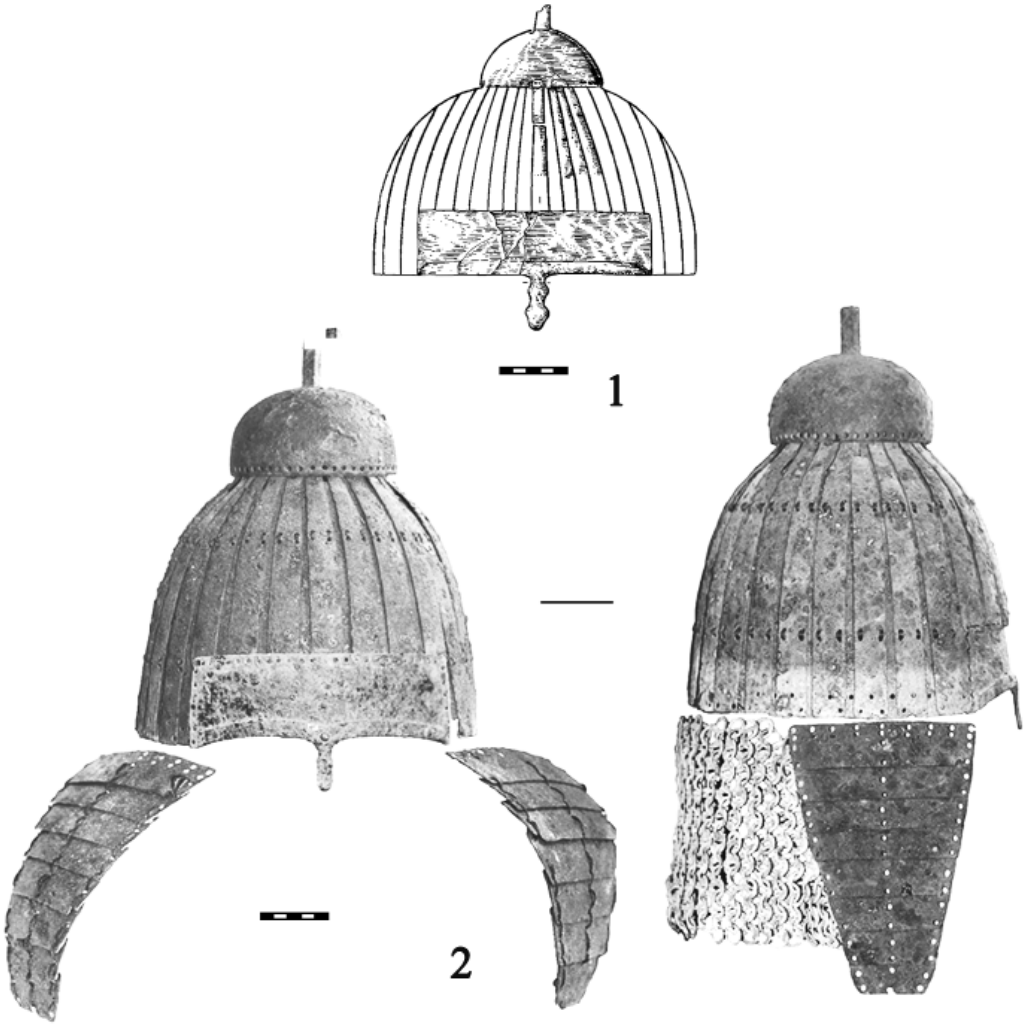

Рис. 4. Шлемы из Ильичевки (1) и Хомутовки (1).
1 – по Николаева, 1986. Рис. 1,*1*; 2 – по Радюш, 2012. Рис. 1.

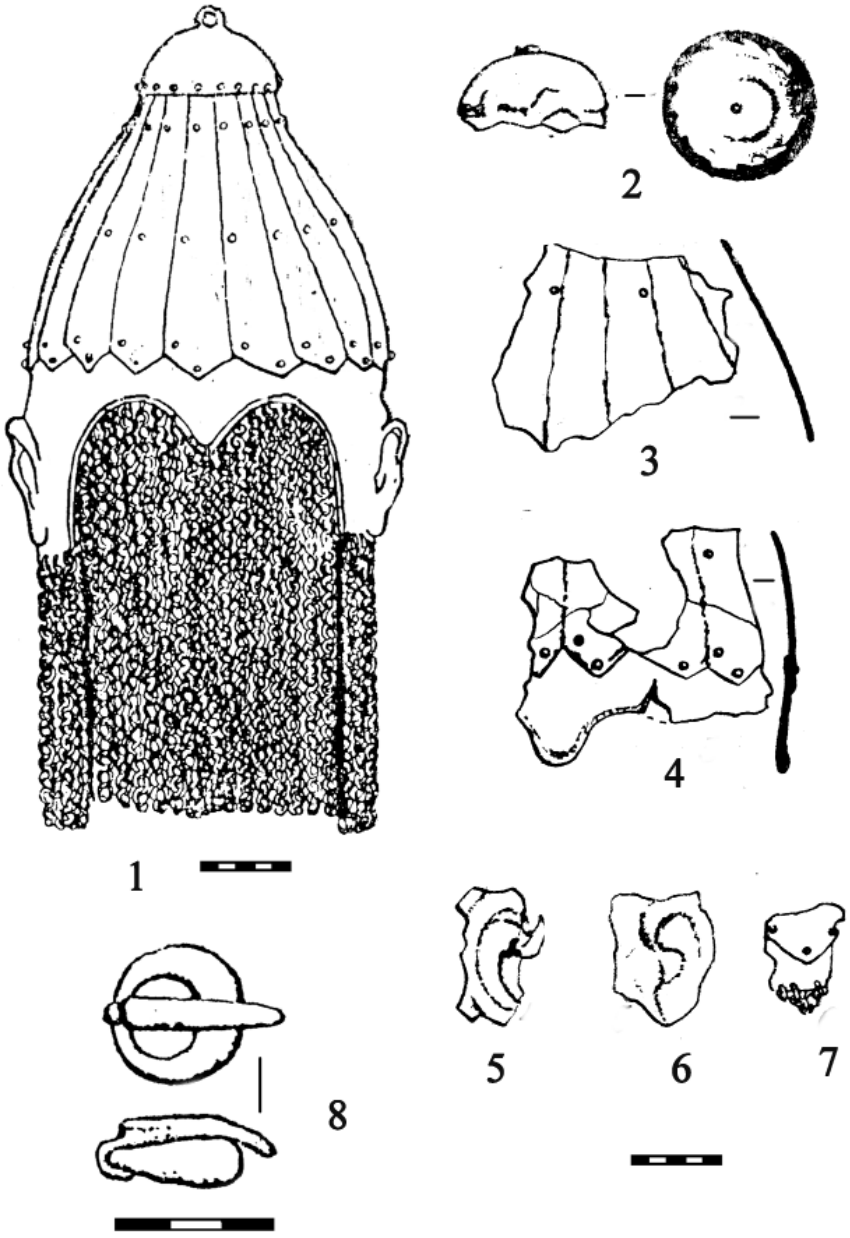

Рис. 5. Шлем и пряжка из Калкни.
По Салихов, 1985. Рис. V, 7; VI, 11.

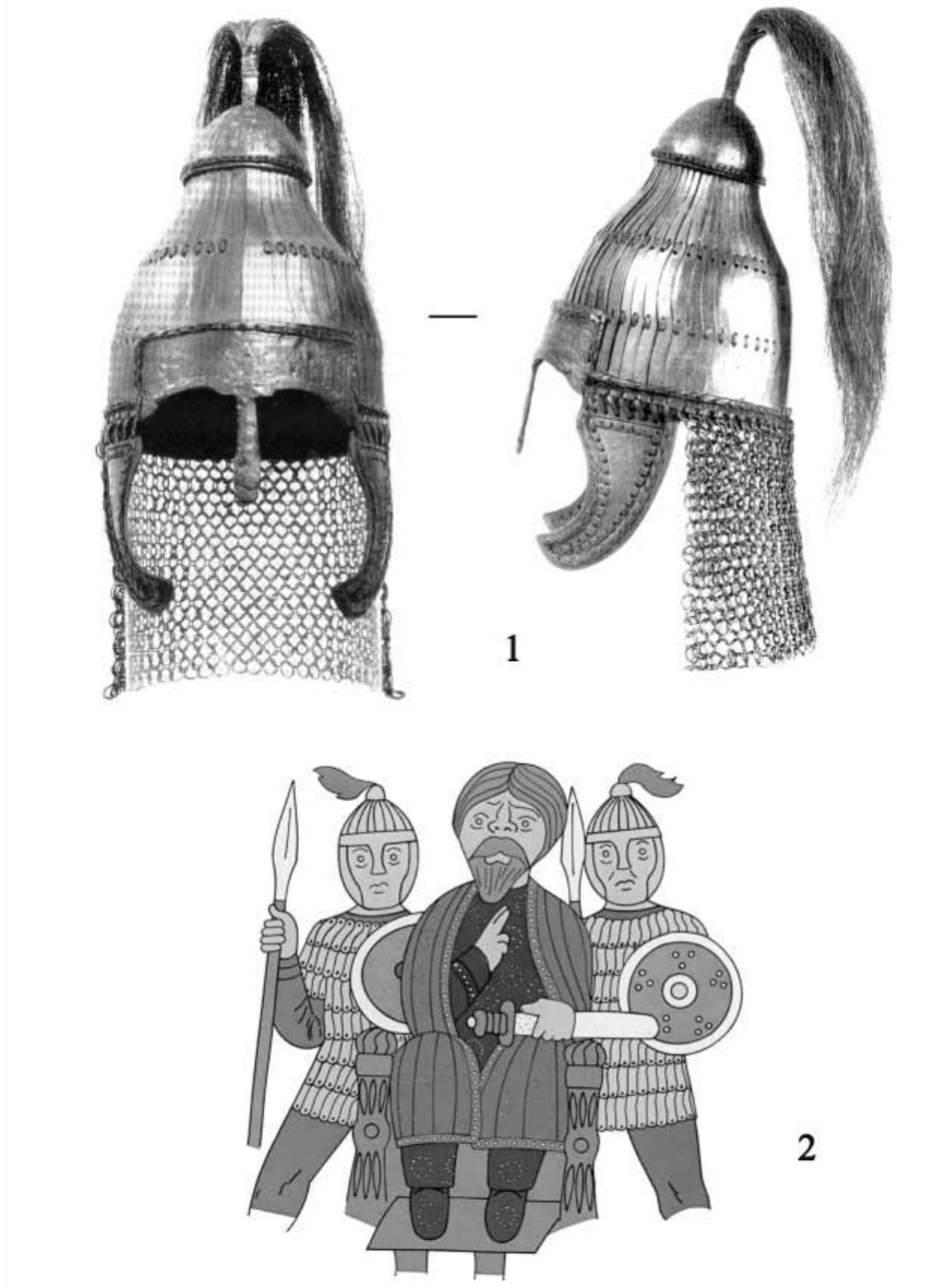

Рис. 6. Ламеллярные шлемы и их изображения в Западной Европе.

1 – Нидерштотцинген; 2 – изображение лангобардского короля Агилльфа из Валди-Ниеволе (Valdi-Nievole).
1 – по Paulsen, 1967. S. 133-139, Taf. 64, 65; 2 – по Menghin 1985. Taf. 26.

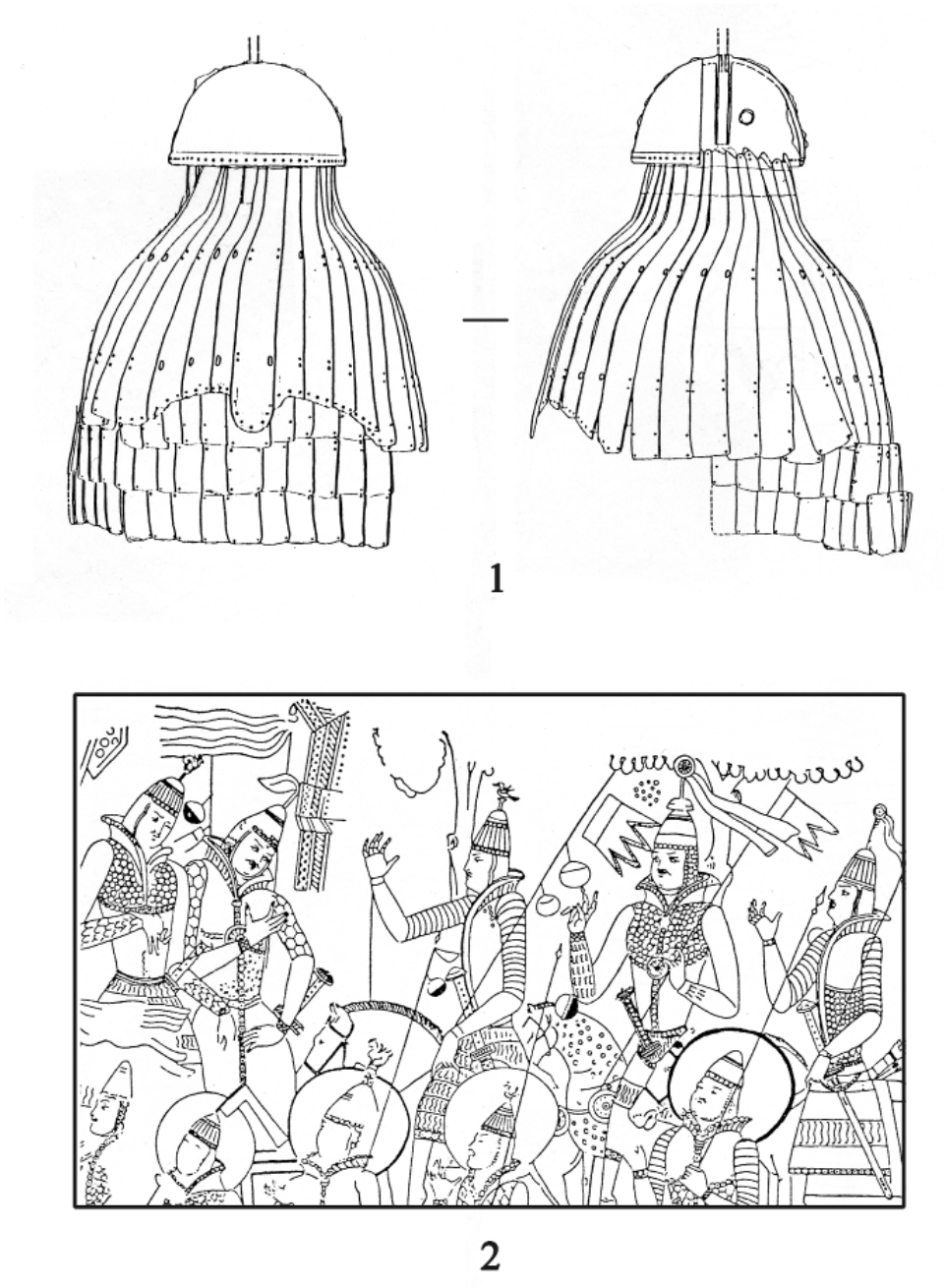

Рис. 7. Ламеллярные шлемы и их изображения в Азии.

1 – Бокхондонг, погр. 11 (Южная Корея); 2 – Кызыл, «пещера художников» (Китай). По Werner, 1988. Abb. 14, 18.

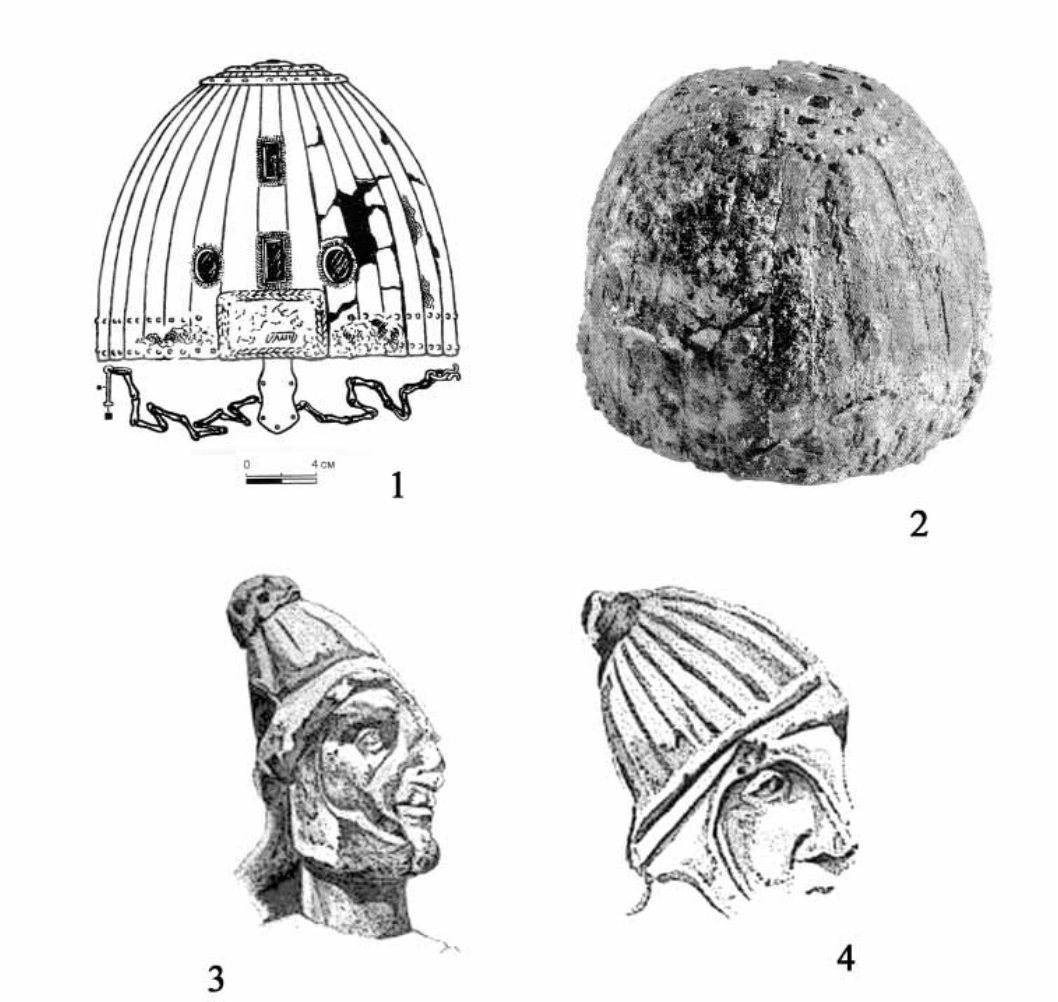

Рис. 8. Ламеллярные шлемы и их изображения позднеримского времени.

1 –Кишпек; 2 – Минеральные Воды; 3,4 – Фессалоники, арка Галерия, 298 г.

Рис. 2. Ламеллярные шлемы римского времени и их изображения.

1 – Кишпек, погр. 13; 2 – Минеральные Воды; 3,4 – Фессалоники, арка Галерия, 298 г.;
5 – Аден, музей, часть изображения на металлическом блюде.

По: 1 – Бетрозов, 1987. Рис. III, 1; 2 – Симоненко, 2014. Рис. 18, 3; 3,4 – Kubik, 2017a. Fig. 6.

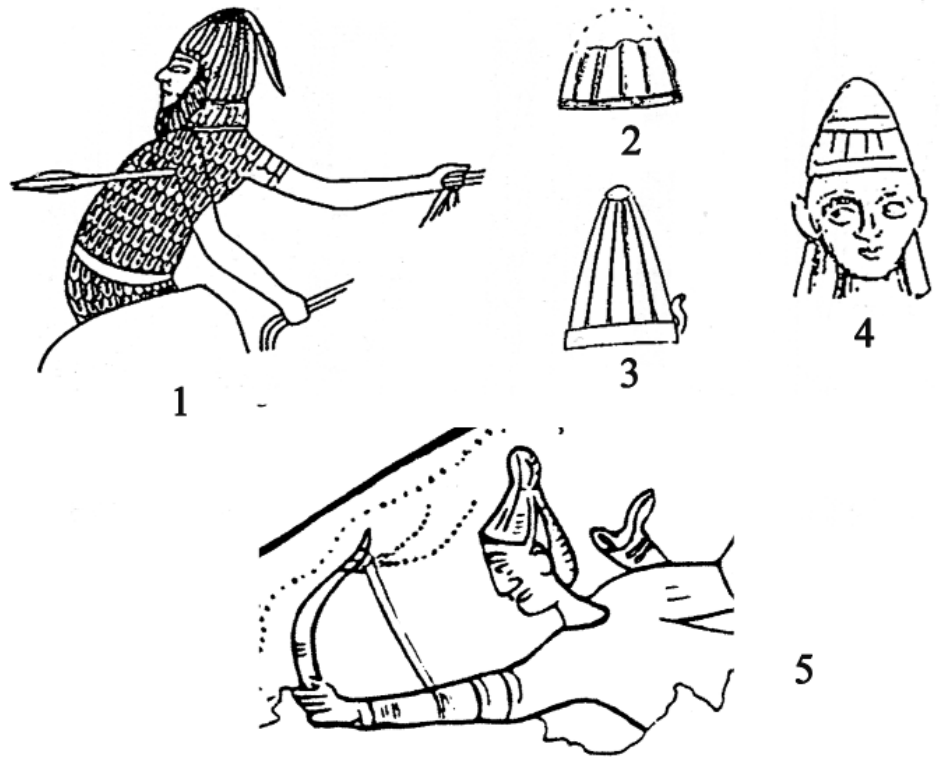

Рис. 9. Древневосточные изображения ламеллярных шлемов.

1 – рельеф Тутмоса IV; 2 – египетское фаянсовое изображение, Лувр; 3 – Язиликая, рельеф, XIIIв. до н.э.; 4 – Джамалпур (Бангладеш), II в. н.э.; 5 – Аден, музей, часть изображения на металлическом блюде.
По Kazanski, 1933. Pl. 25, 70, 40, 159–162.

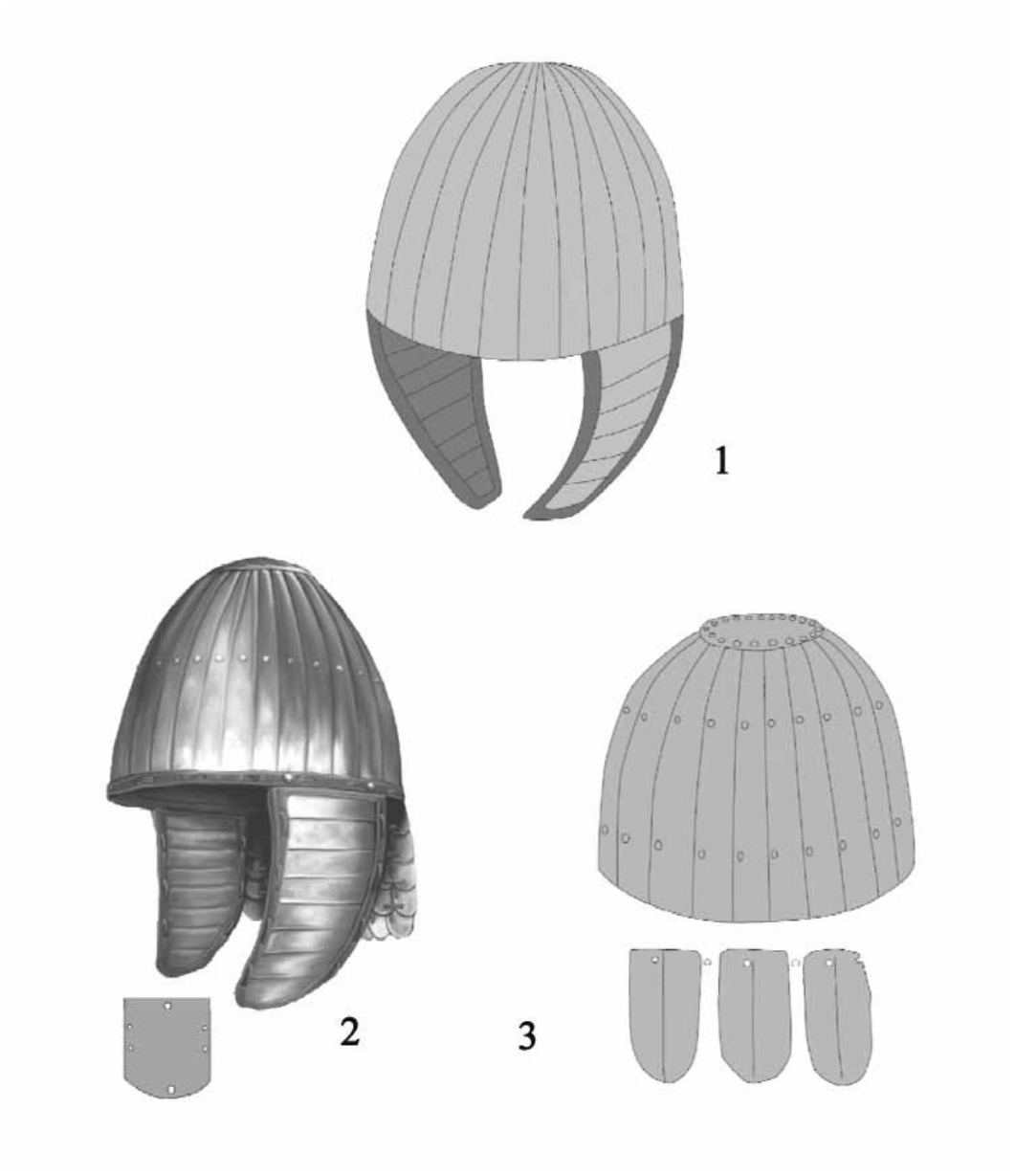

Рис. 10. Ламеллярные шлемы римского времени из Волго-Уральского региона.
1 – Андреевский курган, погр. 50; 2 – Кипчаковский могильник I, раскоп I, погр. 56; 3 – Пильнинский могильник I.
По Зубов, Радюш, 2014. Рис. 1.

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО
N.A. ALEKSEIENKO

МЕЖЦЕРКОВНЫЕ СВЯЗИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ
(находки монастырских моливдовулов в Херсоне и его округе)

THE SOUTH-WESTERN TAURICA INTERCHURCH CONNECTIONS: TRADITIONS AND INNOVATIONS
(The Finds of Monasterial *Molybdoboulla* in Byzantine Cherson and Its Environs)

Памятники сфрагистики нередко существенно дополняют свидетельства письменных источников об участии епархии Херсона и её предстоятелей в церковной жизни Византийского государства и подтверждают, что византийский Херсон являлся крупным религиозным и миссионерским центром, активно проповедовавшим христианство среди окружающих его народов.

Традиционно об особой заинтересованности византийской церкви в этом далёком регионе греческой ойкумены на краю северных владений византийской державы свидетельствуют находки в Херсоне печатей архипастырей константинопольского патриархата и высокопоставленных церковных сановников. В то же время следует отметить, что за всю историю исследований городища Херсонеса Таврического найдено лишь шесть патриарших моливдовулов – два экземпляра Иоанна VII Грамматика (837–843) [Юргевич, 1886, с. 20–21; Соколова, 1991, с. 210, № 40] и по одному – Николая I Мистика (901–907 и 912–925) [Алексеенко, 2004, с. 260–264], Михаила II Куркуаса (1143–1146) [Соколова, 1991, с. 210. № 40], Мануила II (1244–1254) [Алексеенко, 1990, с. 25–29] и Германа III (1265–1266) [Соколова, 1992, с. 195, 196; Sokolova, 1993, p. 109, note 39]. А булл представителей столичных церковных служб и учреждений и того меньше. Одним из ярких примеров существования контактов херсонских священнослужителей с центральными церковными управлениями можно назвать моливдовул орфанатрофии великого странноприимного дома константинопольской церкви апостолов Петра и Павла [Aleksèenko, 2003, p. 76, nr. 1].

Наиболее представительны находки печатей провинциальных иерархов, с которыми, надо полагать, местные священнослужители поддерживали самые тесные контакты.

Находки в Херсоне моливдовулов крымских священнослужителей красноречиво свидетельствуют о существовании в VII–X вв. постоянных связей представителей херсонской церкви с коллегами из боспорской, сугдейской и готской епархий. Среди них печати хорошо известного епископа VIII в. Иоанна Готского [Пятышева, 1963, с. 32–36; Соколова, 1991, с. 209. № 33], боспорских иереев – епископа Петра Пистика (VII–VIII вв.) и архиепископов Луки, Николая и Георгия (IX–X вв.) [Смычков, 1999, с. 128. № 3; Алексеенко, 2001, с. 132–134, № 1–4], архиепископа Сугдеи Льва (X в.) [Алексеенко, Самойленко, 2008, с. 94, № 3, рис. 3] и других

священнослужителей, не указавших кафедры на своих печатях [Соколова, 1991, с. 208, 209, № 31, 32].

В то же время сегодня, согласно данным памятников сфрагистики, можно констатировать, что херсонские служители церкви поддерживают связи и с представителями клира из самых разных регионов империи. Среди находок – буллы архиепископа Анхиала Феодора (XI в.) [Алексеенко, 2011, с. 353, 359. № 1, рис. 1] и нескольких митрополитов – Митрофана Смирнского (последняя треть IX – рубеж IX/X вв.) [Алексеенко, 2007, с. 11–16], Георгия Трапезундского (XI–XII вв.) [Alekseienko, 2019, nr. 6], два моливдовула участника церковного синода в Никее 1232 г. [Le Quien, 1740, p. 565] митрополита Амастриды Николая [Alekseenko, Romancuk, Sokolova, 1995, p. 150–151. nr. 14; второй экз. из собрания музея Шереметьевых пока не издан].

В последнее время стала известна и матрица для восковой (мастичной) печати митрополита Готии Якова, которую В. Зайбт относит к концу XIII – первой половине XIV вв. [Seibt, 2016, 295–299].

Найдены в Херсоне и печати древнерусских иереев – митрополита всея Руси Никифора (XII в.) [Алексеенко, 2011, с. 353, 354, № 2[1]] и киевского митрополита Кирилла (1225–1233) [Алексеенко, 1999, с. 186–190].

Но интерес к византийской Таврике проявляли не только служители православной церкви, но и представители католического духовенства. В предместье византийского Херсона (в окрестностях современной Балаклавы) найдена булла, которая некогда принадлежала главе католической церкви Папе Римскому Александру IV (1254–1261) [Алексеенко, 1993, с. 267–269].

В настоящее время к перечню корреспондентов, осуществлявших традиционные межцерковные контакты, можно добавить ещё один хорошо известный разряд клерикальных институтов – византийские монастыри, которые в большинстве своём, как и священнослужители, имели свои печати.

Археологические источники дают нам достаточно богатый материал, свидетельствующий о совершении херсонитами различных паломнических путешествий к святым местам. Однако не только реликвии пилигримов, обнаруженные при раскопках византийского Херсона, свидетельствуют о контактах местных жителей с широко известными местами прославленных христианских святынь. В известной мере этому способствуют и находки моливдовулов византийских монашеских обителей.

Несмотря на значительную редкость этой группы памятников, в особенности для территории византийской Таврики, буллы монастырей занимают своё значимое место среди важных и надёжных исторических источников как по становлению и

[1] Опубликован с ошибочной атрибуцией. Плохая сохранность легенды оборотной стороны не позволила первоначально верно расшифровать последнюю строку надписи моливдовула. Позднее, на Четвёртой сфрагистической конференции в Киеве (ноябрь 2013 г.), в совместном докладе Н.А. Алексеенко и А.А. Алфёрова «Моливдовул митрополита всея Руси Никифора: образ и текст» (тезисы не издавались) была предложена новая реконструкция надписи: ⁘ΦΡΑΓΙС|ΝΗΚΙΦΟΡΘΜΡΟ|ΠΟΛΙΤΘΠΑϹ|ΗϹ[Ρ]ѠϹΙΑϹ. С новой атрибуцией печать пока не переиздана.

развитию христианства в регионах и формированию соответствующих церковных институтов на местах, так и всего церковного хозяйства Византийского государства.

Взять хотя бы, к примеру, знаменитый столичный монастырь Богородицы Перивлепты, одну из неизданных печатей которого мы можем представить (рис. 1).

1. М-262. Частная коллекция И. Горшкова (Москва.)[2].

Диаметр – 26 mm; толщина пластинки – 2,5 mm; вес – 10,4 g.

Сохранность удовлетворительная. С одного края слегка обломана. Децентрирована вверх и вбок. Покрыта светлой серо-коричневой патиной.

Не издана.

Аверс. В двойном точечном ободке, в центре которого помещён ободок из крупных жемчужин, изображение фигуры Богоматери Одигитрии, держащей на правой руке младенца Христа, в рост, анфас. По сторонам титлы: слева – [$\overline{\text{MHP}}$] – не сохранилась; справа – $\overline{\Theta\text{V}}$ – Μή(τη)ρ Θ(εο)ῦ – Матерь Божья.

Реверс. В двойном точечном ободке, в центре которого помещён ободок из крупных жемчужин, пятистрочная надпись, украшенная сверху небольшим крестиком:

+	+
CΦPẠ..	Σφραγ(ὶς)
ANACC..	ἀνάσσης
THCΠЄ..	τῆς Πε[ρι]
RΛЄΠṬ.	βλέπτου
-Ṃ1ONs	μον(ῆς)

Σφραγὶς ἀνάσσης τῆς Περιβλέπτου μονῆς –
Печать монастыря повелительницы Перивлепты.

Третья четверть XI в.

Константинопольский монастырь Богородицы Перивлепты хорошо известен в литературе. Он был основан в юго-западной части византийской столицы императором Романом III Аргиром (1028–1034), который не жалел средств на его строительство [Psellos, 1926, p. 41–43] и впоследствии там и был похоронен в 1034 г. [Scylitzae, 1973, p. 39210-12]. Позднее Никифор III Вотаниат (1078–1081) восстановил монастырь и также был в нём похоронен [Janin, 1975, p. 218–219]. Во второй половине XI–XII вв. обитель была известна как идеологический центр оппозиции против ереси Богомильства [ODB III, 1991, p. 1629; Janin, 1975, p. 218–222]. Монашеская братия продолжала занимать монастырь и в первые годы латинской оккупации Константинополя. После реставрации империи в очередной раз монастырь был восстановлен Михаилом VIII Палеологом (1259–1261), и в течение всего палеологовского периода он играл весьма значительную роль и функционировал вплоть до падения Константинополя в 1453 г. Обитель обладала многочисленными реликвиями, среди

[2] Автор благодарит И. Горшкова за предоставленную возможность изучения и публикации моливдовула.

которых были длань Иоанна Крестителя и глава св. Григория Назианзина, которая особенно привлекала русских паломников. Греческие монахи оставались в монастыре до 1643 г., когда османский султан предоставил монастырский комплекс для размещения армянского патриархата [ODB III, 1991, p. 1629].

Несмотря на широкую известность монастыря Богородицы Перивлепты, его печатей сохранилось совсем не много. В. Лоран в Корпусе печатей византийской церкви приводит всего семь моливдовулов – пять монастырских булл (XI–XII вв.) и по одной печати игумена Феодора (XI в.) и монаха Василия (XI–XII вв.) [Laurent, 1965, P. 98–103, nr. 1174–1181]. И к настоящему времени их число дополнилось лишь тремя печатями: по одному моливдовулу из коллекции Г. Сейрига [Cheynet, Morrisson, Seibt, 1991, p.190, nr. 285] и сфрагистического собрания музея искусств Фогга [McGeer, Nesbitt, Oikonomides†, 2005, p. 114, nr. 55.2], а также представленным выше экземпляром.

Возвращаясь к крымской тематике, сегодня мы имеем возможность ввести в научный оборот ещё три новых моливдовула, как нам представляется, показывающих наличие очевидных контактов известных южнопонтийских монастырей со священнослужителями византийской Таврики и Херсона. По-своему каждый из них уникален и представляет исключительный интерес и как памятник сфрагистики, и как объект церковной археологии, открывающий новые данные по истории крымского средневековья.

Первый моливдовул (рис. 2), к сожалению, имеет неудовлетворительную сохранность, в связи с чем атрибуция данного памятника достаточно условна. Однако его находка в Херсоне явление само собой примечательное. Печать была обнаружена в середине 1990-х гг. в составе известного херсонского архива печатей [Alexeenko, 1996, p. 1884; Алексеенко, 2007а, с. 7–16; Самойленко 2016, с. 265–275].

2. AKh-222 (старый шифр Б-23-95). Музей Шереметьевых (Киев)[3].

Диаметр –22 мм; толщина пластинки – 1, 5 мм.

Сохранность неудовлетворительная. На аверсе печати очень слабый оттиск; отчеканилась лишь центральная часть по линии канала. На оборотной стороне – также слабый оттиск; сильно потёрта.

Аналогий на найдено.

Не издана.

Аверс. Погрудное изображение Иисуса Христа в крестчатом нимбе, анфас. В поле по сторонам титлы имени Христа – Ἰ(ησοῦ)ϛ Χ(ριστό)ϛ практически не сохранились. По кругу между двух жемчужных ободков нечитаемая легенда (по всей видимости, с инвокативным обращением?), от которой сохранились только две литеры: эпсилон и, возможно, эта.

Реверс. В двойном жемчужном ободке, внутри которого ряд крупных жемчу-

[3] Автор благодарит Ю. Самойленко и А. Шереметьева за предоставленную возможность исследования моливдовулов из комплекса херсонского архива печатей.

жин, погрудные изображения обращённых друг к другу апостолов Петра и Павла. Легенды нет.

По стилистическим признакам печать, очевидно, следует относить к памятникам второй половины X в. В пользу такой датировки свидетельствует весьма характерный тип внешнего ободка, обрамляющего изображения оборотной стороны печати. Двойной жемчужный ободок, внутри которого помещён ряд крупных жемчужин, хорошо известен на датированных печатях этого периода [Oikonomides, 1986, p. 71–74, nr. 67, 69].

Обращает на себя внимание и характер представленных на моливдовуле изображений. Использование в качестве сфрагистического типа редкого для византийской сфрагистики изображения Христа, как правило для императорских печатей вместе с портретами апостолов Петра и Павла, на наш взгляд, предполагает принадлежность буллы к церковным моливдовулам. Очевидно, косвенным свидетельством тому являются две печати XI в. из Болгарии, также сочетающие изображения апостолов и Христа, которые проф. И. Йорданов относит к метрополии Адрианополя [Jordanov, 2009, p. 551, nr. 1699–1671].

Как нам представляется, хотя аналогий херсонской печати так и не удалось найти, скорее всего, она может принадлежать одному из византийских монастырей, посвященных апостолам Петру и Павлу.

Р. Жанэн в своём труде о византийских церквях и монастырях называет лишь три апостольских обители: Апостолеон (Ἀποστολεῖον) в диацезе Халкедония, Павлопетрион (Παυλοπέτριον) на мысу Павлобурн в окрестностях Пендика; и монастырь святых апостолов (Ἀπόστολοι) в Лидии [Janin, 1975, p. 37, 53, 140].

На наш взгляд наиболее очевидно, что рассматриваемая печать может принадлежать широко известному и знаменитому монастырю Апостолеон, который располагался в окрестностях византийской столицы на побережье Пропонтиды в четырёх километрах к востоку от Кадыкёй в Руфинианах (Ῥουφινιαναί) недалеко от древнего Халкидона, где в церкви Петра и Павла хранились полученные из Рима ещё в IV в. мощи апостолов [Janin, 1975, p. 37]. Основавший обитель префект претория Востока Руфин (392–395) построил её недалеко от собственного дворца в деревушке, которая впоследствии получила его имя.

Известно, что в X в. Константин Багрянородный проводит восстановительные работы в монастыре и храме Апостолов. По свидетельству Продолжателя Феофана, император восстанавливает его хотя и меньших размеров, но с большим великолепием. А за выполненные работы архитектор проекта Феодор Велона был удостоен высокого звания патрикия [Theophanes Cont., 1838, p. 452, VI_{27}]. Для более позднего времени о монастыре-мартирии ничего не известно, но, согласно свидетельству Никифора Вриения, не исключено, что он сохранился вместе с дворцом, о существовании которого известно ещё в 1078 году [Bryennii, 1836, p. 124, III_{22}].

Если наше предположение об атрибуции печати верно, то находка в Херсоне моливдовула монастыря Апостолеона очевидное свидетельство определённых кон-

тактов между херсонской епархией и знаменитым монастырём Пропонтиды, куда, надо полагать, могли совершать паломничества пилигримы не только из Херсона, но и следовавшие через Таврику к святым местам представители других стран и народов.

Две другие печати уже определённо принадлежат монастырям южнопонтийского региона.

Первая из них также происходит из комплекса печатей херсонского архива (рис. 3).

3. Akh-622. Музей Шереметьевых (Киев).

Диаметр – 18 x 20 mm; толщина пластинки – ок. 2 mm; вес – 3,4 g.

Сохранность удовлетворительная. Лицевая сторона децентрирована влево. Малый модуль заготовки; ободок и края изображений вышли за поле печати. На лицевой стороне разрывы канала на поверхности поля. Разрывы поля на концах канала.

Аналогий не найдено.

Не издана.

Аверс. В ободке из слившихся в линию мелких жемчужин погрудное изображение Богоматери в нимбе, держащей руки в жесте адорации (левая рука перед грудью, обращена ладонью к зрителю), анфас. В поле по сторонам титлы: слава – [6MR] не сохранились; справа – $\overline{\Theta\text{Y}}$ – Μ(ήτη)ρ Θ(εο)ῡ – Божья Матерь. Легенды нет.

Реверс. Надпись в три строки, заключенная в жемчужный ободок (практически не сохранился), украшенная сверху жемчужиной между двух лепестков (не исключено, что подобное украшение находилось и под надписью):

–[·–]	
+ΤΗϹ	+τῆς
ⳭϹΗΑϹ	Χρ(υ)σῆας
ΠЄΤΡΑ	Πέτρα(ς)

<Σφραγὶς> τῆς Χρυσῆς Πέτρας –
<Печать монастыря> Хрисис Петра.

Стилистические особенности моливдовула свидетельствуют о принадлежности печати к памятникам второй половины X – XI столетий. В то же время использование крупного, почти квадратного, ещё сохраняющего своеобразные крышечки на концах литер и аналогичным начертанием *христограммы* известно на датированной печати (1032) катепана Италии, протоспафария ἐπὶ τοῦ Χρυσοτρικλίνου Михаила, который имел одновременно несколько постов и званий [Oikonomides, 1986, p. 82, nr. 81], что позволяет отнести нашу буллу также к первой половине XI в.

Согласно легенде, найденная в Херсоне печать принадлежит одному из малоазийских монастырей, носившему имя Хрисис Петра [Janin, 1975, p. 116, 117, 442; Bryer, Winfield, 1985, p. 95, nr. 44; Belke, 1996, S. 184, 185].

К сожалению, в анналах истории сохранилось весьма мало информации об этой монашеской обители. В то же время следует отметить, что в X в. (933) Хрисис Петра вместе с тремя главными монастырскими центрами того времени, расположенными

в горах Олимп, Киминас и Барарахайон, был удостоен ежегодного императорского пожертвования (ρόγα) для содержания монашеской братии [Theophanes Cont., 1838, p. 418, 419; Georgius Monachus, 1838, p. 910; cf. Dölger, 2003, S. 83, Nr. 648e (620)]. Таким образом, у нас есть определённые основания полагать, что Хрисис Петра являлся одним из важных византийских монастырских центров X века. Однако заметим, что во втором пожертвовании Роман I Лакапин исключил Хрисис Петра из списка бенефициариев, заменив его монастырями лавр Афона и Латроса [Theophanes Cont., 1838, p. 430]. По мнению Э. Коунтоура-Галаки, имя Хрисис Петра было опущено, потому что император хотел предоставить привилегии монастырю особым образом [Kountoura-Galake, 1999, p. 69,70, note 5] и отдельно, поскольку последний находился в регионе, откуда происходил сам император [см.: Runciman, 1963, p. 63, note 1].

Некоторые сведения о расположении монастыря Хрисис Петра можно почерпнуть из Жития св. Никона «Метаноита», датировка которого относится к 1025 г. – около середины XII в. [Vita of St. Nikon,1982; Sullivan, 1987, p. 3–7]. Из агиографического текста следует, что в своих странствиях святой, достигнув границы Понта и Пафлагонии, прибывает в монастырь Хрисис Петра [Vita of St. Nikon,1982, p. $20_{21\text{-}24}$, 164_{36}–165_{4}.], который располагался на реке Парфениос [Vita of St. Nikon,1982, p. $36_{11\text{-}16}$, $173_{18\text{-}23}$. cf. Kazhdan, 1984, 188–192.] (современное название реки Bartin Suyu) в районе столицы провинции Амастриды [Belke, 1996, S. 259]. Э. Коунтоура-Галаки, рассмотрев свидетельства источников и разные точки зрения исследователей о местоположении монастыря, пришла к выводу, что монастырь Хрисис Петра необходимо идентифицировать со скалой (горой) Петра около Амасии, известной ещё со времён Страбона [Kountoura-Galake, 1999, p. 74]. Упоминание о монастыре находим и в церковном Синаксаре, где под 24 ноября отмечается память святого отца Григория из Хрисис Петра [Delehaye, 1902, p. 254, nr. 4].

И наконец завершающее, но весьма важное и ценное свидетельство об этом монастыре принадлежит ещё одному памятнику сфрагистики также XI столетия и представляет собой аналогичную монастырскую печать. Но в отличие от нашего экземпляра несёт уникальную дополнительную информацию. Благодаря легенде печати стало известно, что монастырь Хрисис Петра носил имя пророка Илии [McGeer, Nesbitt, Oikonomides, 2001, p. 43, nr. 14.1], одного из самых почитаемых ветхозаветных святых, которому поклонялись во всех регионах обширного Византийского государства.

Таким образом, находка в Херсоне моливдовула малоазийского монастыря Хрисис Петра свидетельствует о том, что связи византийской Таврики с монашескими обителями не ограничиваются только в X в., но и развиваются в следующем XI столетии.

Последний моливдовул (находка 2017 года), происходящий с Южного берега Крыма из района современной Ливадии (рис. 4), в полной мере подтверждает этот тезис.

4. КЕ-01-17. Коллекция К. Ефименко (Севастополь)[4].

Диаметр – 40 mm (матрица 30 mm); толщина пластинки – ок. 2 mm; вес – 35,73 g.

Сохранность удовлетворительная. Большой модуль заготовки. Лицевая сторона имеет нечеткий оттиск слева и справа; оборотная – справа. В верхней части пробито отверстие для подвешивания. Светлая серо-коричневая патина.

Аналогий на найдено.

Не издана.

Аверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин многофигурная композиция с изображением Святой Троицы и Авраама (аллюзия на библейскую сцену «Гостеприимство Авраама»). Вверху справа от головы Христа остатки греческой надписи:

..Γ|...IAϚ – [Ἡ Ἁ]γί[α Τρ]ιάς – Святая Троица.

Реверс. В ободке из слившихся в линию жемчужин пятистрочная надпись, над которой расположен небольшой крестик.

+	+
CΦPAΓIC	Σφραγὶς
THCAΓIAC	τῆς Ἁγίας
TPIAΔOC	Τριάδος
TϑRORA	τοῦ Βορα
ΔIϑ	δίου

Σφραγὶς τῆς Ἁγίας Τριάδος τοῦ Βοραδίου –

Печать <монастыря> Святой Троицы из Борадиона.

По стилю, как и предыдущую печать, рассматриваемый моливдовул также следует отнести к памятникам сфрагистики XI столетия.

Н.П. Лихачев моливдовул севаста Михаила Триха с аналогичным типом изображения из коллекции Государственного Эрмитажа (М-6272), изданный прежде Г. Шлюмберже [Shlumberger, 1895, p. 270, 271, nr. 137] и не раз представленный позже [Laurent, 1933, p. 221, nr. 534; 1935, p. 62 nr. 732; Шандровская, 1975, с. 12, ил. 28; 1977, с. 142, № 784; Šandrovskaja, 1982, S. 54, abb. 12], предлагал датировать XI – началом XII вв. [Лихачев, 1991, с. 31, 32, № 1, табл. LVIII,*1*]. Однако отметим, что отсутствие в надписи печати лигатур, широко вошедших в практику с XII столетия, очевидно, обусловливает ее датировку всё-таки в пределах XI в. Хотя, конечно, в известной степени не исключено и XII столетие.

Легенда моливдовула беспристрастно свидетельствует о её принадлежности монастырю, носившему имя Святой Троицы, находившемуся в местечке под названием Борадион (Βοράδιον, Βορράδιον, Βοραδῖον, Βορραδῖον). Местность с таким названием известна среди достопримечательностей византийской столицы на азиатском берегу

[4] Автор благодарит К. Ефименко за предоставленную возможность изучения и публикации моливдовула.

Босфора [Pargoire, 1903, p. 450–453 et 475–478; Janin, 1950, p. 440, 441]. Своё имя она получила от виллы (дворца) племянника Юстиниана I Борайдеса [Procopius, 1914, p. 236, 237]. В соответствии с данными церковной топографии Константинополя Р. Жанэна Борадион, очевидно, был одним из религиозных центров в предместье византийской столицы, в котором размещались несколько церквей и два монастыря: Баталас (Βαταλᾶ) и Святой Троицы (Ἁγίας Τριάδος) [1975, p. 16]. К сожалению, на территории современного Стамбула ни от одного из них не осталось и следа.

В то же время в одном из патриарших актов, датированных 8 февраля III индикта (1170 год), местоположение Борадиона определяется по отношению к положению Φρύξου Λιμένος (пристани или порта Фрикса). В документе говорится, что один из монастырей Борадиона (Баталас) находился на холме над Фриксу-Лимен [Petit, 1906, c. $491_{28\text{-}30}$]. Расположение Борадиона идентифицировано исследователями с соседней северо-западной высотой Кальниджа (Kalnidja). Ж. Паргуар отмечал, что Борадион был приписан к кварталу Кадрига-лимен [Pargoire, 1903, p. 492], где на берегу Босфора, обращенного к Константинополю, находился Софийский дворец [Janin, 1950, p. 153]. Надо полагать, что где-то поблизости был и монастырь Святой Троицы.

Однако в истории сохранилось ничтожно мало сведений об этой обители. Только в том же патриаршем акте 1170 г. мы находим известие, что во время суда над Иоанном Иреником, игуменом монастыря Баталас, император и патриарх хотели услышать обвиняемого перед исполнением приговора и послали за ним некоего Павла, катигитиса (игумена) монастыря Святой Троицы, располагавшегося близ Борадиона: τῆς κατά το Βορράδιον μονῆς τῆς Ἁγίας Τριάδος καθηγητής [Petit, 1906, p. $492_{6\text{-}7}$; Grumel, 1989, p. 541, nr. 1110]. Этот персонаж не известен по другим источникам, но его очевидная близость к патриарху и императору дают все основания полагать, что он был не только влиятельным человеком, но и облечён доверием высшей власти. Надо полагать, что положение при дворе предстоятеля монастыря в известной мере влияло и на статус самой обители. Здесь, очевидно, также можно отметить, что возглавивший несколько позже константинопольскую церковь патриарх Феодосий (1179–1183) был монашеского происхождения и его называли Борадионом, т.е. из монастыря Борадион [Nicephori Callistii, 1865, p. 464B]. Кроме того, современная ему церковная переписка, частично принадлежавшая монаху Ерофею, свидетельствует о том, что этот патриарх не переставал поддерживать отношения со своими бывшими собратьями; хотя эти документы и не содержат четкого упоминания о названии обителей. К примеру, в одном из своих писем Ерофей упоминает о настоятеле монастыря Досифее, с которым патриарх очень часто общался [Darrouzès, 1972, p. 209, nr. 18].

Сколь ни скудны свидетельства источников о монастыре Святой Троицы в Борадионе, тем не менее они говорят о его высокой значимости и при дворе, и патриархате.

Появление уникальной печати монастыря Святой Троицы в Крыму в очередной

раз подтверждает существование тесных связей священнослужителей средневековой Таврики не только с церковной администрацией и провинциальными епархиями, но и различными монашескими центрами.

Таким образом, вводимые в научный оборот находки монастырских печатей византийских монастырей в Крыму свидетельствуют о том, что по крайней мере на протяжении X и XI вв. (а возможно, и в XII столетии) наряду с главными центрами монашества на Афоне, Олимпе и Киминасе активно существовали и другие региональные обители, в частности на территории Южнопонтийского и Малоазийского побережий, с которыми поддерживали переписку местные представители клира. Появление монастырских печатей сегодня иллюстрирует новое направление в традиционных межцерковных контактах региона, которые не замыкались на связях местных священнослужителей с патриархатом и его администрацией и провинциальными епархиями, но и дают основания полагать, что монашествующая братия также играла заметную роль в развитии взаимоотношений между церковью и обществом, чему в известной мере способствовали и путешествия паломников, и личные контакты клириков.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеенко Н.А. Патриарший моливдовул из Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1990. Вып. 25. С. 25–29.

Алексеенко Н.А. Печать римского Папы Александра IV из окрестностей Балаклавы // МАИЭТ. – Симферополь, 1993. Вып. III. С. 267–269.

Алексеенко Н.А. Печать киевского митрополита Кирилла из Херсонеса // РА. – М., 1999. № 1. С. 186–190.

Алексеенко Н.А. Печати боспорских иерархов из Херсона // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. Сборник научных трудов. – Севастополь; Краков, 2001. С. 131–138.

Алексеенко Н.А. Булла патриарха Николая Мистика из Херсона // Древности 2004. – Харьков, 2004. С. 260–264.

Алексеенко Н.А. Печать Митрофана Смирнского из Херсона – ссыльный митрополит в Таврике // Sacrum et Profanum. – Севастополь, 2007. Т. III. Небесные патроны и земные служители культа. С. 11–16.

Алексеенко Н.А. Херсонский архив печатей»: миф или реальность? // ХСБ. – Севастополь, 2007а. Вып. XV. С. 7–16.

Алексеенко Н.А. Памятники археологии в ряду источников по популяризации и развитию современного туризма: несколько новых болгарских моливдовулов // Оттука започва България. Материали от Втората национална конференция по история, археология и културен туризм «Пътуване към България» (Шумен 14–16 мая 2010 г.). – Шумен, 2011. С. 352–359.

Алексеенко Н.А., Самойленко Ю.Н. Моливдовулы деятелей церкви из херсонского архива: новые находки // AMV. – Варна, 2008. Vol. VII (2). С. 91–99.

Алексеенко Н.А. Памятники археологии в ряду источников по популяризации и развитию современного туризма: несколько новых болгарских моливдовулов // Оттука започва България. Материали от Втората национална конференция по история, археология и културен туризм «Пътуване към България» (Шумен 14–16.05.2010). – Шумен, 2011. С. 352–359.

Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого Востока. // Научное наследство. – М., 1991. Т. 19.

Самойленко Ю. Летопись на дне моря: история обнаружения и общая характеристика херсонского архива печатей // Сфрагістичний щорічник. – Київ, 2016. Вип. VI. С. 265–275.

Смычков К.Д. Печати церковных иерархов из Херсона. // АДСВ. – Екатеринбург, 1999. Т. 30. С. 124–129.

Пятышева Н.В. Печать готского епископа в коллекциях Государственного исторического музея // АЕ за 1962. – М., 1963, С. 32–36.

Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса. // ВВ. – М., 1991. Т. 52. С. 201–225.

Соколова И.В. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. – Екатеринбург, 1992. Вып. 26. С. 191–203.

Шандровская В.С. Византийские печати в собрании Эрмитажа (на выставке «Искусство Византии» из собраний Советского Союза). – Л., 1975.

Шандровская В.С. Сфрагистика. Раздел в каталоге выставки «Искусство Византии в собраниях СССР». Т. 2. – М., 1977.

Юргевич В.Н. Две печати, найденные в византийском Херсонесе // ЗООИД. – Одесса, 1886. Т. 14. С. 1–21.

Aleksèenko N. Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoinage des sceaux des archives de Cherson // SBS. – München; Leipzig, 2003. Bd. 8. S. 75–83.

Alekseienko N. Remarks on the correspondence between byzantine Cherson and Asia Minor: the evidence of seals // TAKTIKON. Proceedings of the International Workshop on the Administration and the Prosopography of the Byzantine themes (Academy of Athens, June 19, 2015) / eds. O. Karagiorgou, P. Charalampakis, Chr. Malatras. – Athens, 2019 (in print).

Alexeenko N.A. Unique find of the group of Byzantine lead Seals from Cherson // Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies (University of Copenhagen, 18-24 August 1996). Abstracts of Communications. – Copenhagen, 1996. P. 1884.

Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. – Washington, 1995. Vol. 4. 139–151.

Belke K. Paphlagonien und Honorias // TIB. – Wien, 1996. Bd. 9.

Bryennii Nicephori. Commentarii / Reg. A. Meineke. – Bonnae, 1836.

Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. – Washington, 1985.

Cheynet J.-Cl., Morrisson C., Seibt W. Les seaux byzantins de la collection Henri Serig. – Paris, 1991.

Darrouzès J. Un recueil épistolaire du XIIe sciècle: Académie Roumaine cod. Gr. 508. // REB. – Paris, 1972. T.30. P. 199–230.

Delehaye H. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae // Propylaeum ad Acta Sanctorum. Novembris). – Bruxellis, 1902.

Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. – München, 2003. Teil I.2. Regesten von 867–1025.

Georgius Monachus. VITAE IMPERATORUM RECENTIORUM // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E rec. I. Bekkeri. – Bonnae, 1838.

Grumel V. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople. – Paris, 1989. Vol. I. Les Actes des Patriarches. Fasc. II et. III (705–1206).

Janin R. Constantinople byzantine. Dévelopment urbain et répertoire topographique. – Paris, 1950.

Janin R. Les église et les monastères des grands centres byzantine. – Paris, 1975.

Kazhdan A.P. Hagiographical Notes (suite) // Byzantion. – Bruxelles, 1984. Vol. 54. P. 176–192.

Kountoura-Galake E. The Location of the Monastery of Chryse Petra // Byzantina Symmeikta. – Athens, 1999. Vol. 13 P. 69–75.

Laurent V. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine // ΕΛΛΕΝΗΚΑ. – Athens, 1933. T. VI. P. 81–102, 205–280.

Laurent V. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine // ΕΛΛΕΝΗΚΑ. – Athens, 1935. T. VIII. P. 49–64, 319–348.

Le Quien M. Orient Christianus. Vol. I–III. – Paris, 1740.

McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides† N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 2001. Vol. 4. The East.

McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides† N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg

Museum of Art. – Washington, 2005. Vol. 5. The East (continued), Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Reading.
Nicephori Callistii. Xanthopuli Patriarcharum Constantinopolitanorum. Catalogum // PG. – Parisiis, 1865. T. 147.
Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. – Washington, 1986.
The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A.P. Kazdan. – New York; Oxford, 1991. Vol. I–III.
Pargoire J. A propos du Boradion // BZ – Leipzig, 1903. Bd. 12. P. 449–493.
Petit L. Documents inédits sur le concile de 1166 et ses derniers adversaires // ВВ. – Санкт-Петербург, 1906. T. 11. C. 465–493.
Procopius. History of the Wars. Books I and II / with an eng. Trans. H.B. Dewing. – London; New York, 1914.
Psellos Michel. Chronographie / ed. E. Renauld. – Paris, 1926. Vol. I.
Runciman St. The Emperor Romanus Lecapenus and his Reign. A Study of Tenth-Century Byzantium. – Cambridge 1963.
Scylitzae Joannis. Synopsis Historiarum / Ed. I. Thurn // CFHB. – Berolini; Novi Eboraci, 1973. Vol. 5.
Seibt W. A Matrix for Wax Seals of Iakobos, Metropolitan of Gotthia, from Mangup // BYZANTIAKA. – Θεσσαλονίκη, 2016. T. 33. P. 295–299.
Sokolova I.V. Les sceaux Byzantins de Cherson // SBS. – Washington, 1993. Vol. 3. P. 99–111.
Sullivan D.F. The Life of Saint Nikon. – Brookline, Mass., 1987.
Theophanes Continuatus. ΧΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑ // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E rec. I. Bekkeri. – Bonnae, 1838.
Vita of St. Nikon / ed. Od. Lampsides. Ὁ ἐκ Πόντου ὁσιος Νίκων ὁ Μετανοείτε. – Athens 1982.

REFERENCES

Alekseyenko N.A. Patriarshiy molivdovul iz Chersonesa // *Antichnaya Drevnost i Srednie Veka.* – Sverdlovsk, 1990. Vyp. 25. S. 25–29.
Alekseyenko N.A. Pechat' rimskogo Papy Aleksandra IV iz okrestnostey Balaklavy // *Materialy po Archeologii, istorii i etnografii Tavrii*. – Simferopol', 1993. Vyp. III. S. 267–269.
Alekseyenko N.A. Pechat' kievskogo mitropolita Kirilla iz Chersonesa // *Rossiyskaja Archeologia*. – M., 1999. № 1. S. 186–190.
Alekseyenko N.A. Pechati bosporskih ierarhov iz Chersona // Problemy religiy stran chernomorsko-sredizemnomorskogo regiona. Sbornik nauchnyh trudov. – Sevastopol'; Krakow, 2001. S. 131–138.
Alekseyenko N.A. Bulla patriarha Nikolaya Mistika iz Chersona // *Drevnosti 2004*. – Khar'kov, 2004. S. 260–264.
Alekseyenko N.A. Pechat' Mitrofana Smirnskogo iz Chersona – ssyl'nyy mitropolit v Tavrike // *Sacrum et Profanum.* – Sevastopol', 2007. T. III. Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kul'ta. S. 11–16.
Alekseyenko N.A. Hersonskiy arhiv pechatey»: mif ili real'nost'? // *Chersonessiky sbornjk.* – Sevastopol', 2007a. Vyp. XV. S. 7–16.
Alekseenko N.A. Pamyatniki arheologii v ryadu istochnikov po populyarizatsii i razvitiyu sovremennogo turizma: neskol'ko novyh bolgarskih molivdovulov // Ottuka zapochva B'lgariya. Materiali ot Vtorata natsional'na konferentsiya po istoriya, arheologiya i kulturen turizm «P'tuvane k'm B'lgariya» (Shumen 14–16 maya 2010 g.). – Shumen, 2011. C. 352–359.
Alekseenko N.A., Samoylenko Yu.N. Molivdovuly deyateley tserkvi iz hersonskogo arhiva: novye nahodki // Acta Musei Varnensis. – Varna, 2008. Vol. VII (2). S. 91–99.
Alekseenko N.A. Pamyatniki arheologii v ryadu istochnikov po populyarizatsii i razvitiyu sovremennogo turizma: neskol'ko novyh bolgarskih molivdovulov // Ottuka zapochva B'lgariya. Materiali ot Vtorata natsional'na konferentsiya po istoriya, arheologiya i kulturen turizm «P'tuvane k'm B'lgariya» (Shumen 14–16.05.2010). – Shumen, 2011. S. 352–359.
Lihachev N.P. Molivdovuly grecheskogo Vostoka. // Nauchnoe nasledstvo. – M., 1991. T. 19.
Samoylenko YU. Letopis' na dne morya: istoriya obnaruzheniya i obshchaya harakteristika hersonskogo arhiva pechatey // *Sfragisticheskiy shchorichnik*. – Kïïv, 2016. Vyp. VI. S. 265–275.

Smychkov K.D. Pechati tserkovnyh ierarhov iz Hersona. // *Antichnaya Drevnost i Srednie Veka.* – Ekaterinburg, 1999. Vyp. 30. S. 124–129.

Pyatysheva N.V. Pechat' gotskogo episkopa v kollektsiyah Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya // *Archeographicheskiy eszegodnik za 1962 g*. – M., 1963, S. 32–36.

Sokolova I.V. Vizantiyskie pechati VI – pervoy poloviny IX v. iz Chersonesa. // *Vizantiyskiy Vremennik.* – M., 1991. T. 52. S. 201–225.

Sokolova I.V. Vizantiyskie pechati iz Chersonesa // *Antichnaya Drevnost i Srednie Veka.* – Ekaterinburg, 1992. Vyp. 26. S. 191–203.

Shandrovskaya V.S. Vizantiyskie pechati v sobranii Ermitazha (na vystavke «Iskusstvo Vizantii» iz sobraniy Sovetskogo Soyuza). – L., 1975.

Shandrovskaya V.S. Sfragistika. Razdel v kataloge vystavki «Iskusstvo Vizantii v sobraniyah SSSR». – M., 1977. T. 2.

Yurgevich V.N. Dve pechati, naydennye v vizantiyskom Chersonese // *Zapiski Odesskogo Obschestva Istorii i Drevnostey.* – Odessa, 1886. T. 14. S. 1–21.

Aleksèenko N. Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoinage des sceaux des archives de Cherson // *SBS.* – München; Leipzig, 2003. Bd. 8. S. 75–83.

Alekseienko N. Remarks on the correspondence between byzantine Cherson and Asia Minor: the evidence of seals // TAKTIKON. Proceedings of the International Workshop on the Administration and the Prosopography of the Byzantine themes (Academy of Athens, June 19, 2015) / eds. O. Karagiorgou, P. Charalampakis, Chr. Malatras. – Athens, 2019 (in print).

Alexeenko N.A. Unique find of the group of Byzantine lead Seals from Cherson // Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies (University of Copenhagen, 18-24 August 1996). Abstracts of Communications. – Copenhagen, 1996. P. 1884.

Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I. Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson // SBS. – Washington, 1995. Vol. 4. 139–151.

Belke K. Paphlagonien und Honorias // *TIB.* – Wien, 1996. Bd. 9.

Bryennii Nicephori. Commentarii / Reg. A. Meineke. – Bonnae, 1836.

Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. – Washington, 1985.

Cheynet J.-Cl., Morrisson C., Seibt W. Les seaux byzantins de la collection Henri Serig. – Paris, 1991.

Darrouzès J. Un recueil épistolaire du XIIe sciècle: Académie Roumaine cod. Gr. 508. // *REB*. – Paris, 1972. T.30. P. 199–230.

Delehaye H. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae // Propylaeum ad Acta Sanctorum. Novembris). – Bruxellis, 1902.

Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565–1453. – München, 2003. Teil I. 2. Regesten von 867–1025.

Georgius Monachus. VITAE IMPERATORUM RECENTIORUM // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E rec. I. Bekkeri. – Bonnae, 1838.

Grumel V. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople. – Paris, 1989. Vol. I. Les Actes des Patriarches. Fasc. II et. III (705–1206).

Janin R. Constantinople byzantine. Dévelopment urbain et répertoire topographique. – Paris, 1950.

Janin R. Les église et les monastères des grands centres byzantine. – Paris, 1975.

Kazhdan A.P. Hagiographical Notes (suite) // *Byzantion*. – Bruxelles, 1984. Vol. 54. P. 176–192.

Kountoura-Galake E. The Location of the Monastery of Chryse Petra // *Byzantina Symmeikta*. – Athens, 1999. Vol. 13 P. 69–75.

Laurent V. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine // *ΕΛΛΕΝΗΚΑ*. – Athens, 1933. T. VI. P. 81–102, 205–280.

Laurent V. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine // *ΕΛΛΕΝΗΚΑ*. – Athens, 1935. T. VIII. P. 49–64, 319–348.

Le Quien M. Orient Christianus. Vol. I–III. – Paris, 1740.

McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides† N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 2001. Vol. 4. The East.

McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides† N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. – Washington, 2005. Vol. 5. The East (continued), Constantinople and Environs, Unknown Locations, Addenda, Uncertain Reading.

Nicephori Callistii. Xanthopuli Patriarcharum Constantinopolitanorum. Catalogum // *PG*. – Parisiis, 1865. T. 147.

Oikonomides N. A Collection of Dated Byzantine Lead Seals. – Washington, 1986.

The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A.P. Kazdan. – New York; Oxford, 1991. Vol. I–III.

Pargoire J. A propos du Boradion // *BZ* – Leipzig, 1903. Bd. 12. P. 449–493.

Petit L. Documents inédits sur le concile de 1166 et ses derniers adversaires // V*izantiyskiy Vrermennik*. – Санкт-Петербург, 1906. T. 11. C. 465–493.

Procopius. History of the Wars. Books I and II / with an eng. Trans. H.B. Dewing. – London; New York, 1914.

Psellos Michel. Chronographie / ed. E. Renauld. – Paris, 1926. Vol. I.

Runciman St. The Emperor Romanus Lecapenus and his Reign. A Study of Tenth-Century Byzantium. – Cambridge 1963.

Scylitzae Joannis. Synopsis Historiarum / Ed. I. Thurn // *CFHB*. – Berolini; Novi Eboraci, 1973. Vol. 5.

Seibt W. A Matrix for Wax Seals of Iakobos, Metropolitan of Gotthia, from Mangup // *BYZANTIAKA*. – Θεσσαλονίκη, 2016. T. 33. P. 295–299.

Sokolova I.V. Les sceaux Byzantins de Cherson // *SBS*. – Washington, 1993. Vol. 3. P. 99–111.

Sullivan D. F. The Life of Saint Nikon. – Brookline, Mass., 1987.

Theophanes Continuatus. ΧΡΟΝΟΓΡΑΦΙΑ // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E rec. I. Bekkeri. – Bonnae, 1838.

Vita of St. Nikon / ed. Od. Lampsides. Ὁ ἐκ Πόντου ὁσιος Νίκων ὁ Μετανοείτε. – Athens, 1982.

Резюме

Традиционно об особой заинтересованности византийской церкви в Херсоне и регионе Юго-Западной Таврики в целом – этой далёкой окраине греческой ойкумены на границе северных владений византийской державы свидетельствуют находки в Херсоне печатей архипастырей константинопольского патриархата, высокопоставленных церковных сановников, провинциальных иерархов и рядовых клириков.

В настоящее время к перечню корреспондентов, осуществлявших традиционные межцерковные контакты, можно добавить ещё один хорошо известный разряд клерикальных институтов – византийские монастыри.

Введение в научный оборот трех новых моливдовулов монашеских обителей южнопонтийского региона – знаменитого Апостолеона в Руфинианах с побережья Пропонтиды (вторая половина X в.), монастыря пророка Илии Хрисис Петра из окрестностей Амасии на северо-востоке Пафлагонии (первая половина XI в.) и монастыря Святой Троицы в предместье византийской столицы – Борадионе, на азиатском берегу Босфора (вторая половина XI – XII вв.) иллюстрирует сегодня не только новое направление в традиционных межцерковных контактах, которые не замыкались на связях священнослужителей Таврики и Херсона с патриархатом, центральными церковными управлениями и провинциальными епархиями, но и дают основания полагать, что монашествующая братия также играла заметную роль в развитии взаимоотношений между церковью и обществом, чему в известной мере способствовали путешествия паломников.

Ключевые слова: история Византии, сфрагистика, византийские печати, моливдовулы константинопольский патриархат, монастыри.

Summary

Byzantine church's particular interest to Cherson and the south-western Taurica in general, as the remote area in the Greek oecumene neighbouring the northern frontier of the Byzantine empire, appeared from the seal finds in Cherson, supplying the pieces belonged to archpriests of the Patriarchate of Constantinople, high-ranked church officials, provincial hierarchs, and ordinary clergy. Now the list of correspondents conducting traditional interchurch contacts could be supplied with another rank of clerical institutions, Byzantine monasteries. This paper introduces into the scholarship three new molybdoboulla of monasteries located in the southern Pontic area, the famous Apostoleion in Rouphinianai on the coast of the Propontis (second half of the tenth century), the Holy Prophet Ellias of Chryse Petra monastery in vicinity of Amasia in the north-eastern Paphlagonia (first half of the eleventh century), and the Holy Trinity Monastery in the Boradion suburb of the Byzantine capital, located on the Asian side of the Bosphoros (second half of the eleventh or twelfth century) . These artefacts shed light on the new direction in traditional interchurch contacts which did not restrict to connections of the clergy of Taurica and Cherson with the Patriarchate, central church departments, and provincial bishoprics. They also supply an argument for the conjecture that the monks played a considerable role for the development of church-society relations, to a great extent due to pilgrims' travels.

Keywords: history of Byzantium, sigillography, Byzantine seals, *molybdoboulla*, Patriarchate of Constantinople, monasteries.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Николай Александрович Алексеенко, к.и.н.,
старший научный сотрудник,
Институт археологии Крыма РАН, Симферополь,
295007, Симферополь, пр. Вернадского, 2.
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Nikolay Alekseyenko,
Senior Researcher,
Institute of Archaeology of the Crimea (RAS),
Simferopol, 2, Vernadsky av., Simferopol, 295007.
AlekseyenkoNikolaj@gmail.com

Рис. 1. Печать монастыря Богородицы Перивлепты (XI в.)

Рис. 2. Печать монастыря Апостолеон (вторая половина X в.)

Рис. 3. Печать монастыря Хрисис Петра (первая половина XI в.)

Рис. 4. Печать монастыря Святой Троицы из Борадиона (XI в.).

П У Б Л И К А Ц И И

М.И. ТЮРИН
M.I. TIURIN

РЕЛЬЕФНЫЕ ЧАШИ ИЗ ЗАКРЫТОГО КОМПЛЕКСА НА УКРЕПЛЕНИИ МАСЛЯНАЯ ГОРА[1]
MOULDMADE BOWLS FROM THE ASSEMBLAGE FROM MASLIANAYA GORA FORT

Укрепление Масляная гора расположено в Юго-Западном Крыму, на северном краю плато Мекензиевых гор, над нижним течением р. Бельбек (рис. 1,*1*). Скорее всего, объект возникает как херсонесская укрепленная усадьба в конце IV в. до н.э. Представляет из себя прямоугольный форт размерами 24,8 х 27,2 м, ориентированный по сторонам света. В эпоху расцвета херсонесского полиса этот пункт мог контролировать плодородную Бельбекскую долину с проживавшим в ней зависимым варварским населением. Следующий этап существования памятника относится ко II − началу I вв. до н.э. Выгодное стратегическое местоположение делало укрепление важным пунктом, находившимся на пути, соединяющем Крымскую Скифию и Херсонес. Материалы недавних раскопок позволяют связать гибель объекта с событиями митридатовского времени. К финалу существования объекта относится ряд закрытых комплексов, в одном из которых обнаружены археологически целые «мегарские» чаши.

В полевом сезоне 2017−2018 гг.[2] была исследована северо-восточная часть укрепления, где изучены два помещения, а также участок двора (рис. 1,*2*). Угловое помещение V имело подквадратную форму размерами 3,8 х 3,4 м. Вход в помещение был размещен в южной стене, в юго-восточном углу. Северная и восточная стены помещения являются внешними стенами укрепления, поставлены на материк и представляют из себя трехслойную кладку шириной до 1,5 м, состоящую из массивных известняковых прямоугольных блоков. Эти кладки внешнего периметра укрепления составляют первый строительный период и датируются временем не позднее конца IV в. до н.э. Южная и западная стены помещения трехслойные, двухпанцирные с забутовкой. Судя по материалам заполнения хозяйственной ямы 1/2018, которая перекрыта южной стеной помещения, эти кладки возникли не ранее середины – начала второй половины III в. до н.э. [Тюрин, Федосеев, 2018, с. 249]. Культурный слой этого времени фиксируется и на материковой поверхности, в том числе под упомянутыми кладками.

[1] Работа выполнена в рамках проекта «Херсонесское пограничье в Юго-Западной Таврике античного времени» (РФФИ, № 16-31-01082).

[2] Плановые исследования были начаты в 2013 г. под руководством А.А. Филиппенко, в 2017-2018 гг. продолжены М.И. Тюриным.

На последнем этапе существования укрепления в юго-западном углу помещения V функционировала глинобитная печь, что указывает на его назначение. Сохранились фрагменты межкамерной плиты с продухами (жаропроводными отверстиями). Четко фиксируется уровень пола помещения − утоптанная поверхность нижележащего слоя суглинка. Пол перекрыт горизонтом пожара и керамического завала мощностью до 45 см. Слой пожара состоял из мелких фрагментов запекшейся в огне глиняной обмазки (глиняное покрытие турлучных (?) конструкций, «печина»), углей, многочисленных золистых линз и массового завала керамики: амфор, лепных горшков и кубков, столовых сосудов. Кроме того, ряд керамических изделий зафиксирован на полу in situ. Очевидно, сосуды, обнаруженные в верхней части завала, в момент пожара находились на полках вдоль стен помещения, либо, что менее вероятно, на втором его этаже.

Завал состоял из фрагментированных амфор, лепных и столовых сосудов. Изделия несут следы воздействия высоких температур, стенки некоторых сосудов сильно расслаиваются. Помимо тары здесь были найдены многочисленные пряслица, ножи, стеклянная бусина, флакон-бальзамарий, сероглиняный кувшин, а также две рельефные чаши, которым посвящена данная публикация.

Чаша 1 (рис. 2) обнаружена в юго-западной части помещения V, в непосредственной близости от печи, в завале вместе с частями родосской амфоры, на одной из ручек которой обнаружено клеймо фабриканта Σώταιρος. Сосуд фрагментирован, все фрагменты собраны на небольшом участке, возле южной стены помещения. Восстановлен с незначительными утратами. Чаша вытянуто-полусферической формы, венец плавно отогнут. Донце слегка вогнуто. Диаметр венца − 11,4 см; дна − 4 см; высота − 8,3 см. В верхней части − бордюр из ионийского киматия, ограниченный тонкими рельефными линиями. В средней зоне − растительный орнамент: лоза со спиральными завитками, между ними − три точки. Ниже, за тонкой горизонтальной разделительной линией, − придонная часть, содержащая идиллический морской сюжет. Здесь представлены четыре различные фигуры, повторяющиеся дватри раза (всего девять); расположены слева направо: два канфара, дельфин, фигура на дельфине, дельфин, эрот на гиппокампе, фигура на дельфине, дельфин, эрот на гиппокампе. На внешней поверхности донца чаши прямая рельефная надпись: Γοργί[ου] (ретроградно). Черепок на сколе розовато-оранжевый (7.5YR 7/4-7/6), с многочисленными включениями частиц слюды. Лак блестящий, отслаивающийся, имеет неравномерный окрас, цвет варьируется от светло-оранжевого (5YR 6/6) в верхней части до темно-коричневого (5YR 3/2) и черного (5YR 2.5/1) в нижней.

Мастерская Горгия впервые выделена А. Ламонье на основании девяти фрагментов нижних частей чаш с подписями, обнаруженными на Делосе [Laumonier, 1977, p. 403, 404]. Ввиду малого количества и фрагментарности находок продукция мастерской не была выделена в отдельную группу и была рассмотрена исследователем вместе с продукцией прочих мелких мастерских: Дионисия, Зоила и др. На стенках опубликованных фрагментов представлена растительная орнаментация

(аканф, мелкие треугольные листики, пирамидальные «шишечки» на квадратной основе), в единичном случае − многофигурная композиция (танцоры) [Ibid.]. Три донца с подписью Горгия происходят из Эфеса; придонные части орнаментированы растительными мотивами (каликс из аканфа и широких листьев, розетки, длинные лепестки) [Rogl, 2015, p. 119, 120]. Целая чаша мастерской Горгия обнаружена в Эниадах (Акарнания) [Τσαντήλα, 2011, № 155]. Тулово сосуда покрыто мелкими треугольными листиками со срединной прожилкой, верхний ярус занимает пояс ионийского киматия. Профиль сосуда − со слегка загнутым прямым бортиком, в целом характерен для ионийских чаш. Находки продукции этой мастерской имеются на Самосе, в Кенхреях [Rogl, 2001, s. 138], а также в Беренике (Бенгази, Ливия) [Kenrick, Reynolds, 2015, p. 81]. В Северном Причерноморье фрагменты чаш этой мастерской (по крайней мере, с клеймами) ранее фиксировались только на городищах Кара-Тобе и «Чайка» [Внуков, Коваленко, 1998, с. 69, рис. 5,*1*]. Центром производства чаш мастерской Горгия считают Эфес [Rogl, 2015, p. 138; Τσαντήλα, 2011, σ. 166], хотя не исключается, что их могли изготовлять и на Самосе [Rogl, 2001, s. 138; Τσαντήλα, 2011, σ. 166].

Публикуемый нами сосуд оригинален по своей морфологии: вытянутое тулово в сочетании с отогнутым венцом не характерно для эфесской [Rogl, 2015, p.12] и ионийской продукции [Laumonier, 1977, pl. 132-134] в целом. Не удалось обнаружить точных аналогий и декору придонной части сосуда. Впрочем, декорация в виде морских чудовищ − известный мотив на ионийских рельефных чашах. Близкие, хотя и не идентичные сюжеты имеются на чашах мастерской Комика (Лидоса), где помещены в средней зоне: дельфины, фигуры на гиппокампах [Laumonier, 1977, № 3291, 3292], эроты на дельфинах [Laumonier, 1977, № 3240]. Декорация средней зоны характерна для различных мастерских «милето-эфесской» группы, в частности эфесской мастерской Менемаха [Laumonier, 1977, pl. 2, № 428, 9303], мастерской Belles Meduses [Laumonier, 1977, pl. 20, № 1587, 1653], а также для чаш, не отнесенных к конкретным мастерским [Laumonier, 1977, pl. 100, № 429+552; pl. 102, № 1575, 1626, 1627, 1650, 1652, 2323]. Формы для изготовления чаш с этим мотивом хранятся в Эфесском музее [Tuluk, 2001, №28, abb. 18a].

В северо-восточном углу помещения V изучена конструкция из двух вертикально стоящих на ребре плит, очевидно, выполнявших роль опор своеобразной полки. Между плитами располагался кувшин с отбитым венцом и ручкой, а также поставленный горлом вниз сильно поврежденный лепной горшок (рис. 6,*1*). Внутри горшка in situ обнаружена чаша 2. Сохранность сосуда неудовлетворительная, ввиду воздействия температур тесто расслаивается, часть фрагментов оказалась утраченной. Тем не менее, сюжет восстанавливается практически полностью.

Чаша (рис. 3,*1*) полусферической формы, с загнутым венцом, переход от тулова к венцу оформлен слабо читаемым ребром (тип 2 b по К. Рогл [Rogl, 2015, p.125, fig. 11]). Донце вогнутое. Диаметр венца − 12,8 см; дна − 5,5 см; высота − 8,2 см. В верхней части − бордюр из свастикообразного меандра. Ниже, под разделяющей

горизонтальной линией дополнительный бордюр из «елочек», − горизонтальная линия с симметрично отходящими вверх и вниз косыми отрезками. Средняя зона (рис. 3,*2*) содержит четыре эротические сцены, разделенные фигурами эротов. Слева направо: любовная сцена (фрагментирована), эрот с флейтой (голова повернута на три четверти), любовная сцена (coitus a tergo) (рис. 2,*3*), эрот с кифарой (рис. 3,*4*), любовная сцена (женская фигура лежит на спине), эрот с флейтой, любовная сцена (две фигуры на боку лицом друг к другу) (рис. 3,*5*), эрот (фрагментирован). Во всех случаях ложа прорисованы схематически, ножки не видны. Придонная часть содержит каликс из двух рядов острых треугольных листьев с прожилками (центральной и тремя парами боковых). Черепок на сколе оранжевый (5YR 6/8), с многочисленными включениями частиц слюды. Лак матовый, имеет неравномерный окрас, цвет варьируется от темно-коричневого (5YR 4/1) в верхней части до красно-коричневого (2.5YR 5/8 – 4/8) в нижней.

Ближайшей аналогией нашей чаше является фрагментированный сосуд производства мастерской Менемаха, найденный на Делосе [серия 5, Laumonier, 1977, pl. 6; № 3216 bis]. Сюжет идентичен, насколько можно судить, фигура эрота с кифарой выполнена тем же штампом, что и на нашей чаше. Идентична даже редко встречающаяся орнаментация второго бордюра. Отдельные детали (расположение фигур относительно горизонтальной линии, разделяющей среднюю и нижнюю зоны) не позволяют считать, что обе чаши изготовлены в одной форме, однако очевидно, что для изготовления форм использовались одни и те же штампы. Доля продукции мастерской Менемаха в ионийском производстве рельефных сосудов представляется весьма значительной [Laumonier, 1977, 21; Τσαντήλα, 2011, εικ. 115]. Многочисленны чаши этой эфесской мастерской и в Северном Причерноморье [Коваленко, 1989, л. 30], где основная их масса приходится на середину − третью четверть II в. до н.э. [там же, л. 174].

В настоящее время продолжается реставрация обнаруженных в завале сосудов, но уже можно делать выводы о составе комплекса. Среди амфор превалирует родосская продукция – собрано шесть форм. Все они принадлежат к т.н. «александрийскому» варианту I-F по классификации С.Ю. Монахова [Монахов, 2003, с. 120, табл. 84]. На пяти из них сохранились клейма, к сожалению, только в двух случаях удается уверенно прочесть как эпонимный, так и фабрикантский оттиски. В первом случае это фабрикантский оттиск (эмблема-герма) Φ[ιλοστε]/φάν[ου] и эпонимный Ἐπὶ Ἀ[ρχι]/βίου [Παν]/άμου (рис. 4,*1*). Магистратура Ἀρχίβιος датируется около 115 г. до н.э. (Vc хронологическая подгруппа) [Finkielsztejn, 2001, p. 195]. Во втором − эпонимный [Ἐπὶ Τ]ε[ιμ]α/γόρα/ Καρνε[ίο]υ и фабрикантский Σ[ω]σι[κλ]εῦς (эмблема-кадуцей) (рис. 4,*2*). Магистратура Τειμαγόρας 1 относится ко времени около 124−122 гг. до н.э. (Vb хронологическая подгруппа) [Finkielsztejn, 2001, p. 195]. Кроме того, на трех сосудах сохранились фабрикантские клейма [Α]ἴνου (эмблема-роза) (рис. 4,*3*), Δώρου (рис. 4,*4*), Σωταί/ρου (рис. 5,*1*). Фабриканты Αἴνως, Δῶρος 2 и Σώταριος также принадлежат к V хронологической группе. На трех амфорах имеются следы ремон-

та: расположенные парами сквозные отверстия, скрепленные свинцовыми скобами, свинцовая латка.

Около восточной стены помещения обнаружен развал амфоры с двуствольными ручками, валикообразным венцом, цилиндрическим, несколько сужающимся книзу горлом, оканчивающимся воротничком-уступом, яйцевидным туловом и желудевидной ножкой (рис. 5,*4*). Сложно сказать, является ли данный сосуд продукцией Коса либо же подражающего ему эгейского центра. Черепок на изломе розовый, слоящийся, в тесте большое количество включений слюды. В целом по линейным размерам амфора близка типу V косских амфор по классификации С.Ю. Монахова [2015, с. 74, № 55, 56]. Нижняя часть сосуда зафиксирована вкопанной в пол in situ, в ней содержались обугленные остатки зерен овса (Avena sativa)[3].

В центре помещения находилась лежащая горизонтально коричневоглиняная колхидская амфора (рис. 5,*3*) с трапециевидным в сечении венцом, коротким горлом, удлиненным яйцевидным туловом, короткой конической ножкой и высоко поставленными уплощенными в сечении ручками. Сосуд следует отнести к варианту Кх IB по классификации С.Ю. Внукова [2003, с. 164]. Выраженный перехват отсутствует, что сближает сосуд с двумя амфорами из ямы 8 / 11 городища Кара-Тобе [Внуков, 2016, с. 102].

На полу помещения было расположено более десятка лепных сосудов закрытого типа. Из них выделяются два лепных лощеных горшка банкообразной формы (рис. 6,*2*). Остальные горшки были нелощеными, ввиду состояния керамического теста не всегда поддаются реставрации. Единственный горшок, сохранившийся полностью (рис. 6,*5*), располагался непосредственно около раздавленной косской амфоры так, что часть зерен из нее оказалась рассыпанной по верхней части заполнения горшка. Частично удалось восстановить профиль горшка, которым была накрыта чаша 2 (рис. 6,*1,3*). Выделяется также лепной лощеный кубок, обнаруженный возле печи в юго-западном углу помещения (рис. 6,*4*). Столовая керамика представлена двумя кувшинами (рис. 6,*6,7*). Первый, очевидно, использовался в хозяйстве уже в поврежденном виде − без ручки и венца. В таком состоянии он был обнаружен in situ в северо-восточном углу помещения возле чаши 2 (рис. 6,*1*). Второй, сероглиняный, с плохо сохранившимся черным лаковым покрытием, найден к северу от печи под западной стеной помещения.

Очевидно, помещение V имело кухонные и складские функции. Лепные горшки, судя по черному нагару, применялись в качестве кухонной посуды. Учитывая находку остатков зерна в косской таре, амфоры использовались вторично и предназначались, главным образом, для хранения злаков, в данном случае овса. Интересно, что в

---

[3] Определение выполнено И.Г. Чухиной (Всероссийский институт растениеводства, г. Санкт-Петербург) по проекту РФФИ 18-00-00486 «Зарождение и ранняя эволюция сельского хозяйства в равнинном и предгорном Крыму. Экономические модели и адаптационные стратегии древнего населения к изменяющимся природным, социальным и политическим условиям».

соседнем помещении IV зафиксированы известняковая ручная мельница-зернотерка и плоский диоритовый столик для нее.

Датировка комплекса определяется в первую очередь благодаря находкам амфорных клейм. Набор родосских оттисков из помещения ограничивается клеймами V хронологической группы (145−108 гг. до н.э.). Тем не менее, в соседнем помещении IV исследован близкий по составу завал, в котором обнаружены амфоры с клеймами эпонимов Φαινίλας (рис. 5,*2*) и Σωκράτης, деятельность которых относят к VI хронологической группе (107−88/86 гг. до н.э.) [Finkielsztejn, 2001, p. 196; Кац, 2007, с. 421]. Стратиграфия памятника, характер завала и условия находки не оставляют сомнений в синхронности разрушений в соседних помещениях. Эти находки позволяют отодвинуть время гибели укрепления ко времени после 107 г. до н.э. При раскопках объекта, в т.ч. в слое разрушения, обнаружены тетрахалки Амиса и Синопы типа «Арес-меч», датирующиеся последним десятилетием II в. до н.э. − первым десятилетием I в. до н.э. [Сапрыкин, 2005, с. 122].

Таким образом, разрушение укрепления Масляная гора при современном состоянии хронологии родосского клеймения следует отнести ко времени после Диофантовых войн. Вероятно, это произошло на рубеже II и I вв. до н.э. или даже в начале первой четверти I в. до н.э. Некоторый разброс в датах клейменых амфор вполне объясним, т.к. очевидно, что их применяли вторично. Это вполне согласуется с выводами о сроке повторного использования амфор около 10−20 лет, сделанными С.Ю. Внуковым [Внуков, 2005, с. 68]. Не исключено, что слои разрушения укрепления маркируют некий неизвестный ранее конфликт в Юго-Западной Таврике, последовавший за военными кампаниями Диофанта.

Принимая во внимание эти соображения, можно сделать вывод и о времени изготовления публикуемых рельефных чаш. Учитывая хрупкость чаш, отсутствие следов ремонта и то, что они находились в употреблении на момент гибели укрепления, вряд ли возможно датировать сосуды временем значительно более ранним, чем разгром объекта. Очевидно, их изготовление можно отнести к последней четверти II − рубежу II и I вв. до н.э. Для чаши мастерской Менемаха можно допустить и несколько более раннюю датировку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Внуков С.Ю., Коваленко С.А. Мегарские чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. Труды ГИМ. М., 1998. С. 61–75.

Внуков С.Ю. Продолжительность использования античных винных амфор // КСИА. 2015. С. 161–168.

Внуков С.Ю. Позднеэллинистические амфоры городища Кара-Тобе в Крыму // ДБ. Вып. 20. 2016. С. 90–121.

Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVII. 480 с.

Коваленко С.А. Античная рельефная керамика III–I вв. до н. э. в Северном Причерноморье: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М, 1989. 470 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров

товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммерида; Издательство Саратовского университета, 2003. 352 с.

Монахов С.Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus. 2014. № 3. С. 195–222.

Сапрыкин С.Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2005. 207 с.

Тюрин М.И., Федосеев Н.Ф. Новое клеймо на эрифрской амфоре из раскопок укрепления Масляная гора//Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова. Севастополь; Калининград: РОСТ-ДОАФК, 2018. С. 248–253.

Finkielsztejn G. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ. Oxford, 2001. 260 p.

Kenrick Ph., Reynolds J. The epigraphy of Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice): an update // Li-byan Studies 2015, 46. P. 75–101.

Laumonier A. La céramique hellénistique à reliefs. 1. Ateliers ioniens, Exploration Archéologique de Délos 31. Paris, 1977. P. 519.

Rogl Ch. Töpfersignaturen auf hellenistischen Reliefbechern: Eine Liste // Jahreshefte des Öster-reichischen Archäologischen Institutes in Wien, 70. 2001. P. 135–155.

Rogl Ch. Mouldmade Relief Bowls from Ephesos - The Current State of Research// BSS. 16. 2015. P. 113-139.

Tuluk G. Hellenistische Reliefbecher im Museum von Ephesos // F. Krinzinger, ed., Studien zur hellenistischen Keramik in Ephesos. Vienna, 2001. P. 51–70.

Τσαντήλα Β.Κ. Η Ελληνιστική ανάγλυφη κεραμική από τους νεώσοικους των ακαρνανικών Οινιαδών. Συμβολή στη μελέτη της ελληνιστικής κεραμικής της Δυτικής Ελλάδας. Αδημοσίευτη διδακτορική διατριβή, Πανεπιστήμιο Ιωαννίνων, 2012. 749 σ.

REFERENCES

Vnukov S.Yu., Kovalenko S.A. Megarskie chashi s gorodishcha Kara-Tobe. D.V. Zhuravlev (Ed.). *Ellinisticheskaya i rimskaya keramika v Severnom Prichernomor'e. Trudy GIM,* 1998, pp. 61-75.

Vnukov S.Yu. Prodolzhitel'nost' ispol'zovaniya antichnyh vinnyh amfor. *Kratkie soobshcheniia Instituta Arkheologii*, 2015, pp. 161–168.

Vnukov S.Yu. Pozdneehllinisticheskie amfory gorodishcha Kara-Tobe v Krymu. *Drevnosti Bospora*, Vol. 20, 2016, pp. 90–121.

Kac V. I. Grecheskie keramicheskie klejma ehpohi klassiki i ehllinizma (opyt kompleksnogo izucheniya). Bosporkiye issledovaniia, 2007, Vol. XVII, 480 p.

Kovalenko S. A. *Antichnaia rel'efnaia keramika III–I vv. do n. e. v Severnom Prichernomor'e.* Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Moscow, 1989, 470 p.

Monakhov S.Iu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiia amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare: Katalog-opredelitel'*. Moscow; Saratov: Kimmerida; Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2003, 352 p.

Monakhov S.Iu. Kosskie i psevdokosskie amfory i kleima. *Stratum plu*s, 2014, № 3, p. 195–222.

Saprykin S.Iu. *Denezhnoe obrashchenie na khore Khersonesa Tavricheskogo v antichnuiu epokhu.* Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN Publ., 2005, 207 p.

Tiurin M.I., Fedoseev N.F. Novoe kleimo na erifrskoi amfore iz raskopok ukrepleniia Maslianaia gora. V. V. Maiko, T. Iu. Iashaeva (ed.). *Arkheologiia antichnogo i srednevekovogo goroda. Sbornik statei v chest' Stanislava Grigor'evicha Ryzhova*. Sevastopol'; Kaliningrad: ROST-DOAFK, 2018, pp. 248–253.

Finkielsztejn G. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ. Oxford, 2001. 260 p.

Kenrick Ph., Reynolds J. The epigraphy of Sidi Khrebish, Benghazi (Berenice): an update // Libyan Studies 2015, 46. pp. 75–101.

Laumonier A. La céramique hellénistique à reliefs. 1. Ateliers ioniens, Exploration Archéologique de Délos 31. Paris, 1977, pp. 519.

Rogl Ch. Töpfersignaturen auf hellenistischen Reliefbechern: Eine Liste // Jahreshefte des Öster-reichischen Archäologischen Institutes in Wien, 70. 2001, pp. 135–155.
Rogl Ch. Mouldmade Relief Bowls from Ephesos. The Current State of Research. P. G. Bilde, Mark L. Lawall (Eds.). *Black Sea Studies,* 16, 2015, pp. 113–139.
Tuluk G. Hellenistische Reliefbecher im Museum von Ephesos. F. Krinzinger (ed.) *Studien zur hellenistischen Keramik in Ephesos.* Vienna, 2001, pp. 51–70.

Резюме

Публикация посвящена двум рельефным чашам, обнаруженным на укреплении Масляная гора в Юго-Западном Крыму в полевом сезоне 2017 г. Обе чаши принадлежат мастерским позднеэллинистического Эфеса. Первая чаша содержит на дне клеймо с именем Горгия, украшена растительным орнаментом и идиллическими морскими сюжетами. Особенности морфологии и декорации сосуда не находят прямых аналогий среди известных образцов этой мастерской. Вторая чаша произведена в мастерской Менемаха и содержит четыре эротические сцены. Оба сосуда происходят из закрытого комплекса слоя разрушения укрепления, который датируется рубежом II и I вв. до н.э.

Ключевые слова: мегарские чаши, мастерская Горгия, мастерская Менемаха, Масляная гора, хора Херсонеса.

Summary

The publication is devoted to the mouldmade bowls unearthed on Maslianaya Gora site in South-Western Crimea during the excavations 2017. Both bowls were produced in the late Hellenistic Ephesian workshops. The first bowl bears the signature of Gorgias; it also bears floral decoration and idyllic sea scenes. Morphology and decoration of the pot make it unique. The second bowl produced in Menemachos` workshop is decorated with four erotic scenes. Both bowls derive from the context of the fort`s total destruction dated back to the late 2nd − early 1st century BC.

Key words: megarian bowls, Gorgios workshop, Menemachos workshop, Maslianaya Gora, Chora of Chersonesos.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Тюрин Максим Игоревич,
Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
научный сотрудник, отдел Хора Херсонеса,
tyurin.m.i@mail.ru,
+79788116306.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Tiurin Maksim,
The State Museum-Preserve “Tauric Chersonese”,
research fellow,
tyurin.m.i@mail.ru,
+79788116306.

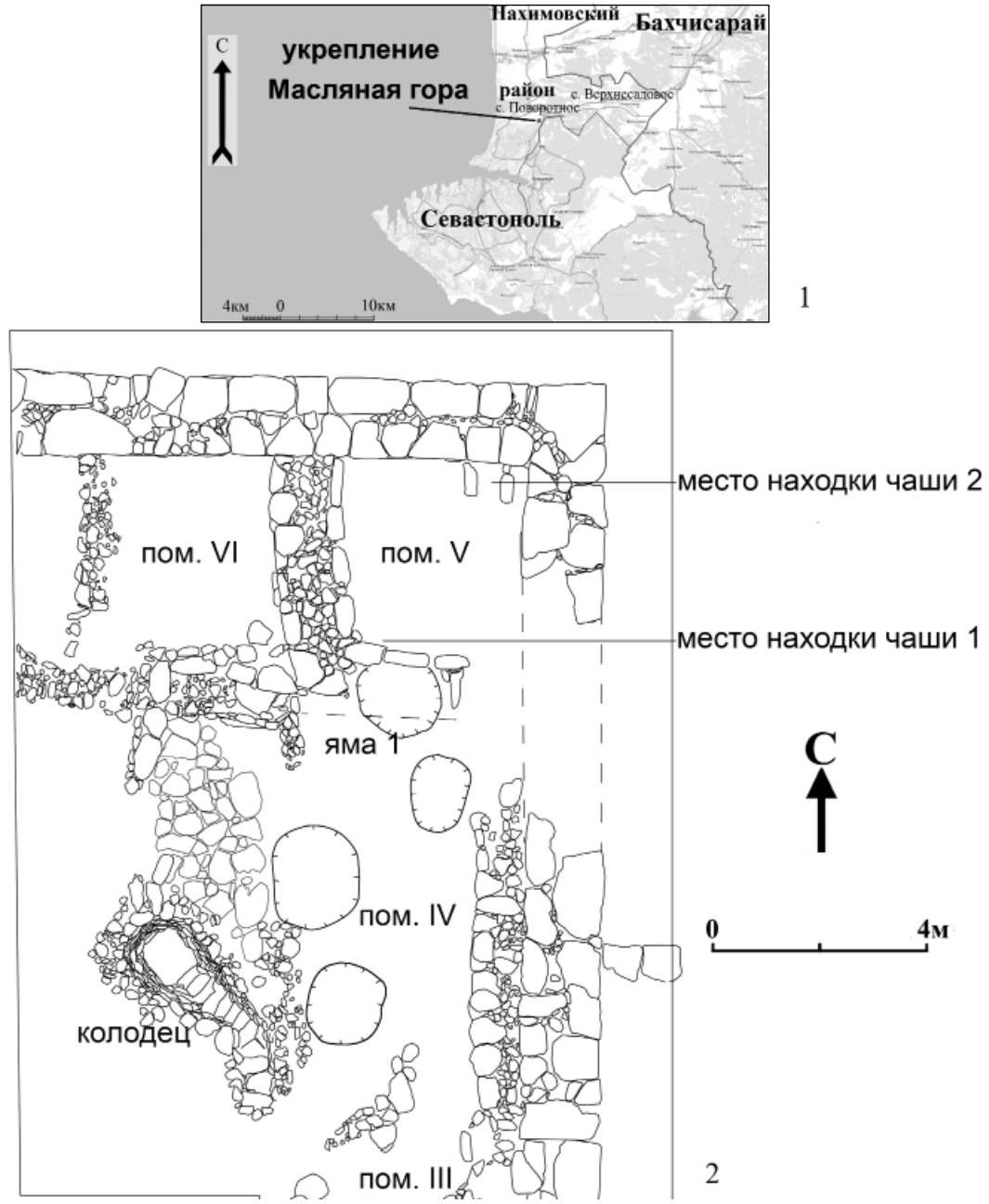

Рис. 1. Античное укрепление Масляная гора:
1 – положение объекта, 2 – план раскопа 2017–2018 гг.

Рис. 2. Античное укрепление Масляная гора.
Чаша 1 производства эфесской мастерской Горгия из юго-западной части помещения V.

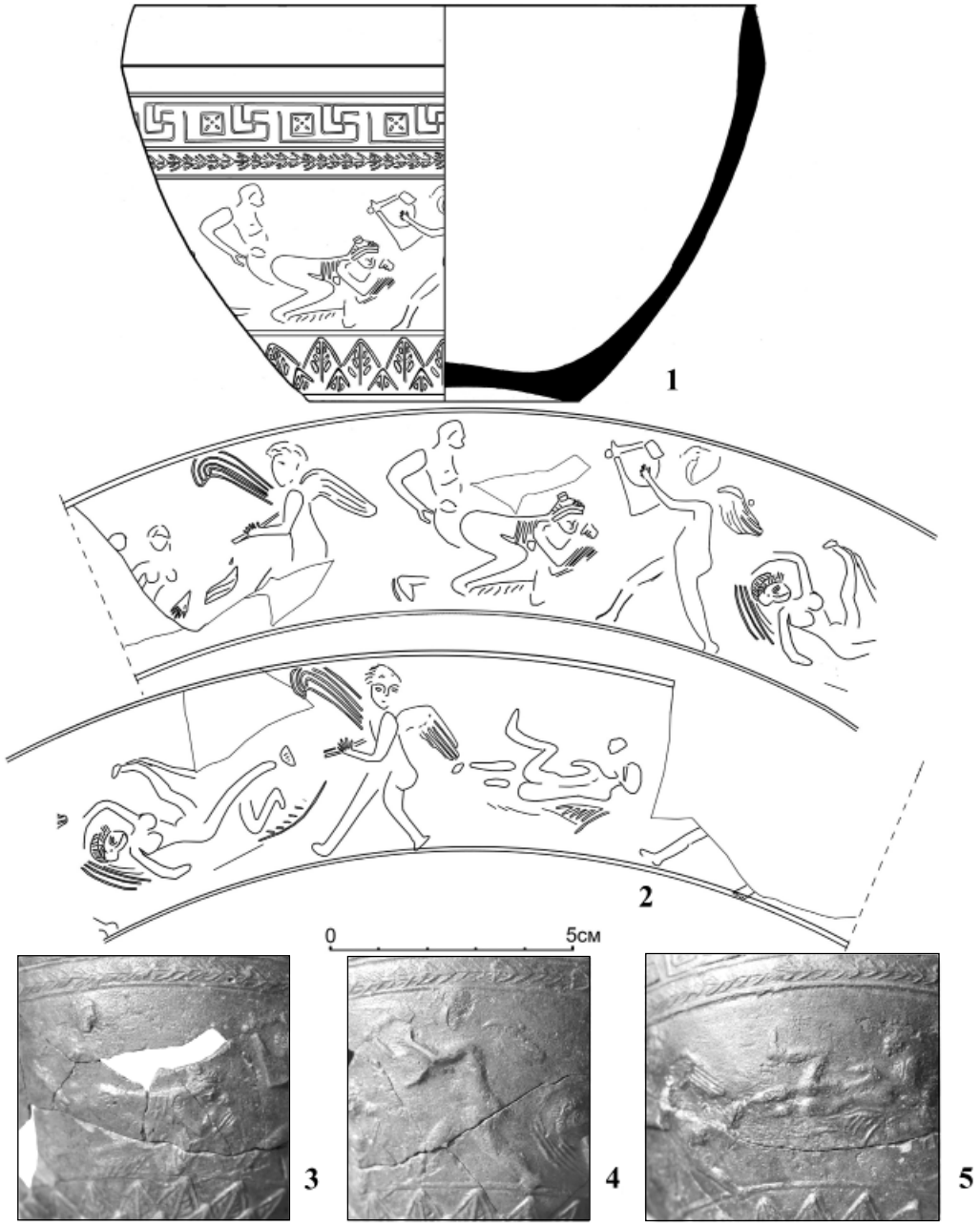

Рис. 3. Античное укрепление Масляная гора.

Чаша 2 производства эфесской мастерской Менемаха с эротическими сценами из северо-восточной части помещения V: 1 − общий вид, 2− прорисовка центрального яруса, 3-5 − сцены центрального яруса.

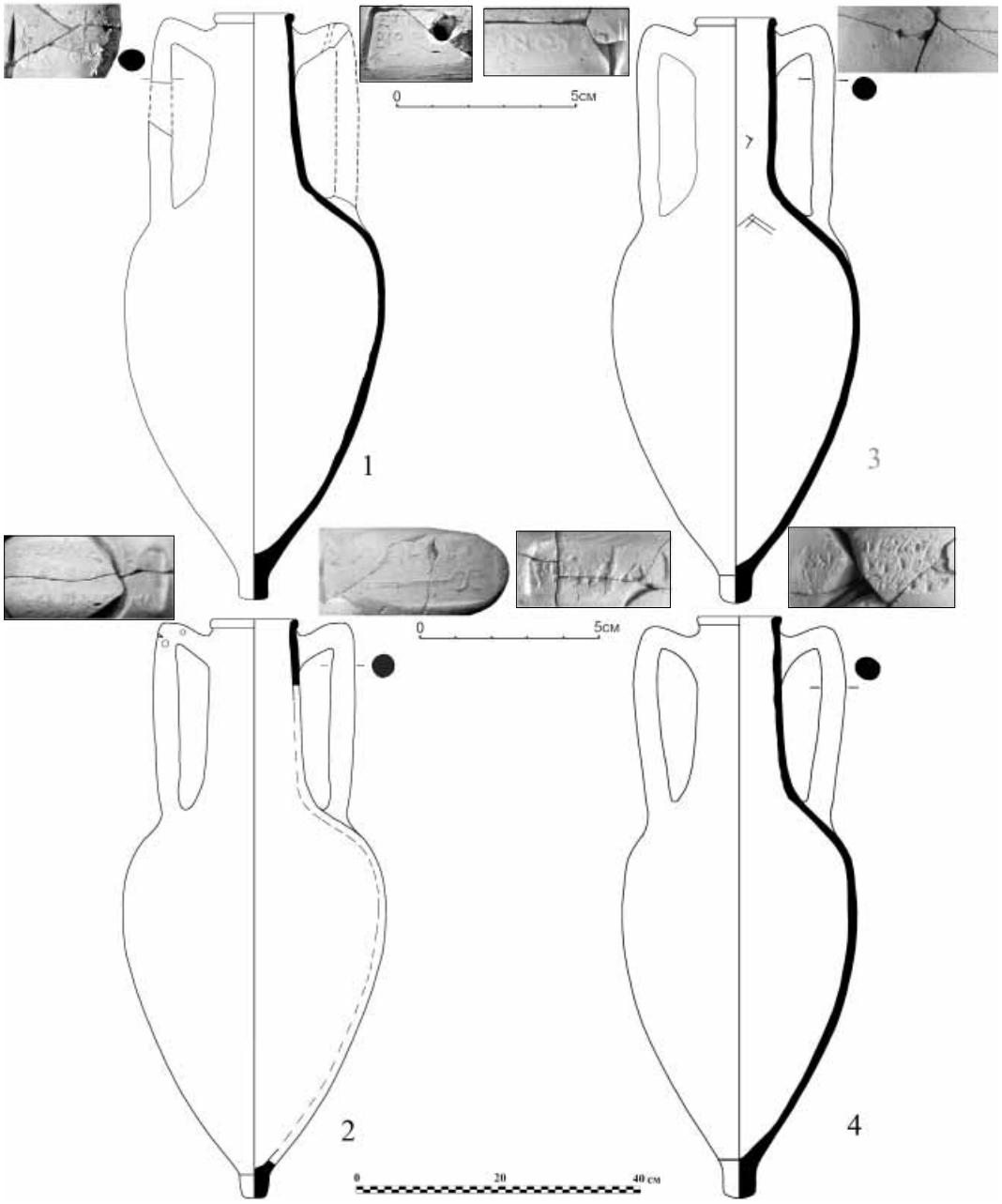

Рис. 4. Родосские амфоры из помещения V:

1 – амфора с клеймами эпонима Архибиона и фабриканта Филостефана, 2 – амфора с клеймами эпонима Тимагора и фабриканта Сосикла, 3 – амфора с клеймом фабриканта Айноса, 4 – амфора с клеймом фабриканта Дора 2.

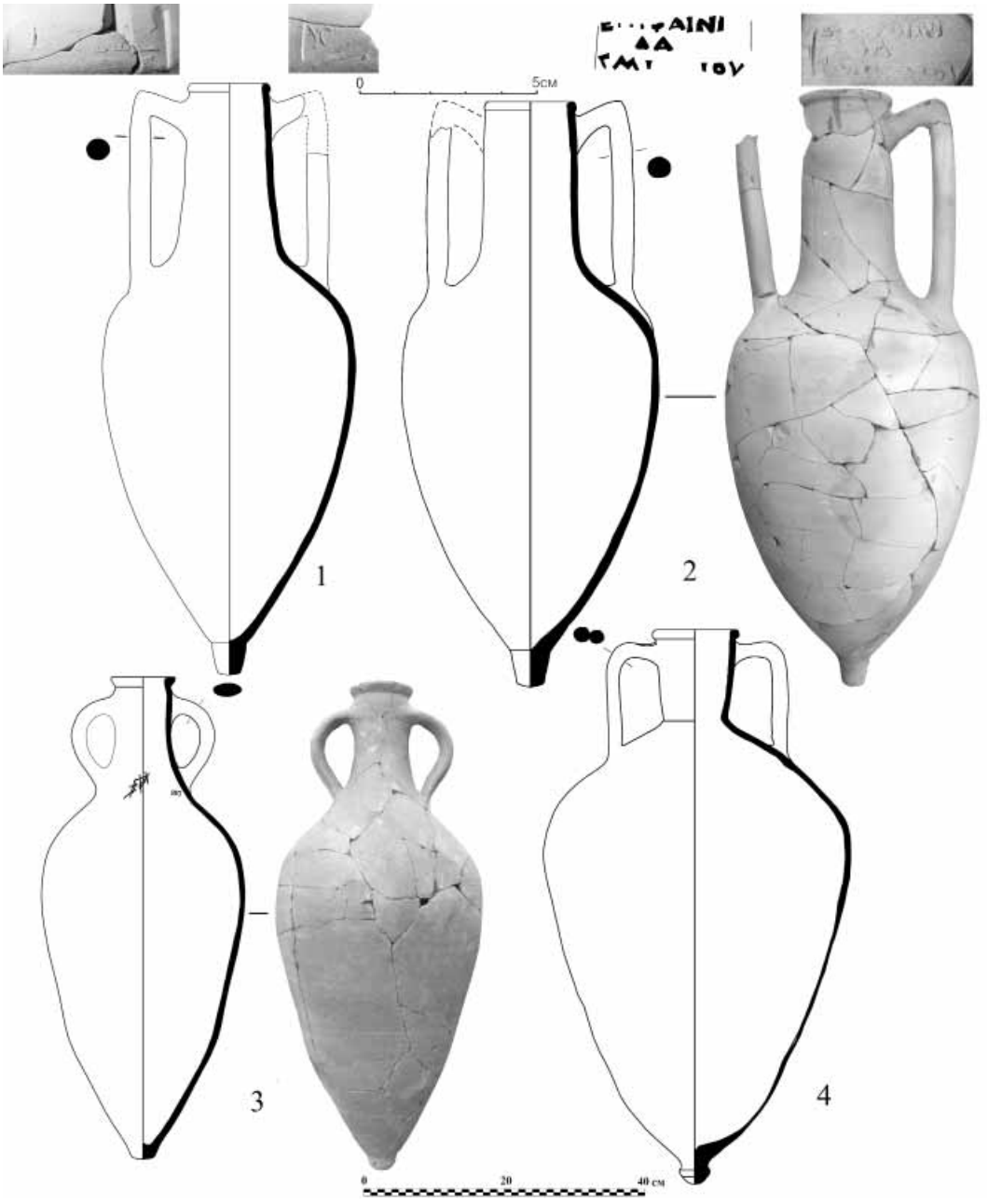

Рис. 5. Амфоры из помещений IV и V:
1 – амфора с клеймом фабриканта Сотера, 2 – амфора с клеймами эпонима Фаинила из помещения IV,
3 – колхидская коричневоглиняная амфора; 4 – косская амфора.

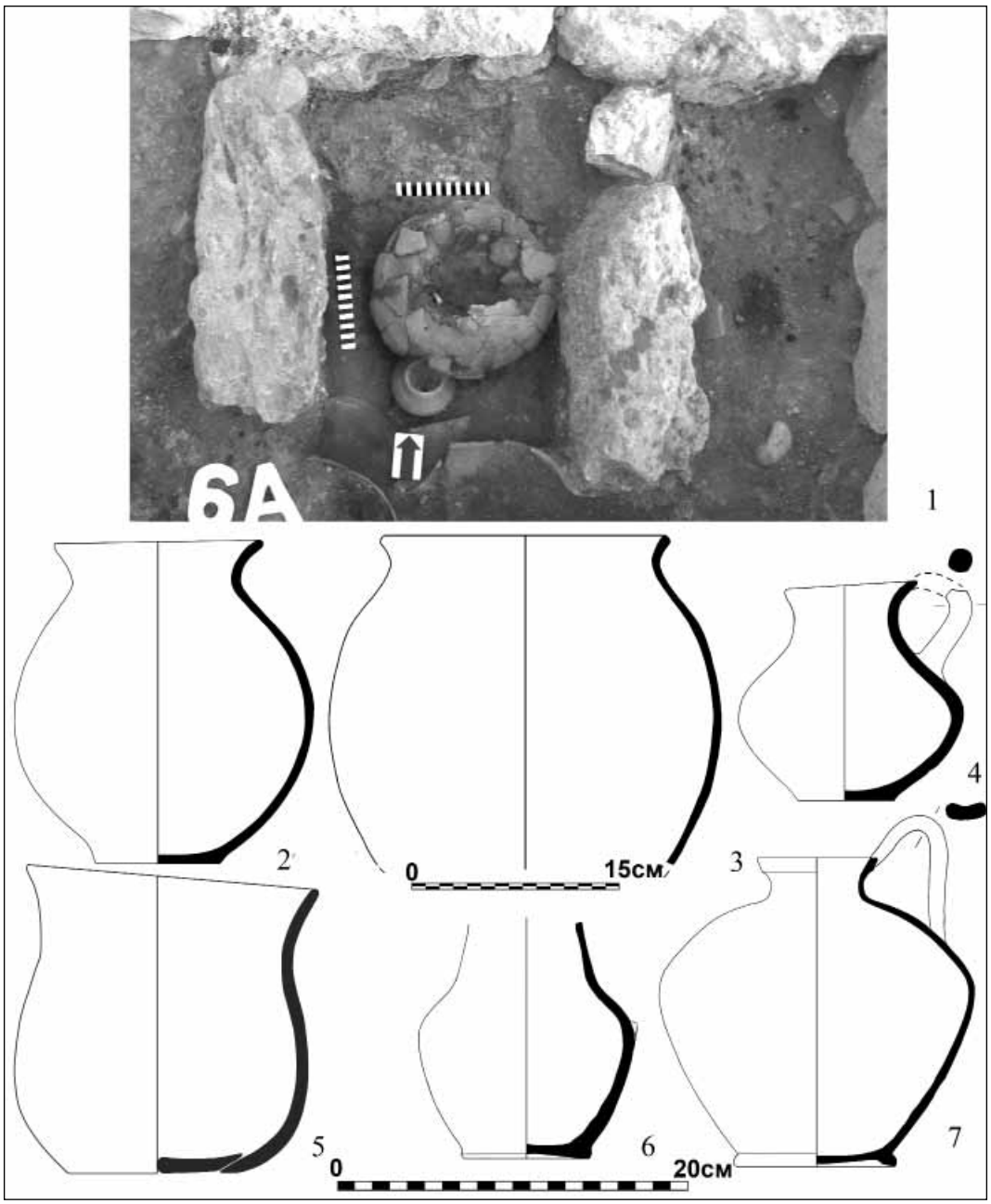

Рис. 6. Лепная и гончарная столовая керамика из помещения V:
1 − конструкция в северо-восточном углу помещения с горшком и кувшинчиком, 2 − лепной лощеный горшок, 3, 5 − нелощеные горшки, 4 − лощеный лепной кубок, 6, 7 − гончарные кувшины.

А.Н. СВИРИДОВ, С.В. ЯЗИКОВ, Е.В. СУХАНОВ
A.N. SVIRIDOV, S.V. YAZIKOV, E.V. SUKHANOV

НОВЫЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА
NEW MEDIEVAL BURIALS ON THE TAMAN PENINSULA

Статья посвящена введению в научный оборот новых средневековых погребений, изученных в ходе исследований 2016 года новостроечной экспедиции ИА РАН на территории поселения Виноградный 7 (рис. 1). Этот памятник расположен в Темрюкском районе Краснодарского края, в 3,6 км к северо-востоку от восточной окраины поселка Виноградный, в 3,2 км к югу от п. Приморский. Поселение Виноградный 7 известно специалистам достаточно давно [Паромов, 1992]. За период 1990–2000 гг. само поселение и его периферия неоднократно подвергались полевым, в основном охранно-спасательным исследованиям [Лимберис, Марченко, 1997; Лимберис, 2002; Лимберис, Марченко, 2010; Свиридов и др., 2017; Супренков и др., 2017]. Археологические комплексы, изученные за это время на поселении и в его округе, относятся к двум историческим эпохам – античности (преимущественно IV–I вв. до н.э.) и раннему средневековью (VIII–X вв.)[1].

С запада и юго-запада к поселению примыкает обширный курганный могильник, который изучался в 2005–2006 гг. краснодарскими исследователями [Марченко и др., 2007]. В ходе этих работ были открыты 103 погребения, из числа которых 78 датированы VIII–X веками. Большинство погребений были совершены в ямах с заплечиками, часто перекрытыми деревянными плахами и слоем камки. Во всех грунтовых могилах покойные лежали головой в северный сектор с преобладанием строго северной ориентировки. Помимо этого, были изучены два средневековых погребения в каменных ящиках.

В ходе раскопок новостроечной экспедиции ИА РАН, выполненных на поселении Виноградный 7 в 2016 году, были открыты еще 20 раннесредневековых погребальных комплексов. По-видимому, нашими исследованиями была затронута северная периферия примыкающего к поселению могильника. При этом необходимо отметить, что до начала работ на поверхности памятника визуально не фиксировались всхолмления, которые однозначно могли бы быть связаны с искусственными земляными насыпями.

Раскоп, на котором были обнаружены погребения, располагался фактически на

[1] Участок наиболее высокой концентрации материалов VIII–X вв. выделен на этом памятнике в отдельное поселение – Гора Чиркова 1. Подробнее см. статью А.А. Супренкова, 2016.

территории западной окраины средневекового поселения. Геоморфологически он сопряжен с северо-восточным склоном невысокого всхолмления. Это всхолмление отделяется естественной ложбиной от протяженной в широтном направлении возвышенности, на которой были открыты собственно поселенческие археологические комплексы VIII–X вв. [Супренков и др., 2017; Свиридов и др., 2017].

Рассматриваемые погребения расположены в виде двух довольно плотных скоплений, одно из которых тяготеет к северной части изученного участка памятника, а второе – к южной (рис. 2). Возможно, несколько забегая вперед, нужно отметить, что эти скопления оказались никак не связаны с двумя культурно-хронологическими группами погребений, отличающихся по времени совершения и погребальному обряду.

Первая культурно-хронологическая группа представлена грунтовыми захоронениями с северной ориентировкой – 15 комплексов. Полная конфигурация могильных сооружений прослежена в семи случаях – это прямоугольные ямы с заплечиками (рис. 4.*1*; 7; 8; 13.*1*; 14.*1*; 17; 18.*1*; 21.*1*). Можно предполагать, что такой вид могильной конструкции был использован и в других случаях, однако изначальный уровень устья ям находился выше и не был распознан при разборе нематериковых напластований в силу особенностей грунта. В пользу правдивости этого предположения свидетельствует тот факт, что и ямы с заплечиками, и простые ямы имели перекрытие. В качестве такового использован слой камки, еще в семи случаях зафиксированы следы деревянного перекрытия, сверху которого находилась камка. Длина устья ям с заплечиками колеблется в пределах 1,6–2,2 м, ширина составляет 1,05–1,25 м. Между длиной и шириной могильных ям наблюдается довольно строгая зависимость. Глубина ям от уровня заплечиков колеблется в пределах 0,15–0,4 м, чаще всего она составляет 0,25–0,35 м. Не наблюдается существенной зависимости между глубиной и длиной/шириной ям. Интересное наблюдение касается связи некоторых размерных параметров могильных ям и «богатства» сопроводительного инвентаря. Так, два выделяющихся на общем фоне захоронения № 11 и 19 обладают наибольшей шириной могильных ям.

Ориентировка грунтовых погребений в 12 случаях строго северная (рис. 2). В двух погребениях (№ 7, 13) отмечены небольшие отклонения к северо-западу, в одном (№ 3) – к северо-востоку. Позы погребенных достаточно единообразны – почти во всех случаях вытянуто на спине, руки преимущественно вытянуты вдоль туловища. В одном погребении точная поза костяка не может быть определена из-за слабой сохранности костей.

Сопроводительный инвентарь в грунтовых погребениях в целом довольно разнообразен – керамика, орудия труда, предметы одежды и туалета, украшения, единично – предметы вооружения. В большинстве комплексов покойные сопровождались 2–4 разными предметами. На общем фоне выделяются погребения 11 и 19, вещевой набор каждого из них состоял более чем из 20 предметов, относящихся к разнообразным категориям (рис. 9–12; 18.*2–10*;19). Безынвентарными являлись лишь

три грунтовых погребения – № 13, 17, 18 (рис. 6.*2*; 16). Погребальный обряд в этих комплексах полностью аналогичен другим захоронениям в грунтовых ямах, что позволяет относить их к рассматриваемой культурно-хронологической группе.

Переходя к характеристике сопроводительного инвентаря грунтовых погребений, необходимо отметить одну важную черту, довольно редко встречающуюся в ямных некрополях хазарской эпохи, – доминирование в керамическом комплексе красноглиняных сосудов крымского происхождения.

Так называемые кувшины скалистинского (баклинского) типа (по 1 шт. в погребениях 3, 19, 21, рис. 3.*2*; 18.*2*; 20.*2*) хорошо известны, прежде всего на раннесредневековых поселенческих и погребальных памятниках Крыма [например: Талис, 1982, с. 59–60, рис. 7; 8,*1-3*; 11,*7-14*; 13,*1–3,7,8*; Баранов, 1990, с. 25, рис. 7,*28*; Белый, Назаров, 1992, с. 140; Белый, 1993, с. 54, рис. 9,*1–2*; Науменко, 1997, с. 337–338, рис. 4,*7*; Майко, 2004, с. 187–193, рис. 105; Майко, 2007, с. 153, 155, 168–169, 187, рис. 102,*7*; 103,*13*; 106,*8*; 107,*18*; 115; 120 и др.]. За пределами Крыма встречены в Ильичевском городище, могильнике Дюрсо, а также в многочисленных некрополях салтово-маяцкой культуры [Гавритухин, Паромов, 2003, с. 153, табл. 63,*38–39,41–42*; Дмитриев, 2003, с. 203, 205, табл. 87,*7–8,15*; Плетнева, 1989, рис. 72,*74,75*; Савченко, 1986, рис. 3.*9*; Плетнева, Николаенко, 1976, рис. 6.*5*; Сарапулкин, 2007, рис. 33.*9*; Аксенов, Михеев, 1998; 2003; Генинг, Халиков, 1964, таб. 1.*5*]. На сегодняшний день общая хронология этих сосудов определяется VI–XI веками, большинство происходят из комплексов VII–X вв. [Зинько, Пономарев, 2009, с. 63]. Для публикуемого памятника эти сосуды являются импортом, хотя точное место их изготовления все еще остается неустановленным. Распространена точка зрения о локализации производственных центров в районе Баклинского городища в Юго-Западном Крыму. В пользу ее правдоподобности указывают два факта: во-первых, именно с этого памятника происходит единственный известный пример производственного брака таких сосудов, во-вторых, на расположенном неподалеку Скалистинском могильнике обнаружена самая большая серия подобных кувшинов [Романчук, Рудаков, 1975, с. 221, рис. 4; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 191].

К числу керамических импортов, скорее всего, относятся и красноглиняные кружки. Обнаружены по одному экземпляру в погребениях 5, 11, 14, 15, 22 (рис. 5.*2*; 10.*1*; 14.*2*;15.*4*; 21.*2*)[2]. По внешней фактуре керамической массы они весьма схожи со скалистинскими кувшинами. Такие сосуды достаточно хорошо известны по материалам крымских памятников [Яшаева, 1999, с. 354, рис. 7,*11*; Сазанов, 1998, рис. IV,*31*; VIII,*5*; IX,*26*; XV,*9*; XVII,*18*; Майко, 2004, с. 188, рис. 106; Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 407, рис. 26,*7*; Кутайсов, 2004, с. 116–117, рис. 6,*3*; Зинько, Пономарев, 2005, с. 239, рис. 2,*10*]. За пределами Крыма подобные красноглиняные кружки задокументированы на Среднем Дону, в грун-

[2] Некоторые исследователи атрибутируют такие сосуды, как горшки (Зинько, Пономарев, 2009, с. 63–64).

товых могильниках Красная Горка и Червоная Гусаровка [Аксенов, Михеев, 1998; 2003]. Время бытования рассматриваемых сосудов обосновывается хронологией комплексов Херсонеса, Керчи, а также указанных выше грунтовых некрополей салтово-маяцкой культуры и определяется в пределах 2-й половины VIII–XI вв. [Зинько, Пономарев, 2009, с. 64].

К импортной посуде также относится один экземпляр красноглиняной фляги, обнаруженный в погребении 12 (рис. 13.*5*). Такие фляги обжигались в крымских гончарных горнах вместе с амфорной тарой VIII–X вв., там же, вероятно, находились мастерские по их производству [Паршина и др., 2001, с. 58, 59, 61, 65, 67]. Наиболее широко распространены в Крыму, Кубанье, Подонье, Приазовье, известны в памятниках с территории Болгарии и Венгрии [например, Плетнева, Николаенко, 1976, с. 285-286; Якобсон, 1979, с. 39, рис. 19,*1*; Михеев, 1985, с. 15, рис. 13,*4*; Тарабанов, 1993, с. 121, рис. 9,*3*; Тахтай, 1999, табл. 6; Майко, 2004, с. 187; Зинько, Пономарев, 2009, рис. 23; Чхаидхе, 2012, рис. 100]. Для материалов причерноморского бассейна наиболее детальная типология таких фляг предложена П.А. Ларенком, однако рассмотренные им морфологические признаки пока что не позволяют уточнить датировки разных типов этих изделий [Ларенок, 1993].

Единственный сосуд, который можно условно считать «местным», представлен лощеной кубышкой из погребения 4 (рис. 4.*2*). Кубышки относятся к одному из наименее изученных видов лощеных салтово-маяцких сосудов. Аналогии ей известны в материалах ближайших городских поселений Таманского полуострова – Фанагории и Таманского городища, а также в Подонье [Флеров, 2001; Чхаидзе, 2008, рис. 112; 2012, рис. 122]. Такие сосуды правомерно датировать в целом временем существования салтово-маяцкой культуры.

Обнаруженные в погребениях украшения представлены серьгами, перстнями и бусами.

Серьги найдены в погребениях 11 (3 экземпляра) и 19 (2 экземпляра) (рис. 9.*5-7*; 18.*3-4*). Относятся к одному типу – сложносоставные с подвеской в виде стержня, на который нанизаны бусины, тип 4 по С.А. Плетневой [1989, рис. 57.*4*]. Разделяются на два варианта по наличию (рис. 9.*5-7*) либо отсутствию дисковидного утолщения на кольце (рис. 18.*3-4*). Из бронзы изготовлены серьги из погребения 19, серьги из погребения 11 – золотые. Подобные серьги известны в могильниках VIII–IX веков, причем наиболее характерными они являются для памятников Подонья [Савченко, 1986, рис. 8, 23–26; Швецов, Санжаров, Прынь, 2001, табл. III,*1*; Сарапулкин, 2006, рис. 5,19, 20; Лаптев, Аксенов, 2017, рис. 4,*5,6*]. Типологически близкие серьги известны в аланских катакомбных могильниках Северного Кавказа [Ковалевская, 1995, с. 164, 168, рис. 7].

Бронзовые перстни представлены двумя типами. Один, наиболее многочисленный, – перстень с жуковиной и четырьмя крестообразно расположенными «лапками», тип 1 по С.А. Плетневой [1989, рис. 61,*1*]. Таких перстней найдено 9 экземпляров в погребении 11, 1 экземпляр – в погребении 14 и еще 1 – в погребении 23 (рис. 11.*1–3,*

5–10; 14.*3*; 20.*4*). В большинстве случаев жуковина изготовлена из стекла. Во второй половине VIII–IX вв. такой тип перстней являлся, по-видимому, одним из наиболее популярных у населения Северного Причерноморья. Множество аналогий происходит из катакомбных, ямных и кремационных могильников салтово-маяцкой культуры в Подонье [Савченко, 1986, рис. 8,*12*; Сарапулкин, 2006, рис. 5.*27,28*; Лаптев, Аксенов, 2017, рис. 5,*6*; Аксенов, 2016, рис. 5,*22,23,25–27*; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 15,*13,14*; 24,*24*]. Встречаются в Крыму и на Таманском полуострове [Веймарн, Айбабин, 1993, рис. 7,*3,4,22*; 22,*10,13*; 41,*22*; 48,*18*; 61,*11,12*; 64,*36*; Майко, 2007, рис. 124,*8*; Паромов, 2003, таб. 69.*2*], а также известны в материалах Поволжья и Кавказа [Халикова, 1976, рис. 6,*29*; 7,*26*; Дмитриев, 2003, таб. 88,*16*; Хайнрих, 1996. с. 193, т. XXV].

Другой тип представлен пятью изделиями из погребений 11, 15 (по 1 экземпляру), 19 (3 экземпляра) (рис. 11.*4*; 15.*2*; 18.*6-8*) – так называемые щитковые персти (тип 1 по С.А. Плетневой), причем форма щитка встречается как овальная, так и подпрямоугольная. У одного перстня на щитке присутствует изображение – крест, помещенный в прямоугольник (рис. 18.*7*). Основной ареал распространения этого типа перстней в целом такой же – Подонье, Крым, Кавказ [Савченко, 1986, рис. 8,*11*; Сарапулкин, 2006, рис. 5,*24*; Аксьонов, 2016, рис. 1,*20*; 2010г, рис. 1,*23*; Аксьонов, 2007, рис. 1,*5*; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 24,*37,38*; Майко, 2007, рис. 103.*3–5*; Гавритухин, Пьянков, 2003, таб. 78,*24*; Дмитриев, 2003, таб. 88,*18*]. Несколько щитковых перстней с процарапанными изображениями в виде набора прямых линий известны в Рубежанском могильнике, расположенном на пограничье лесостепи и степи [Аксенов, 2001а, рис. 3,*36*; 6,*12*].

Обнаруженные в погребениях бусы (№ 11, 19) изготовлены преимущественно из стекла, два – из камня (рис. 12;19). Преобладают стеклянные одноцветные бусы вида 1 типов 1, 4-6 по С.А. Плетневой. Четыре бусины могут быть отнесены к отделу глазчатых бус, две – к отделу полосатых, пять – к отделу мозаичных. Найденные бусы являются весьма типичными для раннесредневековых памятников Крыма, Кавказа, Подонья и имеют достаточно широкие датировки [Деопик, 1963, с. 135–147].

Еще одна группа украшений представлена браслетами: 4 экземпляра в погребении 11, 1 экземпляр в погребении 19 (рис. 9.*1-4*; 18.*5*). Типологически они единообразны: округлая форма поперечного сечения жгута и тупые прямосрезанные окончания. В соответствии с типологией С.А. Плетневой относятся к типу 1 второго вида браслетов [Плетнева, 1989, с. 115, рис. 60,*II*]. Аналогичные браслеты наиболее типичны для могильников VIII–IX вв. с территории Подонья и Кавказа [Деопик, 1963, с. 130–131; Савченко, 1986, рис. 6,*7–23*; Аксенов, 2016, рис. 5,*19,20*; Аксенов, 2012, илл. 4,*7*; Аксенов, 2003, рис. 1,*3,19,26*; 2,*10*; 3,*5,30*; 5,*13*].

Амулеты представлены двумя предметами, оба изготовлены из бронзы. Во-первых, это амулет из погребения 19 в виде подвески с парными птичьими головами (рис. 18.*9*). Такие амулеты не распространены на Кавказе и в Крыму, аналогии им находятся в салтовских могильниках Подонья [Савченко, 1986. рис. 8,*32*; Плетнева,

1989, рис. 48,*3*; Аксенов, 2010б, рис. 1,*14*; Аксенов, 2001а, рис. 3]. Второй предмет (погребение 11) выполнен в виде изогнутого когтя хищного животного (рис. 10.*6*). Такие амулеты чаще делались из кости, однако известны и металлические изделия, которые относятся к типу 5 по С.А. Плетневой [1989, рис. 48,*3,5*]. Аналогии этому предмету также удается найти лишь в Подонье, причем некоторые из них происходят из комплексов середины – второй половины IX века [Флеров, 1984, рис. 18,*11*; Аксенов, 2010а, рис. 1,*4*; Аксенов, 2010б, с. 360, рис. 2,*4*].

К выше описанной категории артефактов, видимо, относится костяное острие из погребения 11 (рис. 10.*2*). Представляет собой костяной клык, внешняя поверхность которого орнаментирована светло-коричневой краской. В отличие от распространенных в хазарское время в Подонье костяных амулетов, которые обладают похожей формой, такие предметы гораздо крупнее и не имеют отверстий для подвешивания. Изделие находит аналогии в слоях Саркела 2-й половины IX–середины X вв. [Флерова, 2001, с. 73, рис. 32,*1,2*].

Некоторые находки из погребений относятся к категории предметов одежды и туалета.

Копоушки (4 шт., погребение 11) представлены тремя типами. Во-первых, это изделия коромыслообразной формы, в центре которых присутствует петля для подвешивания (рис. 10.*9*,*11,12*). Во-вторых, копоушка усеченно-конической формы, на одном краю которой имеется округлое кольцо для подвешивания, а другой оформлен в виде «лопатки» (рис. 10.*8*). Внешняя сторона орнаментирована растительным узором. В-третьих, копоушка в виде трех колец, соединенных цилиндрическими элементами (рис. 10.*10*). В соответствии со схемой С.А. Плетневой рассматриваемые предметы относятся к типам 2, 3 и 4 соответственно [Плетнева, 1989, рис. 55]. Они находят аналогии в могильниках VIII–IX вв. с территории Подонья, Крыма, Кавказа и Поволжья [Аксенов, 2016, рис. 5,*18*; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 24,*14*; Сарапулкин, 2006, рис. 5,*23*; Майко 2004, рис. 138,*33*; Майко, 2007, рис. 104,*7*; Плетнева, 1981, рис. 52,*57*; Дмитриев, 2003, таб. 88.*48,52,53*; Аксьонов, 2016, рис. 1,*12*; Айбабин, 2003, таб. 36.*59*].

Ременная гарнитура представлена одной находкой из погребения 19 – поясной бляшкой из бронзы со схематизированным лотосовидным узором, с четырьмя сквозными отверстиями (рис. 18.*10*). Близкие аналогии известны в материалах Дмитриевского могильника [Плетнева, 1989, с. 159].

К категории элементов одежды, обнаруженных в публикуемых комплексах, относятся также несколько предметов из погребения 11 – одна бронзовая накладка (близкие аналогии на момент подготовки статьи не найдены) (рис. 10: 5), бронзовая туалетная коробочка (рис. 10.*4*) и одна Т-образная бронзовая привеска (рис. 10.*3*). Туалетные коробочки такой же формы известны в материалах кремационного могильника Сухая Гомольша на границе лесостепи и степи Подонья, где они датируются серединой IX века [Михеев, 1986, с. 170, рис. 6,*6,7*]. Аналогии Т-образным привескам известны в катакомбных захоронениях Верхне-Салтовского

могильника, однако они отличаются меньшей детальностью проработки и большей схематичностью [Аксенов, 2006, рис. 1,*7*; Аксенов, 2002, рис. 1,*19*]. Привески с более тщательным оформлением верхней части известны на Северо-Западном Кавказе – в ингумации Борисово и кремации Дюрсо [Гавритухин, Пьянков, 2003, таб. 78.*19*; Дмитриев, 20030, таб. 87,*20*]. Своеобразный вариант таких привесок известен в могильниках VIII–IX вв. Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестана – стилизованная голова барана с укороченной «палочкой» [Ковалевская, 1981, рис. 64,*95,129*].

Несколько вещей относятся к категории предметов труда. Прежде всего, это железные ножи двух типов. Первый тип представляет собой нож с прямой спинкой и выступами, отделяющими черенок от лезвия (погребение 5) (рис. 5.*3*). По размеру и форме относится к типу 1 по С.А. Плетневой (1989, с. 91, рис. 45). Другой тип ножей представлен более длинным изделием из погребения 22, с прямой спинкой без хомутка (рис. 21.*3*). Найденные ножи распространены достаточно широко, близкие аналогии известны в материалах катакомбных, ямных и кремационных могильников Подонья (2-я половина VIII–X вв.), а также в грунтовых погребениях с территории Тамани [Флеров, 1990, рис. 19,*13*; Флеров, 1984, рис. 13,*2*; Аксенов, 2014, рис. 2,*6*; Аксенов, Михеев, 2006, рис. 15,*37*; 24,*15*; Артамонова, 1963, рис. 14,*2, 4*; Чхаидзе, 2008, рис. 138,*1*].

К категории воинского снаряжения относится один фрагмент наконечника копья из погребения 12 (рис. 13.*4*). Он обломан, и это препятствует его типологической атрибуции.

Таким образом, сопроводительный инвентарь изученных погребальных комплексов находит весьма широкие аналогии в материалах некрополей Подонья, Крыма, Кавказа и Поволжья, датирующихся 2-й половиной VIII – началом X вв.

Теперь рассмотрим аналогии погребальному обряду грунтовых погребений. Традиция использования для захоронений ям с заплечиками бытовала в хазарское время на довольно обширной территории. Наиболее массово она встречается в Среднем Поволжье (Больше-Тарханский, Кайбельский, Танкеевский могильники) и Подонье (например, Сидорово, Ржевка) [Генинг, Халиков, 1964; Кравченко, Давыденко, 2001; Кравченко, 2005; Сарапулкин, 2006]. Однако, кроме конфигурации погребальных сооружений, комплексы с Виноградного 7 не имеют больше ничего общего с указанными могильниками. Погребения перечисленных некрополей Поволжья и Подонья отличает, прежде всего, ориентировка покойных головами в западный сектор, сопровождение погребений черепом и костями ног коня, а также специфика сопроводительного инвентаря (большая доля предметов вооружения). Ямы с заплечиками без костей и черепа коня встречены в грунтовых могильниках Лысогоровка и Крымский (Нижний Дон), однако там они довольно немногочисленны относительно прочих видов могильных сооружений и сочетаются с ориентировкой в западный сектор [Красильников, Красильникова, 2005, с. 207; Савченко, 1986, с. 73]. Ямы с заплечиками чрезвычайно редко встречаются и на грунтовых

некрополях в Западном Причерноморье, оставленных населением, близким в культурном отношении носителям салтово-маяцкой культуры [Коматарова-Балинова, 2012, с. 148].

На большинстве памятников непосредственно с территории Таманского полуострова, где выявлены средневековые захоронения, контуры могильных ям вовсе отсутствовали. Поэтому судить о широте распространения в хазарское время такой практики среди населения этого региона довольно сложно. В то же время нужно отметить распространение в таманских захоронениях других признаков, косвенно указывающих на возможность использования ям с заплечиками. Так, например, остатки деревянных перекрытий известны на средневековых некрополях Кеп, Фанагории и Таманского городища [Чхаидзе, 2006а, с. 497; Чхаидзе, 2012, с. 254; Чхаидзе, 2004, с. 405]. Использование в перекрытии камки отмечено в средневековых погребениях Гаркуши 1 (Патрея) и Таманского городища [Паромов, 1993, с. 162; Чхаидзе, 2004, с. 405].

Второй важной чертой, характеризующей этнокультурный облик населения, оставившего рассматриваемые захоронения, является ориентировка. На грунтовых могильниках VIII–X вв. северная ориентировка задокументирована в двух регионах Причерноморья. Во-первых, это погребения VII–IX вв. на Нижнем Дунае, где ориентировка в северный сектор является преобладающей [Коматарова-Балинова, 2012, с. 152]. Следует, однако, отметить, что она не дополняется практикой использования ям с заплечиками, исследованными на Виноградном 7. Во-вторых, это отдельные пункты в Восточном Причерноморье. На Новочепшийском могильнике в Западном Предкавказье северо-восточной ориентировкой обладает 21 (из 25) погребение VIII–IX вв. [Джигунова, 2000, с. 45]. При этом нужно отметить, что даже несмотря на определенные сходства ориентировки, новочепшийские погребения значительно отличаются другими чертами погребальной обрядности – использованием простых грунтовых ям и расположением сосудов в ногах погребенных [Джигунова, 2000, с. 45, 60]. Среди городских некрополей Таманского полуострова преобладание северной ориентировки наблюдается в средневековых погребениях центрального раскопа Нижнего города в Фанагории [Атавин, 1986, с. 264]. Если рассматривать фанагорийские средневековые захоронения в целом, то некоторое преобладание показывает все же западная ориентировка, а северная является второй по распространенности [Чхаидзе, 2012, с. 253-254]. Обобщая средневековые погребальные комплексы Фанагории, В.Н. Чхаидзе установил интересную закономерность, связанную с соотношением ориентировки и уровнем глубины захоронения. Погребения, где покойный лежит головой на запад, обычно находятся неглубоко от дневной поверхности, в свою очередь комплексы с северной ориентировкой обычно сочетаются с большей глубиной залегания [там же, с. 253–254]. В средневековых захоронениях с некрополей Таманского городища преобладает северная, северо-восточная и западная ориентировка [Чхаидзе, 2004, с. 405]. Северная ориентировка встречена в захоронении VIII–IX вв., открытом на поселении Батарейка 1 [Паромов, 2003, с. 163]. В средневе-

ковых погребениях других таманских памятников, в частности Кеп и Патрея, северная ориентировка не показывает преобладания: здесь чаще встречена западная либо юго-западная [Сорокина, 1969, с. 127–129; Паромов, 2003, с. 162].

Завершая краткий обзор аналогий публикуемым погребальным комплексам, нельзя не отметить еще одну характерную особенность изученных погребений – доминирование в керамическом комплексе сосудов крымско-византийского облика. Как единичные находки, красноглиняные кувшины и кружки крымско-византийского облика встречены во многих причерноморских погребениях хазарской эпохи. Однако если рассматривать памятники, расположенные за пределами вероятного района их производства, т.е. Крыма, то по концентрации столовых сосудов крымско-византийского облика безусловно выделяются два некрополя в бассейне Среднего Дона – Красная Горка и Червонная Гусаровка. Исследователи этих могильников объясняют данный феномен тем, что они были оставлены населением, пришедшим в лесостепь из близких к Крыму районов [Аксенов, Михеев, 2003, с. 190].

Таким образом, основные специфичные черты грунтовых захоронений Виноградного 7 – использование грунтовых ям с заплечиками, ориентировка покойных головой на север и помещение в могилы столовых крымских сосудов находят параллели на самых разных памятниках VIII–X вв. в различных районах Причерноморья. Однако случаи сочетания этих признаков практически неизвестны. Можно предполагать существование аналогичного обряда на других некрополях Таманского полуострова, где известна северная ориентировка. К сожалению, об этом очень сложно судить из-за отсутствия конкретных сведений об изначальной конфигурации могильных ям.

Вторая культурно-хронологическая группа представлена пятью комплексами – № 8, 9, 10, 16, 20. Все перечисленные погребения в отличие от рассматривавшихся выше характеризуются ориентировкой покойных головой в западный сектор.

Захоронения № 8, 9, 10 и 20 совершены в каменных ящиках подпрямоугольной формы (рис. 22.*1,7*; 23.*1,6*). Зафиксированы два размерных варианта каменных ящиков, что, вероятно, связано с возрастными особенностями покойных: в одном случае его размер составлял 2 х 0,65 м (рис. 22.*1*), во всех других – 1,1/1,3 х 0,5/0,6 м. Продольные стенки ящиков складывались из нескольких (от трех до шести) камней, обладающих формой, близкой к прямоугольной. Торцевые стенки делались из одного массивного камня. Отмечены следы перекрытий ящиков: в погребении 8 одна небольшая плита у восточного края ящика, в погребении 10 – массивный камень у западного края ящика. В одном случае (погребение 20) ящик был полностью перекрыт поперечными камнями.

Все ящики ориентированы продольной осью по линии запад–восток. Захороненные в них во всех случаях лежали головой на запад. Сохранность костей в ящиках плохая, поэтому сложно точно установить позы погребенных. Возможно,заслуживающей внимания деталью является скудность сопроводительного инвентаря в таких погребениях по сравнению с грунтовыми захоронениями.

Погребение 20 было безынвентарно, несколько бусин и бисерин обнаружено в погребении 9 (рис. 22.*9*), одна монета – в погребении 10 (рис. 23.*2*). Лишь в погребении 8 находилось 5 предметов (рис. 22.*2-6*).

Пятое захоронение из рассматриваемой совокупности (№ 16) совершено без каменного ящика (рис. 23.*3*). Основаниями для отнесения этого комплекса ко второй культурно-хронологической группе являются ориентировка погребенного головой в западный сектор и отсутствие перекрытия камкой, зафиксированного во всех грунтовых погребениях. Помимо этого, несколько забегая вперед, нужно отметить, что в этом погребении встречены вещи, являющиеся синхронными предметам из захоронений в каменных ящиках (рис. 23.*4,5*).

Открытые погребения в каменных ящиках находят аналогии, прежде всего, в средневековых материалах Таманского полуострова. В этом регионе каменные ящики известны на пяти разных памятниках, причем во всех случаях они ориентированы по линии запад–восток (погребенные лежат головой на запад) и содержат довольно скудный инвентарь [Чхаидзе, 2006б, с. 53–60]. В целом же ингумации в каменных ящиках на средневековых памятниках Причерноморья встречаются и за пределами Таманского полуострова: они наиболее типичны для Крыма (так называемые плитовые некрополи) и Кавказа. При этом крымские погребения в каменных ящиках выглядят более родственными в культурном отношении в виду доминирования в подобных сооружениях западной ориентировки покойных [Махнева, 1968]. Распространение на Таманском полуострове погребений в каменных ящиках может быть связано с христианизацией местного населения, формированием нового погребального обряда, который пришел в конце I тыс. н.э. на смену ямам с перекрытием [Чхаидзе, 2006б, с. 66].

При сооружении восточного борта одного из каменных ящиков (погребение 9) был использован камень, содержащий на внешней стороне изображение меноры (рис. 22.*8*). Находки надгробий с иудейской символикой достаточно широко распространены на средневековых памятниках Таманского полуострова, причем обычно они обнаруживаются во вторичном использовании [см. Чхаидзе, 2006б]. Подобный случай отмечен и в Крыму при сооружении плитовой могилы [Майко, 2007, с. 78, рис. 30). На территории Таманского полуострова выделяются три условных района наиболее высокой концентрации таких находок. Первые два – это собственно Таманское и Фанагорийское городище и их округа, третий локализуется между балками Хреева-Граничная и горами Чиркова и Комендантская [Паромов, 1993. с. 166–167]. По мнению В.Н. Чхаидзе, вторичное использование таких надгробий в кладках строений и для сооружения погребальных сооружений указывает на существование неподалеку от мест их находок иудейского кладбища, что могут подтверждать косвенные свидетельства разных письменных источников [Чхаидзе, 2006б, с. 62–63].

Сопроводительный инвентарь, найденный в погребениях в каменных ящиках, сложно назвать богатым и выразительным. Для датировки комплексов второй культурно-хронологической группы определяющими являются несколько категорий вещей.

В погребениях 8 и 16 обнаружены однотипные бубенчики грушевидной в плане формы с крестообразной прорезью на дне (рис. 22.*6*; 23.*4*). Форма поперечного сечения – ромбическая. У одного бубенчика тулово гладкое, покрыто редкими горизонтальными насечками. У второго подобные насечки присутствуют в придонной части предмета. Несколько таких бубенчиков известны в грунтовом могильнике Саркела, в комплексах X–XI вв. [Артамонова, 1963, с. 186, рис. 45,*5.Д,Е*; 101,*2*]. Еще один бубенчик происходит из подкурганного захоронения, в комплексе с ними обнаружен обломок копоушки, встречающейся в беловежском слое XI века [Плетнева, 1963, с. 255. рис. 27,*7а,7б*]. Такие изделия типичны для одной из хронологических групп захоронений судакского некрополя, датирующейся X – началом XII вв. [Майко, 2007, с. 143, рис. 66,*3,11*; 75,*3,5*; 79,*8*]. Аналогии известны в материалах кремаций и ингумаций XI–XIII вв. с территории Северо-Западного Кавказа [Армарчук, Дмитриев, 2003, таб. 97,*23*].

Из погребения 8 также происходит находка поясной бронзовой пряжки (рис. 22. *5*). Она обладает полукруглой рамкой с реберчатой внешней поверхностью и подпрямоугольным прорезным щитком, который оканчивается двумя небольшими выступами. В Крыму такие пряжки характерны для X–XI веков [Айбабин, 2003, таб. 37, *71*]. Близкая аналогия происходит из погребения 46 некрополя Саркела – в нем такая пряжка была обнаружена в комплексе с монетой 1055 г. [Артамонова, 1963, рис. 47, *10*].

Из погребения 10 происходит одна монетная находка (рис. 23.*2*). Она относится к числу так называемых таманских подражаний византийскому милиарисию Василия II и Константина VIII. Одна такая же монета была найдена в погребении Виноградного 7 в ходе работ 2005–2006 гг. [Марченко и др., 2007, с. 263, рис. 63,*2*]. Серебряные подражания соответствуют группе милиарисиев, выпускавшихся в 977–989 гг. [Чхаидзе, 2012, с. 207, рис. 139,*2–8*].

Таким образом, погребения второй культурно-хронологической группы, прежде всего захоронения в каменных ящиках, находят прямые аналогии на средневековых памятниках Таманского полуострова. Их сближают ориентировка погребенных и немногочисленные вещевые наборы, которые клались в могилы. Хронологические индикаторы из изученных комплексов позволяют сделать вывод, что три захоронения (№ 8, 10, 16) были совершены не ранее X века, причем одно из них (№ 10, с монетой) – не ранее рубежа X–XI вв. В этой связи важно подчеркнуть, что еще одно погребение из этой группы, являющееся безынвентарным (№ 20, в каменном ящике), перекрывало одно из грунтовых захоронений с вещевым набором салтово-маяцкого круга (№ 19). Этот факт хорошо согласуется с наблюдениями о разнице времени бытования вещевых наборов, встреченных в погребениях выделенных культурно-хронологических групп. Погребения с западной ориентировкой, в том числе захоронения в каменных ящиках, на этом памятнике занимают относительно более позднюю хронологическую позицию.

Таким образом, изученный участок памятника демонстрирует, что в X веке в сре-

де населения, оставлявшего захоронения на территории данного некрополя, происходят изменения погребальной практики, проявившиеся как в конструкции могильных сооружений, так и в ориентировке покойных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993, Вып. 3. С. 121–133.

Айбабин А.И. Степь и Юго-Западный Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 195–200. С. 59–64.

Аксенов В.К., Михеев В.К. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной научной археологической конференции (17–20 ноября 1997 г.). Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина. Самара, 1998. С. 344–357.

Аксенов В.К., Михеев В.К. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // Vita antiqua. 2003. № 5-6. С. 179–191.

Аксенов В.С. Исследования Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника // Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр. Київ: ІА НАНУ, 2001а. С. 65–67.

Аксенов В.С. Исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника // Археологические открытия в Украине 1997–1998 гг. Сборник научн. трудов / Под ред. Д.Н. Козака, Н.А. Гаврилюк. Киев, ИА НАНУ, 1998. С. 49–50.

Аксенов В.С. Исследования катакомбного могильника у с. Верхний Салтов // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. К.: ІА НАН України, 2010а. С. 12–16.

Аксенов В.С. Катакомба № 119 Верхне-Салтовского IV могильника под Харьковом // РА. 2016а. № 4. С. 106–123.

Аксенов В.С. Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (к вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) // Сугдейский сборник. Киев-Судак: Горобець, 2010б. Вып. IV. С. 354–364.

Аксенов В.С. Катакомбные захоронения Верхне-Салтовского археологического комплекса с Т-образными фибулами // Салтово-маяцька культура: проблеми та дослідження: збірник наукових праць, присвячених проблемам салтовознавства та перспективи салтовознавства за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання». Харків: Вид-во Савчук О.О., 2012. С. 10–18.

Аксенов В.С. Погребение № 525 Нетайловского могильника (к вопросу о начальном этапе формирования салтово-маяцкой культуры) // Верхнедонской археологический сборник. Выпуск 6. Липецк: РИЦ ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», 2014. С. 408–415.

Аксенов В.С. Работы на Верхне-Салтовском археологическом комплексе в 2005 г. // Археологічні дослідження в Україні 2004–2005 рр. Київ-Запоріжжя: ІА НАН України; Дике поле, 2006. Вып. 8. С. 63-66.

Аксенов В.С. Раскопки Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника и могильника Красная Горка салтовской культуры // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. Київ: ІА НАНУ, 2002. С. 83–85.

Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. 2001б. № 1–2. С. 62–78.

Аксенов В.С., Михеев В.К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII – X вв.» // Хазарский альманах. Т. 5. Киев - Харьков, 2006. 306 с.

Аксьонов В.С. Дослідження Верхньо-Салтівського катакомбного могильника // Археологічні дослідження в Україні 2015 р. К.: Стародавній світ, 2016б. С. 181–183.

Аксьонов В.С. Нові поховання Верхньо-Салтівського могильника // Харьковский археологический сборник. Вып. 2. Харьков: Мачулин, 2007. С. 21–29.

Армарчук Е.А., Дмитриев А.В. Курганные могильники // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 216–224.

Артамонова О.А. Могильник Саркела-Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР. № 109. М., Л.: Наука, 1963. С. 10–209.

Атавин А.Г. Средневековые погребения из Фанагории //СА. 1986. № 1. С. 262–266.

Баранов И.С. Таврика в эпоху раннего средневековья. К.: Наукова Думка, 1990. 168 с.

Белый А.В., Назаров В.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 1 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь: Таврия, 1992. С. 132–151.

Белый А.В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 49–58.

Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. К.: Наукова думка, 1993. 202 с.

Гавритухин И.О., Паромов Я.М. Ильичевское городище и поселения его округи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 152–157.

Гавритухин И.О., Пьянков А.В. Древности и памятники VIII–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 195–200.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 201 с.

Герцен А.Г., Землякова А.Ю., Науменко В.Е., Смокотина А.В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371–494.

Деопик В.Б. Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА № 114. М.: Наука, 1963. С. 122–147.

Джигунова Ф.К. Западное Предкавказье в IV–IX вв.: дис…канд. ист. наук: 07.00.06 / Джигунова Фатимет Кадырбечевна. СПб., 2000. 300 с.

Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 200–206.

Зинько В., Пономарев Л. Тиритака. Раскоп XXVI. Том 1. Археологические комплексы VIII–X вв. Киев: АДЕФ-Украина, 2009. 328 с.

Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка 2 у пос. Эльтиген // БИ. 2005. Вып. X. С. 236–268.

Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований, 1995. С. 123–183.

Ковалевская В.Б. Центральное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 83–90.

Коматарова-Балинова Е. Сравнительная характеристика элементов погребального обряда биритуальных могильников нижнедунайского населения и салтово-маяцкой культуры // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 5. Хазарское время. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 135–164.

Кравченко Э.Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 4. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 153–186.

Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 2. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 233–302.

Красильников К.И., Красильникова Л.И. Могильник у села Лысогоровка–новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 4. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 212–215.

Кутайсов С.В. Раннесредневековый слой Калос Лимепа (по предварительным данным) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конференции. К., Судак: Академпериодика, 2004. С. 113–121.

Лаптев А.А., Аксёнов В.С. Погребения с «оболом мертвых» на Бочковском могильнике салтово-маяцкой культуры (по материалам раскопок 2014 г.) // В.К. Міхеєв. Учні та послідовники до 80-річчя з дня народження. Харків: ІРІС, 2017. С. 80–97.

Ларенок П.А. Баклажки в собрании Ростовского и Азовского краеведческих музеев // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году. Вып. 11. Азов: Азовский краеведческий музей, 1993. С. 130–137.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное 7 на Тамани // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.-Киев: Изд-во ИА РАН, 2010. С. 152–163.

Лимберис Н.Ю. Отчёт Краснодарской археологической экспедиции о раскопках поселения Виноградное 7 на Таманском полуострове в 2001 г. (Темрюкский район Краснодарского края). ИА РАН. Научно-отраслевой архив Ф. 1 Р. 1. № 25742.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории // Studia Pontocaucasica 3. Краснодар, 1997. С. 46–57.

Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. К.: Академпериодика, 2004. 315 с.

Майко В.В. Средневековые некрополи Судакской долины. К.: Академпериодика, 2007. 273 с.

Марченко И.И., Бочковой В.В., Кононов В.Ю. Раскопки могильника «Виноградный 7» на Тамани в 2005–2006 гг. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 7. Краснодар, 2007. С. 151–392.

Махнева О.А. О плитовых могильниках средневекового Крыма //Археологические исследования средневекового Крыма. К.: Наукова думка, 1968. С. 155–168.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985. 150 с.

Михеев В.К. Сухогомольшанский могильник // СА. 1986. № 3. С. 158–173.

Науменко В.Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 299 – 317.

Паромов Я.М. Хазарский период (VIII–начало X вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003. С. 161–168.

Паршина Е.А., Тесленко И.Б., Зеленко С.М. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // Морская торговля в Северном Причерноморье. Сборник научных статей. К.: Наукова думка, 2001. С. 52–81.

Плетнева С.А. Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Том III. МИА № 109. М.; Л.: Наука, 1963. С. 216–259.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 286 с.

Плетнева С.А. Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 77–80.

Плетнева С.А., Николаенко А.Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. № 3. С. 279–298.

Романчук А.И., Рудаков В.Е. Керамический комплекс IX – X веков Баклинского городища // СА. 1975. № 2. С. 217–222.

Савченко Е.И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). Вып. 1. М.: Наука, 1986. С. 70–101.

Сазанов А.В. Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. 1998. V. С. 50–88.

Сарапулкин В.А. Отчёт о раскопках грунтового могильника салтово-маяцкой культуры у с. Ржевка Шебекинского района Белгородской области в 2006 году // Архив кабинета археологии БелГУ. Белгород, 2007.

Сарапулкин В.А. Ржевский грунтовой могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: ВГПУ, 2006. Вып. 12. С. 195–203.

Свиридов А.Н., Язиков С.А., Топоривская М.А. Поселение Гора Чиркова 1 (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. Том 19. М.: ИА РАН, 2017. С. 174–177.

Сорокина Н.П. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции Государственного исторического музея. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ. Москва, 1969. С. 5–7.

Супренков А.А. Поселение Гора Чиркова 1 – история исследований и новейшие раскопки // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 481–485.

Супренков А.А., Науменко В.Е., Пономарев Л.Ю. Поселение VIII–X вв. Гора Чиркова 1 на Таманском полуострове (краткий обзор по результатам раскопок 2015 г.) // Хазарский альманах. Том 15. М., 2017. С. 236–280.

Талис Д. Л. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV–IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С. 55–67.

Тарабанов В.А. Поселения болгар на правобережье Кубани // Древности Кубани и Черноморья. Studia Pontocaucasica 1. Краснодар, 1993. С. 115–122.

Тахтай А.К. Погребальный комплекс хазарской эпохи из округи г. Чистяково Сталинской области // Vita Antiqua. 1999. № 02. С. 160–169.

Флёров В.С. Лощеные миски, блюда, чаши и кубышки Хазарского каганата // Боспорские исследования. 2001. Вып. 1. С. 159–184.

Флеров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище: труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.: Наука, 1984. С. 142–199.

Флеров В.С. Маяцкий могильник (раскопки 1979 г.) // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиии. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 140–191.

Флёрова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло (по материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). СПб: Алетейя, 2001. 256 с.

Хайнрих А. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан //Аланы: история и культура. Вып. III. Владикавказ, 1995. С. 184–258.

Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2. С. 158–178.

Чхаидзе В.Н. Средневековое сельское поселение на городище Кепы //Древности Боспора. 2006а. №. 10. С. 487–517.

Чхаидзе В.Н. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове // Материалы и исследования по археологии Поволжья. М., Йошкар-Ола, 2006б. С. 53–86.

Чхаидзе В.Н. Средневековые погребения Таманского городища // Древности Боспора. 2004. Том 7. С. 404–424.

Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.

Чхаидзе В.Н. Фанагория в VI–X веках. М.: Триумф-принт, 2012. 590 с.

Швецов М.Л., Санжаров С.Н., Прынь А.В. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 2. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 333–346.

Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979. 163 с.

Яшаева Т.Ю. Раннесредневековое поселение в предместье Херсона на Гераклейском полуострове // Херсонесский сборник. 1999. Вып. X. С. 349–358.

REFERENCES

Ajbabin A.I. Mogil'niki VIII – nachala X vv. v Krymu. *Materialy po arheologii, istorii i ehtnografii Tavrii*, 1993, № 3, pp. 121–133.

Ajbabin A.I. Step' i Yugo-Zapadnyj Krym. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v ehpohu srednevekov'ya. IV-XIII veka*. Mocsow, Nauka Publ., 2003, pp. 195–200.

Aksenov V.K., Miheev V.K. Krymskij import i hronologiya nekotoryh saltovskih pamyatnikov verhovij

Severskogo Donca. *Kul'tury stepej Evrazii vtoroj poloviny I tysyacheletiya n.eh. (voprosy hronologii). Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj arheologicheskoj konferencii (17–20 noyabrya 1997 g.). Samarskij oblastnoj istoriko-kraevedcheskij muzej im. P.V. Alabina.* Samara, 1998, pp. 344–357.

Aksenov V.K., Miheev V.K. Pogrebeniya s krymskoj posudoj mogil'nika saltovskoj kul'tury Krasnaya Gorka. *Vita antiqua,* 2003, № 5–6, pp. 179–191.

Aksenov V.S. Issledovaniya Verhne-Saltovskogo IV katakombnogo mogil'nika. *Arheologichni vidkrittya v Ukraïni 1999-2000 pp.* Kiev, IA NANU Publ., 2001a, pp. 65–67.

Aksenov V.S. Issledovaniya Verhne-Saltovskogo katakombnogo mogil'nika. *Arheologicheskie otkrytiya v Ukraine 1997–1998 gg. Sbornik nauchnikh trudov.* Kiev, IA NANU Publ., 1998, pp. 49–50.

Aksenov V.S. Issledovaniya katakombnogo mogil'nika u s. Verhnij Saltov. *Arheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2009 r.* Kiev, IA NANU Publ., 2010a, pp. 12–16.

Aksenov V.S. Katakomba № 119 Verhne-Saltovskogo IV mogil'nika pod Har'kovom. *Rossijskaya arheologiya*, 2016a, № 4, pp. 106–123.

Aksenov V.S. Katakomba № 99 Verhne-Saltovskogo IV mogil'nika (k voprosu rasprostraneniya hristianstva sredi saltovskogo naseleniya Podoncov'ya). *Sugdejskij sbornik*. Kiev-Sudak, Gorobec' Publ., 2010b, vyp. IV, pp. 354–364.

Aksenov V.S. Katakombnye zahoroneniya Verhne-Saltovskogo arheologicheskogo kompleksa s T-obraznymi fibulami. *Saltovo-mayac'ka kul'tura: problemi ta doslidzhennya: zbirnik naukovih prac', prisvyachenih problemam saltovoznavstva ta perspektivi saltovoznavstva za materialami Mizhnarodnoï naukovoï konferenciï «XVI Slobozhans'ki chitannya».* Harkiv, Savchuk Publ., 2012, pp. 10–18.

Aksenov V.S. Pogrebenie № 525 Netajlovskogo mogil'nika (k voprosu o nachal'nom ehtape formirovaniya saltovo-mayackoj kul'tury). *Verhnedonskoj arheologicheskij sbornik,* 2014, vypusk 6, pp. 408–415.

Aksenov V.S. Raboty na Verhne-Saltovskom arheologicheskom komplekse v 2005 g. *Arheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2004–2005 p.* Vip. 8. Kiev-Zaporizhzhya, Dike pole Publ., 2006, pp. 63–66.

Aksenov V.S. Raskopki Verhne-Saltovskogo IV katakombnogo mogil'nika i mogil'nika Krasnaya Gorka saltovskoj kul'tury. *Arheologichni vidkrittya v Ukraïni 2000-2001 pp.* Kiev: IA NANU Publ., 2002, pp. 83–85.

Aksenov V.S. Rubezhanskij katakombnyj mogil'nik saltovo-mayackoj kul'tury na Severskom Donce. *Donskaya arheologiya*, 2001b, № 1-2, pp. 62–78.

Aksenov V.S., Miheev V.K. Naselenie Hazarskogo kaganata v pamyatnikah istorii i kul'tury. «Suhogomol'shanskij mogil'nik VIII – X vv.». *Hazarskij al'manah*. Tom 5. Kiev - Har'kov, 2006, 306 p.

Aks'onov V.S. Doslidzhennya Verhn'o-Saltivs'kogo katakombnogo mogil'nika. *Arheologichni doslidzhennya v Ukraïni 2015 r.* Kiev, Starodavnij svit Publ., 2016b, pp. 181–183.

Aks'onov V.S. Novi pohovannya Verhn'o-Saltivs'kogo mogil'nika. *Har'kovskij arheologicheskij sbornik.* Vyp. 2. Har'kov, Machulin Publ., 2007, pp. 21–29.

Armarchuk E.A., Dmitriev A.V. Kurgannye mogil'niki. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v ehpohu srednevekov'ya. IV-XIII veka*. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 216–224.

Artamonova O.A. Mogil'nik Sarkela-Beloj Vezhi. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR, № 109. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1963, pp. 10–209.

Atavin A. G. Srednevekovye pogrebeniya iz Fanagorii. *Sovetskaya arheologiya*, 1986, № 1, pp. 262–266.

Baranov I.S. *Tavrika v ehpohu rannego srednevekov'ya*. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1990,168 p.

Belyj A. V., Nazarov V.V. Raskopki usad'by na gorodishche Kyz-Kermen. Postrojka № 1. *Problemy istorii «peshchernyh gorodov» v Krymu*. Simferopol', Tavriya Publ., 1992, pp. 132–151.

Belyj A.V. Raskopki usad'by na gorodishche Kyz-Kermen. Postrojka №2. *Istoriya i arheologiya Yugo-Zapadnogo Kryma*. Simferopol', 1993, pp. 49–58.

Vejmarn E.V., Ajbabin A.I. *Skalistinskij mogil'nik.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1993, 202 p.

Gavrituhin I.O., Paromov YA.M. Il'ichevskoe gorodishche i poseleniya ego okrugi. *Krym, Severo-Vostochnoe*

Prichernomor'e i Zakavkaz'e v ehpohu srednevekov'ya. IV–XIII veka. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 152–157.

Gavrituhin I.O., P'yankov A.V. Drevnosti i pamyatniki VIII–IX vekov. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v ehpohu srednevekov'ya. IV–XIII veka.* Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 195–200.

Gening V.F., Halikov A.H. *Rannie bolgary na Volge (Bol'she-Tarhanskij mogil'nik)*. Moscow, Nauka Publ., 1964, 201 p.

Gercen A.G., Zemlyakova A.Yu., Naumenko V.E., Smokotina A.V. Stratigraficheskie issledovaniya na yugo-vostochnom sklone mysa Teshkli-burun (Mangup). *Materialy po arheologii, istorii i ehtnografii Tavrii,* 2006, № 12, pp. 371–494.

Deopik V.B. Klassifikaciya i hronologiya alanskih ukrashenij VI–IX vv. *Srednevekovye pamyatniki Severnoj Osetii. MIA № 114.* Moscow, Nauka Publ., 1963, pp. 122–147.

Dzhigunova F.K. *Zapadnoe Predkavkaz'e v IV-IX vv.* Kandidat. diss. St. Petersburg, 2000, 300 p.

Dmitriev A.V. Mogil'nik Dyurso – ehtalonnyj pamyatnik drevnostej V–IX vekov. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v ehpohu srednevekov'ya. IV–XIII veka*. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 200–206.

Zin'ko V., Ponomarev L. *Tiritaka. Raskop XXVI. Tom 1. Arheologicheskie kompleksy VIII–X vv.* Kiev, ADEF-Ukraina Publ., 2009, 328 p.

Zin'ko V.N., Ponomarev L.Yu. Rannesrednevekovyj gorizont poseleniya Geroevka-2 u poselka Ehl'tigen. *Bosporskie issledovania,* 2005, vyp. 10, pp. 236–268.

Kovalevskaya V.B. Hronologiya drevnostej severokavkazskih alan. *Alany: istoriya i kul'tura.* Vladikavkaz: Severoosetinskij institut gumanitarnyh issledovanij Publ., 1995, pp. 123–183.

Kovalevskaya V.B. Central'noe Predkavkaz'e. *Stepi Evrazii v ehpohu srednevekov'ya.* Moscow, Nauka Publ, 1981, pp. 83–90.

Komatarova-Balinova E. Sravnitel'naya harakteristika ehlementov pogrebal'nogo obryada biritual'nyh mogil'nikov nizhnedunajskogo naseleniya i saltovo-mayackoj kul'tury. *Stepi Evropy v ehpohu srednevekov'ya. Tom 5*. Hazarskoe vremya. Doneck, DonNU Publ., 2012, pp. 135–164.

Kravchenko E.E. Musul'manskoe naselenie srednego techeniya Severskogo Donca i rasprostranenie islama v Vostochnoj Evrope v hazarskoe vremya. *Stepi Evropy v ehpohu srednevekov'ya,* 2005, tom 4, pp. 153–186.

Kravchenko E.E., Davydenko V.V. Sidorovskoe gorodishche. *Stepi Evropy v ehpohu srednevekov'ya,* 2001, tom 2, pp. 233–302.

Krasil'nikov K. I., Krasil'nikova L. I. Mogil'nik u sela Lysogorovka–novyj istochnik po ehtnoistorii stepej Podoncov'ya rannego srednevekov'ya. *Stepi Evropy v ehpohu Srednevekov'ya,* 2005, tom 4, pp. 212–215.

Kutajsov S.V. Rannesrednevekovyj sloj Kalos Limepa (po predvaritel'nym dannym). *Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture. Materialy II Sudakskoj mezhdunarodnoj konferencii.* Kiev, Sudak, Akademperiodika Publ., 2004, pp. 113–121.

Laptev A.A., Aksyonov V.S. Pogrebeniya s «obolom mertvyh» na Bochkovskom mogil'nike saltovo-mayackoj kul'tury (po materialam raskopok 2014 g.). *V.K. Miheev. Uchni ta poslidovniki do 80-richchya z dnya narodzhennya*. Harkiv, IRIS Publ., 2017, pp. 80–97.

Larenok P.A. Baklazhki v sobranii Rostovskogo i Azovskogo kraevedcheskih muzeev. *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1991 godu.* Vyp. 11. Azov, Azovskij kraevedcheskij muzej Publ., 1993, pp. 130–137.

Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Antichnye pogrebeniya iz kurganov v okrestnostyah Fanagorii. *Studia Pontocaucasica 3*. Krasnodar, 1997, pp. 46–57.

Limberis N. Yu., Marchenko I. I. Novye materialy iz raskopok kurgannogo nekropolya u poseleniya Vinogradnoe 7 na Tamani. *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyj mir Severnogo Prichernomor'ya. Novejshie nahodki i otkrytiya.* Vyp. 1. Moscow-Kiev, 2010, pp. 152–163.

Limberis N.Yu. Otchyot Krasnodarskoj arheologicheskoj ehkspedicii o raskopkah poseleniya Vinogradnoe 7

na Tamanskom poluostrove v 2001 g. (Temryukskij rajon Krasnodarskogo kraya). *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk.* F. R-1. D. 617. L. 25742.

Majko V.V. *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v Yugo-Vostochnom Krymu.* Kiev, Akademperiodika Publ., 2004, 315 p.

Majko V.V. *Srednevekovye nekropoli Sudakskoj doliny.* Kiev, Akademperiodika Publ., 2007, 273 p.

Marchenko I.I., Bochkovoj V.V., Kononov V.Yu. Raskopki mogil'nika «Vinogradnyj 7» na Tamani v 2005–2006 gg. *Materialy i issledovaniya po arheologii Kubani.* Krasnodar, 2007, vyp. 7, pp. 151–392.

Mahneva O. A. O plitovyh mogil'nikah srednevekovogo Kryma. *Arheologicheskie issledovaniya srednevekovogo Kryma.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1968, pp. 155–168.

Miheev V.K. *Podon'e v sostave Hazarskogo kaganata.* Har'kov, Vishcha shkola Publ., 1985, 150 p.

Miheev V.K. Suhogomol'shanskij mogil'nik. *Sovetskaya arheologiya*, 1986, № 3, pp. 158–173.

Naumenko V.E. Raskopki rannesrednevekovogo poseleniya u podnozh'ya Mangupa. *BIAS*, 1997, vyp. 1, p. 299 – 317.

Paromov Y.M. Hazarskij period (VIII-nachalo X v.). *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v ehpohu srednevekov'ya. IV-XIII veka.* Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 161–168.

Parshina E.A., Teslenko I.B., Zelenko S.M. Goncharnye centry Tavriki VIII-X vv. *Morskaya torgovlya v Severnom Prichernomor'e. Sbornik nauchnyh statej.* Kiev, Naukova dumka Publ., 2001, pp. 52–81.

Pletneva S.A. Kochevnicheskij mogil'nik bliz Sarkela-Beloj Vezhi. *Trudy Volgo-Donskoj arheologicheskoj ehkspedicii. Tom III. MIA №109.* Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1963, pp. 216–259.

Pletneva S.A. *Na slavyano-hazarskom pogranich'e (Dmitrievskij arheologicheskij kompleks).* Moscow, Nauka Publ., 1989, 286 p.

Pletneva S.A. Rannie bolgary na Volge. *Stepi Evrazii v ehpohu srednevekov'ya.* Moscow, Nauka Publ., 1981, p. 77–80.

Pletneva S.A., Nikolaenko A.G. Volokonovskij drevnebolgarskij mogil'nik. *Sovetskaya arheologiya,* 1976, № 3, pp. 279–298.

Romanchuk A.I., Rudakov V.E. Keramicheskij kompleks IX – X vekov Baklinskogo gorodishcha. *Sovetskaya arheologiya*, 1975, № 2, pp. 217–222.

Savchenko E.I. Krymskij mogil'nik. *Arheologicheskie otkrytiya na novostrojkah. Drevnosti Severnogo Kavkaza (Materialy rabot Severokavkazskoj ehkspedicii).* Vyp. 1. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 70–101.

Sazanov A.V. Hronologiya sloev srednevekovoj Kerchi. *PIFK*, 1998, № 5, pp. 50–88.

Sarapulkin V.A. Otchyot o raskopkah gruntovogo mogil'nika saltovo-mayackoj kul'tury u s. Rzhevka Shebekinskogo rajona Belgorodskoj oblasti v 2006 godu. *Arkhiv kabineta arheologii Belgorodskogo unoversiteta.*

Sarapulkin V.A. Rzhevskij gruntovyj mogil'nik saltovo-mayackoj kul'tury (predvaritel'noe soobshchenie). *Arheologicheskie pamyatniki Vostochnoj Evropy: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov.* Vyp. 12. Voronezh, VGPU Publ, 2006, pp. 195–203.

Sviridov A.N., Yazikov S.A., Toporivskaya M.A. Poselenie Gora Chirkova 1 (Krasnodarskij kraj, Tamanskij poluostrov). Goroda, poseleniya, nekropoli. Raskopki 2016. *Materialy spasatel'nyh arheologicheskih issledovanij.* Tom 19. Moscow, IA RAN Publ., 2017, pp. 174–177.

Sorokina N. P. Srednevekovye pogrebeniya iz nekropolya goroda Kepy na Tamanskom poluostrove. Ekspedicii Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. *Doklady na sessii Uchenogo soveta GIM.* Moscow, 1969, pp. 5–7.

Suprenkov A. A. Poselenie Gora Chirkova 1 – istoriya issledovanij i novejshie raskopki. *XVII Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya.* Issledovateli i issledovaniya. Kerch', 2016, pp. 481–485.

Suprenkov A.A., Naumenko V.E., Ponomarev L.Yu. Poselenie VIII-X vv. Gora Chirkova 1 na Tamanskom poluostrove (kratkij obzor po rezul'tatam raskopok 2015 g.). *Hazarskij al'manah.* Tom 15. Moscow, 2017, pp. 236–280.

Talis D. L. Keramicheskij kompleks Baklinskogo gorodishcha kak istochnik po ehtnicheskoj istorii Gornogo Kryma v IV–IX vv. *Arheologicheskie issledovaniya na yuge Vostochnoj Evropy.* Moscow, 1982, pp. 55–67.

Tarabanov, V.A. Poseleniya bolgar na pravoberezh'e Kubani. *Drevnosti Kubani i Chernomor'ya. Studia Pontocaucasica,* I. Krasnodar, 1993, pp. 115–122.

Tahtaj A.K. Pogrebal'nyj kompleks hazarskoj ehpohi iz okrugi g. Chistyakovo Stalinskoj oblasti. *Vita Antiqua*, 1999, № 02, pp. 160–169.

Flyorov B.C. Loshchenye miski, blyuda, chashi i kubyshki Hazarskogo kaganata. Bosporskie issledovaniya, 2001. vyp. 1, pp. 159–184.

Flerov V. S. Mayackij mogil'nik. Mayackoe gorodishche: trudy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoj ehkspedicii. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 142–199.

Flerov V.S. Mayackij mogil'nik (raskopki 1979 g.). Mayackij arheologicheskij kompleks. Materialy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoj ehkspediii. Moscow: IA AN SSSR Publ., 1990, pp. 140–191.

Flyorova V.E. Reznaya kost' yugo-vostoka Evropy IX-XII vekov: iskusstvo i remeslo (po materialam Sarkela – Beloj Vezhi iz kollekcii Gosudarstvennogo EHrmitazha). SPb: Aletejya, 2001, 256 p.

Hajnrih A. Rannesrednevekovye katakombnye mogil'niki u selenij Chmi i Koban. Alany: istoriya i kul'tura. Vyp. III. Vladikavkaz, 1995, pp. 184–258.

Halikova E.A. Bol'she-Tiganskij mogil'nik. Sovetskaya arheologiya, 1976, № 2, pp. 158–178.

Chkhaidze V. N. Srednevekovoe sel'skoe poselenie na gorodishche Kepy. Drevnosti Bospora. Moscow, IA RAN Publ., 2006a. №. 10, pp. 487–517.

Chkhaidze V. N. Srednevekovye pogrebeniya v kamennyh yashchikah na Tamanskom poluostrove. Materialy i issledovaniya po arheologii Povolzh'ya. Moscow, Joshkar-Ola, 2006b, pp. 53–86.

Chkhaidze V. N. Srednevekovye pogrebeniya Tamanskogo gorodishcha. Drevnosti Bospora, 2004, tom 7, pp. 404–424.

Chkhaidze V.N. Tamatarha. Rannesrednevekovyj gorod na Tamanskom poluostrove. Moscow, TAUS Publ., 2008, 328 p.

Chkhaidze V.N. Fanagoriya v VI-X vekah. Moscow, Triumf-print Publ., 2012, 590 p.

Shvecov M.L., Sanzharov S.N., Pryn' A.V. Dva novyh sel'skih mogil'nika v Podoncov'e. Stepi Evropy v ehpohu srednevekov'ya. Tom 2. Doneck, 2001, pp. 333–346.

Yakobson A.L. Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoj Tavriki. Leningrad, Nauka, 1979, 163 p.

Yashaeva T. Yu. Rannesrednevekovoe poselenie v predmest'e Hersona na Geraklejskom poluostrove. Hersonesskij sbornik,1999, vyp. X, pp. 349–358.

Резюме

В статье публикуются 20 погребений, изученных в 2016 году на окраине средневекового поселения Виноградный 7. Первую группу комплексов составляют грунтовые захоронения с северной ориентировкой, некоторые из них были совершены в ямах с заплечиками. По инвентарю эти комплексы датируются 2-й половиной VIII–началом X века. Вторую группу составляют погребения в каменных ящиках с западной ориентировкой, датирующиеся по инвентарю X–XI веками.

Ключевые слова: погребения, ямы с заплечиками, каменный ящик.

Summary

The article deals with 20 burialsinvestigated in 2016 near the medieval site Vinogradniy 7. The first burial group includes grave pits with northern orientation. Such of them were the pits with shoulders. The date of this group is 2nd half 8 – the beginning of the 10th centuries. The second group consists of burials in stone boxes with western orientation. The date of this group is 10th – 11th centuries.

Key words: burials, pit with shoulders, stone box.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
Свиридов Алексей Николаевич,
специалист отдела сохранения археологического наследия
Института археологии РАН,
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
a_sviridov@mail.ru
+79108986210

Язиков Сергей Владимирович,
специалист отдела сохранения археологического наследия
Института археологии РАН,
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
sergei.yazikov2012@yandex.ru

Суханов Евгений Владимирович,
стажер-исследователь отдела теории и методики
Института археологии РАН,
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.
e.sukhanov@outlook.com
+79524216218

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
SviridovAlexejNikolaevich,
specialist of Department of conservation of the archaeological heritage
Institute of Archaeology of RAS,
117036, Moscow, Dm. Ulyanova street, 19.
a_sviridov@mail.ru
+79108986210

Yazikov Sergey Vladimirovich,
specialist of Department of conservation of the archaeological heritage
Institute of Archaeology of RAS,
117036, Moscow, Dm. Ulyanovastreet, 19.
sergei.yazikov2012@yandex.ru

Sukhanov Eugeniy Vladimirovich,
intern-researcher of theory and methodology Department
Institute of Archaeology of RAS,
117036, Moscow, Dm. Ulyanova street, 19.
e.sukhanov@outlook.com
+79524216218

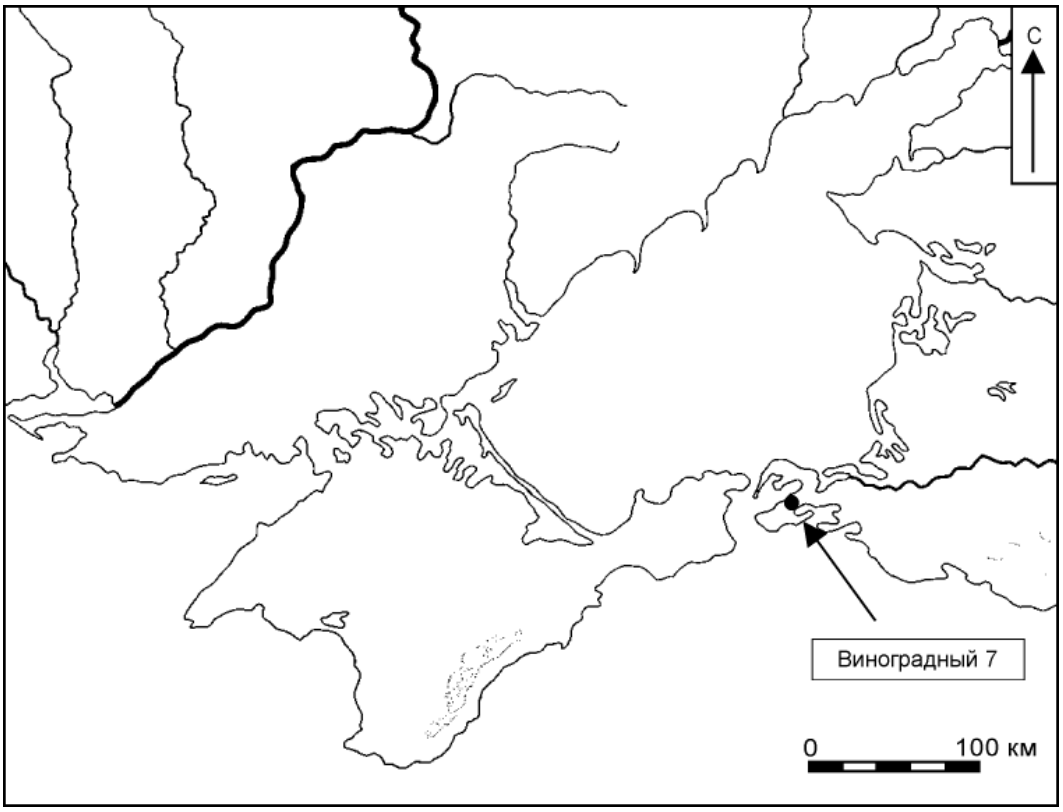

Рис. 1. Месторасположение памятника.

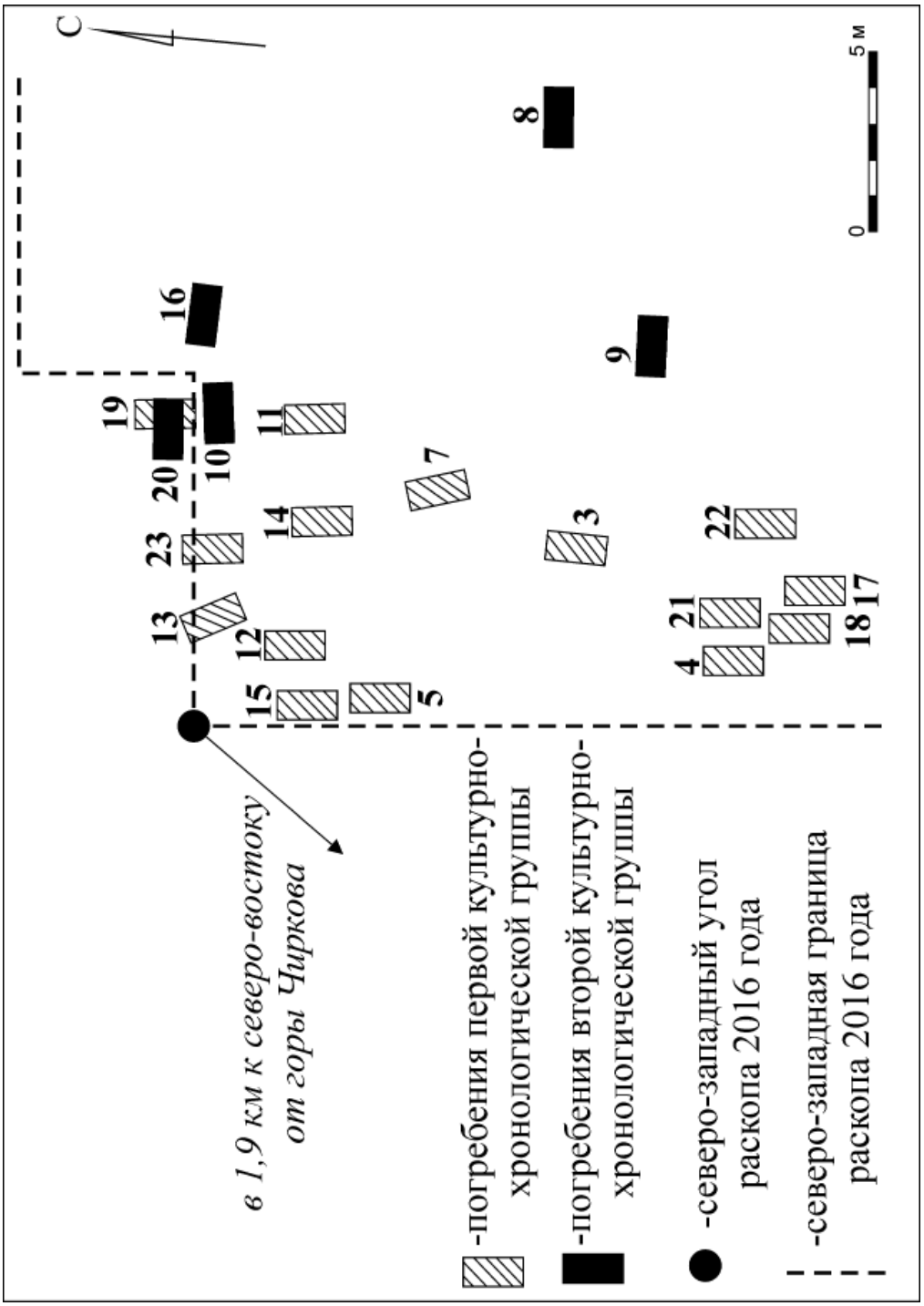

Рис. 2. План расположения погребений, изученных в 2016 году.

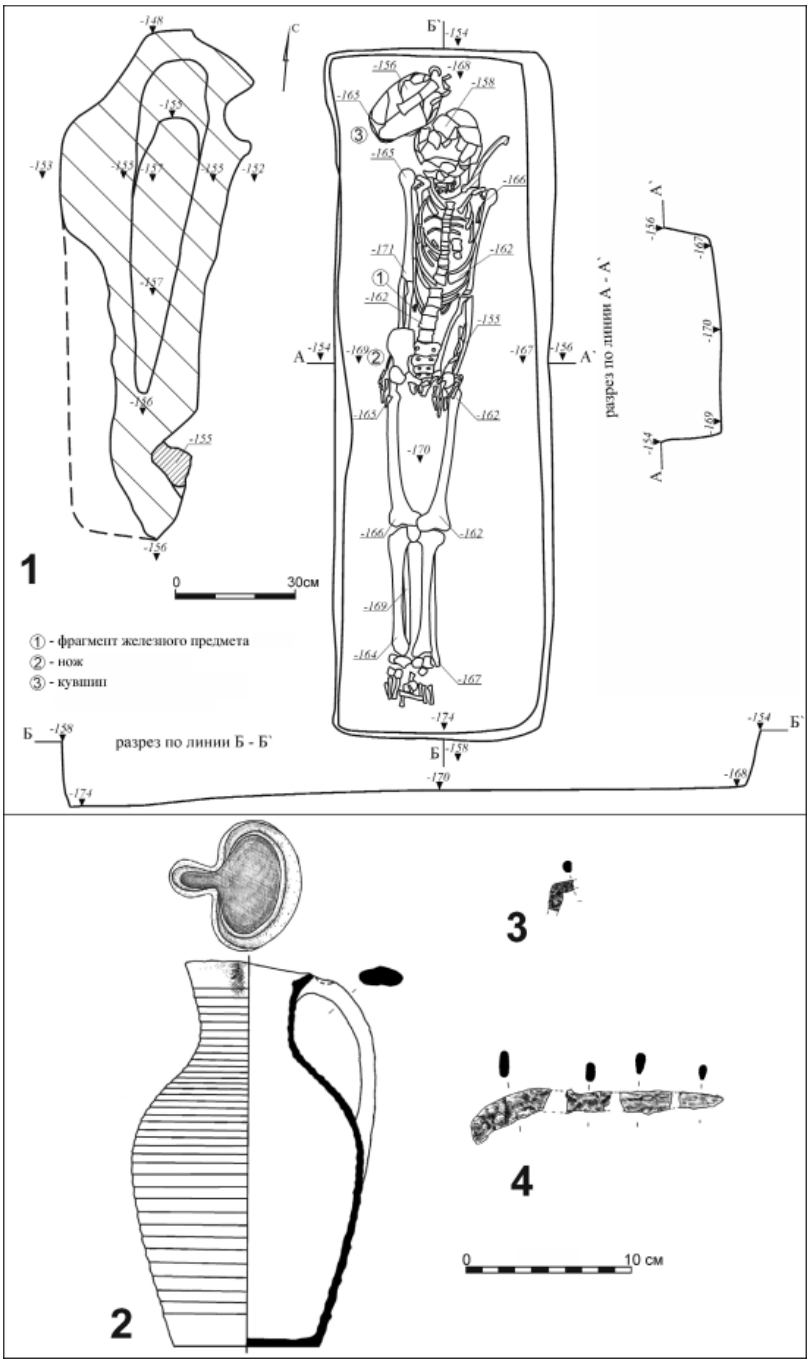

Рис. 3. Погребение 3.

1 – план и разрезы, 2-4 – сопроводительный инвентарь: 2 – кувшин, 3, 4 – железные предметы.

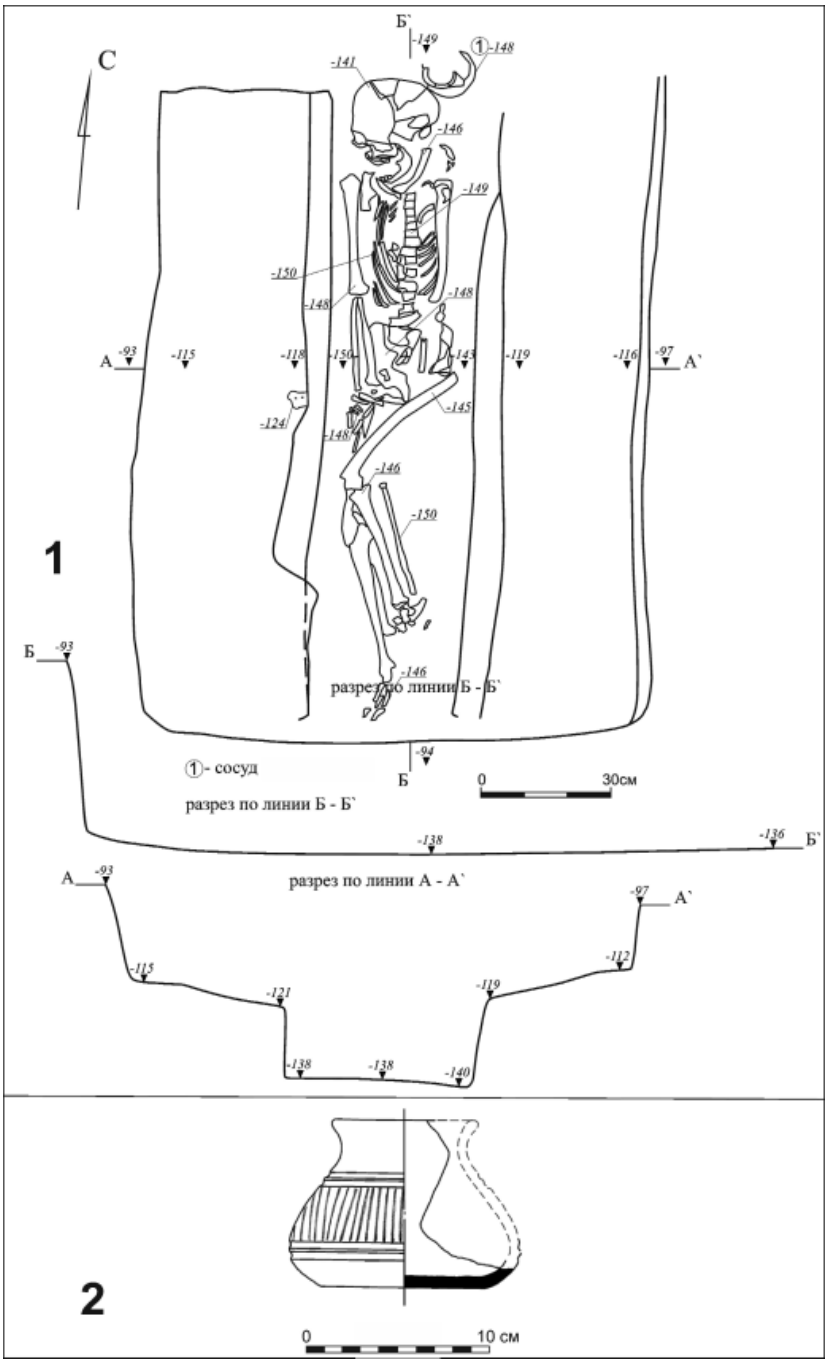

Рис. 4. Погребение 4.

1 – план и разрезы, 2 – лощеная кубышка.

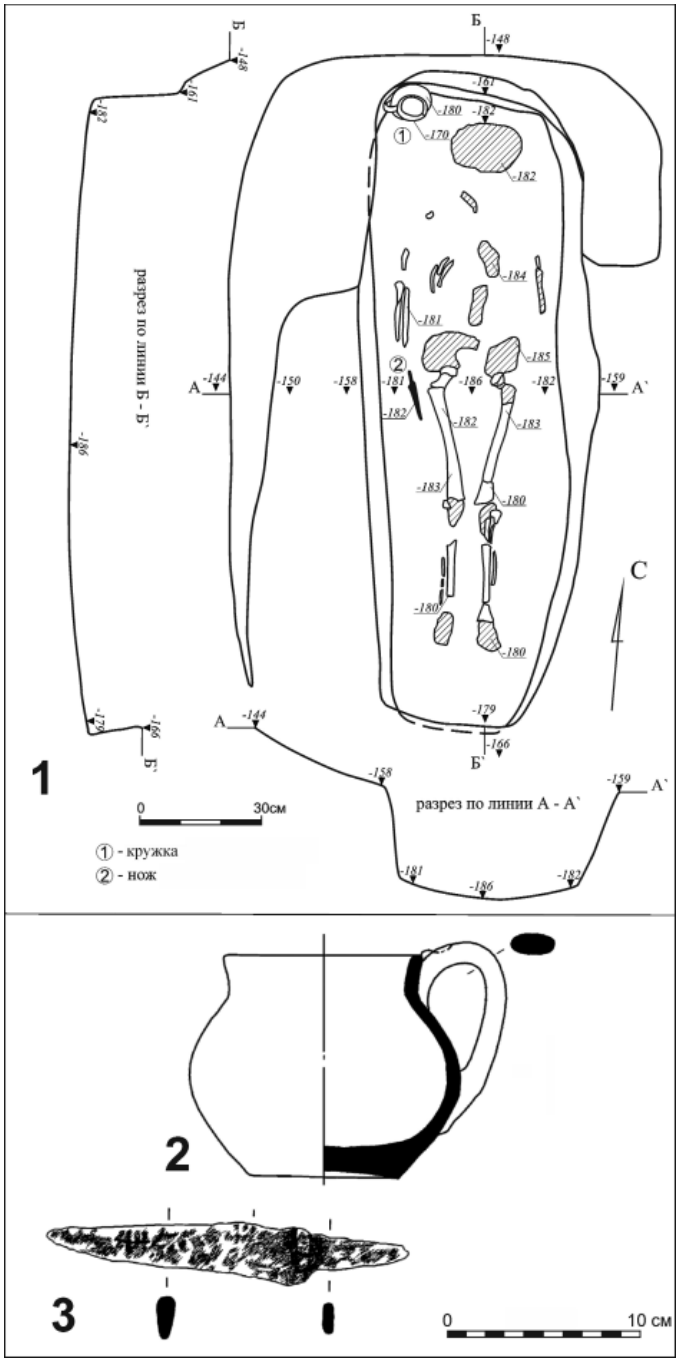

Рис. 5. Погребение 5.

1 – план и разрезы, 2-3 – сопроводительный инвентарь: 2 – кружка, 3 – железный нож.

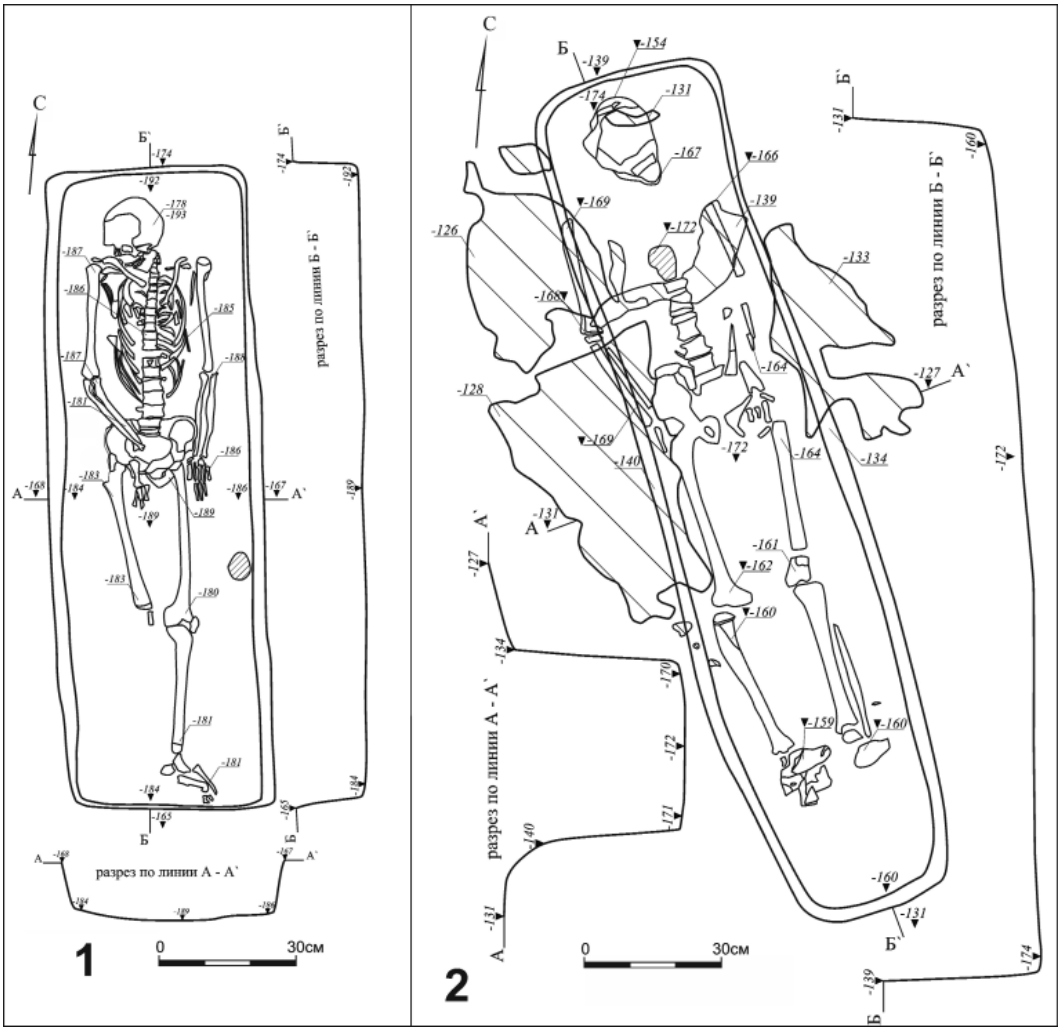

Рис. 6. Погребения 7 и 13.

1 – погребение 7, план и разрезы, 2 – погребение 13, план и разрезы.

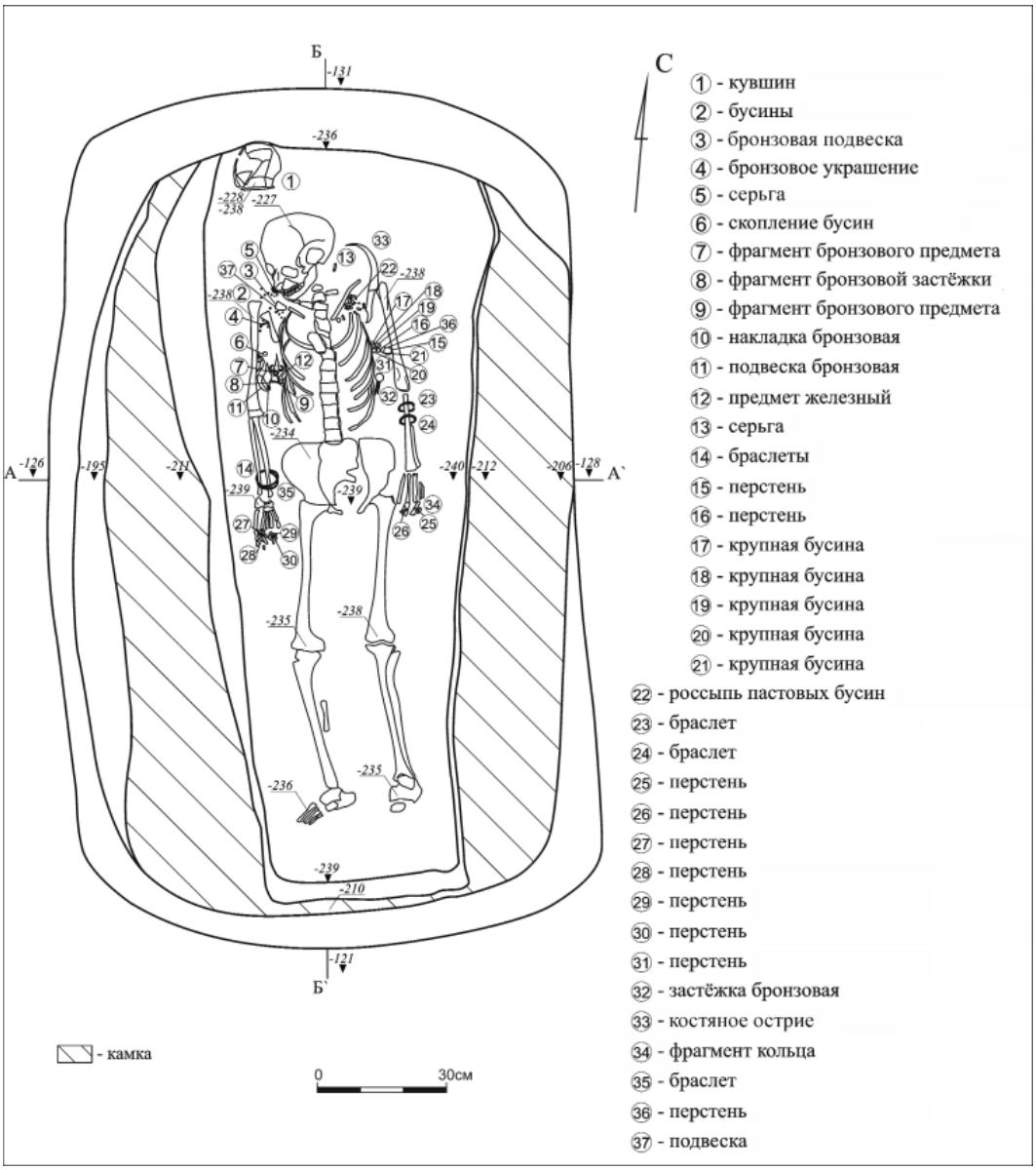

Рис. 7. План погребения 11.

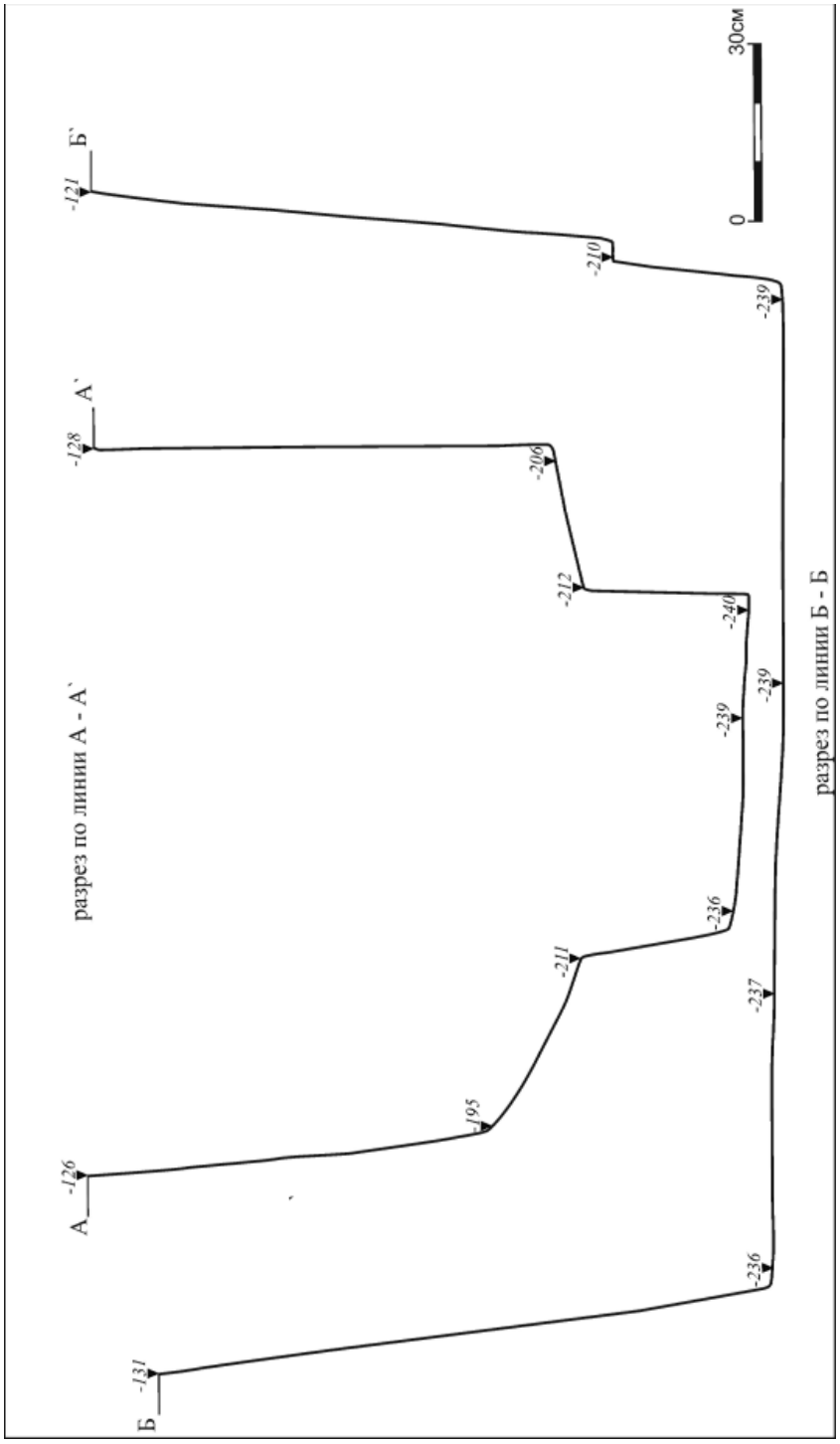

Рис. 8. Разрезы погребения 11.

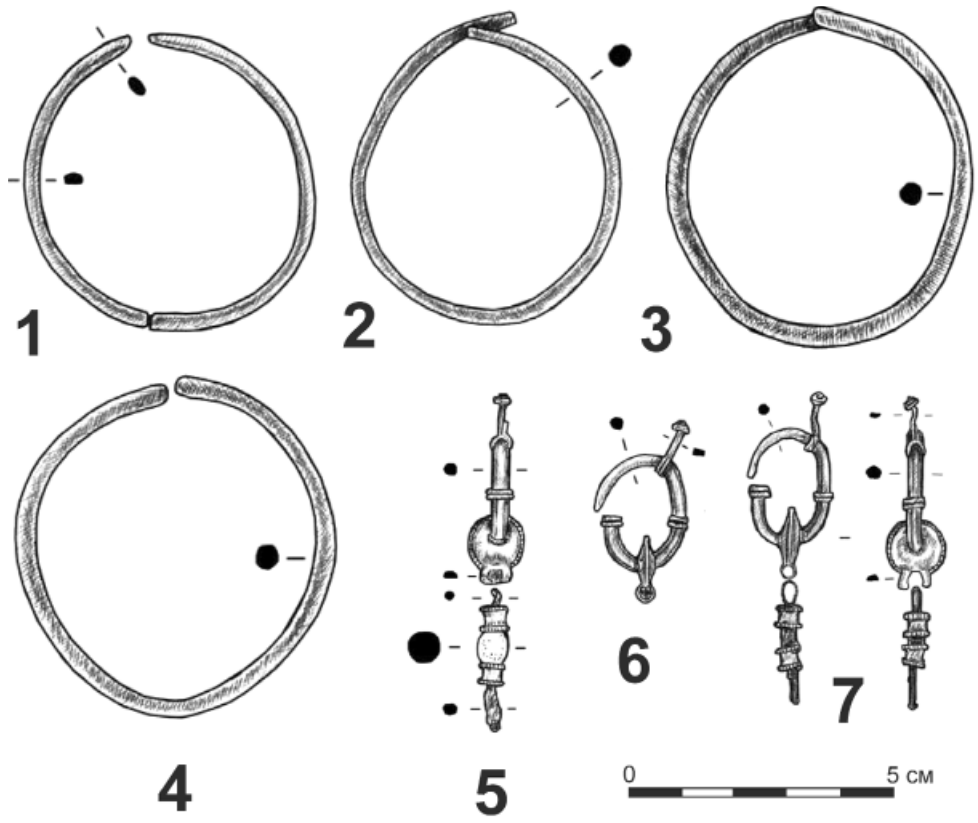

Рис. 9. Сопроводительный инвентарь погребения 11.
1-4 – бронзовые браслеты, 5-7 – золотые серьги.

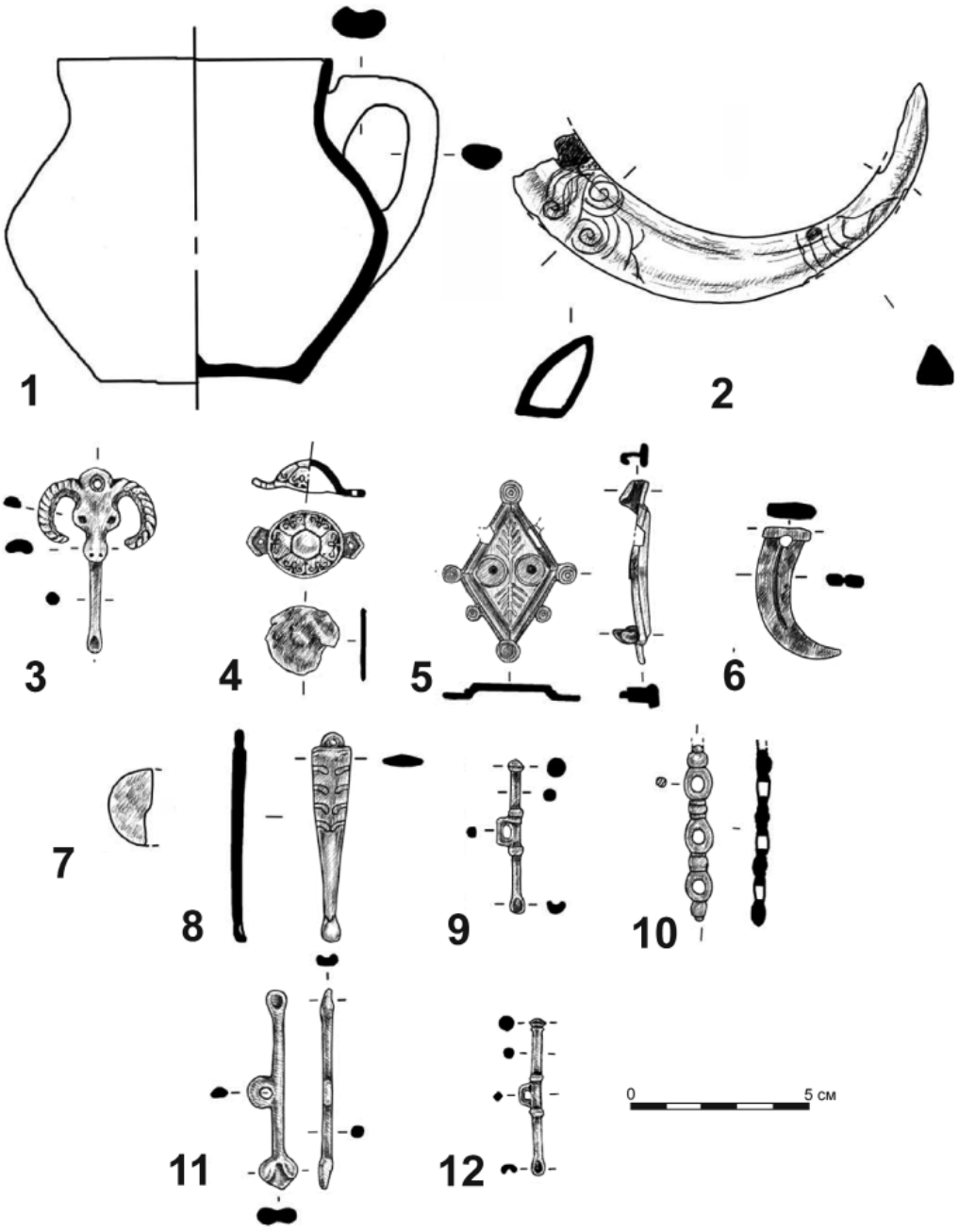

Рис. 10. Сопроводительный инвентарь погребения 11.

1 – кружка, 2 – костяное острие, 3 – бронзовая привеска, 4 – бронзовая туалетная коробочка, 5 – бронзовая накладка, 6 – бронзовый амулет, 7 – фрагмент бронзового предмета, 8-12 – бронзовые копоушки.

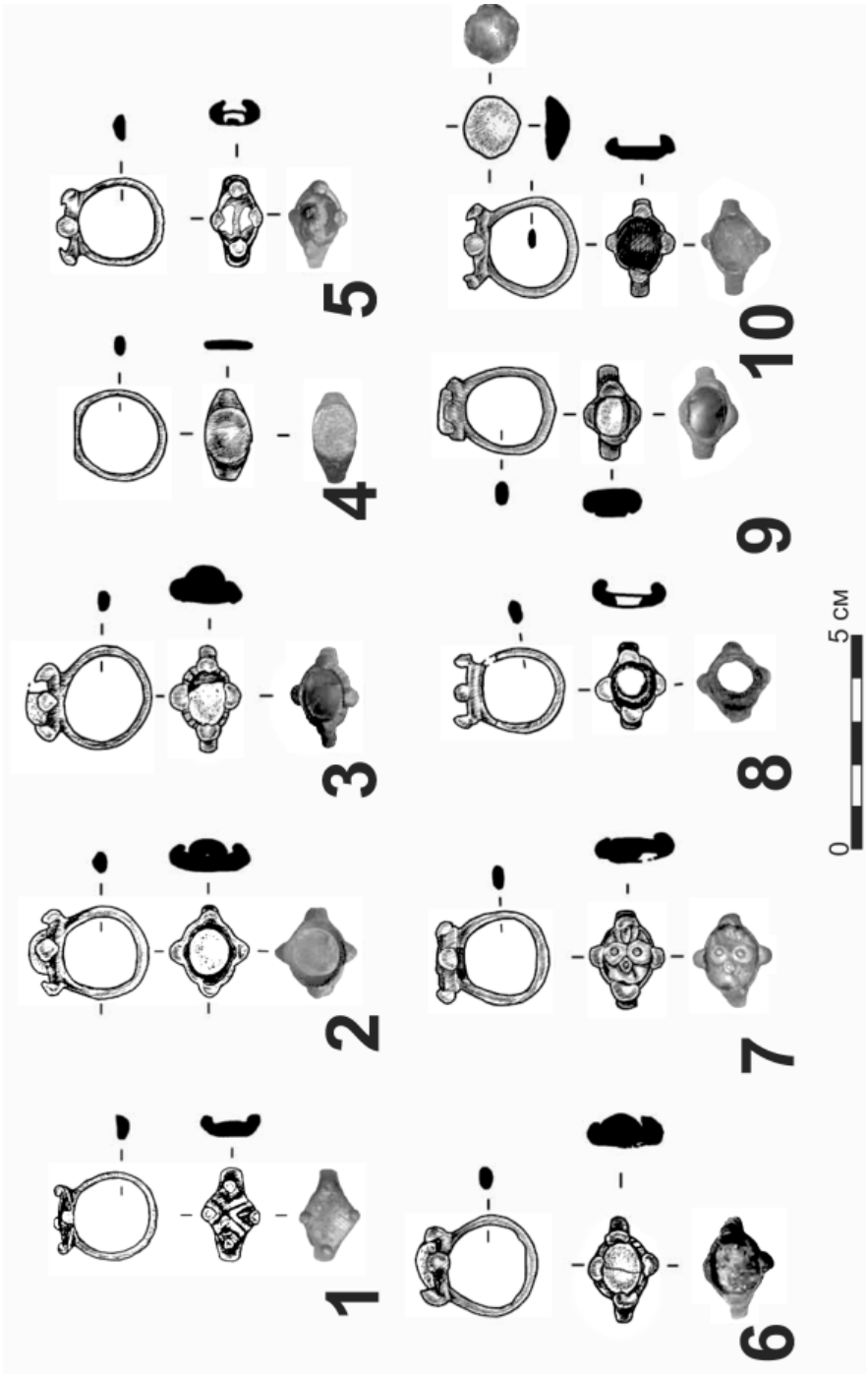

Рис. 11. Перстни из погребения 11.

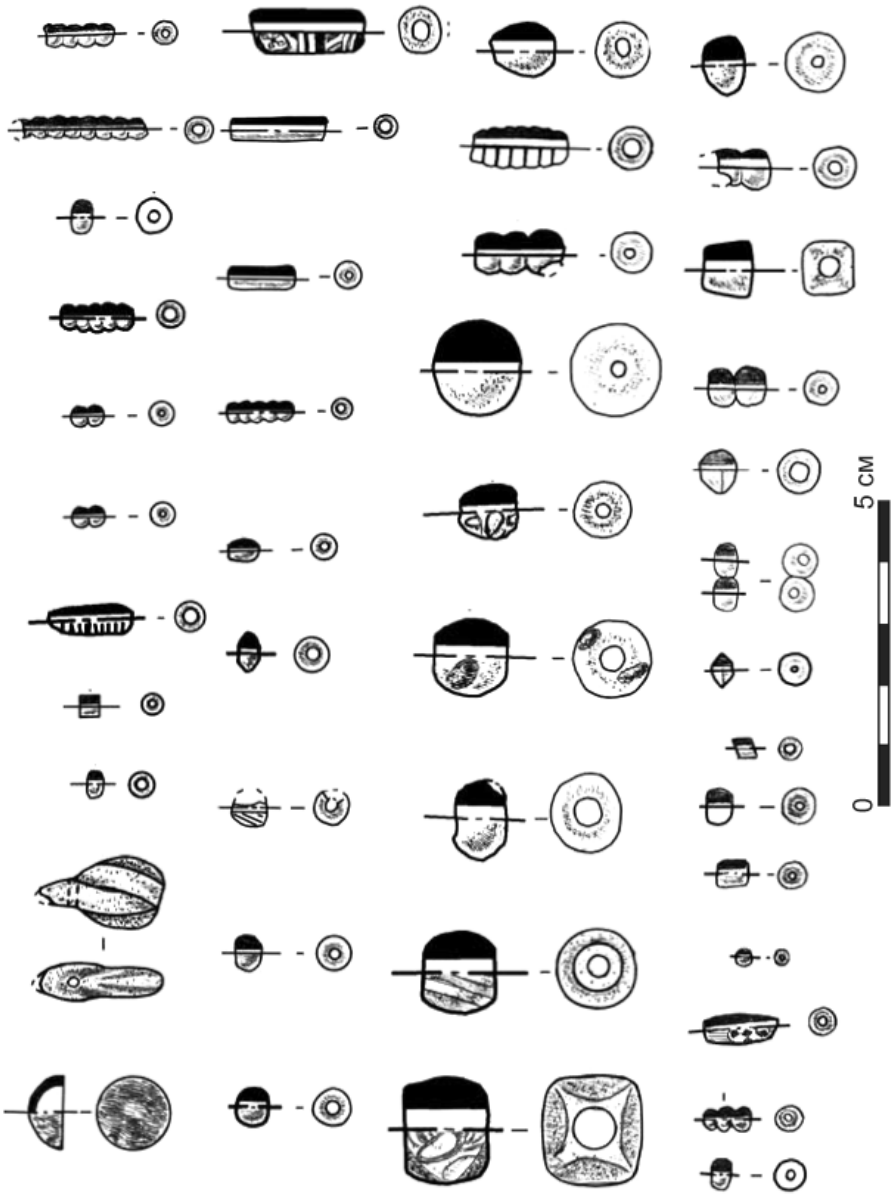

Рис. 12. Бусы из погребения 11.

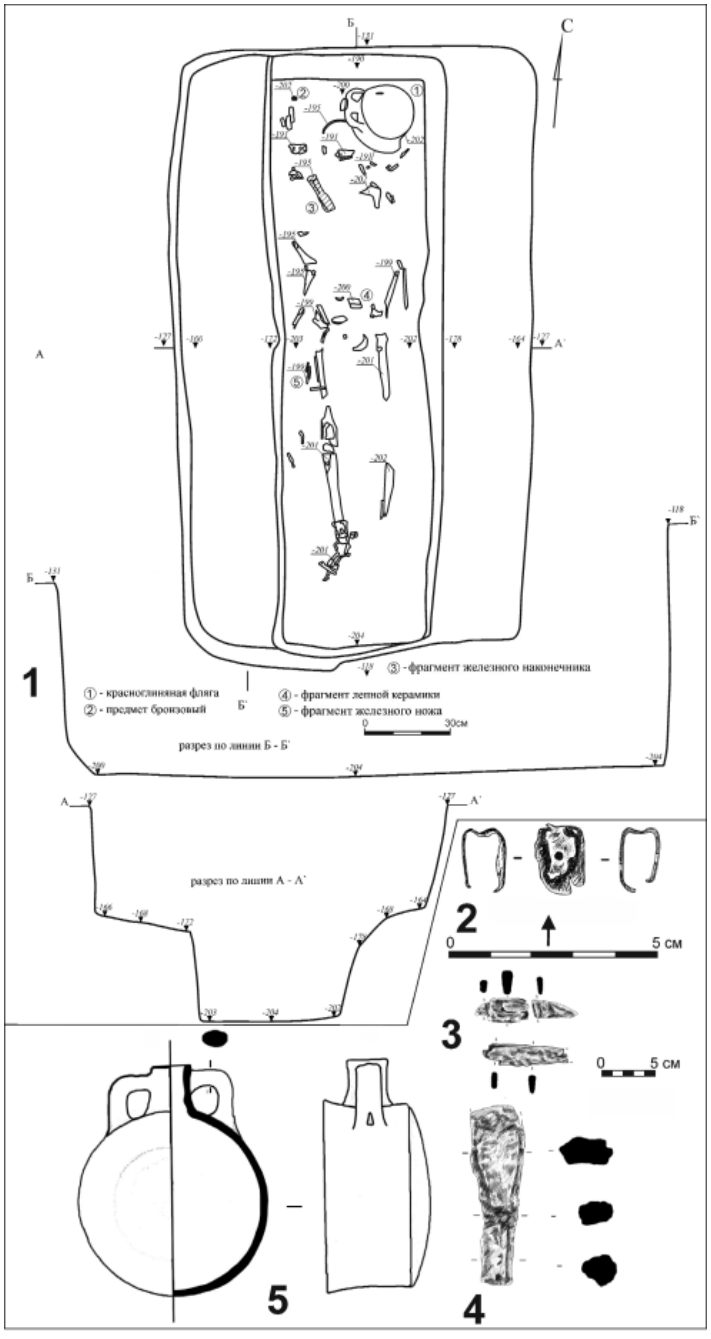

Рис. 13. Погребение 12.

1 – план и разрезы, 2-5 – сопроводительный инвентарь: 2 – бронзовый предмет, 3 – фрагмент железного ножа, 4 – фрагмент железного наконечника, 5 – фляга.

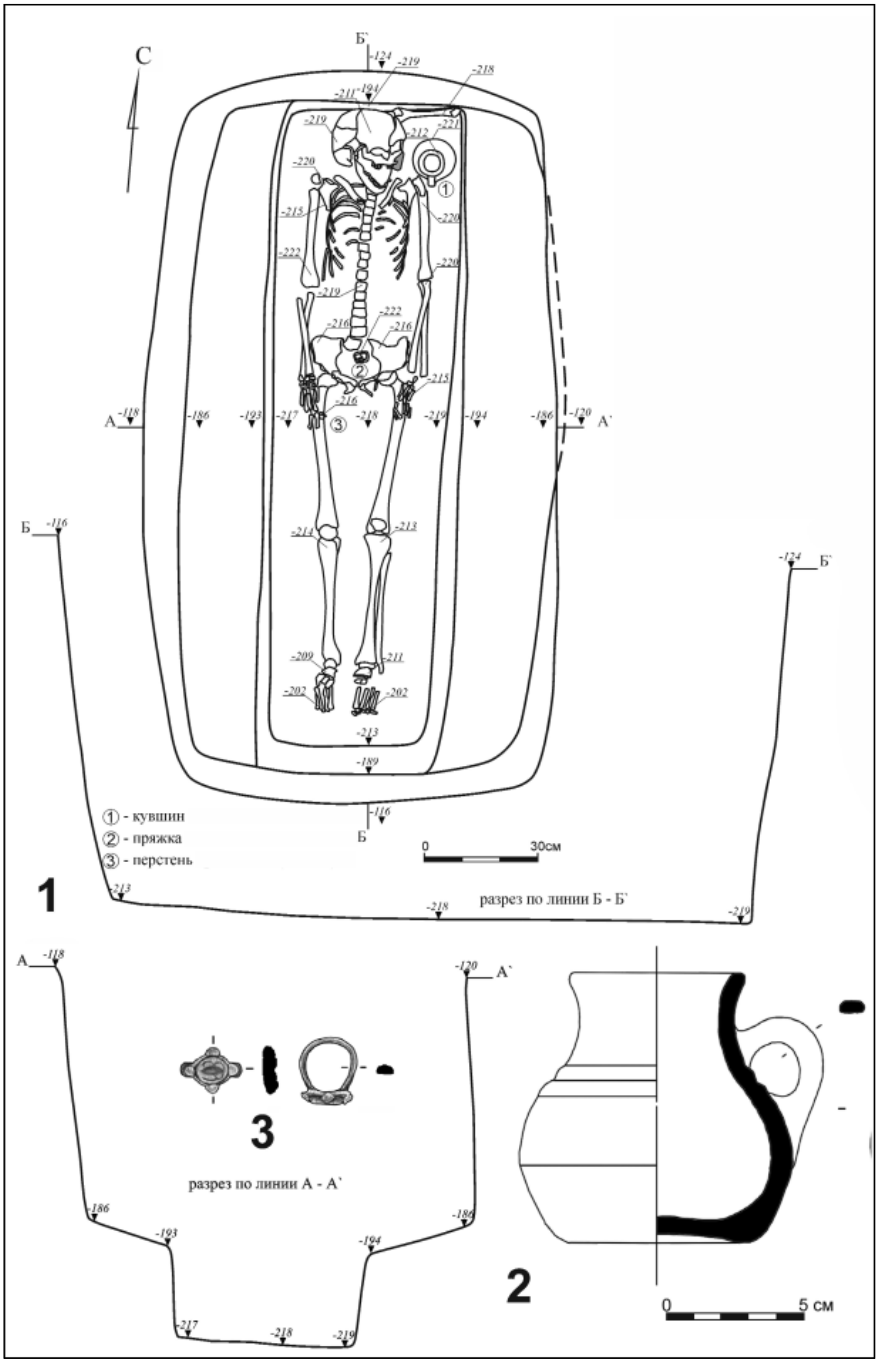

Рис. 14. Погребение 14.

1 – план и разрезы, 2, 3 – сопроводительный инвентарь: 2 – кружка, 3 – бронзовый перстень.

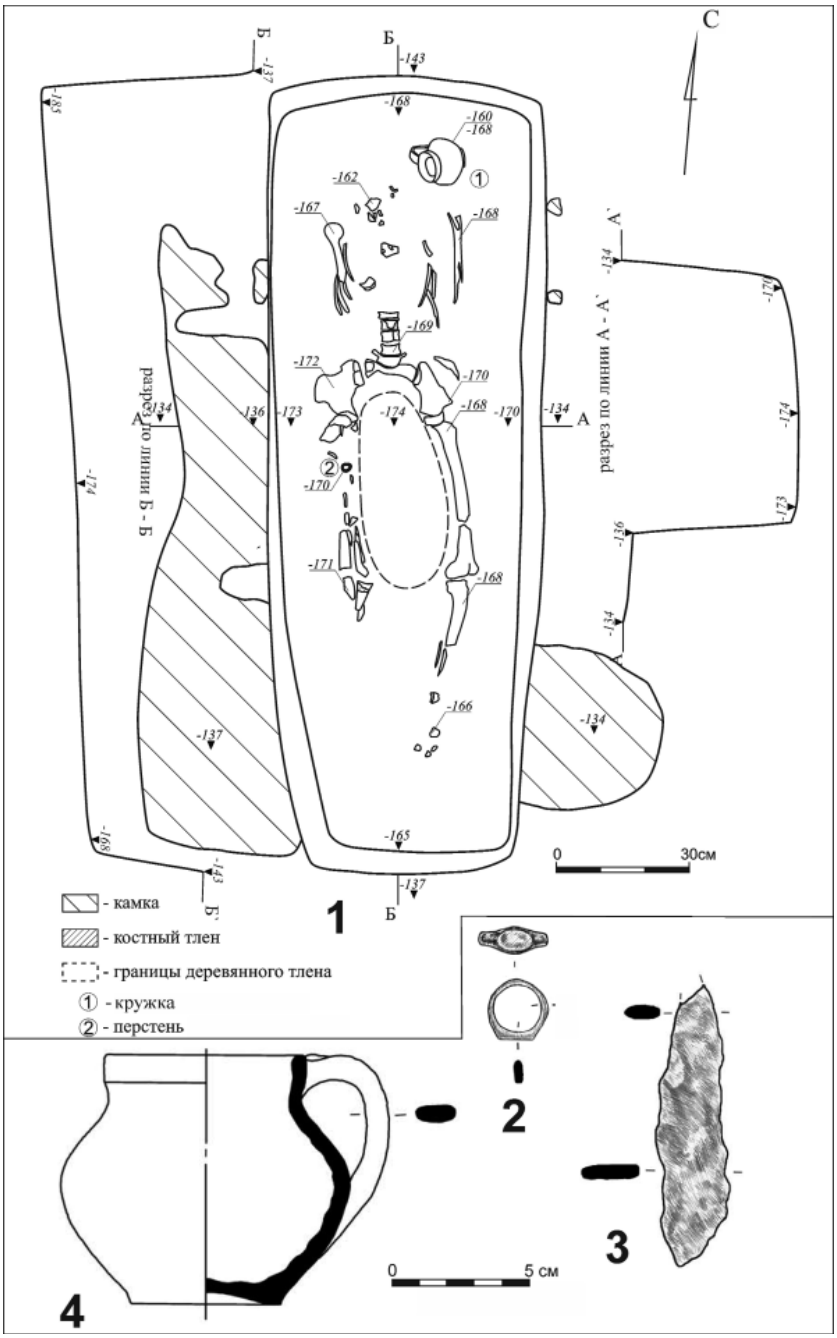

Рис. 15. Погребение 15.

1 – план и разрезы, 2-4 – сопроводительный инвентарь: 2 – бронзовый перстень, 3 – фрагмент железного предмета, 4 – кружка.

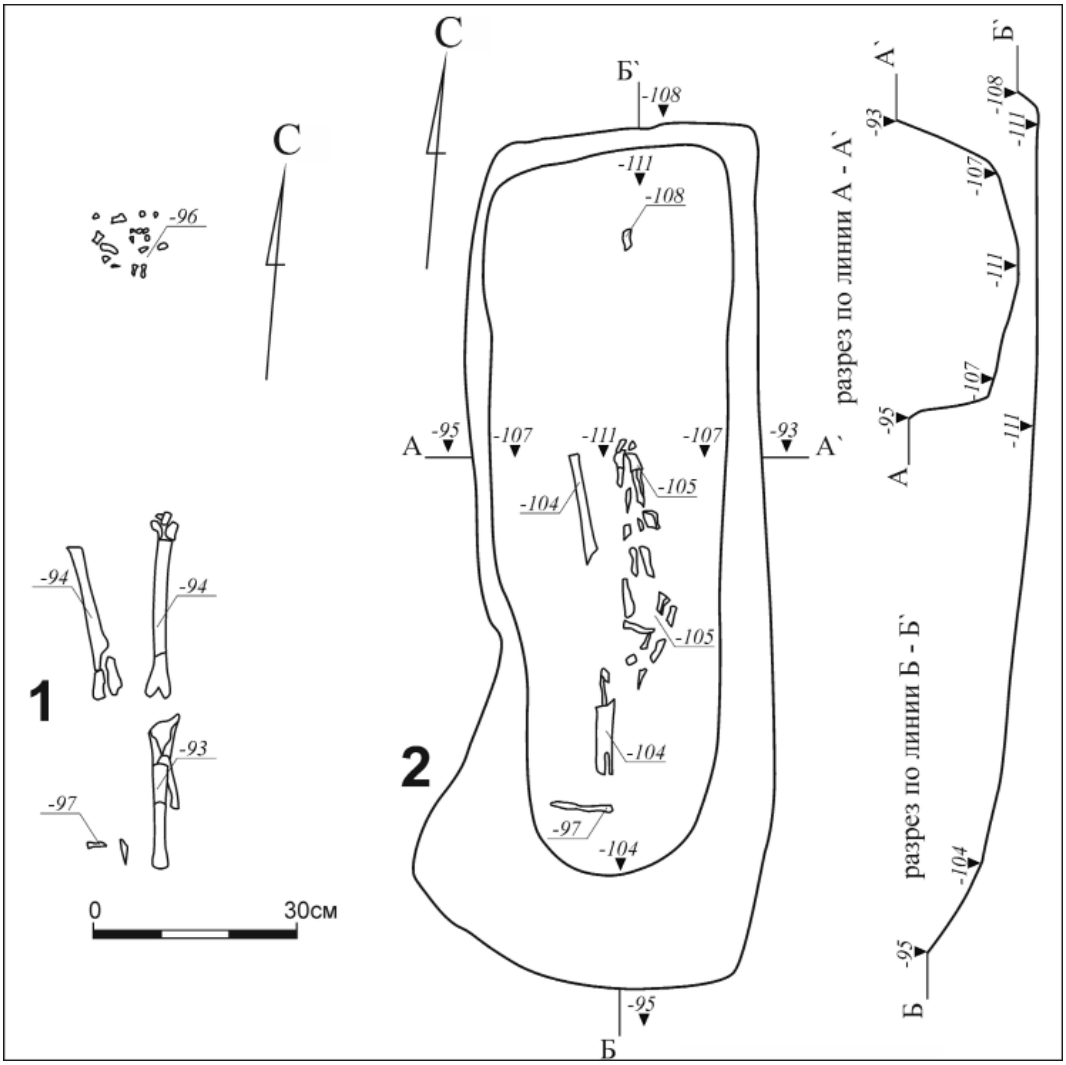

Рис. 16. Погребения 17 и 18.

1– план погребения 17, 2 – план и разрезы погребения 18.

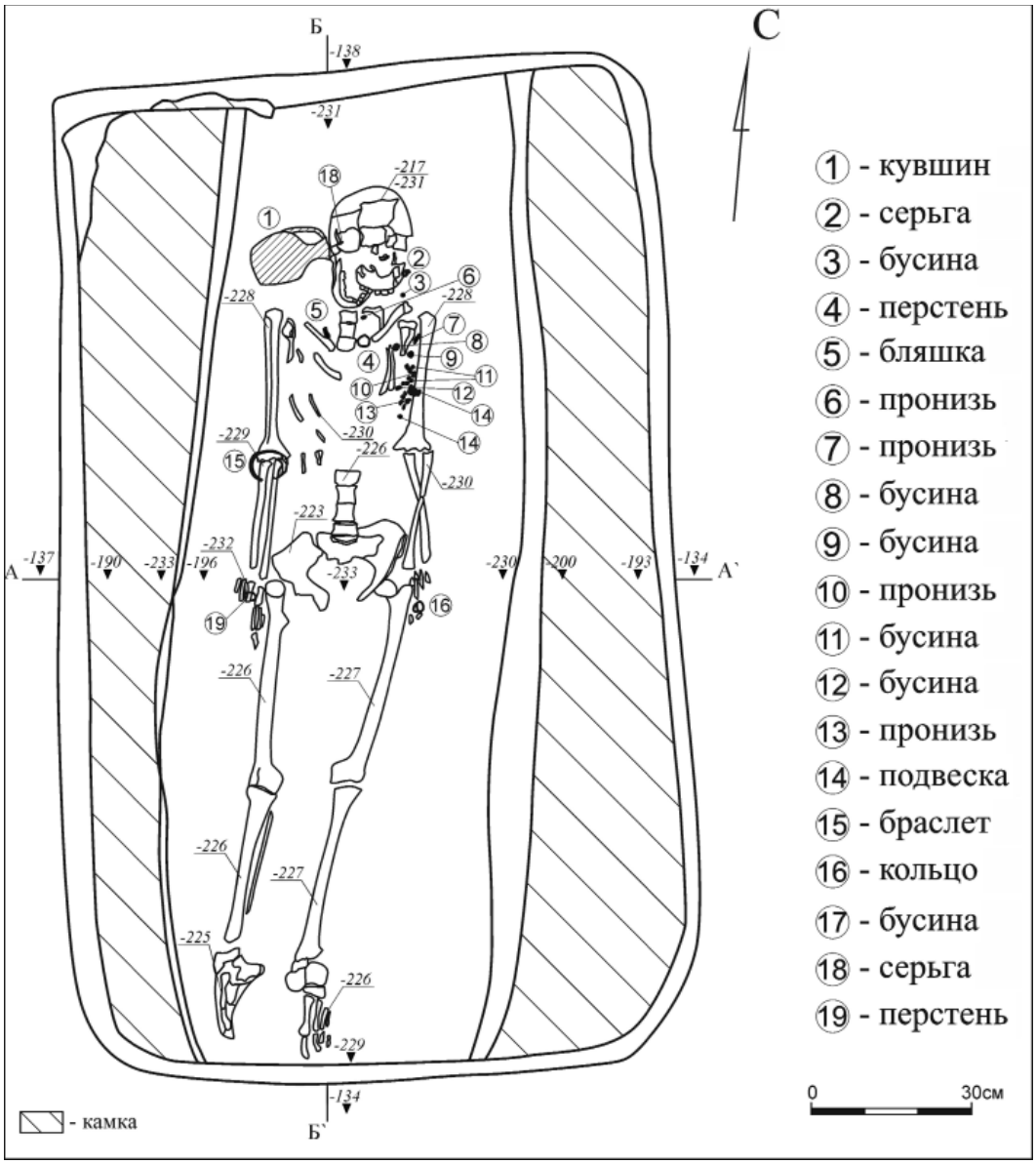

Рис. 17. Погребение 19. План.

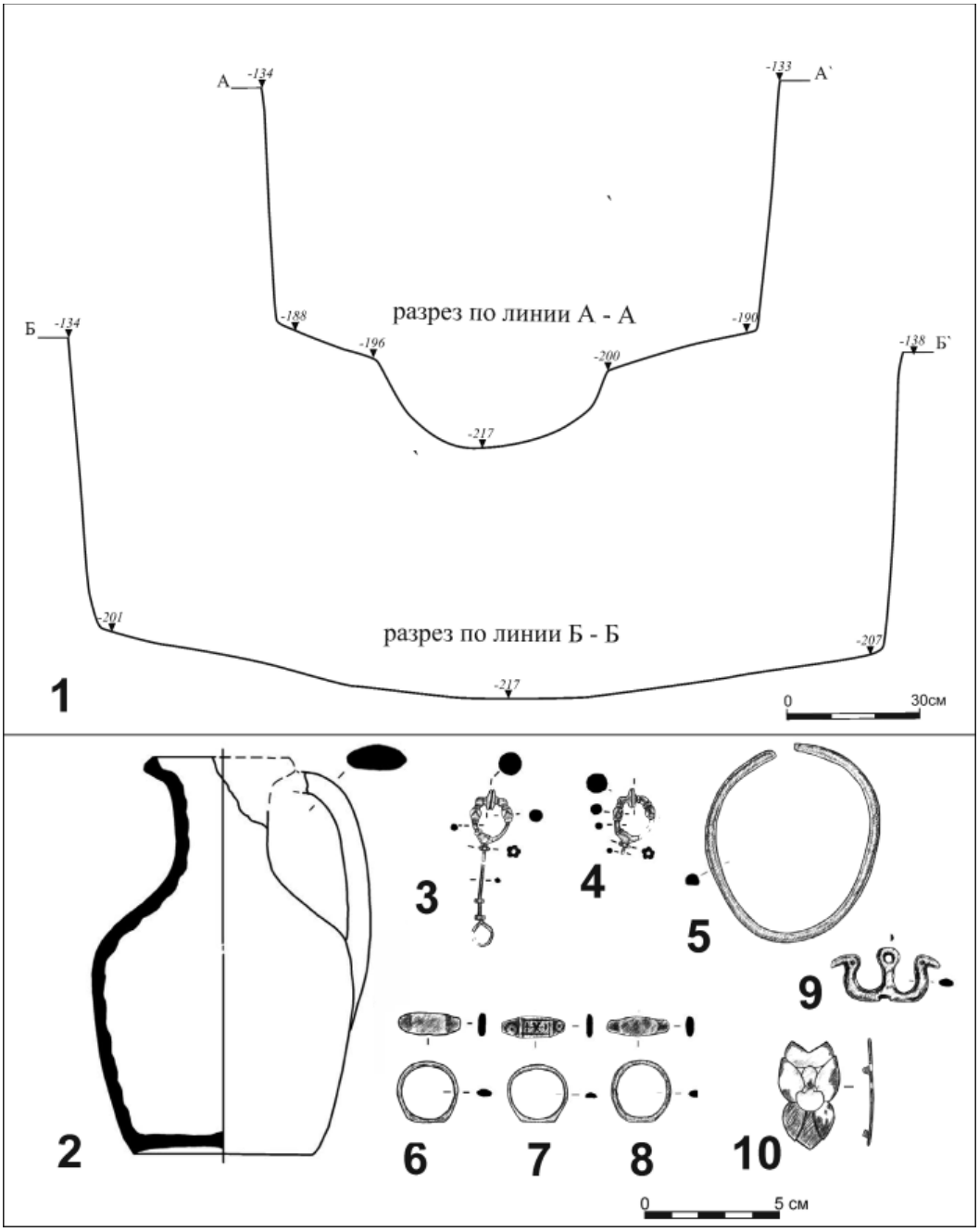

Рис. 18. Погребение 19.

1 – разрезы, 2-10 – сопроводительный инвентарь: 2 – кувшин, 3, 4 – бронзовые серьги, 5 – бронзовый браслет, 6-8 – бронзовые перстни, 9 – бронзовый амулет.

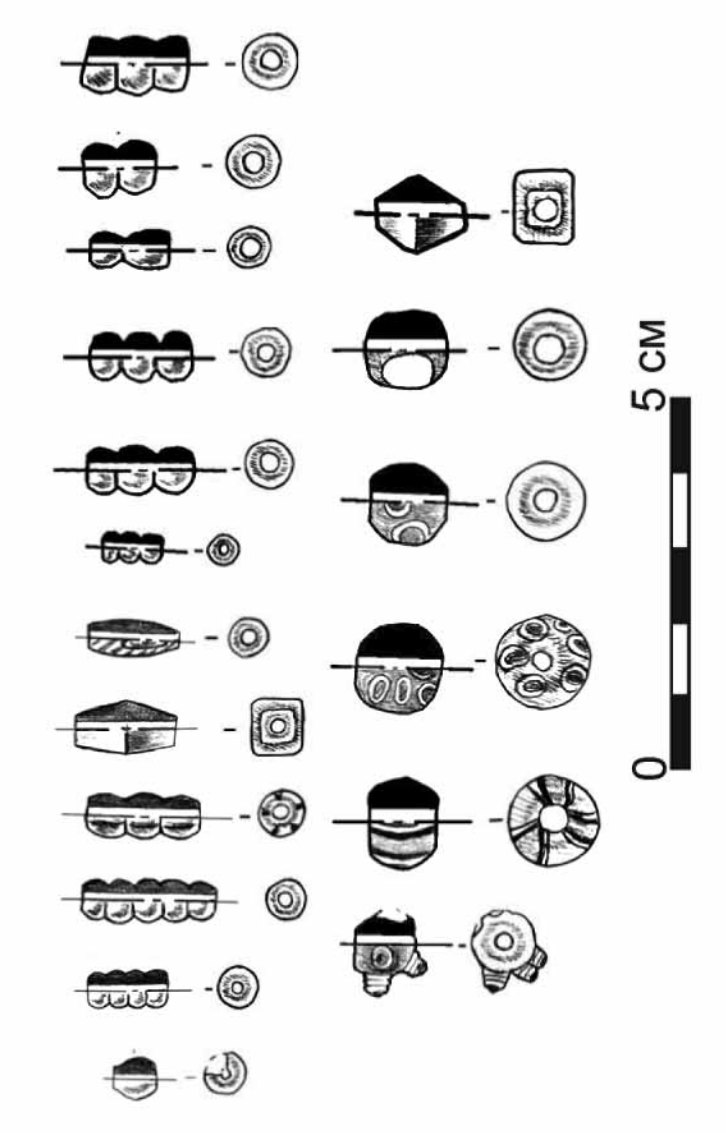

Рис. 19. Бусы из погребения 19.

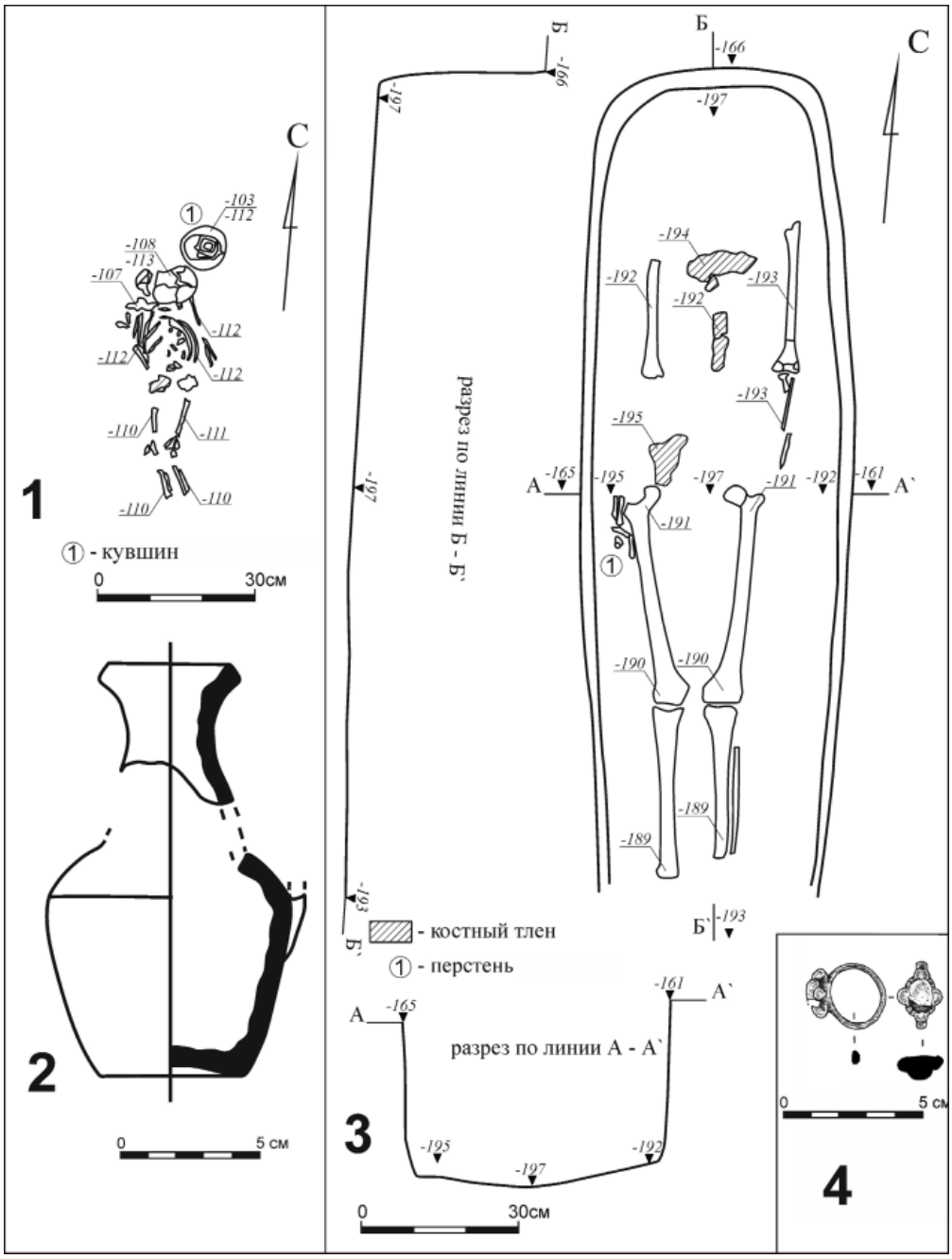

Рис. 20. Погребения 21 и 23.

1, 2 погребение 21: 1 – план, 2 – кувшин;
3, 4 – погребение 23: 3 – план и разрезы, 4 – бронзовый перстень.

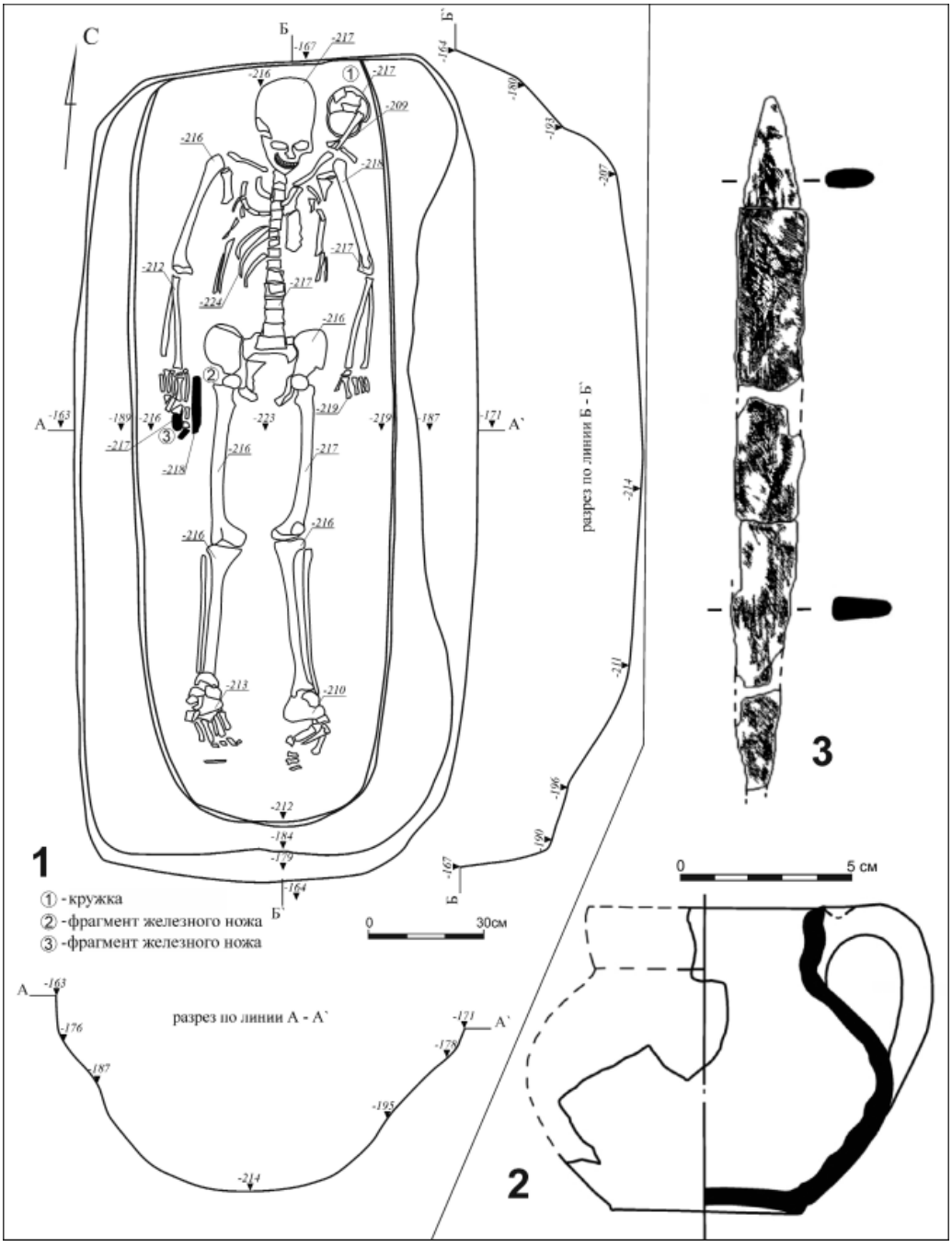

Рис. 21. Погребение 22.

1 – план и разрезы, 2, 3 – сопроводительный инвентарь: 2 – кружка, 3 – железный нож.

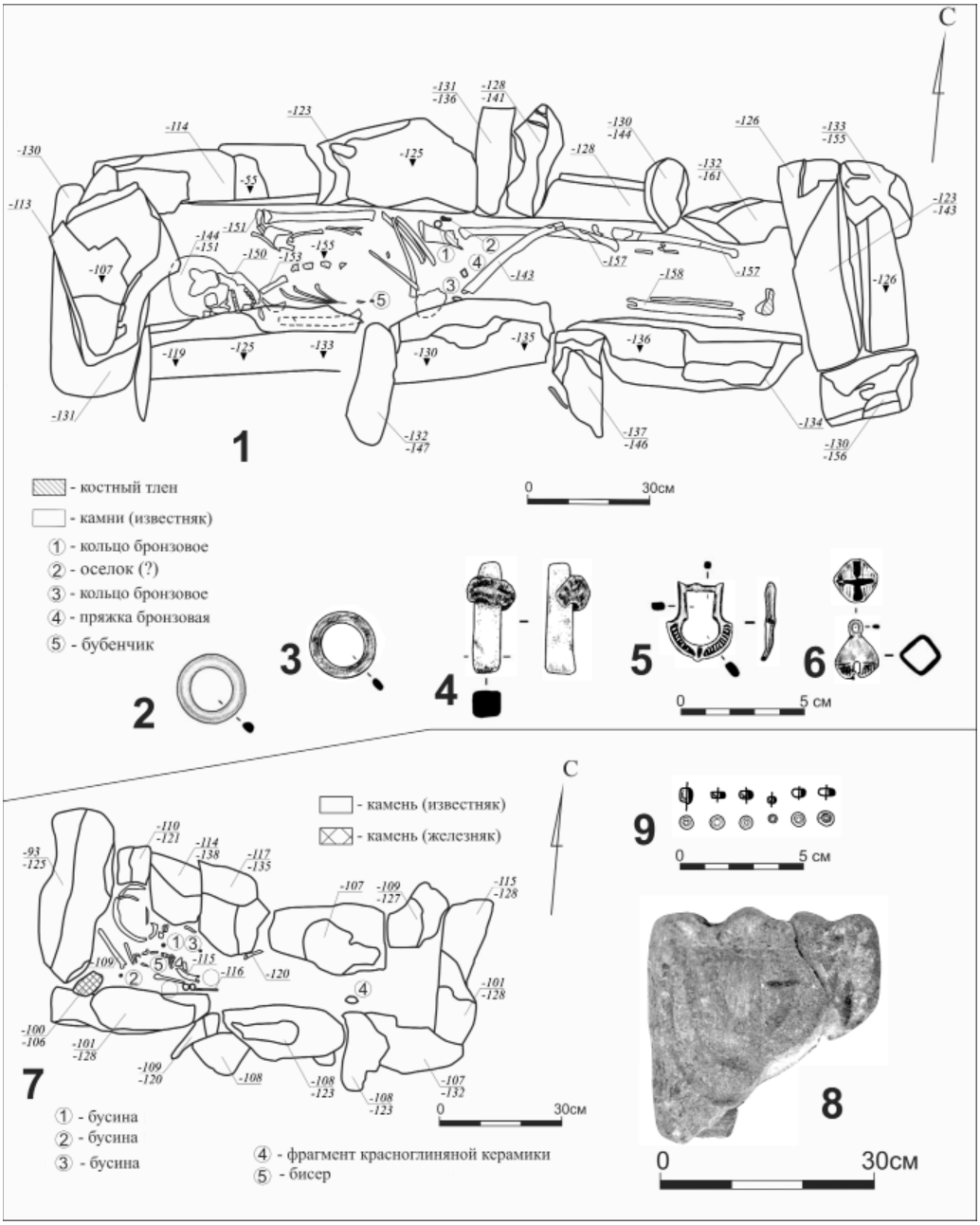

Рис. 22. Погребения 8 и 9.

1 – план погребения 8, 2-6 – сопроводительный инвентарь погребения 8: 2, 3 – бронзовые кольца, 4 – оселок (?), 5 – бронзовая поясная пряжка, 6 – бронзовый бубенчик;
7 – план погребения 9, 8 – камень с менорой, использованный для сооружения восточного борта каменного ящика, 9 – бусы.

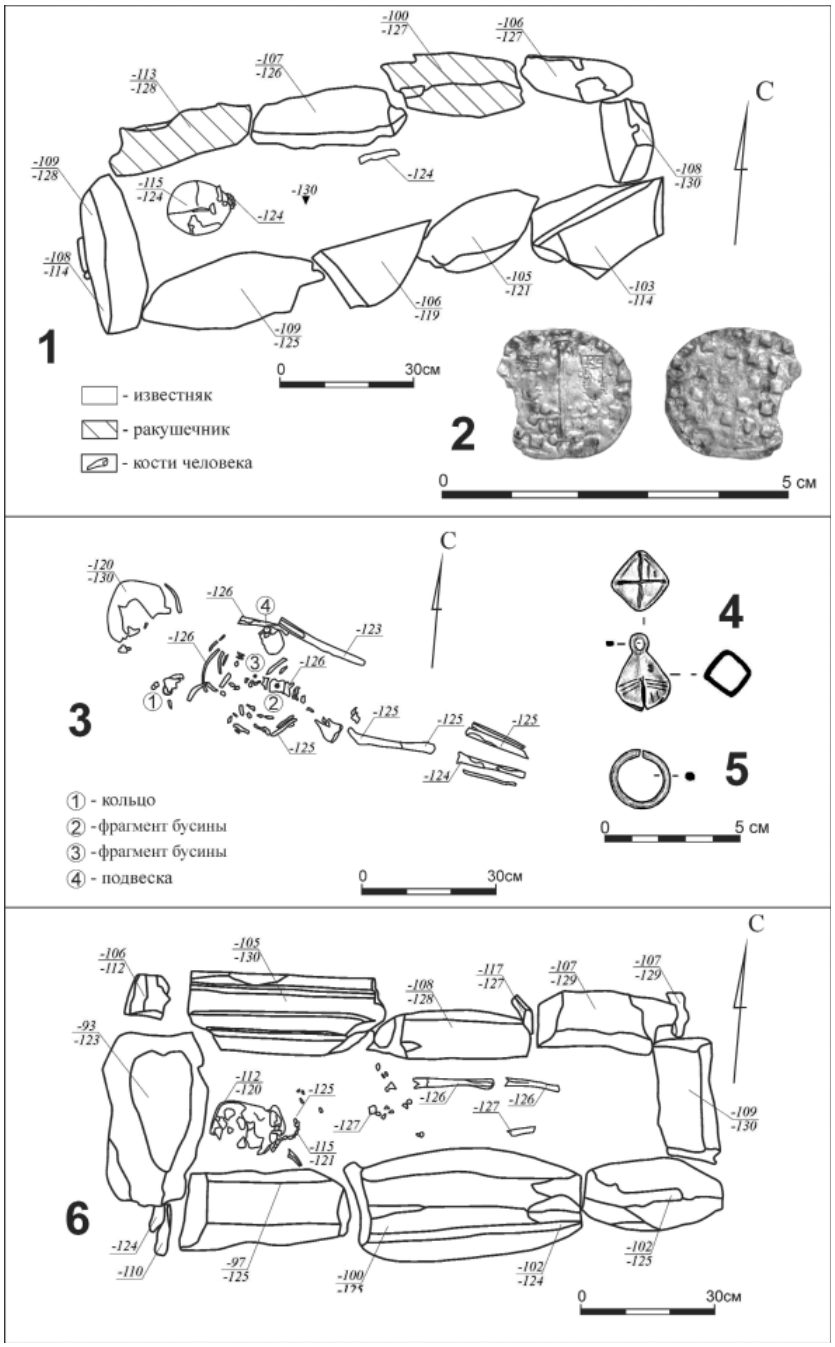

Рис. 23. Погребения 10, 16, 20.

1 – план погребения 10, 2 – монета из погребения 10, 3 – план погребения 16,
4 – бубенчик из погребения 16, 5 – бронзовое кольцо из погребения 16, 6 – план погребения 20.

ИСТОРИЯ НАУКИ

А.Е. ПЕТРАКОВА
A.E. PETRAKOVA

ВАЗЫ ИЗ РАННИХ РАСКОПОК ЛЮСЬЕНА БОНАПАРТА В КАНИНО В СОБРАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА[1]
VASES FROM THE EARLY EXCAVATIONS OF LUCIEN BONAPARTE IN CANINO IN THE COLLECTION OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM

The dispersion of the vases found on Bonaparte's land
is a long, never fully investigated story
[Nørskov, 2002, p. 90]

Люсьен (Лучиано) Бонапарт (1775–1840) – личность, безусловно, известная не только благодаря своему именитому родственнику, но и в силу своих собственных деяний, пусть оценивавшихся как современниками, так и учеными XX века неоднозначно[2]. Младший брат Наполеона Бонапарта, принимавший вместе с ним участие в государственном перевороте и разнообразных дипломатических делах, последовавших за этим, он был впоследствии отстранен братом от дел. В 1800 году (после смерти первой супруги) Люсьен женился на Александрине де Блешам (1778–1855), что привело к ссоре с Наполеоном, следствием чего стал отъезд Люсьена в Рим. Расположенный к нему Папа Пий VII предоставил ему земли в области Лацио в коммуне Канино, что в провинции Витербо, а с 1814 года – и титул принца Канино (ил. 1). Перипетии своей биографии до переворота Люсьен Бонапарт подробно изложил в мемуарах [Bonaparte, 1836], а то, что туда не вошло, было дополнено впоследствии Теодором Юнгом [Iung, 1882–1883].

В октябре 1828 года Люсьен и Александрина[3] Бонапарт начали на своих землях в Канино к юго-востоку от древнего этрусского города Вульчи археологические раскопки (ил. 2). В монументальной работе, обобщающей результаты двадцатилетних раскопок в Этрурии, Джордж Деннис повествовал о начале работ Люсьена Бонапарта в Канино следующим образом: «*Двадцать лет назад о существовании этого*

[1] Статья представляет собой публикацию (в переработанном и значительно расширенном виде) материала, впервые опубликованного на английском языке [Petrakova, 2017].

[2] Например: «*The lucky proprietors of whom the luckiest was Napoleon's slippery brother Lucien, the Prince of Canino, were soon selling off their booty to European collectors» [Cook, 1997, p. 281]. Или: «The site sixty miles north-west of Rome was on land that mostly belonged to Lucien Buonaparte, the Prince of Canino, brother of Napoleon. He was a tricky customer, and the Princess was no less so*» [Sparkes, 2005, p. 58].

[3] Хотя в текстах того же Дж. Денниса все время говорится о «Принце Канино», именно Александрина получила официальное разрешение на раскопки и занималась множеством практических вопросов; по сути, Люсьен занимался раскопками лишь с декабря 1828 года по 1832 год; после 1832 года, когда он поехал по делам в Лондон, Александрина занималась раскопками в его отсутствие; также она продолжила свою деятельность и после смерти супруга. См., например: [Buranelli, 1995, p. 83–93, 98–99].

колоссального кладбища никто и помыслить не мог. В начале 1828 [года крестьяне] пахали землю на волах в окрестностях замка, и тут внезапно земля разверзлась под ними и открыла [изумленным взорам] этрусскую гробницу с двумя разбитыми вазами. Это [происшествие] повлекло за собой дальнейшие исследования, которые проводились сперва без ведома Принца Канино, но к концу года он взял раскопки в свои руки, и [всего] за четыре месяца он извлек на свет более чем две тысячи предметов этрусской древности, и все это – с участка земли [размером] всего три или четыре акра» [Dennis, 1848, p. 407-408][4]. Впоследствии Франц Мессершмидт, автор другого монументального обобщающего труда о раскопках в Этрурии, предположил, что красивая история о провалившемся под землю плуге с волами – всего лишь легенда, придуманная Люсьеном Бонапартом [Messerschmidt, 1930, S. 6-7]; однако эта история, по мнению современных исследователей, вполне могла произойти и в действительности [Nørskov, 2002, p. 58].

Люсьен и Александрина Бонапарт не были ни первыми, ни единственными, кто раскапывал гробницы в окрестностях Вульчи. Параллельно с ними древности искали (и продавали легально и нелегально) и другие землевладельцы [Buranelli, 1995, p. 81]. Например, тогда же, в октябре 1828 года, к северо-западу от Вульчи работы велись объединенными силами Винченцо Кампанари[5] (получившим незадолго до этого официальное разрешение от папского правительства), братьев Антонио и Алессандро Канделори (которые владели землями к западу от Понте дела Бадиа, к северо-западу от Вульчи) и Мелькиаде Фоссати (который вложил свои деньги в предприятие) [Buranelli, 1991, p. 14]. Однако именно раскопки Люсьена и Александрины Бонапарт в итоге стали наиболее знаменитыми. Уже в первые два года на свет было извлечено около трех тысяч ваз [Gerhard, 1831, p. 5–218]. Как писал все тот же Джордж Деннис: «*Другие, желавшие копать, объявились вскоре на той же ниве; каждый, кто владел землей поблизости, возделывал ее [желая] собрать [плоды] этого нового урожая, и все они весьма преуспели; Феоли, Канделори, Кампанари, Фоссати, все они обогатили и себя, и музеи Европы сокровищами из этих погребальных копей. С тех пор Принц или его вдова ежегодно производили раскопки в этом месте, и никогда [они не были] напрасными; и именно слава античного искусства вазописи, которую он тем самым явил свету и распространил по всей Европе, возможно, и сделала имя Люсьена Бонапарта столь хорошо известным, и, возможно, [в будущем именно это] и будут помнить в большей мере, чем его участие в [событиях] 19 Брюмера или советах его брата-императора*» [Dennis, 1848, p. 407–408].

Итак, раскопки четы Бонапарт и других землевладельцев в окрестностях Вульчи стали сенсацией и началом новой волны интереса к античной археологии. Они начались в 1828 году, а в 1829 году был учрежден «Instituto di corrispondenza archeologica»

[4] Здесь и далее – переводы с иностранных языков А.Е. Петраковой.

[5] Винченцо Кампанари впервые приехал в Вульчи еще в 1825 году и с этого времени просил разрешения на раскопки у кардинала Пьетрофранческо Галлеффи (он занимал пост камерленго с 1824 по 1837 год [Moroni, 1844, p. 59, 114–116, 196].

(впоследствии – Германский археологический институт в Риме), немедленно начавший публиковать результаты раскопок в многочисленных бюллетенях, ежегодниках и прочих изданиях («Bullettino dell'instituto di Corrispondenza Archeologica», «Annali dell'Instituto di Corrispondenza Archeologica», «Monumenti inediti pubblicati dall'Instituto di corrispondenza archeologica») [см. об этой организации: Michaelis, 1879; von Bothmer, 1987, p. 189–192; Sparkes, 2005; p. 58]. Предыдущая волна интереса к античной археологии пришлась на вторую половину XVIII века, когда раскопки происходили на юге Италии, особенно – в окрестностях Неаполя и Нолы. Этому способствовали не только сенсационные находки в Помпеях и Геркуланум, но и деятельность сэра Уильяма Гамильтона (1730–1803) – британского посла в Неаполе, который собрал две крупные коллекции античных расписных ваз и опубликовал их иллюстрированные каталоги, что привело к распространению моды на вазы по всей Европе [подробнее о его вазах и о нем см., например: Ramage 1990, p. 469–480; Jenkins, Sloan, 1996]. Однако к началу XIX века коллекционеры и знатоки стали опасаться, что «земля истощилась» и столь модные вазы более не будут найдены в желанных собирателями количествах. Раскопки в Канино, познакомившие мир в одночасье с несколькими тысячами произведений античной вазописи, не только опровергли эти опасения, но и стали стимулом для очередного витка моды на нее, предопределив для XIX века положение «золотого века коллекционирования ваз» [von Bothmer, 1983, p. 37] и «золотого века торговли вазами» [Nørskov, 2009, p. 63; Nørskov, 2002, p. 58–64]. Массовость находок в окрестностях Вульчи стала столь удивительным фактом, что раскопки там даже сопоставляли с будоражившими умы европейцев XVIII века раскопками в окрестностях Неаполя: «Вульчи – город, чье имя двадцать лет назад вряд ли кто-то помнил, но который теперь благодаря колоссальным сокровищам древности, которые он дал, стал превозноситься превыше любого другого города древнего мира, не исключая даже, в некоторых отношениях, Геркуланума или Помпей» [Braun, 1842, p. 39][6].

По мнению современных исследователей, столь сильный интерес со стороны семьи Бонапарт к извлечению из земли древностей был во многом обусловлен желанием поправить материальное положение, которое было плачевным после ссоры Люсьена со своим влиятельным братом [см., например: Buranelli, 1995, p. 83, 88-89; Nørskov, 2009, p. 67]. Экспонирование найденных древностей[7] и их публикация осу-

[6] Представляется весьма любопытным, что примерно в это же время, даже немного раньше – в 1810-е годы – «русскими Помпеями и Геркуланумом» провозглашаются Керчь и окрестности, а вазы из ранних раскопок Поля Дюбрюкса попадают в коллекцию вдовствующей императрицы Марии Федоровны [см. подробнее: Петракова, Букина, 2016; Bukina, Petrakova, 2019].

[7] Первые 100 ваз были выставлены в Палаццо Валентини в Риме, еще 200 ваз – в Палаццо Габриэлли [Buranelli, 1995, p. 83, 88-89; Nørskov, 2009, p. 67]. В августе 1829 года в Палаццо Габриэлли было перевезено более 2000 ваз (плоды первого сезона раскопок) [Halbertsma, 2003, p. 108, 150; Buranelli, 1995, p. 143–170]. Потом вазы выставлялись в резиденции Бонапартов в Мизиньяно: «…i*n 1830 everything was moved to Bonaparte's residence in Misignano. Here he exhibited the finds in five galleries: the first containing*

ществлялись, таким образом, для привлечения внимания к предполагавшимся к продаже вазам – со стороны археологов, дилеров, коллекционеров, т.е. потенциальных покупателей, которые были заинтересованы в приобретении товара подобного типа как лично для себя, так и для последующей перепродажи[8].

К сожалению, Люсьеном Бонапартом было опубликовано менее 10 % находок первых двух лет: сто ваз на французском [Bonaparte, 1829a] и двести – на итальянском [Bonaparte, 1829b]. В сумме – меньше трехсот, поскольку некоторые вазы вошли в оба каталога. Эти два каталога могут быть дополнены информацией из архивных документов [Buranelli, 1995, p. 81–218] и публикаций современников Люсьена, среди которых, в первую очередь, следует назвать немецкого археолога, одного из основателей археологического института в Риме – Эдварда Герхарда (1795–1867) [Gerhard, 1830; Gerhard, 1831, p. 5–218]. Нас интересуют именно ранние раскопки, имевшие место всего лишь в течение первых лет: именно на этом этапе, до 1832 года, в них принимал активное участие сам Люсьен Бонапарт. Первый этап активных раскопок охватывал достаточно длительный период с октября 1828 по декабрь 1829 года. С перерывами и с переменным успехом раскопки продолжались и в последующие годы: между 1831 и 1834 годами они предпринимались периодически; за этим последовал небольшой перерыв, а с 1837 по 1846 год раскопки приобрели регулярный характер. За исключением наиболее раннего периода делами в основном занималась Александрина. Раскопки сопровождались постоянными распродажами ваз – поссорившемуся с братом Люсьену надо было содержать семью. После смерти супруга в 1840 году Александрина продолжила заниматься не только раскопками, но и распродажами [подробнее об этом см., например: Buranelli, 1995; Nørskov, 2002, p. 58-60, 90–92; Nørskov, 2009, p. 68–75].

Раскопки четы Бонапарт в Канино были столь резонансным явлением, что о них вспоминали, в том числе в России (спустя более чем 20 лет после их начала), в частности – в связи с вопросом о цене на вазы. Например, Флориан Жиль в 1851 году, пытаясь отсоветовать покупать для Эрмитажа вазы у наследниц графини Лаваль, аргументировал свою точку зрения, ссылаясь не в последнюю очередь на раскопки Бонапартов и изменения на антикварном рынке, произошедшие в результате этих раскопок: «*266 различных ваз [...] могли иметь 25 или 30 лет тому назад большую ценность, но ценность эта весьма ныне понизилась и таковое понижение цены этих ваз объяснено значительными открытиями, сделанными в Апулии […] и в осо-*

gravestones, the second about 400 bucchero vases and the content of tomba del tripode votive, the third a selection of 400 figure-decorated vases divided according to mythological subjects, the fourth bronzes, and the fifth 300 Attic vases» [Nørskov, 2009, p. 60].

[8] Собрав красивую коллекцию или же купив битую вазу, восстановив ее форму и декор при помощи новодельных элементов, дилеры могли продать все это значительно дороже, чем приобретали, и, таким образом, получить материальную выгоду – этим промышляли многие коллекционеры и реставраторы в Риме первой половины XIX века [см., например: Coulié, Petrakova, 2018], впрочем, как и в Неаполе во второй половине XVIII века.

бенности в древней Этрурии (Вульчи и других местах). Принцесса Канино продала королю Людовику Баварскому[9] *прекраснейшие весьма большие вазы, за которые не была заплачена 10-я часть цены, которую бы потребовали 25 лет тому назад*» [см. подробнее: Петракова, 2013, с. 62–63, ил. 4].

Одним из наиболее интересных для исследователей является именно вопрос о распродаже ваз из раскопок четы Бонапарт. Он, в свою очередь, влечет за собой проблему выявления этих ваз в коллекциях современных музеев. «Прекраснейшие вазы куплены Папой для Григорианского музея или нашли свой путь в зарубежные страны, ведь Принцесса имеет агентов во многих столицах Европы», – отмечал в 1848 году Дж. Деннис [Dennis, 1848, p. 433]. В 1987 году Дитрих фон Ботмер писал, что вазы Бонапарта есть в музеях Парижа, Лондона, Берлина, Мюнхена, Лейдена [Bothmer, 1987, p. 192-193][10], но не упоминал Петербург. В 1995 году Франческо Буранелли связал с раскопками в Канино две вазы, хранящиеся в Санкт-Петербурге [Buranelli, 1995, p. 123–124]. Нам же к настоящему моменту удалось выявить более ста таких ваз, попавших в разные годы в коллекцию Эрмитажа. Воистину права Винни Нёрсков, в 2009 году написавшая: «*Изучение того, как разошлась по миру коллекция Люсьена Бонапарта, – история долгая, до сих пор еще полностью не изученная… Мы не должны, однако, недооценивать значение изданий той эпохи ... публикации с описанием найденных ваз, которые мы можем использовать для идентификации потерянных ваз сегодня – работа, все еще приносящая плоды*» [Nørskov, 2009, p. 75].

Хотя античная скульптура появилась в России уже при Петре I [см., например: Андросов 2013], российские монархи на протяжении XVIII века не проявляли интереса к античным расписным вазам; в коллекции Екатерины II имелось, правда, несколько акварелей с их изображениями [см., например: Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p.53-54, fig. 37]. Несколько десятков античных ваз было в собрании Марии Фёдоровны в Павловске – она привезла их из Гран-тур, который осуществила вместе со своим супругом Павлом Петровичем в 1781-82 годах [см. о них подробнее: Букина, Петракова, 2012, с. 100–130; Петракова, Букина, 2016, с. 121–133; Bukina, Petrakova, 2019]. В Эрмитаже первые вазы появились лишь в XIX веке: в 1816 году Александр I получил несколько весьма скромных по размеру и декору ваз в качестве дипломатического подарка [Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 55, fig. 39]. С конца 1820-х годов в Эрмитаж стали поступать вазы из раскопок на Юге России [у Марии Федоровны они появились даже раньше, см.: Петракова, Букина, 2016; Bukina, Petrakova, 2019]. Крупные же вазовые коллекции были приобретены лишь в правление Николая I и Александра II: более тысячи ваз Джузеппе Антонио Пиццати в 1833–34 гг. [Bukina,

[9] По-видимому, имеется в виду событие, произошедшее в 1841 году: «*Only after the collection was exhibited in Frankfurt in 1841 were 51 of the objects bought by Wilhelm Thiersch for the Bavarian King Ludwig I for the price of 1050 luigi*» [Nørskov, 2009, p. 72; Buranelli, 1995, p. 104].

[10] Ему вторит Брайан Спаркс: «*Those European museums that had benifited from the sale of the vases from Vulci and other cites… – museums in London, Munich, Paris, Berlin, the Vatican*» [Sparkes, 2005, p. 61].

Petrakova, Phillips, 2013, p. 65–82; Букина, 2015, с. 180–202], более двух с половиной сотен ваз графини Александры Григорьевны Лаваль в 1851-52 гг. [Петракова, 2013, с. 57–73; Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 83–101] и 565 (или 566) ваз из знаменитой коллекции Джованни Пьетро Кампана в 1861 году [Петракова, 2012, с. 181–193; Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 105–154; Петракова, Филлипс, 2019]. Именно они составили ядро эрмитажной вазовой коллекции. Собрания ваз, поступившие в музей в более позднее время, были гораздо меньше.

Раскопки Люсьена Бонапарта в Канино начались в 1828 году. Безусловно, мы исключаем из сферы поисков эрмитажные вазы, найденные на Юге России, а также полученные представителями императорской семьи до 1828 года. Также мы исключаем коллекцию графини А.Г. Лаваль, хотя она и поступила в Эрмитаж в 1852 году. Как нам удалось установить, эти вазы ранее находились во владении генерала Николая Федоровича Хитрово, который в 1812 году вверил свою коллекцию заботам Алексея Николаевича Оленина и оставил ее вместе с рукописной «Описью древним вазам…» в Императорской публичной библиотеке, стало быть, его коллекция была собрана до 1812 года, хотя и попала в Эрмитаж спустя несколько десятилетий [Петракова, 2013, с. 57–73; Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 83–101; Букина, Петракова, 2019]. Все прочие коллекции, поступившие в Эрмитаж после 1828 года, вполне могут содержать вазы, происходящие из раскопок в Канино, и к настоящему моменту нам удалось выявить весьма разнообразные источники поступления найденных в Канино ваз в Эрмитаж как в XIX, так и в XX столетии.

Длинный и извилистый путь античных расписных ваз из рук Люсьена Бонапарта в руки сотрудников Эрмитажа не всегда получается проследить во всех его пунктах и во всех деталях. На этом пути вазы проходили через руки разных дилеров и коллекционеров, иногда меняя владельцев по нескольку раз. К настоящему моменту мы не можем назвать точное число, но можем утверждать, что в Эрмитаж поступило *более ста ваз, происходящих именно из ранних раскопок в Канино, в том числе – ранних раскопок Люсьена Бонапарта*, когда он принимал в них непосредственное участие. Около десятка из этих ваз впоследствии было передано в другие музеи России и бывших республик СССР, так что не только Эрмитаж может стать полем для поисков ваз Бонапарта на территории бывшего Советского Союза.

Источники информации для исследований – это разнообразные тексты, свидетельствующие о том, что та или иная ваза найдена в Канино, а также сами вазы, которые можно сравнить с описаниями в публикациях, сделанных как лично Люсьеном Бонапартом, так и его современниками.

Вазы Бонапарта попадали в Эрмитаж как в составе коллекций, так и поодиночке. Примером вазы, попавшей в Эрмитаж в виде одиночного поступления, может служить краснофигурный аттический килик, т.е. чаша для вина (инв. Б.2009)[11]. Снаружи он не имеет декора, а внутри украшен медальоном, в котором представлен борода-

[11] Килик датирован примерно 500–490 гг. до н.э. и атрибутирован так называемому Мастеру Эпидрома

тый мужчина в плаще, опирающийся левой рукой на палку; правой рукой он держит за уши пойманного им зайца. За мужчиной представлена охотничья собака, которая делает на зайца «стойку». Левее мужчины на черном поле медальона килика сделана надпись: «EPIDROMOS KALOS», т.е. «Эпидром прекрасен» (ил. 3).

Мы распознаем этот килик по описанию и по размерам во французском каталоге раскопок Люсьена Бонапарта за 1828–29 годы[12] под номером 1425: «№ (1425). *Охотник. Чаша с желтыми фигурами; диам. 10 унций*[13]*; высота фигур 5 унций. Кавалупо, фам[илия] Минука, март 1829. Внутри молодой задрапированный мужчина держит зайца за уши: борзая у его ног. Надпись № 1425.* [EPIDROMOS KALOS]. *Снаружи – не расписано*» [Bonaparte, 1829a, p. 125, Nr 1425].

В итальянском каталоге ваз Люсьена Бонапарта эта же чаша описана в части два под номером 60 [по поводу того, как эти два каталога были связаны с демонстрацией ваз, см.: Buranelli, 1995, p. 88–89]: «*Охотник. 60. Чаша с желтыми фигурами – диаметр 10 унций, размер фигур 5 унций. Снаружи без живописи. Внутри задрапированная фигура с гончей у ног, держащая правой рукой за уши зайца, который свисает вниз. Не хватает кусочка. Кавалупо – Сем[ья] Монука, Март 1829. Надпись:* EPIDROMAS KALOS» [Bonaparte, 1829b, part II, p. 117, no 60]. Здесь описание более точное, например, указано, что мужчина держит зайца именно в правой руке. Более точно воспроизведена и надпись: скорее «ЭпидромАс», чем «ЭпидромОс» – так же, как и на самом килике. Этот килик был включен в публикацию Эдварда Герхарда под названием ‘Rapporto volcente’ [Gerhard, 1831][14], однако его изображение отсутствует среди рисунков из так называемого «Аппарата Герхарда» [об исследованиях рисунков из «Аппарата Герхарда» в связи с вазами из Канино см.: Constantini, 1998, p. 203–438] или же рисунков, опубликованных им в его трудах, в отличие от другой чаши, декорированной аналогичной сценкой и надписью [см.: Gerhard, 1858, S. 49, Taf. CCLXXVI.5]; эрмитажная чаша не встречается в более поздних каталогах распродаж ваз Люсьена Бонапарта.

В 1888 году этот килик был приобретен для Императорского Эрмитажа за 5 рублей 75 копеек (об этом имеется запись в «Инвентаре отделения греческих и римских древностей Гос.Эрмитажа», том 2) у археолога и нумизмата Алексея Константиновича Маркова (1858–1920), который с 1888 года начал работать в Эрмитаже [см. соответствующие записи в описях, инвентарях; см. также: Передольская, 1967, с. 5–6, 21–22].

(впоследствии отождествлен с ранней фазой Аполлодора) [Corpus Vasorum Antiquorum, Attic Red-Figure Drinking-Cups, Russia fascicule XII, Russia fascicule V, Roma, 2007, p. 27–29, pl. 17.1-2, 18.1-2].

[12] Предположение об этом было высказано еще А.А. Передольской в каталоге 1967 года с опорой на публикацию О.Ф. Вальдгауэра 1921 года [Передольская, 1967, с. 21].

[13] Здесь и далее измерения приведены в мерах, которыми пользовались в XIX веке [см. о них, например: Букина, 2016; Петракова, Калинина, 2016].

[14] Отождествление соответствующего номера в публикации Герхарда с эрмитажным киликом было сделано Франческо Буранелли в его статье 1995 года: ‘Rapporto volcente, 220, MCCCCXXV – ‘San Pietroburgo’ [Buranelli, 1995, p. 124].

В хранящемся в Отделе античного мира Государственного Эрмитажа «Инвентаре отделения греческих и римских древностей» рядом с записью о поступлении килика от Маркова есть карандашная приписка: «*General Ellis im Moscau, vente*» *[генерал Эллис в Москве, покупка]*[15]. В данный момент мы работаем над прояснением вопроса по поводу генерала Эллиса и того, как килик попал к нему. Почти 60 лет, которые прошли от момента находки килика в марте 1829 года в Канино до времени его поступления в Эрмитаж, не кажутся слишком долгим сроком: другой эрмитажный килик, как удалось недавно выяснить, был «в пути» 120 лет и сменил по дороге в Эрмитаж как минимум пять(!) владельцев (а может быть, и больше) [см.: Петракова, 2014, с. 127–133, ил. 17–20].

Вазы из ранних раскопок Люсьена Бонапарта также обнаружены нами в составе коллекции Александра Агеевича Абазы (1821–1895) – небольшом собрании из 24-х ваз, которое его вдова в 1901 году продала в Эрмитаж [подробнее см.: Петракова, Калинина, 2016, с. 68–85]. В эрмитажных публикациях зафиксировано предание о том, что, по крайней мере, одну из этих ваз Абаза выиграл в карты у Александра Гурьева, который, в свою очередь, унаследовал коллекцию Николая Гурьева. Так, в эрмитажном каталоге за авторством А.А. Передольской написано: «*Нам не удалось выяснить, где и как собирал А.А. Абаза свою коллекцию. Исключение представляет только знаменитая “Ваза с ласточкой”, которая когда-то находилась во владении графа Н.Д. Гурьева (1792–1849), бывшего послом в Гааге, Неаполе и Риме, где он, очевидно, и приобрел эту вазу. После его смерти коллекция ваз перешла по наследству к А.Д. Гурьеву*[16]*, председателю департамента экономии при Государственном Совете. В том же ведомстве работал и А.А. Абаза, которому А.Д. Гурьев проиграл в карты “Вазу с ласточкой”. Не исключена возможность, что и некоторые другие вазы из коллекции А.А. Абаза были тогда же выиграны вместе с этой вазой у А.Д. Гурьева*» [Передольская, 1967, с. 6][17]. Факт находки ваз Бонапарта в коллекции, ранее бывшей в руках Николая Гурьева, не вызывает особого удивления: Николай Дмитриевич Гурьев занимал должность российского посла в Риме с 1832 по 1837 год, то есть как раз в тот период, когда Люсьен и Александрина активно вели раскопки и распродажи найденных ваз, а вазы были модным предметом для коллекционирования. Принц и Принцесса Канино в конце 1820-х годов предлагали свои вазы покупателям в Риме, а в 1830 году попросили разрешение на вывоз за границу (в 1834 году состоялась первая распродажа их ваз в Париже) [Buranelli, 1995, p. 99–111; Nørskov, 2009, p. 68]. Кроме того, и Бонапарты, и другие копавшие в Канино землевладельцы активно сотрудничали со знатоками, дилерами и реставраторами, через которых вазы и их коллекции находили своих покупателей и среди итальянцев, и среди приезжав-

[15] Ср.: «[Чаша] куплена им [А.К. Марковым] на аукционе в Москве» [Передольская, 1967, с. 21].

[16] Александр Дмитриевич Гурьев (1785–1865) – старший брат Николая Дмитриевича Гурьева (1789–1849).

[17] См. также: «*В этом же ведомстве работал и А.А. Абаза – государственный контролер и министр финансов, который и выиграл ‘Вазу с ласточкой’ в карты, а, возможно, и все остальные прекрасные вазы, которые в 1901 г. поступили в Эрмитаж после смерти А.А. Абаза*» [Передольская, 1967, с. 23].

ших в Рим иностранцев, которые потом вывозили их к себе на родину: «*Каталоги и рисунки с изображениями ваз рассылались друзьям и коллекционерам, но трудно судить, что было в действительности продано в этот период. Частные распродажи организовывались через Джеймса Миллингена и через Эдварда Герхарда в Институте археологической корреспонденции с привлечением дилеров Басседжио и Деполетти в качестве посредников*» [Nørskov, 2002, p. 90-91].

Одна из ваз, находившаяся некогда в собрании А.А. Абазы, а ранее, возможно, в собрании Н.Д. Гурьева, – это краснофигурная амфора (ГЭ, Инв. Б.2351) [Передольская, 1967, с. 25–26, кат. 18], украшенная изображением гидры на дереве на одной стороне и стреляющего в нее из лука Геракла – на другой (ил. 4) [подробно эта ваза рассмотрена в отдельной публикации: Петракова, Калинина, 2016, с. 76–84]. Амфора узнается в номере 1709 из французского каталога «Этрусского музея Люсьена Бонапарта»: «*Большая ваза целая с двумя ручками, фиг[уры] желтые. Выс. 2 пальмы и S; окружность 4 пальмы, высота фигур 1 пальма 2 унции. Кукумелла, сем[ья] Арусания, апрель 1829. На первой картине Геракл, покрытый львиной шкурой и вооруженный луком и колчаном, собирается пустить стрелу. Надпись № 1709 [HERAKLES]. На другой стороне – гидра с двойным хвостом и семью головами обвилась вокруг дерева*» [Bonaparte, 1829a, p. 157, Nr 1709]. Описание в каталоге ваз Люсьена Бонапарта достаточно подробное и полностью соответствует тому, что собой представляет эрмитажная амфора; надпись на вазе также прекрасно соответствует надписи, представленной в каталоге 1828 года. Правда, на ножке эрмитажной амфоры имеется граффито, а в публикации ваз из коллекции Бонапарта граффито не описано. Вполне возможно, что его забыли упомянуть (некоторое количество таких случаев было выявлено уже при публикации каталога, и коррективы были внесены на дополнительном листе) или же граффито могло быть сделано позже с целью повышения стоимости вазы[18] – этот вопрос требует дальнейших исследований. Замечу, что в итальянском каталоге коллекции Бонапарта этой вазы нет (в отличие от описанного выше килика Маркова, который есть в обоих каталогах).

Другая ваза из собрания А.А. Абазы, а до этого – из собрании Николая Гурьева – это краснофигурная пелика (ГЭ, Инв. Б.2352) [Передольская, 1967, с. 22-23, кат. 16], на которой изображены на одной стороне – два борющихся обнаженных юноши, а на другой – мужчина, юноша и мальчик, обсуждающие летящую ласточку [подробнее об идентификации вазы и исследованиях ее реставрации см.: Петракова, Калинина, 2016, с. 68–76]. В своих публикациях Эдвард Герхард аттестовал эту вазу как найденную в Вульчи в 1833 году; он также отметил, что в 1835 году эта ваза уже была в руках Гурьева, к которому она попала из мастерской реставратора и дилера Франческо Деполетти (1779–1854) [подробнее о Ф. Деполетти см., например: Neils,

[18] Ср., например, размышления Дж. Неилс по поводу надписи «сделал» (‘epoiesen’) на ножке гидрии: «*when... inscriptions were of intense interest of scholars. As a trained artist, antiquarian and conservator of vases, Francesco Depoletti... himself could have manufactured the signature*» [Neils, 2002, p. 241, pl. 64a].

2002; Bernard, 2008, p. 79–84; Milanese, 2014, p. 109–114], причем в январе 1834 года она все еще была в его мастерской [см.: «Bullettino dell'Instituto di Corrispondenza Archeologica per l'anno 1834», p. 12; «Archaeologisches Intelligenzblatt» no. 14 (1833), p. 105–106], т.е. реставрация вазы и ее последующая продажа случились примерно через год, после того, как она была найдена во время археологических раскопок – аналогичная история могла случиться и с амфорой с Гераклом и гидрой. Как уже было сказано, помимо Люсьена и Александрины Бонапарт, в Канино копали Канделори, Феоли, Кампанари и др., все они сотрудничали с римскими реставраторами и дилерами (в том числе – с Франческо Деполетти), а также реставрировали вазы самостоятельно, как, впрочем, и чета Бонапарт. Обе вазы из собрания Гурьева-Абазы искусно реставрированы; именно в реставрированном виде их и продавали в Риме, отмечая в каталогах, что ваза «целая», и воспроизводя ее именно как целую, если каталог был иллюстрированный [подробнее об их реставрации см.: Петракова, Калинина, 2016]. Реставрация была непременным условием успешной продажи – это отмечали многие, в том числе Дж. Деннис еще в 1848 году, описывая посещение резиденции Бонапартов в Мизиньяно: «*Лишь немногие вазы в кабинете Принцессы были таковы, что не годились для продажи по причине их несовершенного состояния. Большая часть этой керамики была найдена во фрагментах, которые были скреплены друг с другом художником, состоящим на жалованье у Принцессы. Восстановленные таким образом предметы не являются неходовыми, да и стоимость их существенно не уменьшается в том случае, если сами росписи не пострадали; и даже если они несовершенны, если утраты не настолько велики, чтобы разрушить всю красоту и смысл росписи; или если это так, но утраченное может быть легко восстановлено при помощи умелого карандаша, [во всех этих случаях] ваза сильно не обесценилась... Настолько искусны некоторые из этих реставраторов, что они делают несовершенные вазы совершенными, так, что почти обманывают [своим искусством даже] лучших судей. Швы иногда можно обнаружить только при помощи аква фортис [«крепкая водка», т.е. азотная кислота – А.П.]*» [Dennis, 1848, p. 433-434].

В Эрмитаже также имеются вазы Люсьена Бонапарта, попавшие в музей уже после Октябрьской революции 1917 года, то есть почти сто лет спустя после начала раскопок в Вульчи. Например, один краснофигурный килик (ГЭ, Инв. Б.3385)[19] (ил. 5) попал в Эрмитаж в 1924 году; по информации из описи [опись ваз Отдела античного мира № Б1-Б4509, разв. 476], инвентаря [Инвентарная книга отделения Древней Греции и Рима, шифр ГР, том III, разв. 45], а также описной карточки, хранящихся в Отделе античного мира Государственного Эрмитажа, ранее он находился в музее бывшего Училища технического рисования барона Штиглица, а училищу он был подарен в 1886 году [Передольская, 1967, с. 15–16, кат. 7]. Мы узнаем килик в опи-

[19] Об атрибуции и датировке килика см.: Передольская, 1967, с. 15–16, кат. 7. Corpus Vasorum Antiquorum, Attic Red-Figure Drinking-Cups, Russia XII, The State Hermitage Museum V, Rome, 2007, p. 18–20. Pl. 8.1–2, 9.1–2, 10.1–2.

сании № 1116 из французского каталога музея Люсьена Бонапарта[20] (но в итальянском каталоге и в «Rapporto volcente» Герхарда его нет): «*(1116). Чаша целая с желтыми фиг[урами]; диам. 18 унций; высота фиг[ур] 8 унций. Кавалупо, сем[ья] Ранута, февраль 1829. Внутри обнаженный юноша верхом на [винном] мехе. Вокруг надпись № 1116 [KA..OS..HO...AIS]. Снаружи десять обнаженных фиг[ур], держат в руках амфоры и рога изобилия. Надпись вокруг ножки. № 116 [sic!]bis [ΠΑΝΦΑΙΟS ΕΠΟΕSΕΝ]*» [Bonaparte, 1829a, p. 103, Nr 1116]. Как и в описанных выше случаях, формулировка «целая» («*complète*») подразумевает не то, что ваза не была разбитой, когда ее выкопали, а то, что ее форма была восстановлена реставраторами до целой, завершенной[21]; реставрация, когда все швы маскировались, а утраты рисунка дорисовывались художником XIX века, считалась «хорошей»; плохо склеенные вазы с незамаскированными швами не нравились покупателям [см., например: Plautine, 1937, p. 27-38; Nørskov, 2009, p. 73]. На описной карточке на вазу имеется следующая информация: «*с 10.XII по 25.XII [19]57 г. произведена расчистка рисунка от новых записей. При расчистке килик во многих местах расклеился. С 1.VIII. по 15.V.[19]58 г. находился в ОРК – склейка*».

Работа по идентификации ваз из ранних раскопок в Канино с вазами в собрании Государственного Эрмитажа неразрывно связана с работой по исследованию истории коллекций: сведения о времени поступления вазы в Эрмитаж и ее более раннем бытовании не должны вступать в противоречие с известными нам датами раскопок в Канино. Провенанс оказывается весомым аргументом в том случае, если на место среди ваз Люсьена Бонапарта претендуют две похожие друг на друга античные вазы из разных музеев[22]. Например, краснофигурный стамнос со сценой прощания воина с семьей (ГЭ, инв. Б.1148, St.1428) [Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, fig. 74; здесь и далее ‘St.’ – это номер по каталогу Стефани: Stephani, 1869], хранящийся в Эрмитаже, очень похож на аналогичную вазу в Собрании древностей в Мюнхене (Инв. 2415, K382) [CVA, München, Museum Antiker Kleinkunst 5, S. 41–42, Taf. 256.1, 257.1–2, 258.1–3]. Обе эти вазы прекрасно подходят под описание стамноса номер 769 из

[20] В публикации 1995 года Франческо Буранелли по поводу номера 1116 из французского каталога ваз Бонапарта сказано: ‘San Pietroburgo’ [без указания инв. номера] [Buranelli, 1995, p. 123]. В каталоге А.А. Передольской об этой чаше среди прочего сказано: «Ранее находилась в собрании Канино. Найдена в Вульчи», а в библиографии в разделе «Упомянута» среди прочего есть сноска: «Canino Museo Etrusco, № 1116» [Передольская, 1967, с. 16].

[21] См. подробнее о специфике этих реставраций и о том, как их описывали в каталогах, например: Букина, 2015; Bukina, 2017. По поводу итальянских реставраций ваз конца XVIII – первой трети XIX века, целью которых было максимальное восстановление целостности формы и рисунка путем доделок, критически высказывались уже современники. См., например, высказывание Томаса Бёргона в письме к другу по поводу находки в 1831 году: «*I washed and joined the fragments myself, with the greatest care in Athens. The Vase was never out of my posession, and has not been restored, in the* ***italian*** *[sic] sense of the word; the inscription is, therefore, in every respect genuine*» [Corbett, 1960, p. 52–60].

[22] Хотя античные расписные вазы мастера лепили и расписывали вручную, среди них (хоть и не часто) встречаются очень близкие аналогии, когда совпадают форма, размер, декор.

французского каталога музея Люсьена Бонапарта 1828–29 гг. Однако эрмитажный стамнос происходит из коллекции графини А.Г. Лаваль, а, как уже говорилось, хотя эта коллекция и была приобретена после смерти графини у ее дочерей в 1851-1852 гг., нам известно, что вазы Александры Григорьевны ранее принадлежали генералу Н.Ф. Хитрово, а он после 1812 года не пополнял коллекцию. Таким образом, исследование провенанса позволяет с уверенностью сказать, что именно мюнхенский стамнос следует отождествить со стамносом из собрания Люсьена Бонапарта [идентифицирован Ф. Буранелли: Buranelli, 1995, p. 140], поскольку эрмитажный стамнос был извлечен из земли гораздо раньше, чем начались раскопки в Канино. Другим примером может служить эрмитажный лаконский килик с изображением в медальоне всадника (ГЭ, инв. Б.5, St.183). Этот килик похож на тот, который хранится в Лувре в Париже (инв. E 665) [CVA, Paris, Louvre 1, p. 4, pl. 3.10, 4.3], оба они подходят под описание номера 60 из каталога распродажи ваз из Канино, датированного 1845 годом [Bonnafons Delavialle, 1845, Nr 60]. Эрмитажный килик попал в музей при передаче коллекции ваз из Императорской Академии художеств, которая состоялась к открытию Нового Эрмитажа в 1852 году; в Академию же килик попал в составе коллекции Пиццати, купленной императором в 1833–34 гг. Хотя в рукописном каталоге этой коллекции о килике сказано, что он найден в Канино, это не тот килик, который описан в каталоге распродажи ваз из Канино 1845 года, а другой, найденный там до 1833 года. В каталоге же 1845 года описан килик, ныне хранящийся в Лувре [идентифицирован Ф. Буранелли: Buranelli, 1995, p. 140].

Помимо каталогов Люсьена Бонапарта, важным источником сведений о вазах из ранних раскопок в Канино являются упоминавшиеся выше публикации Эдварда Герхарда. В 1830 году вышла из печати его работа, посвященная панафинейским амфорам, найденным во время раскопок в Вульчи [Gerhard, 1830]. Панафинейские амфоры – одна из разновидностей аттических чернофигурных амфор. Наполненные оливковым маслом, они служили призом за победу в спортивных состязаниях, проводившихся в античных Афинах. На одной стороне таких ваз изображалась богиня Афина в боевом облачении, на другой – тот вид состязания, призом за победу в котором должна была стать ваза. Рядом с изображением Афины надпись: «ΤΟΝ ΑΘΕΝΕΘΕΝ ΑΘΛΟΝ», которая переводится как: «награда из Афин» [см., например: Галанина, 1962; Алексинский 2013, с. 109–118].

В работе Герхарда мы узнаем еще одну эрмитажную вазу – панафинейскую амфору (ГЭ, Инв. Б.4262) [Горбунова, 1983, с. 129–130, кат. 95], на одной стороне которой представлена Афина с эмблемой в виде белого скорпиона на щите, а на другой – четыре бегуна (ил. 6). Эрмитажная амфора узнаваема в описании вазы № 12 в работе Герхарда: «*12. Ваза 1341 принца Канино, высотой в две ладони, представляет на щите Минервы эмблему в виде скорпиона, на оборотной стороне [вазы] пешая гонка четырех мужчин*» [Gerhard, 1830, p. 223, Nr 12]. Этой вазы нет ни в напечатанных каталогах ваз Люсьена Бонапарта, ни в архивных документах, опубликованных Ф.Буранелли [см.: Buranelli, 1995, p. 143–218]. Хотя в работе Герхарда упоминаются

вазы из разных раскопок, но именно та ваза, которую мы идентифицируем с эрмитажной, аттестована как «ваза принца Канино».

Эта амфора записана как ваза из собрания Черткова в эрмитажной описи [опись ваз Отдела античного мира № Б1-Б4509, разв. 513] и в эрмитажных инвентарях [инвентарная книга Отделения Древней Греции и Рима, шифр ГР, том III, разв. 118-119; предыдущим номером в этой книге записана мраморная голова с поступлением из собрания Мордвинова – возможно, это имеет какое-то отношение к получившейся путанице], с этими же данными она опубликована в музейном каталоге 1983 года: «Пост. в 1928 г. из собр. А.Г. Черткова» [Горбунова, 1983, с. 129]. Также в Отделе античного мира имеются стеклянные негативы первой трети XX века. На одном из негативов с воспроизведением этой амфоры имеется надпись: «*Ваза Собрания Мордвинова, сданная из Музейного Фонда на хранение в Эрмитаж*»; негатив датирован июлем 1919 года. «Мордвиновской» эта амфора именуется и в статье А.И. Пиотровского, опубликованной в 1924 году [Пиотровский, 1924, с. 81–105]. На хранящейся в Отделе античного мира описной карточке на эту вазу в графе «происхождение» написано: «Собр. ~~Мордвинова~~ – [А.Г. – добавлено другими чернилами и другим почерком] Черткова, Хр. № 55/8, 17.VI.1919», ниже имеется приписка другими чернилами и другим почерком: «из Музейного фонда», в графе «год поступления» значится «1928». Понять природу этой путаницы довольно затруднительно, все, что мы можем сказать: эта амфора была найдена в Канино в период ранних раскопок Люсьена Бонапарта. По-видимому, в свое время ею владел московский интеллектуал и общественный деятель (а также археолог, историк, нумизмат) Александр Дмитриевич Чертков (1798–1858); в 1888 году в Эрмитаж от его сына – Григория Александровича Черткова поступила коллекция ваз[23]. Мы не знаем, получится ли когда-нибудь проследить путь вазы от принца Канино до Эрмитажа и выяснить, кем были предыдущие владельцы вазы, но, как и в случае с киликом Маркова или киликом из музея Штиглица, эта амфора попала в Эрмитаж много десятков лет спустя после того, как она была найдена во время раскопок в Канино.

Крайне любопытно, что на фото 1919 года ваза представлена с доделками, которые, по-видимому, должны были сделать ее «наряднее» с точки зрения ее владельца (ил. 7). Ажурные дополнения из металла украшают венчик и ножку амфоры. На описной карточке на вазу в разделе «Примечания» по этому поводу сказано следующее: «*Оправа медная, см. акт от 14 июля 1949 г. (время Николая I). [Амфора] реставрирована, оправа снята, [ваза] возвращена 11.II.1980*». В ходе реставрации 1980 года с амфоры была смыта и новодельная надпись, см. запись там же: «*Реставрирована заново. Надпись оказалась ложной. На стороне А был выявлен черепок от другого*

[23] См., например: Передольская, 1967, с. 5-6 («В... *1888 году в Эрмитаж поступили... от Г.А. Черткова, принесшего в дар Эрмитажу восемьдесят две вазы*»); Горбунова, 1983, с. 6. В инвентариях, описях и архивных документах есть записи о поступлении в 1888 году коллекции ваз Черткова (количество в разных документах варьируется от 76 до 81-82-х); также в записях о поступлении уже после революции 1917 года через Музейный фонд можно насчитать до 6 ваз, рядом с которыми написано «из собрания Черткова».

сосуда. Снята оправа. II.1980». Судя по фотографии, это была стандартная для панафинейских амфор надпись: «ΤΟΝ ΑΘΕΝΕΘΕΝ ΑΘΛΟΝ», т.е. «награда из Афин». Она располагалась в нужном месте и была выполнена вполне грамотно, что не удивительно, поскольку такие надписи были неоднократно опубликованы, в том числе – в названной работе Герхарда о панафинейских амфорах [см., например: Nørskov, 2009, p. 70: «and if the inscription was readable, then 500 francs should be added», т.е. вазы с надписями оценивались дороже]. По-видимому, надпись скопировали с другой панафинейской амфоры или же с иллюстрации в одной из публикаций с целью повышения ценности вазы, очень возможно, это было сделано в Италии, при подготовке вазы к продаже – подобная практика существовала.

Кстати, помимо ваз Люсьена Бонапарта, в Эрмитаже удалось выявить и вазы, происходящие из раскопок и других подвизавшихся в Канино искателей древностей. Примером может служить панафинейская амфора (ГЭ, инв. Б.1509, St. 76), которую мы узнаем в описании у Герхарда: «*№ 16. Ваза общества Канделори, на щите Минервы изображена змея, на оборотной стороне группа борцов, сопровождаемых двумя агонотетами*» [Gerhard, 1830, p. 220]. Эта амфора поступила из собрания Пиццати и описана в рукописном каталоге Гарджуло, созданном не позднее 1833 года, как происходящая из Канино [Gargiulo, 1833(?), cat. I.222].

Итак, найденные в конце 1820-х – начале 1830-х годов Принцем Канино (а также и другими землевладельцами) вазы попадали в Эрмитаж разными путями, иногда – несколько десятков лет спустя. Однако самая большая партия этих ваз была привезена в Россию в 1833 году в составе коллекции доктора медицины и хирургии кавалера Джузеппе Антонио Пиццати (сер. 1770 – сер.1840-х?). Эта коллекция, перипетии биографии ее владельца, а также ее рукописный каталог, хранящийся в архиве Государственного Эрмитажа, были подробно изучены научным сотрудником Отдела античного мира А.Г. Букиной [Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 65–82; Букина, 2015]. Напомню лишь некоторые ключевые моменты из этой истории, важные в свете настоящего исследования. Современники аттестовали Пиццати как выдающегося собирателя древностей, особенно расписных ваз; он был членом Археологического института в Риме; помимо коллекции, проданной им российскому императору, он собирал и другие. Коллекция, доставшаяся в итоге российскому императору, насчитывала 1413 предметов (глиняные вазы, бронзы, терракотовые фигурки, алебастровые и стеклянные сосуды). Перед тем как Пиццати получил разрешение вывезти за пределы Королевства Обеих Сицилий свою коллекцию, памятники были освидетельствованы Королевской комиссией древностей в Неаполе. На некоторых предметах из этой коллекции, хранящейся в Эрмитаже, до сих пор сохранились красные сургучные печати [Milanese, 2014, p. 65, tav. III; Букина, 2015, с. 185, илл. 4] с государственным гербом неаполитанского королевства, которые накладывали при этой процедуре [Букина, 2015, с. 184].

Тот факт, что Пиццати предложил свою коллекцию именно российскому императору, не вызывает удивления, если учесть его дружеские отношения с представите-

лями российской аристократии, приближенной к императорскому двору. Достаточно упомянуть лишь то, что в конце 1820-х – начале 1830-х гг. он сопровождал в путешествиях по Италии княгиню Софью Григорьевну Волконскую (1786–1869) [Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, fig. 49; Букина, 2015, с. 186, ил. 5], не только супругу министра императорского двора Петра Михайловича Волконского, но и родственницу Алексея Николаевича Оленина (1763–1843), президента Императорской Академии художеств и директора Императорской публичной библиотеки, активно интересовавшегося античными вазами [см. подробнее: Петракова, 2013, с. 60]. Также в конце 1820-х – начале 1830-х гг. Пиццати некоторое время исполнял обязанности личного доктора уже упоминавшегося выше российского посла в Риме графа Н.Д. Гурьева [подробнее об этом: Букина, 2015, с. 183–184], который тоже собирал вазы.

В 1833 году по приезде в Россию Пиццати вместе со своей коллекцией нашел пристанище в доме С.Г. Волконской на Мойке, 12, а в 1834 году купленные императором вазы были размещены в Императорской Академии художеств [Букина, 2015, с. 186–188]. К открытию нового Императорского музея в феврале 1852 года коллекция была перемещена из Академии художеств в зал расписных ваз на первом этаже Нового Эрмитажа (там же разместились и вазы из коллекции Лаваль) [см. подробнее: Букина, 2014, с. 213–230].

Вместе с вазами Пиццати привез и хранящийся ныне в архиве Государственного Эрмитажа рукописный каталог [Gargiulo, 1833(?) – рукопись; см. о ней: Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 76–82, fig. 55; Букина, 2015], написанный Раффаэле Гарджуло (1785 – после 1870) – одним из наиболее известных знатоков и реставраторов античных ваз в Неаполе первой половины XIX века [подробнее о нем см.: Milanese, 2014, p. 201–256]. В нем все вазы достаточно подробно описаны, дана информация об их провенансе и состоянии сохранности, в ряде случаев вынесено оценочное суждение по поводу качества реставрационных работ [подробнее об этом см.: Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 259–263; Bukina, 2017]. Кроме того, Гарджуло изложил свои идеи о времени создания ваз и возможных центрах их производства, основываясь на собственном трактате о вазах, опубликованном им в Неаполе в 1831 году [Gargiulo, 1831].

В каталожных описаниях Гарджуло тщательно указал провенанс ваз: в основном это находки из раскопок на территории Кампании, Базиликаты, Апулии, Калабрии, Сицилии, но также есть вазы и из этрусских центров северной части Лацио – Канино и Корнето. В каталоге описано около тысячи ваз, из них 98 (т.е. почти 10 % всей коллекции) имеют провенанс «из Канино» [см.: Gargiulo, 1833(?); Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 160–246] (т.е. они явно добыты в период ранних раскопок – между 1828 и 1832 гг.) или даже более точно: «из коллекции Принца Канино»[24], как, например, эрмитажная чернофигурная амфора (ГЭ, инв. Б 1496, St.87) [Горбунова, 1983,

[24] Хотя Ю. Жиро писал в связи с исследованием вазовой коллекции Лувра, что не всегда вазы, описанные как происходящие из Канино, действительно были найдены в Вульчи [Giroux, 2002, p. 127–135], в

с. 58–59, кат. 39: «Пост. в 1862 г. из собр. Кампана»[25]; ср.: Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 81, 139–141, 173, 259] с изображением Аполлона, играющего на лире, в окружении других богов (ил. 8). Об этой амфоре в каталоге Гарджуло написано: «*Collezzione del Sig. Principe di Canino, alle quali figurevi e scritto il loro proprio nome» [Коллекция синьора Принца Канино, собственное имя которого написано на ней]* [Gargiulo, 1833(?), cat. I.138]. К сожалению, в процессе бытования вазы в Эрмитаже описанная Гарджуло надпись с именем Люсьена Бонапарта была утрачена. Это вполне могла быть надпись от руки (такие надписи встречаются на вазах из старинных коллекций, в том числе – на эрмитажных[26]), а могла быть наклейка[27].

Почти все из этих 98 ваз являются вазами, которые мы в наши дни называем «аттическими». Среди них много киликов, амфор и гидрий, также имеются киафы, лекифы, ойнохои. При чтении описаний становится ясно, что Гарджуло привык к роскошным южноиталийским краснофигурным вазам, которые составляли значительную часть находок на территории Королевства Обеих Сицилий[28]. Поэтому в описаниях ваз из Канино он постоянно выражает свой восторг, ведь эти преимущественно аттические красно- и особенно чернофигурные вазы выглядели для него чем-то необычным и редким на фоне того, к чему он привык. Так, он восхваляет аттические килики и киафы [Gargiulo, 1833(?), I. 141, 142, 143 – отождествлено с ГЭ, инв. St.218, St.292, St. 297 и т.д.], а также лаконский килик: *‘Tazza ... Graziosa per lo stile, per la forma e per gli ornati’ [Чаша... Прелестна стилем, формой и декором]* [Gargiulo, 1833(?), I.62 – это уже упоминавшийся килик ГЭ, инв. В.5, St.183]. Он уделяет внимание надписям на вазах [например: Gargiulo, 1833(?), I.141 – отождествлено с ГЭ, инв. St. 218], если таковые имеются (увы, только на нескольких из 98 ваз из Канино в коллекции Пиццати имеются надписи). Килик, который в наши дни мы относим к мелкофигурным чашам типа «band-cup», он аттестует как: *‘Molto particolare per la picciolezza delle figure e grazio suo disegnie’ [Особенно примечателен миниатюрностью фигур и изяществом их исполнения]* [Gargiulo, 1833(?), cat. 411 – отождествлено с ГЭ, инв. Б.100, St.323], а о другом чернофигурном килике пишет: *‘Rarissimo vaso e questo per la sua grandezza e soggetto che esprime, non che pel numero*

нашем случае мы можем не сомневаться в том, что описанные эрмитажные вазы происходят из Канино и что, по крайней мере, часть из них принадлежала Люсьену Бонапарту.

[25] Это один из примеров ошибочного указания провенанса в музейных публикациях о вазах, разбору этого вопроса и выявлению источника ошибок (каталог Лудольфа Стефани 1869 года) посвящена отдельная публикация [Bukina, Petrakova, Phillips, 2013].

[26] См., например, владельческую надпись на эрмитажном кратере: «Walicki» [Петракова, 2013, ил. 8; Букина, Петракова, 2019].

[27] О таких наклейках на конференции, посвященной вазам из Канино в 2015 году, Лейдене рассказывал в своем докладе Йос ван Хил.

[28] О процентном соотношении ваз из разных центров производства в раскопках на юге Италии в XVIII веке и в Лацио в первой половине XIX века см., например, Nørskov, 2002, p. 73–74, 113; De Angelis, 1990, p. 29–53. Об отношении к италийским и аттическим вазам в XVIII и XIX веках см.: Jenkins, 1992, p. 269–277.

delle figure' [Редчайшая ваза по своей величине и сюжету, которым она украшена, да и по количеству фигур] [Gargiulo, 1833(?), cat. I. 60 – отождествлено с ГЭ, инв. Б.110, St.46]. Амфорами и гидриями он восторгается еще больше, например: *'Vaso molto interessante pel soggetto, per l'inscrizione, per la grandezza e per essere intiero' [Ваза очень интересная сюжетом, надписью и величиной и тем, что не битая]* [Gargiulo, 1833(?), cat. 431 – отождествлено с ГЭ, инв. Б. 173, St.165; Горбунова, 1983, с. 112–114, кат. 82] или: *'Questo e un vaso assai interessante pe'soggetti, pel bello stile e pel numero delle figure' [Эта ваза очень интересна сюжетами, прекрасным стилем и количеством фигур]* [Gargiulo, 1833(?), cat. 423; отождествлено с ГЭ, инв. Б.162, St.85]. Большинство этих ваз – чернофигурные, но встречаются также и краснофигурные, которые Гарджуло восхваляет за интересный сюжет и прекрасный стиль рисунка, например: *'Urna a tre manichi ... Vaso interessante pel soggetto e pel bello stile' [Урна с тремя ручками [т.е. гидрия – А.П.]... Ваза интересная сюжетом и прекрасным стилем]* [Gargiulo, 1833(?), cat. I. 225; отождествлено с ГЭ, инв. Б. 200 (St.1588); см. также: Передольская, 1967, с. 42–43, кат. 38] или: *'Questo bellisimo vaso interessante per la forma, pel disegnio, per la compositione, argilla e vernice' [Эта прекраснейшая ваза интересна формой, рисунком, композицией, глиной и краской/лаком]* [Gargiulo, 1833(?), cat. I.53; отождествлено с ГЭ, инв. Б.1588 (St.1714); см. также: Передольская, 1967, с. 159–161, кат. 182]. В противовес аттическим вазам Гарджуло сурово критикует две краснофигурные этрусские амфоры (инв. Б.313 и Б.314); он пишет, что хотя они и найдены в Канино, они были, несомненно, сделаны в каком-то второстепенном центре производства и, очевидно, в эпоху упадка: *'I. 47 Quasi anfora ... Abbenche questo vaso sia stato trovato in Canino, pure appartiene ad altra fabbrica posteriore…48. Quasi simile (al 47) variando solo ne' manichi ... Anche questo vaso e stato rinvenuto in Canino, ma ad altra fabbrica esso appartiene, e propriamente alla fabbrica di Abella nel tempo della decadenza'* [Gargiulo, 1833(?), cat. I. 47-48].

Некоторые из этих 98 ваз Пиццати, происходящих из раскопок в Канино, были опубликованы уже в 1830–40-х годах с воспроизведением средствами печатной графики их формы и рисунка. Например, эрмитажная гидрия-кальпида с изображением Гермеса, Диониса и старцев в восточных костюмах (Б 201, St. 1538) [Передольская, 1967, с. 87–88, кат. 87], которую и Герхард [Gerhard, 1840, S. 178, Taf. L-LI.1-2: 'Gezeichnet im Jahr 1832 bei dem Kunsthändler Rosi in Rom'; см. также: Constantini, 1998], и Гарджуло [Gargiulo, 1833(?), cat. I.55: 'Anche questo vaso e uno dei belli che si coniscano in questo genere pel soggetto, disegnio'] восхваляют за редкий сюжет. Другие вазы, опубликованные без иллюстраций, мы можем узнать по подробным описаниям. Все вазы из коллекции Пиццати были опубликованы в первом эрмитажном вазовом каталоге под названием 'Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage' в 1869 году [Stephani, 1869]. Автор этого каталога Лудольф Стефани [о нем и его каталоге подробно см.: Петракова, 2019] в предисловии объясняет, что во время перестановок античных ваз в залах Нового Эрмитажа, которые последовали в связи с приобретением в 1861 году коллекции Кампана, вазы из коллекций Пиццати и Кампана частично

перепутались; таким образом, в некоторых случаях в каталоге 1869 года оказался зафиксирован неправильный провенанс ваз [этому вопросу посвящена специальная публикация: Bukina, Petrakova, Phillips, 2013]. Поскольку каталог Стефани до сих пор остается основополагающим, эти ошибки были повторены и в последующих музейных каталогах. Недавние исследования позволили нам частично исправить эти ошибки, в частности касающиеся того, что некоторые вазы, поступившие в музей из собрания Пиццати, были записаны как поступившие из коллекции Кампана. Двадцать одна из этих ваз была найдена в Канино не позднее 1832 года, поскольку коллекция Пиццати была в Петербурге уже в 1833 году. Например, две чернофигурные амфоры (ГЭ, инв. Б.1499, St.9) [Gargiulo, 1833(?), cat. I. 221 (Canino); Gerhard, 1840, S. 59, Taf. XV: «vormals bei dem Kunsthändler Depoletti zu Rom»; Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, pl. 11] и (ГЭ, Инв. Б.1495, St.131) [Gargiulo, 1833(?), cat. I. 421 (Canino); Gerhard, 1847, S. 90, 176, Taf. CXCIII: «in romischen Kunsthandel gezeichnet»; Bukina, Petrakova, Phillips, 2013, p. 141, 175] распознаются в описаниях в каталоге Гарджуло и,более того, были опубликованы с иллюстрациями Герхардом уже в 1840-х годах. В Эрмитаже также имеется кратер (инв. Б.2522), не включенный в каталоги Гарджуло и Стефани[29], описанный Герхардом как происходящий из Вульчи, впоследствии – во владении Пиццати, а на момент выхода публикации Герхарда (в 1840 г.) – как находящийся в Петербурге [Gerhard, 1840, Taf. LXV.2; «Auch diese gefallige Zeichnung eines vermuthlich nach Russland gegangenen Gefässes haben wir schon früher ereahnt, ohne sie weiterer Erklärung bedürftig zu finden», Gerhard, 1840, S. 184. «St. Petersburg... Durch Herrn Pizzati neuerdings mit vasen bereichert», Gerhard, 1840, S. 225].

Таким образом, к настоящему моменту мы можем утверждать следующее: вазы из ранних раскопок в Канино попадали в Эрмитаж через руки разных дилеров и собирателей, иногда меняя по нескольку владельцев на пути. Мы пока не знаем точного числа ваз из ранних раскопок в Канино, попавших в Эрмитаж, но мы определенно можем утверждать, что их более ста[30]. Эти вазы были найдены во время раскопок в Канино, имевших место между 1828 и 1832 годами. У некоторых из них мы можем документально подтвердить происхождение из раскопок Люсьена Бонапарта и его супруги, причем из наиболее раннего периода раскопок четы Бонапарт – в 1828-29 годах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексинский Д.П. и др. Олимпия: победа над временем. Произведения античного и западноевропейского искусства из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2013.

Андросов С.О. От Петра I к Екатерине II: люди, статуи, картины. СПб., 2013.

[29] Стефани знал публикации Герхарда, он указал, что килик St. 9 – это: Gerhard, 1840, Taf. XV, a St. 1538 – это: Gerhard, 1840, Taf. L-LI.1-2. Однако по поводу: Gerhard, 1840, LXV.2 он ничего не указал и в каталоге 1869 года нет описания, которое подошло бы к этому кратеру; кратер поступил в музей позже.

[30] Некоторые из этих ваз оказались впоследствии в числе тех, что были переданы в другие музеи, например – в ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве. Но основная масса ваз из ранних раскопок в Канино до сих пор хранится в Эрмитаже.

Букина А.Г, Петракова А.Е. Коллекция античных ваз императрицы Марии Федоровны // Атрибуция, история и судьба предметов из императорских коллекций: сб. материалов науч. конф. ГМЗ «Павловск» (Кучумов: к 100-летию со дня рождения). СПб, Павловск, 2012. С. 100–130.

Букина А.Г. Выставки античных расписных ваз Императорского Эрмитажа // СГЭ [вып.] 72 (2014). С. 213–230.

Букина А.Г. Рафаэле Гарджуло. Каталог коллекции древностей кавалера Пиццати // ТГЭ LXVIII, Эрмитажные чтения памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга 2008-2010, СПб, 2015. С. 180–202.

Букина А.Г., Петракова А.Е. Древности генерала Н.Ф. Хитрово и графини А.Г. Лаваль // ТГЭ по материалам Эрмитажных чтений памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга, СПб, 2019, в печати.

Галанина Л.К. Панафинейская амфора – награда атлету в Афинах. Л., 1962.

Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. Л., 1983.

Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Каталог. Л., 1967.

Петракова А., Букина А. Античная коллекция Павловска и предметы из раскопок на Юге России в собрании императрицы Марии Федоровны // Наследие античного мира. Коллекции из собрания Михаила и Елены Карисаловых и Государственного музея-заповедника «Павловск». СПб, ГМЗ «Павловск». 2016. С. 121–133.

Петракова А.Е. Античные вазы из итальянских коллекций XVIII века в России // СГЭ [вып] 72 (2014). С. 108–134.

Петракова А.Е. Античные керамические вазы из коллекции Лаваль в Эрмитаже: к вопросу о приобретении и изучении // СГЭ [вып.] 71 (2013). С. 57–73.

Петракова А.Е. Лудольф Стефани (1816–1887) и формирование традиций исследования, экспонирования, каталогизации, публикации и ведения учетной документации античных ваз в Эрмитаже // ТГЭ по материалам Эрмитажных чтений памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга, СПб, 2019 (в печати).

Петракова А.Е. Степан Александрович Гедеонов и вазы из коллекции Кампаны в собрании Эрмитажа. К вопросу об истории приобретения // СГЭ [вып.] 70 (2012). С. 181–193.

Петракова А.Е., Калинина К.Б. Две вазы из коллекции А.А. Абазы: новые данные о происхождении и реставрации // СГЭ [вып.] 74 (2016). С. 68–85.

Петракова А.Е., Филлипс К. История приобретения Эрмитажем коллекции Кампана // ТГЭ по материалам Эрмитажных чтений памяти В.Ф. Левинсона-Лессинга, СПб, 2019 (в печати).

Пиотровский А.И. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана // Известия РАИМК. Т. 3 (1924). С. 81–105.

REFERENCES

Aleksinskiy D.P. et.al. Olympia: pobeda nad vremenem. Proizvedeniya antichnogo i zapadnoevropeyskogo iskusstva iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vistavki. St. Petersburg, 2013.

Androsov S.O. Ot Petra I k Ekaterine II: Lyudi, statui, kartini. St. Petersburg, 2013.

Bernard M.-A. Francesco Depoletti (1779-1854) artiste et restaurateur de vases antiques à Rome vers 1825-1854 // Techne 27-28 (2008), La restauration des oeuvres d'art. Éléments d'une histoire oubliée, XVIIIe – XIXe siècles. P. 79–84.

[Bonaparte L. 1829a]. Muséum étrusque de Lucien Bonaparte, prince de Canino, fouilles de 1828 à 1829. Viterbe, 1829.

[Bonaparte L. 1829b]. Catalogo di scelte antichita etrusche, trovate negli scavi del Principe de Canino 1828-29, Viterbo, 1829.

[Bonaparte L.] Mémoires de Lucien Bonaparte, prince de Canino, écrits par lui-même. Paris, 1836.

[Bonnafons Delavialle]. Notice d'une Collection de Vases Peints tirées des Fouilles faites en Etrurie par feu le Prince de Canino, Paris, 1845.

von Bothmer D. Greek Vase-Painting: Two Hundred Years of Connoisseurship // Papers on the Amasis Painter and his World. Malibu, 1987. P.184–204.

von Bothmer D.et.al. The Wealth of Ancient World. The Vases of Nelson Bunker Hunt and William Herbert Hunt Collections. Forth Worth, 1983.

Braun E.M. Bassorilievo ceretano con citta etrusche // Annali dell'Instituto di Corrispondenza Archeologica, volume unico. Roma, 1842.

Bukina A. Restorations on the Canino vases of the Hermitage museum // // The Canino Connections: The history and restoration of ancient Greek vases from the excavations of Lucien Bonaparte, Prince of Canino (1775–1840), ed. by R. Halbertsma, Leiden, 2017 (PALMA 16). P. 117–124.

Bukina A., Petrakova A. Pavlovsk Imperial villa and its collections: from the first stage of antiquities collecting and archaeology in Russia // Greek Art. Studies in honour of Sir John Boardman on the Occasion of His 90th Birthday. 2019. P. 439–450.

Bukina A., Petrakova A., Phillips C. Greek Vases in the Imperial Hermitage Museum: The History of the Collection 1816–69, with Addenda et corrigenda to Ludolf Stephani, Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage (1869). Oxford, 2013.

Bukina A.G. Raffaele Gargiulo. Kalalog kolleksii drevnostey kavalera Pizzati // TGE vol. LXVIII, Ermitazhnie chteniya pamyati V.F. Levinsona-Lessinga 2008-2010, St. Petersburg, 2015. P. 180–202.

Bukina A.G. Vistavki antichnikh raspisnikh vaz Imperatorskogo Ermitazha // SGE [vol.] 72 (2014). P. 213–230.

Bukina A.G., Petrakova A.E. Drevnosti generala N.F. Khitrovo i grafini A.G. Laval // TGE po materialam Ermitazhnikh chteniy pamyati V.F. Levinsona-Lessinga. St. Petersburg, 2019 (forthcoming).

Bukina A.G., Petrakova A.E. Kollektsiya antichnikh vaz imperatritsi Marii Fedorovni // Atributsiya, istoriya i sud'ba predmetov iz imperatorskikh kollektsiy: sb.materialov nauch.konf.GMZ "Pavlovsk" (Kuchumov: k 100-letiya so dnya rozhdeniya). St. Petersburg, Pavlovsk, 2012. P. 100–130.

Buranelli F. Gli scavi a Vulci (1828–1854) di Luciano ed Alexandrine Bonaparte Principi di Canino // Luciano Bonaparte: Le sue collezioni d'arte, le sue residenze a Roma, nel Lazio, in Italia (1804–1840). Roma, 1995. P. 81–218.

Buranelli F. Gli scavi a Vulci della societa Vincenzo Campanari-Governo Pontifico, 1835–37. Studia archaeologica 58 (1991).

Constantini A. Roma nell'eta della Restaurazione: un aspetto della ricerca archeologica. La Collezione di vase attici di Luciano e Alexandrine Bonaparte, reprodotta dei disegni del 'Gerhard'scher Apparat' // Atti della Accademia Nazionale dei Lincei, Classe di Scienze Morali, Storiche e Filosofiche, Memorie, Serie IX, Vol. X, Roma, 1998. P. 203–438.

Cook R.M. Greek Painted Pottery (3rd edition). London-New York, 1997.

Coulié A., Petrakova A. La restauration des vases Campana // Un rêve d'Italie. La collection du marquis Campana. Paris, 2018. P. 316–321.

Corbett P.E. The Burgon and Blacas Tombs // JHS 80 (1960). P. 52–60.

De Angelis A. Ceramica attica della collezione Bonaparte da Vulci // Archeologia Classica 42 (1990). P. 29–53.

Dennis G. The Cities and Cemeteries of Etruria. Murray, 1848.

Galanina L.K. Panafineyskaya amphora – nagrada atletu v Afinakh. Leningrad, 1962.

Gargiulo R. Catalogo della cospicua collezione de'Vasi antichi Italo-greci, de' vetri, delle terre cotte e de' bronzi di proprieta del Sig. Cav. Pizzati, 1833(?). (handwritten catalogue in the Archive of the State Hermitage Museum).

Gargiulo R. Cenni sulla maniera di rinvenire i vasi fittili Italo-Greci sulla loro costruzione, sulle loro fabbriche piu distinte e sulla progressione e decadimento dell'arte vasaria. Naples, 1831.

Gerhard E. Auserlesene Griechische Vasenbilder, hauptsächlich Etruskischer Fundorts. 1. Theil. Berlin, 1840.

Gerhard E. Auserlesene Griechische Vasenbilder, hauptsächlich Etruskischer Fundorts. 3. Theil. Berlin, 1847.

Gerhard E. Auserlesene Griechische Vasenbilder, hauptsächlich Etruskischer Fundorts. 4. Theil. Berlin, 1858.

Gerhard E. Rapporto intorno i vasi Volcenti // Annali dell'Instituto di corrispondenza archeologica 3 (1831). P. 5–218.

Gerhard E. Vasi Panatenaici // Annales de l'Institut de Correspondance Archéologique. T. 2. Parigi, 1830.

Giroux H. Les acquisitions du Louvre aux ventes Canino // Essays in Honour of Dietrich von Bothmer. Amsterdam, 2002. P. 127–135.

Gorbunova K.S. Chernofigurnie atticheskiye vazi v Ermitazhe. Katalog. Leningrad, 1983.

Halbertsma R. Scholars, Travellers, and Trade: the Pioneer Years of the National Museum of Antiquities in Leiden, 1818-1840. London and New York, 2003.

Iung Th. Lucien Bonaparte et ses mémoires, 1775–1840 : d'après les papiers déposés aux Archives étrangères et d'autres documents inédits. 3 vols. Paris, 1882–1883.

Jenkins I. La vente des vases Durand (Paris, 1836) et leur réception en Grande-Bretagne // L'Anticomanie. La collection d'antiquités aux 18e et 19e siècles. Paris, 1992. P. 269–277.

Jenkins I., Sloan K. Vases and Volcanoes: Sir William Hamilton and his Collections. London, 1996.

Messerschmidt F. Die Nekropolen von Vulci. Berlin, 1930.

Michaelis A. Geschichte des Deutschen Archäologischen Instituts 1829–1879. Berlin, 1879.

Milanese A. In partenza dal regno, esportazioni e commercio d'arte e d'antichita a Napoli nella prima meta dell'Ottocento, Florence, 2014.

Moroni G. Dizionario di erudizione storico-ecclesiastica da san Pietro sino ai nostri giorni. Venezia, 1844.

Neils, J. ΚΑΡΙΘΑΙΟS ΕΠΟΕSΕΝ // Essays in Honor of Dietrich von Bothmer. Amsterdam, 2002. P. 237–243.

Nørskov V. Greek Vases in New Contexts. The Collecting and Trading of Greek Vases – An Aspecto of the Modern Reception of Antiquity. Aarhus University Press, 2002.

Nørskov V. The Affairs of Lucien Bonaparte and the Impact on the Study of Greek Vases // The World of Greek Vases. Roma, 2009. P. 63–76.

Peredolskaya A.A. Krasnofigurniye atticheskiye vazi v Ermitazhe. Katalog. Leningrad, 1967.

Petrakova A. Canino vases in the State Hermitage Museum: the history of purchasing // The Canino Connections: The history and restoration of ancient Greek vases from the excavations of Lucien Bonaparte, Prince of Canino (1775–1840), ed. by R. Halbertsma, Leiden, 2017 (PALMA 16). P. 43–52.

Petrakova A., Bukina A. Antichnaya kollektsiya Pavlovska i predmeti iz raskopok na juge Rossii v sobranii imperatritsi Marii Fedorovni // Nasledie antichnogo mira. Kollektsii iz sobraniya Mikhaila i Eleni Karisalovikh i Gosudarstvennogo muzeya-zapovednika "Pavlovsk". St. Petersburg, GMZ "Pavlovsk", 2016. P. 121–133.

Petrakova A.E. Antichnie keramicheskie vazi iz italianskikh kollektsiy XVIII veka v Rossii // SGE [vol.] 72 (2014). P. 108–134.

Petrakova A.E. Antichnie keramicheskie vazi iz kollektsii Laval v Ermitazhe: k voprosu o priobretenii i izuchenii // SGE [vol.] 71 (2013). P. 57–73.

Petrakova A.E. Ludolf Stephani (1816–1887) i formirovanie traditsiy issledovaniya, eksponirovaniya, katalogisatsii, publikatsii i vedeniya uchetnoy dokumentatsii antichnikh vaz v Ermitazhe // TGE po materialam Ermitazhnikh chteniy pamyati V.F. Levinsona-Lessinga, St. Petersburg, 2019 (forthcoming).

Petrakova A.E. Stepan Alexandrovich Gedeonov i vazi is kolleksii Campana v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha. K voprosu ob istorii priobreteniya // SGE [vol.] 70 (2012). P. 181–193.

Petrakova A.E., Kalinina K.B. Dve vazi iz kollektzii A.A. Abazi: novie dannie o proiskhozhdenii i restavratsii // SGE [vol.] 74 (2016). P. 68–85.

Petrakova A.E., Phillips K. Istoriya priobreteniya Ermitazhem kollektsiy Campana // TGE po materialam Ermitazhnikh chteniy pamyati V.F. Levinsona-Lessinga, St. Petersburg, 2019 (forthcoming).

Piotrovskiy A.I. Panafineyskaya amphora Elizavetinskogo kurgana // Izvestiya RAIMK. T. 3 (1924). P. 81–105.

Plautine N. Note sur le nom du peintre céramiste Onésimos // RA II (1937). P. 27–38.

Ramage N.H. Sir William Hamilton as collector, exporter, and dealer: the acquisition and dispersal of his collections // American Journal of Archaeology 94 (1990). P. 469–480.

Sparkes B. The Red and the Black: Studies in Greek Pottery. London–New York, 2005.

Stephani L. Die Vasen-Sammlung der Kaiserlichen Ermitage, St. Petersburg, 1869.

Резюме

Статья посвящена вазам, происходящим из раскопок, имевших место в конце 1820-х – начале 1830-х годов близ Рима (Канино, Вульчи и др.), в том числе – на землях, принадлежавших Люсьену Бонапарту, младшему брату Наполеона Бонапарта. Несколько очень плодотворных сезонов раскопок сделали Люсьена владельцем тысяч античных глиняных ваз, которые он и его жена Александрина начали продавать. Некоторые из этих ваз были опубликованы уже в 1828 году, так что у нас есть два каталога с описаниями и рисунками; также несколько публикаций было сделано в археологических журналах того времени. С помощью этих публикаций, а также некоторых архивных документов, опубликованных в XX веке, в настоящий момент мы в состоянии идентифицировать некоторые вазы из ранних раскопок Бонапарта с вазами из собрания Государственного Эрмитажа. Некоторые из них проделали долгий путь по дороге в музей, сменив на этом пути нескольких владельцев. Другие же попали в музей еще в XIX веке, из коллекции Джузеппе Антонио Пиццати. Хотя прямо сейчас мы не можем задекларировать точное число ваз из Канино в Эрмитаже, мы можем утверждать, что в Эрмитаже хранится более ста ваз, раскопанных между 1828 и 1832 годами в Канино Бонапартом и некоторыми другими археологами-любителями той эпохи.

Ключевые слова: вазы из раскопок в Канино, раскопки Люсьена Бонапарта в 1828–1832 годах, идентификация ваз из ранних раскопок в Канино с вазами из собрания Государственного Эрмитажа, ранние публикации Герхарда, рукописный каталог коллекции Пиццати, греческие вазы из ранних раскопок в окрестностях Рима, Джордж Деннис и вазы из этрусских гробниц.

Summary

The article deals with the vases, excavated in the late 1820s – early 1830s in near Rome (Canino, Vulci, etc.), including the lands belonged to Lucien Bonaparte, the younger brother of Napoleon Bonaparte. Some very fruitful seasons of excavations made Lucien the owner of several thousands of ancient clay vases, which he and his wife Alexandrine started to sell. Some of the vases were published as early as in 1828, so we have two catalogues with the descriptions and drawings; some publications were made in archaeological journals of the time. With the aid of these publications as well as some archive documents, published already in the 20th century, we are able now to identify some of the Bonaparte vases from his early excavations in the collection of the State Hermitage Museum. Some of them have made a long way to the museum and changed several owners on this way. Others came to the museum already in the 19th century, via the collection of Giuseppe Antonio Pizzati. Even though right now we are not able to declare the precise number of the Canino vases in the Hermitage, we may state there are definitely more than 100 vases, excavated between 1828 and 1832 in Canino by Bonaparte and some other 'diggers' of the time, in the Hermitage.

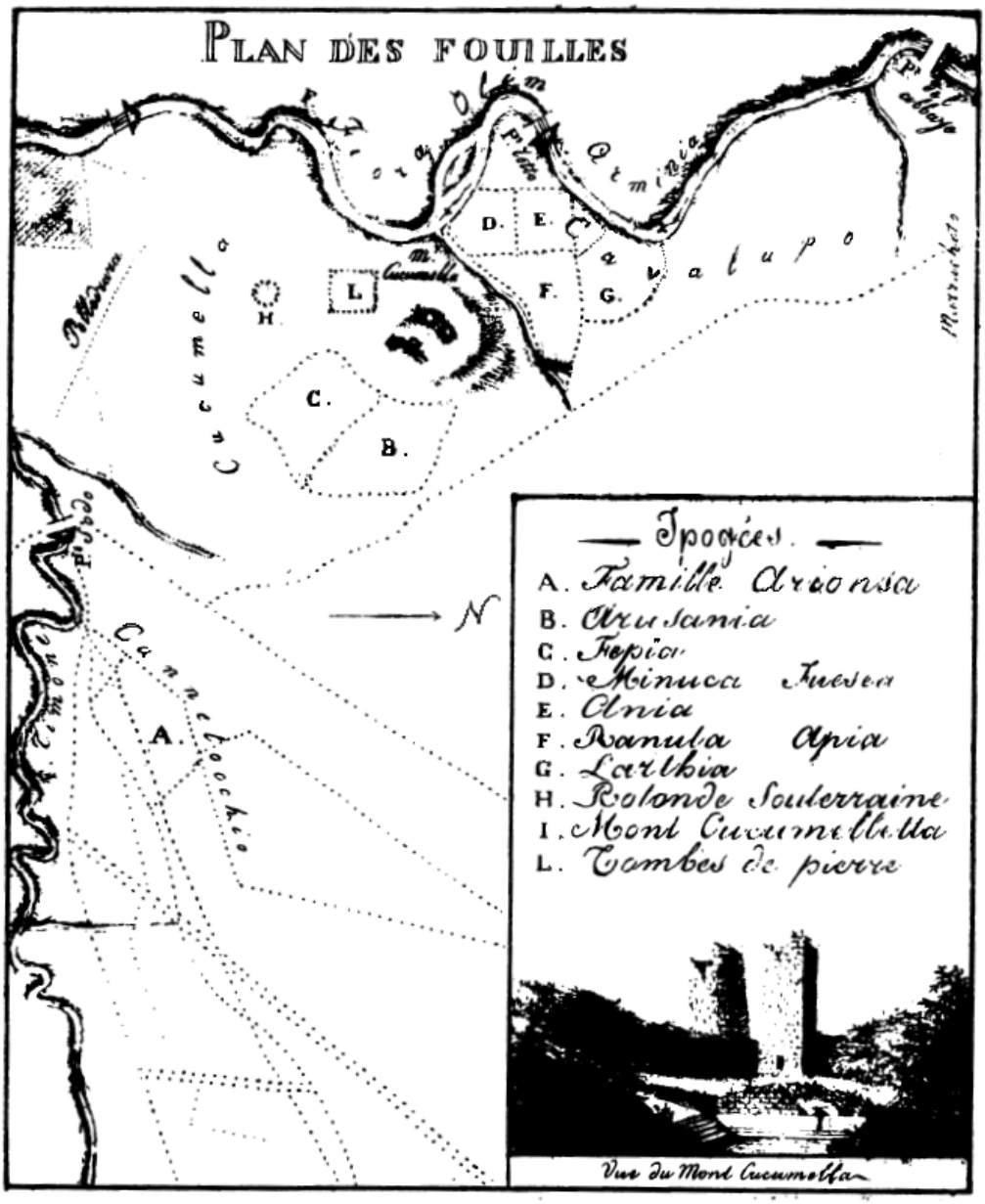
Key words: vases from the Canino excavations, excavations of Lucien Bonaparte in 1828–1832, identification of the vases from the early excavations in Canino in the collection of the State Hermitage Museum, early publications by Gerhard, handwritten catalogue of the Pizzati collection, Greek vases from early excavations in near Rome, George Dennis and vases from Etruscan tombs.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
Петракова Анна Евгеньевна,
доктор искусствоведения, доцент,
Государственный Эрмитаж, Отдел античного мира,
старший научный сотрудник
+7 (921) 307 68 74
petrakova.anna@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Petrakova Anna, Dr.Hab., associated professor
The State Hermitage Museum,
The Department of Ancient Greece and Rome, senior scientist,
+7 (921) 307 68 74
petrakova.anna@gmail.com

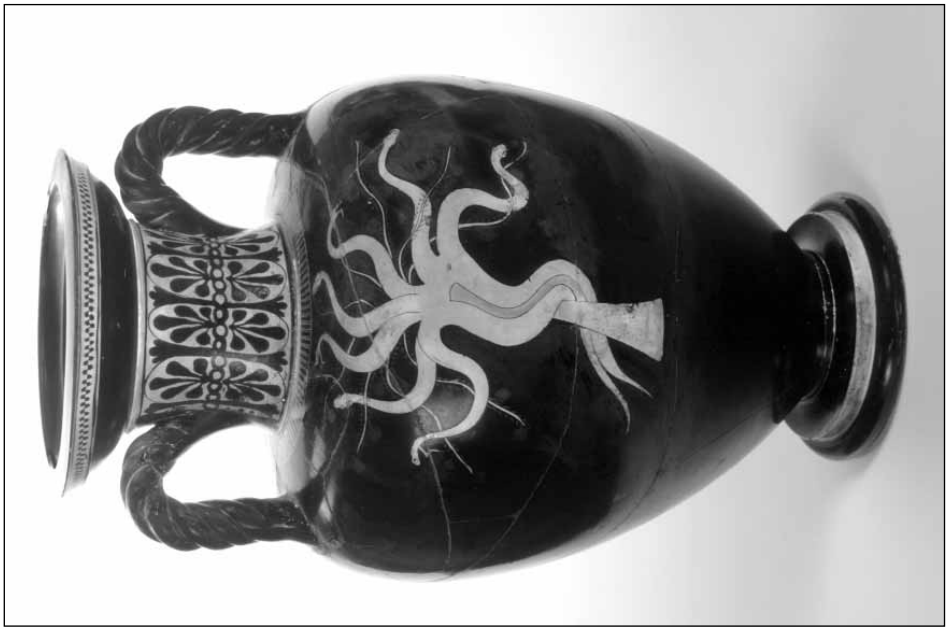
Ил. 1. Портрет Люсьена Бонапарта. Воспроизводится по изданию: Memoirs of the private and political life of Lucien Bonaparte, Prince of Canino, translated from French, in two volumes. London, 1818.

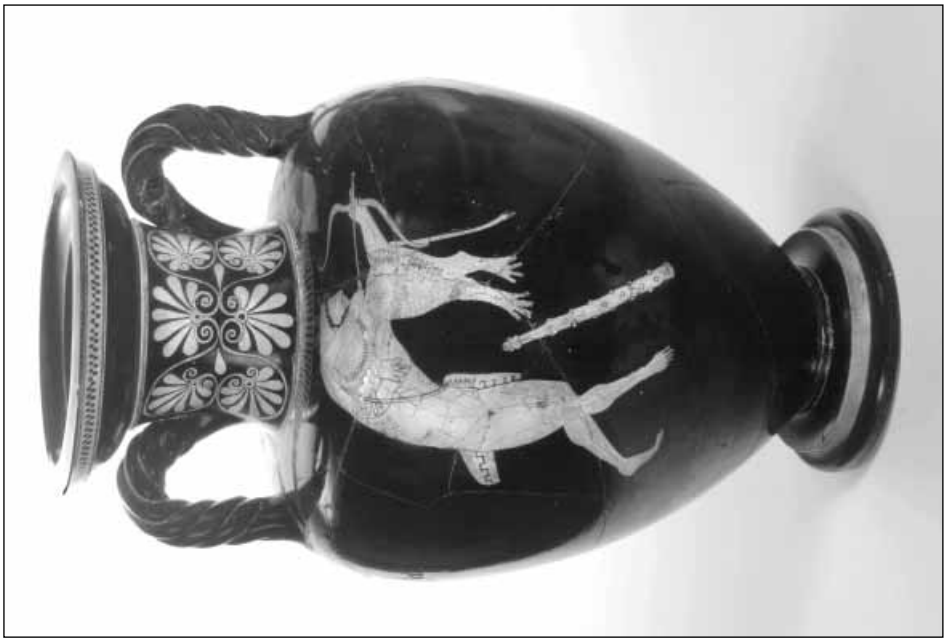

Ил. 2. Карта раскопок Люсьена и Александрины Бонапарт в 1828–29 гг.
Воспроизводится по изданию: Bonaparte, 1829a.

Ил. 3. Краснофигурный аттический килик (ГЭ, инв. Б.2009). Происходит из раскопок Люсьена Бонапарта в Канино в 1828–29 гг. © Государственный Эрмитаж.

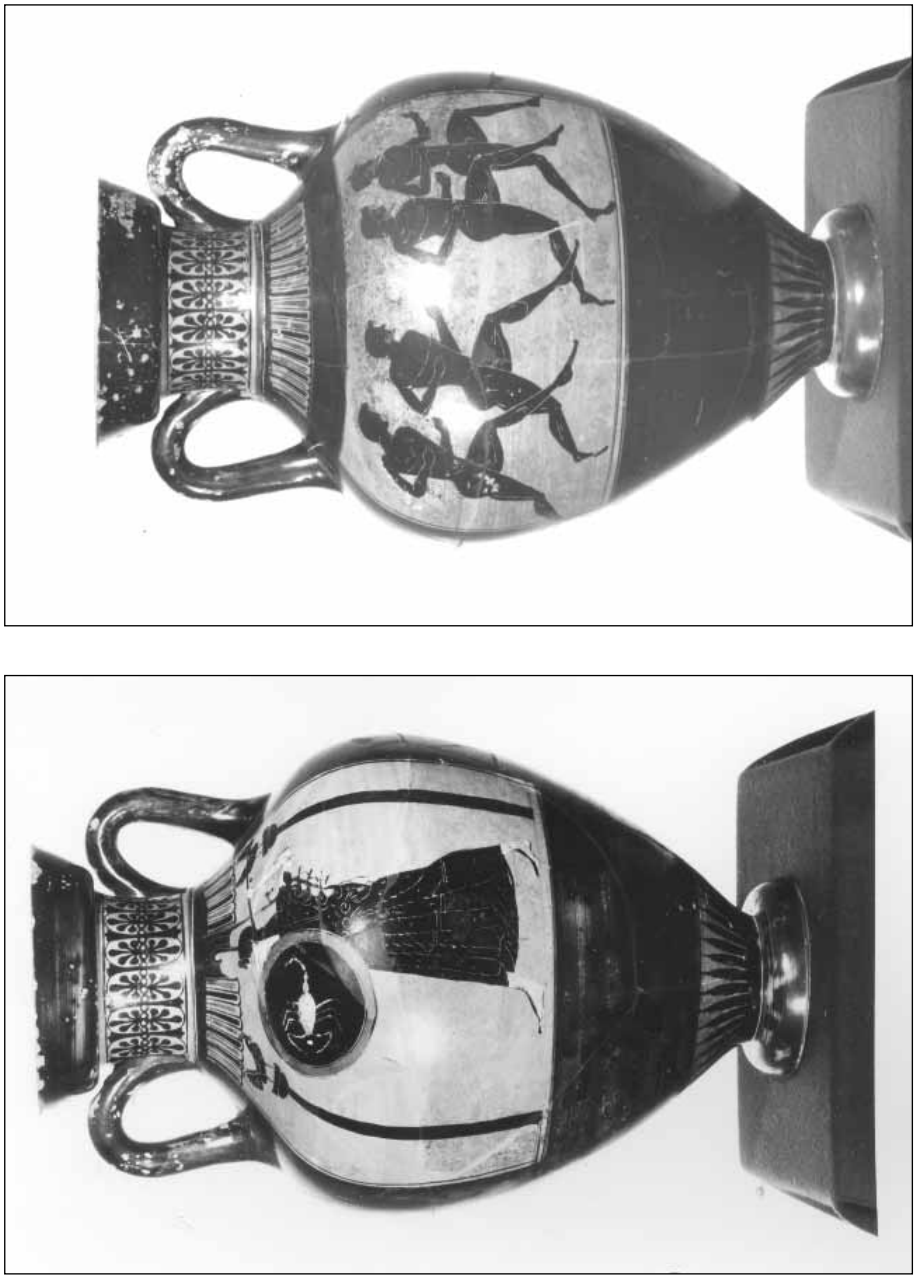

Ил. 4. Краснофигурная аттическая амфора (ГЭ, инв. Б.2351).
Происходит из раскопок Люсьена Бонапарта в Канино в 1828–29 гг. © Государственный Эрмитаж.

Ил. 5. Краснофигурный аттический килик. (ГЭ, инв. Б.3385).
Происходит из раскопок Люсьена Бонапарта в Канино в 1828–29 гг. © Государственный Эрмитаж.

Ил. 6. Чернофигурная аттическая амфора. (ГЭ, инв. Б.4262).
Происходит из раскопок Люсьена Бонапарта в Канино до 1832 года. Современная фотография. © Государственный Эрмитаж.

Ил. 7. Фотография амфоры, инв. Б.4262, датированная 1919 годом; на вазе присутствует металлическая оправа, изъятая в процессе реставрации 1980 года (нынешнее местонахождение оправы выявить не удалось). Слева от колонны, перед которой стоит Афина, видна вертикальная надпись «ΤΟΝ ΑΘΕΝΕΘΕΝ ΑΘΛΟΝ», оказавшаяся фальшивой и смытая с вазы в процессе реставрации 1980 года. © Государственный Эрмитаж.

Ил. 8. Чернофигурная аттическая амфора. (ГЭ, инв. Б.1496). Происходит из раскопок Люсьена Бонапарта в Канино до 1832 года. В 1830-х годах на вазе имелось имя Люсьена Бонапарта (ныне отсутствует – смыто или отклеилась наклейка) © Государственный Эрмитаж. 1832 год.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВУ	–	Археологічні відкриття в Україні. Киев.
АДСВ	–	Античная древность и средние века.
АЕ	–	Археографический ежегодник.
БИ	–	Боспорские исследования. Симферополь-Керчь.
БЧ	–	Боспорские чтения. Материалы международной научной конференции. Керчь.
ВВ	–	Византийский временник.
ВГУ	–	Воронежский государственный университет. Воронеж.
ГИМ	–	Государственный исторический музей.
ДБ	–	Древности Боспора.
ЗДУ	–	Запорізький державний університет. Запоріжжя.
ЗООИД	–	Записки Одесского Общества истории и древностей.
ИА РАН	–	Институт археологии Российской Академии наук. М.
ИАК	–	Императорская археологическая комиссия. СПб.
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии РАН. М.
МАИЭТ	–	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики.
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НА ГМЗХТ	–	Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический».
НА ИАК РАН	–	Научный архив Института археологии Крыма РАН. Симферополь.
НАНУ	–	Национальная Академия наук Украины. Киев.
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии и культуры.
РА	–	Российская археология.
ТГЭ	–	Труды Государственного Эрмитажа.
ХСб.	–	Херсонесский сборник.
AMV	–	Acta Musei Varnensis.
BZ	–	Byzantinische Zeitschrift.
CFHB	–	Corpus Fontium Historiae Byzantinae.
PG	–	Patrologia Graeca (J. Migne).
REB	–	Revuedes Études Byzantines.
SBS	–	Studies in Byzantine Sigillography.
TIB	–	Tabula Imperii Byzantini.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Ю.А. Виноградов
Традиции и инновации в аристократической культуре Боспора доримской эпохи 3

А.В. Иванов
Меоты Восточного Приазовья во второй половине V – III вв. до н.э. 17

Я.М. Паромов
Обряд парных погребений на Таманском полуострове и отражение его идеала в могилах Артюховского кургана 39

С.Г. Колтухов, С.Н. Сенаторов
Скифский курган Беш-Оба IV у границ Европейского Боспора 93

А.М.Корженков, А.С. Ларьков, А.Н. Овсюченко, В.Н. Зинько
Следы сильных землетрясений на древнем городище Тиритака в Восточном Крыму 137

Н.И. Суворова
К вопросу об элитарных погребениях античного времени на нижнем Дону 160

В.Г. Зубарев., С.В. Ярцев, С.Л. Смекалов
«Варварский» компонент в материальной культуре сельских поселений Европейского Боспора во II – V вв. н.э. (на примере городища Белинское) 179

М.М. Казанский
О шлемах Боспора Киммерийского ранневизантийского времени: традиция или инновация 205

Н.А. Алексеенко
Межцерковные связи византийской Таврики: традиции и инновации (находки монастырских моливдовулов в Херсоне и его округе) 225

ПУБЛИКАЦИИ

М.И. Тюрин
Рельефные чаши из закрытого комплекса на укреплении Масляная гора 242

А.Н. Свиридов, С.В. Язиков, Е.В. Суханов
Новые средневековые погребения с Таманского полуострова 256

ИСТОРИЯ НАУКИ

А.Е. Петракова
Вазы из ранних раскопок Люсьена Бонапарта в Канино
в собрании Государственного Эрмитажа 299

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 330

CONTENTS

ARTICLES

Vinogradov Iu.A.
Traditions and innovations in the aristocratic
culture of the Bosporus of the pre-Roman epoch 3

Ivanov A.V.
The Meotians of the Eastern Azov Sea area in
the second half of the V–III centuries BC 17

Paromov Ya.M.
The ritual of twin burial on the Taman Peninsula and
reflection of its ideal in the graves of Artyukhovsky kurgan 39

Koltukhov S.G., Senatorov S.N.
Scythian barrow Besh-Oba IV near the borders
of the European Bosporos 93

Korzhenkov A.M., Lar'kov A.S.,
Ovsyuchenko A.N., Zin'ko V.N.
Traces of strong earthquakes on ancient
city Tyritake in Eastern Crimea 137

Suvorova N.I.
To the question about the elite burials of
Ancient times on the lower Don 160

Zubarev V.G., Yartsev S.V., Smekalov S.L.
«Barbarous» component in the material culture of
rural settlements of the European Bospor in II – V centuries AD
(by the example of the city Belinskaya) 179

Kazansky M.M.
About helmets of the Cimmerian Bosporus of the
early Byzantine time: tradition or innovation 205

Alekseenko N.A.
The south-western Taurica interchurch connections:
traditions and innovations (The Finds of Monasterial Molybdoboulla
in Byzantine Cherson and Its Environs) 225

PUBLICATION

Tiurin M.I.
Mouldmade bowls from the assemblage
from Maslianaya Gora fort 242

Sviridov A.N., Yazikov S.V., Sukhanov E.V.
New medieval burials on the Taman peninsula 256

HYSTORY

Petrakova A.E.
Vases from the early excavations of Lucien Bonaparte
in Canino in the Collection of the State Hermitage Museum 299

LIST OF ABBREVIATIONS 330

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XXXVIII

Журнал основан в 2001 году, выходит 2 раза в год
Сайт журнала: http://bospor-issled.cfuv.ru

Учредитель: ФГАОУВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

Редакция: 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь,
проспект Академика Вернадского, д. 4, НИЦ истории и археологии Крыма

Главный редактор: А. И. Айбабин

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-61808 от 18.05.2015 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал индексируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Журнал входит в перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК МОиН РФ) по специальности 07.00.00 – исторические науки и археология

Перевод на английский *Н.М. Красина*
Корректор *Г.Н. Хлебникова*
Компьютерная верстка *Л.К. Мусихина*

Подписано в печать 22.03.2019 г.
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 27,3.
Тираж 300 экз. Заказ 295.
Распространяется БЕСПЛАТНО.

Издательство: ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.

Отпечатано в ООО «Керченская городская типография»
298300, Республика Крым, г. Керчь, ул. Кирова, 13, офис 1.